

ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ

Страничка редактора
Политика
Национальная безопасность
Международные отношения
Экономика
СНГ
«Круглый стол»
Публикации
Заметки на полях книги

ВА – №3(21)

VESTNIK ANALITIKI

Editor's Page
Politics
National security
Foreign Affairs
Economics
CIS
Round Table
Publications
Notes on a Book's Margins

ЖУРНАЛ АНАЛИТИЧЕСКИХ МАТЕРИАЛОВ

Выходит один раз в квартал

Главный редактор
Первый заместитель
главного редактора

Вагиф Гусейнов

Юрий Поройков

Редакционный совет

Аркадий Вольский

Михаил Делягин

Сергей Караганов

Андрей Кокошин

Николай Михайлов

Александр Назарчук

Алексей Пушкин

Александр Рар

Владимир Рыжков

Андрей Федоров

Александр Ципко

Учредитель

Институт стратегических оценок и анализа

Журнал издается при поддержке ЗАО «Северстальтранс»
и Бюро социально-экономической информации

© Институт стратегических оценок и анализа

Точка зрения авторов не всегда совпадает с позицией редакции

СОДЕРЖАНИЕ

Страничка редактора

В. Гусейнов 5

Политика

«500 слов». Зарубежные корреспонденты о ситуации в России 12

Актуальная тема. Молодежь и политика — политизация или деполитизация?

Николай Молчанов. Молодые гроздья гнева? 16

Павел Гуревич. Политизация или деполитизация? 21

Олег Рожнов. Молодежная политика и молодежное движение в России: 15 лет перемен 30

Игорь Ильинский. Молодежь как будущее России в категориях войны 34

Валерий Сидоров. Фантом «русской идеи» 46

Национальная безопасность

Драган Драмич (Сербия). Балканская сеть «Аль-Каиды» 61

Лев Никифоров. Послесловие к переводу 80

Международные отношения

Александр Рар (Германия). Европейский союз и восточное соседство 83

Светлана Агаронова (Республика Беларусь). Новые оборонные инициативы Европейского союза. Региональный контекст 90

Эберхард Шнайдер (Германия). Внешняя политика Украины при Викторе Ющенко 97

Алексей Денисов. О некоторых аспектах современного развития Китая 114

Экономика

Александр Некипелов. Дорога в будущее 128

Константин Фрумкин. Застой, порожденный страхом. О финансово-политической ситуации 2005 года 138

СНГ

Сергей Демиденко. Центральная Азия: грянут ли новые «цветные» перевороты? 143

«Круглый стол»

Существует ли альтернатива экономическому курсу команды Германа Грефа? 151

Публикации

Афранд Дашдамиров. Карабахский конфликт в контексте перестройки 190

Александр Ципко. Прощание с социализмом (окончание) 213

Заметки на полях книги

Юрий Поройков, Елена Устюжанина. «Летающего над землей не интересуют подробности на земле...» О книге Е. Гайдара «Долгое время» 238

Summary 248

Об авторах 257

CONTENTS

Editor's Page

Vagif Guseynov 5

Politics

«500 words». *Foreing correspondents speak about the situation in Russia* 12

Actual theme. *The youth and the policy*

Nikolay Molchanov. Youth grapes of wrath? 16

Pavel Gurevich. Politization or depolitization? 21

Oleg Rozhnov. The youth policy and youth movement in Russia: 15 years of changes 30

Igor Illynsky. The youth as Russia's future in terms of war 34

Valery Sidorov. The phantom of the 'Russian idea' 46

National Security

Draghan Dramich (*Serbia*) The Al-quaeda's Balkan network 61

Lev Nickiforov. Concluding Remarks Upon Translation 80

Foreign Affairs

Alexander Rahr (*Germany*) The European Union and the eastern neighborhood 83

Svetlana Agaronova (*The Republic of Belarus*) European union's new defensive initiatives: regional aspect 90

Eberhard Schneider (*Germany*). Ukraine's foreign policy under Victor Yushenko 97

Alexey Denissov. On some aspects of modern development of China 114

Economics

Alexander Neckipelov. Road to the future 128

Konstantin Frumkin. Stagnation born by the fear: on the financial and political situation in 2005 138

Commonwealth of the independent states

Sergey Demidenko. The Central Asia: are new 'color' coups to come? 143

Round table discussion

Is the alternative to the economic course of German Gref's team exist? 151

Publications

Afrand Dashdamirov. The Karabakh conflict in the context of pere-stroika 190

Alexander Tsipko. Farewell to Socialism (*conclusion*) 213

Notes on a Book's Margins

«He who flies above the earth has no interest in particularls on the earth ...»

The new book by Yegor Gaydar «The Long Time. Russia in the World. *Essays on Economic History*» is discussed by Yury Poroikov, Yelena Ustyuzhanina 238

Summary 248

Our Authors 257

Читатель получит этот номер в сентябре, после летних каникул, когда, в силу многолетней традиции, берутся тайм-ауты в политике. Но Европе и Ближнему Востоку, несомненно, было не до каникул. Продолжающаяся война в Ираке, смена властных структур в Иране, события в Ливане, франко-голландский ответ на единую Европу, нарастающий вал террористических актов, докатившийся уже до столицы Великобритании, стали весомыми поводами для летних раздумий о будущем.

Крупнейший за последние два десятилетия кризис Евросоюза, вздорные споры о том, кто виновен в нем, оттеснили на второй план принципиальные вопросы экономического и политического характера. Июньский саммит европейских лидеров оказался не в состоянии глубоко вникнуть в причины кризиса и ограничился поверхностным анализом общей ситуации и принятием паллиативных мер.

Надо надеяться, что традиционный спад политической и деловой активности в отпускные летние месяцы, отрешенность от массы повседневных забот и дел позволили государственным деятелям и политической элите Европы поразмышлять над нынешними процессами и оценить их перспективу. Итоги референдумов по европейской конституции и дебаты по ним, представленные в многочисленных комментариях последнего времени, позволяют говорить о том, что Европа как никогда нуждается в новом видении Европейского союза, что новые поколения европейцев считают устаревшими многие догмы и концепции, на которых создавался и рос Евросоюз. Так, одна из основополагающих концепций его создания – предотвращение войн между европейскими государствами – давно стала делом забытого прошлого.

Я не сторонник довольно распространенных апокалипсических прогнозов в отношении будущего Евросоюза и больше склонен разделять мнение тех, кто считает, что голосовавшие против европейской Конституции вовсе не хотят разрушения Евросоюза – они хотят жить в другой объединенной Европе. Многие из них увидели в идущих процессах наступление на свои права, считают опасными для себя угрозы, связанные с глобализацией, недопустимым игнорированием

вопросов социальной справедливости. По сути, встал вопрос о приемлемости или отторжении англосаксонской модели экономики.

История Европы богата ошибками и даже катастрофами, причинами которых нередко служило отсутствие политической прозрачности национальных политических элит. В первую очередь, это касается, конечно, элит крупных европейских стран. Нет-нет, да и возникает сомнение: а не преувеличивают ли они в очередной раз свои возможности?

Далеко не секрет, что небольшие государства Центральной и Восточной Европы экономически слабы и уязвимы. Тысячи восточноевропейцев в последние годы, особенно после расширения ЕС в мае 2004 года, наводнили богатые страны Западной Европы. Ряд серьезных аналитиков подчеркивают, что именно массовая миграция стала одной из главных причин, побудивших большинство участников референдумов во Франции и Нидерландах проголосовать против принятия Конституции ЕС.

Неоднозначно воспринята в ряде западных стран и так называемая «Директива о сфере услуг», которая фактически позволяет предпринимателям вести бизнес в любой стране Евросоюза по нормам и законам своей страны. Это, естественно, не устраивает многих «старых» членов ЕС.

Осень, возможно, даст ответ на эти и многие другие вопросы, связанные с будущим Европы, в том числе и о перспективах государств, стремящихся в Европейский союз, в частности Украины.

В конце июня директор Программы по изучению России и Евразии, член правления американского Центра стратегических и международных исследований Селеста А. Уолландер выступила с программой превращения Украины в демократическую страну с рыночной экономикой, интегрированную в мировое хозяйство, в политическом плане ориентированную на Европу: *«...Чтобы Соединенные Штаты могли сыграть свою роль лидера, руководство страны должно превратить отношения с Украиной в один из приоритетов своей политики: на карту поставлен авторитет США»*.

Реализация данной программы должна стать главной стратегической задачей внешней политики США на постсоветском пространстве: Украина – крупнейшая европейская страна, занимающая важное геополитическое положение на стыке Европы, Причерноморья и Кавказского региона.

Нынешняя украинская политическая правящая элита, со своей стороны, также определилась с вектором движения страны. *(О внешней политике нового руководства страны – статья Эберхарда Шнайдера.)* Поддержит ли этот курс народ Украины? Сумеет ли американская стратегия изменить здесь ситуацию к лучшему? Или нам в очередной раз продемонстрируют в действии образец поли-

тического примитивизма с его основным принципом: «проамериканское – значит, демократичное»?

Еще одна большая проблема, которую Евросоюз должен решать параллельно с проблемами внутреннего развития, – политика по отношению к граничащим странам. Интересы ЕС в Черноморско-Каспийском регионе все больше пересекаются с интересами и России, и Китая, и, конечно, США, чья политическая, экономическая и военная экспансия в этом богатом природными запасами и стратегически важном регионе нарастает быстрыми темпами. *(О политике ЕС в отношении его восточных соседей – статья **Александра Рара**.)*

Многие представители экспертных кругов России высказывают опасения, что европейская политика добрососедства не только не станет мостом, соединяющим Россию и Европу, но и будет способствовать созданию новых разграничительных линий на континенте. И надо признать, что такие опасения имеют под собой определенные основания. Вряд ли можно применить термин «доброе соседство» к той политике, которую проводит ЕС в отношении соседней Белоруссии, какие бы мотивы не лежали в ее основе. И уж тем более контрпродуктивными видятся призывы к усилению военной составляющей в восточной политике ЕС. *(О военных аспектах политики Евросоюза – материал **Светланы Агароновой**.)* Это очень деликатный вопрос. Решение политических проблем применением силы, какие бы благородные цели при этом не провозглашались, как правило, рано или поздно оборачивается негативной стороной.

Европа, «колыбель» двух «горячих» и одной «холодной» мировых войн, бесчисленных вооруженных конфликтов меньшего масштаба, казалось бы, должна всегда помнить об этом. К сожалению, исторический опыт, похоже, менее живуч, чем тенденция вновь и вновь «наступать на военные грабли».

Тревожную ноту в отношении будущего Европы, да и всего Евразийского континента, вносят очередные жестокие террористические акты, на этот раз совершенные в столице Соединенного королевства Лондоне в июле. Ответственность за эти преступления взяла на себя международная террористическая сеть «Аль-Каида». *(О том, что она из себя сегодня представляет – в статье сербского журналиста **Драгана Драгича**.)*

Спустя почти четыре года после начала антитеррористической операции вновь встает вопрос: способно ли мировое сообщество противостоять тем силам, которые виновны в совершении террористических актов с тяжелейшими последствиями в Москве и других городах России, в Нью-Йорке и Вашингтоне, Мадриде и Лондоне, в Турции, Индии, Ираке и других странах?

Способны ли здоровые силы цивилизованного мира сплотиться и покончить с радикальными движениями, прикрываемыми исламом? Или по-прежнему так необходимому сплочению этих сил будут препятствовать побочные политические интересы и цели, по-прежнему главным критерием для классификации террористических преступлений будет место их совершения?

По этому критерию взрывы в лондонском метро – дело рук террористов, а взрывы в московском метро – это месть России, осуществляемая «борцами за свободу и независимость Ичкерии», «повстанцами» и т.п. Бросилось в глаза, например, что в первых комментариях в связи с лондонскими терактами ведущие западные СМИ (за малым исключением), проводя аналогии с предыдущими терактами с многочисленными жертвами мирного населения, не упоминали Москву и другие российские города.

Неужели кому-то еще не понятно, что преднамеренное исключение российских граждан из списка жертв международного террора не только поощряет преступников направлять террористические усилия на российскую территорию, но вольно или невольно способствует росту терроризма в собственных странах, подрыву стабильности во всей Европе?

Накануне страшного трагического дня 7 июля я побывал в Чартвеле, в усадьбе Уинстона Черчилля, которую он купил в 1922 году и в которой прожил все оставшиеся годы после ухода в 1955 году из большой политики. Дом-музей полон книг, в том числе тех, которые написал Черчилль, его картин, сделанных им фотографий. Среди этих поистине исторических реликвий немало книг и фотографий военных лет. Как известно, 8 сентября 1944 г. Лондон после 1843 темных ночей, в течение которых действовали суровые правила военного затемнения, наполнился электрическим светом. Некоторые дети впервые видели чудо освещенного города. Но именно в этот день Германия начала обстрел британской столицы ракетами ФАУ-2, созданными Вернером фон Брауном, и Великобритании пришлось вновь ввести светомаскировку до весны 1945 года.

Всматриваясь в многочисленные фото и документы, размышляя о пути, который прошел Уинстон Черчилль со своим народом, пытаюсь еще и еще раз понять истоки несгибаемой воли, мужества, характера этого лидера британского народа и всех британцев и перекинуть временной мост от осени 1944 года к июлю 2005.

Разрушенные кварталы времен Второй мировой войны, сосредоточенные, мужественные, суровые лица лондонцев, разбирающих завалы, несущих на носилках убитых и раненных, и 7 июля 2005 г., день самой разрушительной атаки на Лондон после Второй мировой войны: те же суровые и мужественные лица, тот же высокий моральный дух и самое главное – чувство единения, солидарности.

Ничего не изменилось.

После терактов остановились метро и автомобильное движение в центре Лондона, но люди не попрятались, многие из них добирались домой пешком, одалживали друг другу мобильные телефоны, чтобы дозвониться до близких. Ведущие теле- и радиоканалов четко и сдержанно вели регулярные репортажи, не совали микрофон первым попавшимся «экспертам», не выдвигали собственных скоропалительных версий и обвинений.

Отличались четкостью и объективностью заявления и комментарии представителей британских спецслужб. Полицейские чины в высоком ранге призывали лондонцев не рассчитывать на быстрый успех в расследовании преступления. Они подтверждали вероятность новой террористической атаки, но были откровенны, не стеснялись признаться в том, что бессильны предотвратить вылазки террористов. Как мы знаем, 21 июля были снова предприняты попытки осуществить взрывы в Лондоне, но они обошлись без значительных жертв. И это многое говорит о работе, проделанной британскими спецслужбами после 7 июля.

Вместе с тем в Великобритании все громче стали раздаваться голоса, требующие от парламента принятия более жестких антитеррористических мер, пересмотре системы документации, удостоверяющей личность жителей Британских островов. Не обошлось и без трагической ошибки, когда в лондонском метро полицейскими был застрелен бразильский гражданин, как оказалось, не имевший отношения к террористам. В этой связи стали возникать вопросы: не приведет ли ужесточение методов работы спецслужб к ущемлению прав, к отказу от того уровня личных свобод, к которому привыкли граждане Великобритании и других развитых демократических государств Европы?

Скорее всего, этого не случится. Разумеется, властями будут приняты жесткие меры, направленные на то, чтобы минимизировать угрозу терактов, но, думаю, с наименьшими потерями для общества и государства.

Можно ли в принципе решить эту задачу без существенного ущемления прав и свобод граждан? Для общества с устоявшимися демократическими принципами, с развитыми гражданскими институтами, а самое главное – с соответствующим уровнем правосознания граждан – это вполне реально. Большинство граждан страны воспринимает вводимые меры не только как некий ограничитель, устанавливаемый директивами вышестоящих властей, но и как личностный правовой и, если хотите, моральный барьер. Планка его может быть выше или ниже, но все же это определяется не президентом или премьер-министром, а,

главным образом, общественным мнением страны, гражданским обществом, которое сознательно может пойти на некоторые самоограничения, не воспринимая их как ущемление своих прав и свобод.

В годы Второй мировой войны Уинстон Черчилль, талантливый и прозорливый лидер Соединенного королевства, сумел отстоять свободу и независимость страны, в том числе и предотвратить вторжение нацистов на Британские острова.

Сумеет ли нынешнее поколение европейских лидеров обезопасить свои страны, найти адекватные меры и принять решения, которые соответствовали бы реалиям современного, глубоко зависимого и уязвимого мира?

Сегодня все чаще говорится о том, что терроризм становится идеологическим явлением, своеобразной формой выражения несогласия с глобалистской политикой, проводимой США и другими ведущими мировыми державами на мировой арене.

За шесть лет до нынешней лондонской трагедии бывший министр обороны США Р. Перл высказал предположение, что «США из-за своей политики безусловного международного лидерства наверняка станут объектами катастрофического терроризма».

Его предвидение оказалось точным. 11 сентября 2001 г. и последующие события показывают, что жестокие уроки не идут мировому сообществу впрок.

Афганистан и, особенно, Ирак дали новый импульс насилию.

Эта страна, как и прогнозировалось многими аналитиками еще до начала войны, уже в течение нескольких лет остается средоточием террористических проявлений, интенсивность которых, к сожалению, не спадает.

Почему американцы не добились здесь успеха?

Ведь дело не в том, что С. Хусейн был любим и поддерживался народом – краху диктатора были рады: он развязал две разрушительные войны, его режим довел страну с богатейшими запасами нефти до нищеты. Не стали здесь жить, как в Саудовской Аравии или Кувейте и после оккупации. Уровень жизни в Ираке сравним с уровнем жизни в африканских странах к югу от Сахары.

Американские СМИ и командование оккупационных войск убедили мир в том, что боевики – это бывшие функционеры партии БААС, иностранцы и преступники. Однако, как отмечают зарубежные журналисты, большинство террористов-смертников в Ираке – выходцы из Йемена и Саудовской Аравии, но организацией терактов, разведкой, подготовкой баз и жилья, транспорта и взрывчатки занимаются иракцы.

Политика США в этой стране и, в первую очередь, реакция на действия иракского сопротивления со стороны оккупационной армии во многом играют на руку руководителям джихада. Армия США всей своей мощью незаметно для себя, безоглядно, втягивалась в навязываемую ей террористическую и диверсионную войну, причем практически все ее операции завершались, по сути, одним – коллективным наказанием целых кварталов, населенных пунктов, а порой и городов. И уже к совсем непростительным промахам можно отнести операции в городах – мусульманских святынях.

Собственно, этого и добиваются идеологи и организаторы терактов, заставляя оккупационные силы совершать постоянные ошибки и просчеты, приводящие в результате новые сотни и тысячи мусульман под знамена «Аль-Каиды», «Хизб ут-Тахрир», «Аль-Ислами», «Движения исламского обновления» и др.

Падение Берлинской стены в ноябре 1989 года ознаменовало окончание «холодной войны» и крах одного из двух полюсов биполярного мира. Хор многочисленных оптимистических прогнозов того времени, наполненных верой в светлое будущее, предрекал человечеству наступление счастливой эры согласия и процветания. Лишь изредка доносились едва слышимые голоса тех, кто предупреждал, что новые ветры истории могут принести человечеству новые трудные испытания, инициированные эгоистичной политикой самой могущественной глобальной державы.

Историческое равновесие, как ни странно, в ходе соперничества и политических конфликтов между двумя сверхдержавами сменилось кратким миром, но и рождением главной угрозы для США – глобальным беспорядком, терроризмом, ядерным шантажом, инфекционными болезнями и многим другим.

Мир, несомненно, стал более уязвимым.

Глобализация все чаще оборачивается своей темной стороной, обрушивая на его адептов и – вместе с ними – на мирное население разных стран смертоносные миазмы. Все более очевидным становится то, что, даже обладая огромным военным потенциалом, ни США, ни какая другая страна не в состоянии в новых условиях справиться с террористической угрозой в одиночку.

В 1970-х годах известный американский политик сенатор Фулбрайт написал книгу «Самонадеянность силы», в которой предупреждал о пагубности политики односторонних действий. И был во многом прав. Но на понимание этого ушло несколько десятков лет.

В. Гусейнов.

« 5 0 0 с л о в »

ЗАРУБЕЖНЫЕ КОРРЕСПОНДЕНТЫ О СЕГОДНЯШНЕЙ СИТУАЦИИ В РОССИИ

Джабер Раед, шеф московского бюро общеарабской газеты «Аль-Хаят», впервые приехал в Россию в 1988 году, работал до 1999 года корреспондентом палестинского журнала «Фалястин аль-Яум», с 2003 года возглавляет московское бюро «Аль-Хаят» и является одновременно корреспондентом арабского телевидения «Эл-би-си».

Россия переживает очень важный период своего развития, который, как мне представляется, сильно повлияет на ее будущее. Во всяком случае, идущие в стране процессы могут оказать серьезное влияние на ее среднесрочные и даже стратегические перспективы. И не случайно способы решения задач, с которыми сталкивается сегодняшняя Россия, вызывают вопросы и даже критику.

Пока трудно дать однозначную оценку достигнутым результатам, хотя предпринятые в последнее время российскими властями меры, несомненно, положительно отразились на жизни страны, и это не вызывает у меня сомнений. Еще несколько лет назад Россия как единое государство стояла на грани развала, ее экономика была почти полностью разрушена, а на международной арене она теряла позиции крупной державы.

Президенту Путину и его команде удалось преодолеть основные угрозы и сделать серьезные шаги в нужном направлении. И этому движению не помешал терроризм, проявивший в последние годы в России свой самый зверский вид. Нельзя не заметить постепенный экономический рост, достижение общественно-политической стабильности, да и активизации роли России на международной арене. Думаю, что критика с Запада и использование по отношению к России политики двойных стандартов вызваны именно этими успехами.

Одним из показательных примеров внешней политики России последних лет стало возобновление отношений с ее традиционными партнерами в исламском и арабском мире. Подписаны договоры о стратегическом партнерстве и развитии политического и экономиче-

ского сотрудничества с Алжиром, Йеменом, Саудовской Аравией, Сирией, Египтом и другими странами региона.

Все эти шаги и инициатива Путина о присоединении России к Организации Исламской конференции серьезно укрепляют российские позиции в арабском регионе, которые она занимала на протяжении многих лет истории.

Нельзя не отметить огромный вклад России в процесс урегулирования конфликта на Ближнем Востоке и ее принципиальную позицию как по отношению к израильской оккупации палестинских территорий, так и в иракском вопросе. И хотя российская дипломатия продолжает играть важную роль в поиске решения существующих проблем, многие в арабском мире думают, что общая российская стратегия по отношению к этому региону пока не до конца сформирована.

Это ощущается в разных ситуациях, когда Россия не реагировала или реагировала с опозданием на происходящие в регионе процессы. Многим был непонятен, например, ее отход от важного предложения по организации международной конференции по Ближнему Востоку спустя некоторое время, после того как это было озвучено президентом страны. Великобритания выступила с таким же предложением и получила положительный отклик, в том числе и со стороны России.

Непонятно, почему крупная держава старается разными способами оправдаться перед Израилем, когда речь идет о законной продаже оборонительного оружия для Сирии. Мне кажется, Россия должна и может защищать свои интересы в арабском регионе. Для этого у нее имеются все основания и возможности

В завершение замечу, что Россия действительно активно работает для укрепления отношений с арабскими государствами, но, в отличие от западных государств, не уделяет должного внимания работе с общественными организациями и представителями гражданского общества, что немаловажно, особенно на фоне развивающегося в регионе процесса. Иракский пример в этом плане очень показателен. Достаточно сказать, что в арабском мире есть огромный человеческий ресурс, связанный с Россией, — это сотни тысяч людей, учившихся в Советском Союзе и в России.

Этот ресурс пока не востребован и ждет своего использования.

Дженк Башламыш с начала 1990-х годов работает корреспондентом турецкой газеты «Миллиет» в Москве. Он автор двух книг о России, его статьи публикуются в различных иностранных изданиях.

Как журналист я с начала 1990-х годов живу в России и считаю удачей лично наблюдать идущие в стране глубинные преобразования. Именно в «путинский» период в России завершились два значимых

процесса. Во-первых, в стране закончился период хаоса и неопределенности, везде — от экономики до политики — установилась стабильность. Во-вторых, Москва избрала путь не противостояния, а объединения с международным сообществом и стала вести прагматичную внешнюю политику.

Такой подход, вопреки обвинениям критиков в слабости, свидетельствует о силе и гибкости России, повышает ее престиж на международной арене. Благодаря новому подходу закончился период недопониманий в российско-турецких отношениях. Хотел бы на этом остановиться подробнее.

В последнее время в отношениях между Россией и Турцией наблюдается «тихая революция», заметная тем, кто внимательно наблюдает за событиями. Принадлежавшие к противостоящим политическим блокам Россия и Турция в свое время избрали путь соперничества, несмотря на 500-летнюю историю дипломатических отношений и несомненное преобладание сходств над различиями между ними. В новейшее время они получили историческую возможность стать настоящими соседями, пусть и разделенными несколькими границами. Происходящие в российско-турецких отношениях события, на мой взгляд, важны настолько, что могут изменить ситуацию не только в регионе, но и расклад сил вокруг него.

Самым важным шагом Москвы в рамках меняющейся политики в отношении Турции был визит российского президента в Анкару в конце прошлого года. Путин стал, по сути, первым российским лидером, совершившим официальный визит в Турцию за все годы государственных отношений, и наши руководители не упустили историческую возможность разгрести накопившиеся завалы проблем. За последовавшие семь месяцев лидеры двух стран встретились четыре раза, что само по себе весьма примечательно. Может, о начале «медового месяца» в двусторонних отношениях говорить преждевременно, однако предубеждения прошлых лет постепенно исчезают, и начался процесс качественных изменений.

Во время «холодной войны» для Москвы Анкара была форпостом Запада и США у своих границ, для Анкары СССР был «опасным государством», пытавшимся экспортировать коммунизм. После распада СССР Турция одной из первых признала независимость России, однако установить стабильные отношения обоим государствам не удавалось. Причиной тому было отсутствие взаимного доверия — мешали взаимные подозрения, оставшиеся в наследство от прошлого: Россия обвиняла Турцию в помощи чеченским боевикам и попытках взять под свое влияние турецкие республики в СНГ, а Турция обвиняла Россию в поддержке курдской террористической организации PKK.

Если оба государства смотрят в общее будущее, не имеет большого значения, кто прав в этом споре. Важно, что Россия и Турция поднялись над предубеждениями и обнаружили множество сфер для сотрудничества. Не случайно в ходе сочинской встречи Путина и Эрдогана в начале июля стороны установили рекордную планку для годового оборота взаимной торговли — 25 млрд. долларов. Обнаружилось сходство позиций в подходах ко многим региональным и международным проблемам (прежде всего, по Ираку), признаки совпадения геополитических интересов России и Турции. Стало очевидно, что страны действительно располагают значительным потенциалом для масштабного взаимодействия. Накануне визита Путина в Анкару, куда он приезжал из Нью-Дели, в российской прессе обсуждалась возможность создания оси Россия—Китай—Индия—Турция. Думаю, в теоретическом плане это вполне возможная перспектива. Своим отказом направить военных в Ирак Турция продемонстрировала, что вовсе не намерена идти лишь в кильватере внешней политики США.

Считается, что в международных отношениях нет места сантиментам. Однако трудно удержаться от эмоций, когда видишь, как быстро десятилетиями разделенные народы двух стран благодаря туризму и бизнесу находят общий язык, стремятся больше узнать друг о друге, без чего, как мы знаем, не может быть подлинной дружбы.

Россияне и турки, которым история определила уникальную судьбу жить на стыке Европы и Азии, не принадлежат полностью ни к одной из этих цивилизаций, несомненно, открывают для себя новые горизонты взаимовыгодного сотрудничества.

Кристиан Кэрил, корреспондент американского журнала «Ньюсуик», в 1990-х освещал становление новых государств Восточной Европы, работал в Берлине, Алма-Ате, с 1997 по 2004 год московский шеф-корреспондент «Ю-Эс Ньюс энд Уорлд рипорт» и «Ньюсуик», в настоящее время руководит корпунктом «Ньюсуик» в Токио.

Россия августа 2005 года являет собой картину, кажущуюся парадоксальной для новичка, но до боли знакомую всякому, кто знает историю этой страны. В очередной раз мы видим классическое противоречие между авторитаризмом и бессилием, веками терзавшее царей и генсеков. Президент Владимир Путин преуспел в устранении всех и всяких серьезных угроз своей власти. Он возродил секретную полицию, заглушил прессу, содействовал возвращению традиционного государственного механизма, когда малейшее несогласие расценивается как угроза целостности страны. (Вспомните фарс с обвинением Г. Каспарова в организации оппозиционных Путину выступлений). Триумф президента Путина в деле Ходорковского, стремительные

удары президентской администрации по попыткам бывшего премьер-министра М. Касьянова вернуться в политику наглядно демонстрируют, что никаких вызовов своей власти он не потерпит. До сих пор это не помогло повысить способность президента эффективно проводить реформы.

В прошлом усилия российских лидеров по трансформированию страны неизменно разрушались из-за оторванности, которая всегда сопутствует чрезмерной централизации. Можно уверенно утверждать, что консолидация Путиным власти не улучшила его доступ к надежным и независимым источникам информации.

Какие бы ни назывались причины, препятствия на пути правильного использования человеческих ресурсов России — коррупция, неэффективность бюрократии, резкое снижение состояния здоровья населения и качества образования — все остается практически вне контроля, а то и ухудшается. А ведь в прошлом именно к решению этих проблем так красноречиво призывал Путин. Осязаемое чувство застоя охватывает страну. Накануне «дела ЮКОСа» роль государства в национальной экономике и, конкретно в энергетике, увеличивалась, а не уменьшалась. Удивительные просчеты администрации Путина в проведении кампании по монетизации льгот ускорили падение президентского рейтинга популярности. Недавние споры между чиновниками «Газпрома» и «Роснефти» ярко демонстрируют, что контроль Путина над отдельными частями правящей элиты ограничен. Об этом же свидетельствуют продолжающиеся споры между сторонниками государственного вмешательства и неолибералами внутри кремлевской администрации.

С одной стороны, налицо быстрое экономическое развитие, во многом объяснимое беспрецедентным ростом цен на нефть. Это, как и положительный эффект некоторых реформ, осуществленных в первый президентский срок Путина, поддерживает видимость национального процветания. С другой стороны, есть признаки того, что не все так хорошо. Последние статистические данные говорят о замедлении темпов добычи нефти в 2005 году как следствие «дела ЮКОСа», а также возросшего вмешательства государства в энергетический сектор. Путин ясно представляет, что Россия нуждается в диверсификации экономики для достижения достойных темпов экономического роста и для преодоления нестабильности, сопровождающей ориентацию на сырьевые и добывающие отрасли. Однако достичь этого будет трудно без серьезной комплексной административной реформы и эффективного противодействия коррупции. Путин неоднократно показывал, что вполне понимает эти проблемы. В последнее время возникли сомнения в его способности разрешить их.

АКТУАЛЬНАЯ ТЕМА. Молодежь и политика – политизация или деполитизация?

«Молодые люди выступают сегодня той социальной группой, внутри которой зреет наиболее последовательный и глубокий протест против политики, связанной с самообслуживанием власти, с социальной трансляцией собственных властных позиций».

«Власть имущие хотят не политической активности молодежи, а ее виртуальной активности. Так появляются рожденные в чиновничьих кабинетах “Идущие вместе” или “Наши”. Возникает грандиозная имитация политизации молодежи».

«Соединение внутренних социальных проблем и внешней манипуляции общественным сознанием молодежи создает достаточные условия, чтобы в любое время и в любой точке и, прежде всего, в столице была спровоцирована “цветная революция” с самым активным участием молодежи».

Николай Молчанов

МОЛОДЫЕ ГРОЗДЬЯ ГНЕВА?

Когда мы говорим о политических установках молодежи, то делаем это обычно навскидку, на основании общих наблюдений и случайных соображений. Вспоминаем, в частности, немецкого социолога Карла Манхейма, который считал молодежь самой революционно настроенной частью общества. Он полагал, что новое поколение всегда приходит в этот мир с иными социальными и политическими установками. Конфликт неизбежен, потому что перед молодыми открываются новые социальные горизонты, необычные перспективы. Им присущ дух бунтарства. К этому можно добавить образованность студентов, которые обретают знания, зовущие к преобразованиям, к созданию иных социальных и политических институтов.

Социологи до сих пор не осмыслили до конца печальный для них факт: несмотря на постоянные и развернутые исследования, связанные с политическими ориентациями молодежи, никто из них не сумел предвидеть молодежные бунты конца 60-х годов прошлого столетия. Гроздь гнева обнаружилась неожиданно-негаданно. Политики оказались не готовыми к этому бунту, который развернулся почти во всех европейских странах. Хотя в конечном итоге хозяева жизни суме-

ли «усыновить» бунтующий слой, однако затраты при этом оказались весьма значительными.

Разумеется, даже постоянные социологические исследования не дают полной картины событий в стране. Однако было бы неразумно сегодня ориентироваться на расхожие взгляды, игнорируя быстро меняющиеся жизненные и практические установки людей, особенно молодых.

Ядром политического сознания, как известно, выступает отношение к власти. Если оно — положительное или нейтральное, можно рассчитывать на политический штиль. Отрицательное отношение к властным институтам — грозное провозвестие, своего рода симптом...

Изучение психологических отношений к политической власти во многом затруднено той геоэтнорегиональной фрагментацией, которая стала определять политико-социальный уклад современной жизни.

В этом году я защитил диссертацию, в которой исследовались особенности политической социализации студентов вузов Бурятии, Тверской области и Москвы в возрасте от 18 до 25 лет. Общая выборка в 380 человек была поделена на четыре этнорегиональные группы: респонденты из Бурятии — этнические буряты; респонденты из Бурятии — этнические русские; респонденты из Тверской области — русские; респонденты из Москвы — русские.

Мне казалось особенно значимым обратить внимание в первую очередь на провинциальную молодежь, которая представляет различные культурно-этнические регионы Российской Федерации. В недалеком будущем, судя по всему, это будет поколение, «стоящее у руля», определяющее не только социально-экономическую и политическую жизнь общества, но и его духовную атмосферу.

Каковы же итоги проведенного исследования?

Прежде всего, следует отметить, что в стране практически отсутствует такой феномен, как целенаправленная политическая социализация. Вообще проблемы социального мышления, политического менталитета, политического сознания стали интенсивно исследоваться только в последнее десятилетие.

Вопросы изменчивости политического сознания россиян оказались актуальными после того, как выяснилось, что у старшего поколения, выросшего в советские годы, произошел коренной перелом личностных ценностей, установок и убеждений. При этом шкала политических установок стала не просто преобразованной — она подверглась коренной ломке.

Случилось так, что молодое поколение, не успевшее впитать в себя прежние установки, столкнулось с определенным вакуумом: государственные институты, призванные формировать политические ценности, исчезли; носители новых либеральных идей оказались, в

известном смысле, не лучше преподавателей «старой школы», воспитывающих молодежь в духе научного коммунизма.

После августовских событий 91-го года, как часто случается в постреволюционных обществах, обучение основам политики, формирование политического сознания многие стали воспринимать как особенность тоталитарного режима. Это привело к полной дискредитации политических образовательных программ. Между тем в западных демократиях воспитание гражданского самосознания считается едва ли самой главной задачей общества. При этом политика оценивается как способ существования людей, имеющих различные убеждения и ценности, но все же включенных в одну большую социальную группу (нацию) на договорных основах. Как правило, мнение другого участника сообщества рассматривается как рядоположенное, а не «противоположное», что позволяет гражданскому обществу существовать без каких-либо серьезных внутренних конфликтов.

Многие участники нашего исследования рассуждали о политике как о власти немногих, толковали ее как взаимодействие небольшого числа элитных групп, которые управляют всеми ради того, чтобы получать и перераспределять ресурсы и социальные блага.

Другой важный вывод — у всех групп выявлен негативный образ власти.

Респонденты в основном сходятся в том, как они представляют источники власти, ресурсы власти и ее основные функции. Власть, по мнению большей части опрошенных, заботится только о своих интересах.

В значительной мере они различаются по эмоциональному отношению к власти. Наибольшее неприятие ее выражено в группе студентов из Тверской области: они чаще испытывают отчаяние; не видят никаких положительных черт, присущих власти; считают, что все ветви власти одинаково бессильны. Больше половины респондентов во всех группах выражают неудовлетворенность своими взаимоотношениями с властью, и только треть говорит о сотрудничестве с ней (чаще понимая под этим участие в выборах). Однако на вопрос, что бы хотели изменить в своих отношениях с властью, самый популярный ответ — «ничего». Что еще раз свидетельствует о глубоко индифферентном отношении молодежи к власти и политике.

Если выразить компоненты «плохого» отношения к власти, то они в убывающей пропорции будут выглядеть таким образом:

— представление о власти как о «плохой» (коррупцированной, нечестной, нелегитимной, направленной на собственные интересы, обогашающей «своих», способной на неправомерные действия, связанной с криминалом);

— положительное отношение к «хорошей» власти (заботится о населении, действует в интересах народа, способна обеспечить порядок,

справедливость, проводит эффективную политику, привлекательна для населения, уважаема, эмоционально близка);

- сотрудничество с властью, проводящей открытую, понятную, разумную, гуманную политику в интересах граждан;

- надежда граждан на полезность и ответственность власти;

- авторитаризм власти (авторитарная политика власти, опирающаяся преимущественно на силовые методы воздействия и требующая безусловного подчинения);

- беспринципность и неадекватность власти.

Исследование показало, что региональный фактор оказывает более сильное влияние на отношение к власти, чем фактор национальности. В наибольшей степени патерналистский характер сознания присущ респондентам из Бурятии, русским по национальности, которые ждут от государственной власти попечительства, заботы, опеки, сохраняя при этом собственную политическую и гражданскую пассивность.

Согласно многим социологическим исследованиям, отношения и электоральное поведение в политическом мире связаны с материальным благополучием или неблагополучием людей. Действительно, тот, кто оценивает себя как бедного, полагает, что власть, которая не может обеспечить человеку достойную жизнь, не способна навести порядок в стране, беспринципна, не заслуживает уважения народа. Однако эти респонденты, в отличие от тех, кто оценивал свое материальное положение как высокое, считают власть эффективно действующей и, более того, гуманной, эмоционально поддерживают ее и готовы сотрудничать с ней.

Как можно прояснить данный парадокс?

Вероятно, страдая от негуманной власти, многие люди не видят собственной возможности решить свои проблемы. Поэтому они, давая ей негативную оценку, в то же время надеются, что она изменит свой курс и окажется заботливее. Вот почему не следует, к примеру, переоценивать недовольство пенсионеров, о которых некоторые политологи пишут как о реальной политической силе. Массовые протесты может оседлать какой-нибудь популистский лидер, которые будет щедр на посулы или даже сможет укрепить иллюзию, будто власть, если ее покритиковать, может из «плохой» превратиться в «хорошую».

В ходе исследования выяснилось, что тот или иной тип отношения к политической власти обусловлен не только этническими, региональными факторами, но и социально-психологическими, в частности ценностными ориентациями. Люди, тяготеющие к социальной этике, т.е. отрицательно относящиеся к индивидуализму, не принимают такие установки современной власти, как расчет на предприимчивость, инициативу. Они не могут расстаться с образом власти, которая

кормит, распределяет и опекает. Как это ни парадоксально, данные ценности оказываются весьма распространенными среди молодежи.

Где же в таком случае «гроздь гнева»?

Исследование показало, что среди молодежи происходит стремительная ценностная переориентация. В минувшие годы многие молодые люди стремились получить профессию, завершить образование. Они связывали свое будущее с обретением профессии. Отсюда сложившийся стереотип: молодые люди мало интересуются политикой, студенты теперь другие, чем во времена Манхейма. Их мало что «колышет»: больше всего они озабочены собственной судьбой, возможностью будущего заработка. Однако ситуация за последние годы резко изменилась. Многие люди, получив образование, пытаются найти достойное место в социуме. Но эти надежды все чаще оказываются иллюзорными. Полученное образование не обеспечивает социальной или профессиональной карьеры. Сфера предприимчивости и инициативы резко сузилась. Молодые люди все чаще чувствуют себя обманутыми. Именно поэтому их политическая ангажированность становится все более очевидной. Исследование показало, что среди молодых людей (как в Бурятии, Тверской области, так и в Москве) нарастает чувство неудовлетворенности властью, политическим режимом, а главное — теми возможностями, которыми располагает молодое поколение.

Именно молодые люди выступают сегодня той социальной группой, внутри которой зреет наиболее последовательный и глубокий протест против политики, связанной с самообслуживанием власти, с социальной трансляцией собственных властных позиций.

Комментарий

Политизация или деполитизация?

Проведенное исследование выявило несовершенство политической культуры молодежи, но в то же время показало, что внутри юного поколения с наибольшей вероятностью зреют гроздь гнева.

Можно полагать, что именно в своеобразном социальном инфантилизме — разгадка поведения современной молодежи. В обществе, где произошла радикальная смена политических ценностей, исчезли социальные институты, призванные формировать практические установки молодых людей в политике, неизбежно должны сложиться наивные представления о власти, которая, как показывает исследование, может быть либо «плохой», либо «хорошей». Разумеется, возможны и другие характеристики власти: «эффективная» или «неэффективная», «нравственная» или «безнравственная», «патерналистская» или «демократическая», «реальная» или «виртуальная».

Молодость как определенная ступень жизненного пути биологически

универсальна, но возрастные границы молодого человека, его положение в обществе и социально-психологические особенности имеют общественно-историческую природу.

Современные политологи вынуждены преодолевать укоренившееся в прошлом представление, согласно которому молодость — всего лишь подготовительный этап жизни, собственная значимость которого минимальна. Известный швейцарский педагог И.Г. Песталоцци одним из первых отстаивал убеждение, что молодость — самоценный этап жизни человека. Справедливость такого взгляда стала очевидной в минувшем веке, когда социальный статус молодежи существенно повысился. Именно поэтому любая возрастная группа молодежи стала объектом пристального внимания со стороны политиков, социологов, психологов. Однако, как показывает проведенное исследование, самооценку юного возраста по-прежнему недооценивается.

Н. Молчанов в своем эксперименте особое внимание уделяет не возрастным характеристикам, а стремлению юношей и девушек к самоопределению и самоутверждению.

Какие же теоретические проблемы возникают в связи с проведенным исследованием?

Прежде всего, очевидно, что социальное развитие молодых людей сравнительно быстро обретает черты автономии, самостоятельности и внутренней динамики, следствием чего является своеобразное «омоложение» культуры, т.е. обретение ею черт, свойственных преимущественно молодежи, — жесткости и прагматизма в решении социальных проблем, максимализма и поспешности в принятии решений, определенного снижения общего духовно-нравственного уровня.

Обнаружив низкий уровень политической социализации молодежи в наши дни, Н.В. Молчанов, естественно, апеллирует к западным образцам. Демократия немыслима без сознательного и постоянного участия людей в политике. Отсюда и вполне цивилизованная рекомендация — немедленно вовлечься в мир политики, овладеть навыками политической культуры. Тем более что речь идет о молодежи, которой все равно придется взвалить на себя ответственность за судьбы страны.

Однако действительно ли политизация — единственный выход из сложившейся ситуации? Получается примерно такой ход мысли: в стране нарастают авторитарные тенденции. Чтобы предотвратить их дальнейшее развитие, было бы целесообразно пробудить молодежь, мобилизовать присущий ей бунтарский дух и таким образом сохранить демократические ценности, обретенные страной. Заметим, что такая ситуация в европейской истории складывается не впервые.

Два века назад немецкий философ И. Кант обдумывал точно такой же парадокс: укрепление деспотизма в Германии и наличие огромных революционных ресурсов молодежи. Его политическая теория критически заострена против феномена неограниченной верховной власти. Но Кант понимал, что большая часть общества заражена патерналистским идеалом.

Молодые люди, осуждая издержки деспотизма, в то же время осознанно и неосознанно отождествляли власть с родительским авторитетом.

Как можно судить по результатам исследования Н. Молчанова, в общественном сознании сегодня тоже преобладает образ патерналистской власти.

Радикальное сокрушение авторитарной власти в ходе перестройки породило разнообразные иллюзии. Но в реальной истории России основная часть населения не получила прочных гарантий для собственного выживания. Поэтому постепенно в общественном сознании стали обнаруживаться надежды на помощь верховной власти, которая примет нужные законы, расправится с олигархами, справедливо распределит доходы. Этим мгновенно воспользовались многие политики, объявив себя убежденными «государственниками».

Кант предлагал выразительную метафору для запрещаемого «первоначальным общественным договором» отношения принуждающей власти к индивидам. Он писал о том, что здесь имеет место нечто подобное родительской опеке над детьми, которые в силу моральной незрелости еще не могут выбрать правильного максим поведения. Но как же оценивает немецкий философ такой, по видимости, весьма убедительный патернализм? Он отмечает, что «общественный договор», заключаемый людьми как морально полноценными существами, накладывает вето на эту опеку и квалифицирует ее как первое и основное выражение деспотической власти. «...*Правление отеческое*, — писал Кант, — при котором подданные, как несовершеннолетние, не в состоянии различить, что для них действительно полезно или вредно... такое правление есть *величайший деспотизм*».

Внешняя принудительная власть, по Канту, обязана предоставить молодому человеку полную возможность самому определять свои идеалы, не помогая ему в этом ни кнутом, ни пряником. Но как устранить деспотию, если она отказывается от разумной политики?

Кант предлагал гражданам попросту уходить из сферы политического влияния. Внешнее повиновение при внутреннем неучастии — вот эта формула.

Речь идет о моральной изоляции деспотической власти. Тиран, лишенный народной поддержки по гениальному принципу пушкинской ремарки народ бездействует, обречен.

Разумеется, правящие круги это понимают и поэтому стараются изо всех сил втянуть молодежь в политику. Практически все политические партии бросились зазывать молодежь под свои знамена. Что это: дань моде или «обработка» аполитичного электората?

У молодежи огромный потенциал. Но ее неоправданно считают инертной. Это не так. По данным социологов, на селе 87% молодежи хотят участвовать в деятельности молодежных общественно-политических организаций, но они в них просто не доходят, и доля участвующих составляет не более 10%.

Можно ли считать аполитичной, скажем, сельскую молодежь, если ей едва доступно качественное образование, среди юношей и девушек 37% без-

работных. Не случайно 57% молодежи, закончившей сельскохозяйственные вузы, не работает по специальности. Усиливается поток миграции в города. За десять лет мы потеряли 13 тыс. сельских населенных пунктов, в некоторых районах завтра будет некому пахать.

Все это реальные социальные и политические проблемы. Но власть имущие хотят не политической активности молодежи, а ее виртуальной активности. Так появляются рожденные в чиновничьих кабинетах «Идущие вместе» или «Наши».

Возникает грандиозная имитация политизации молодежи.

Телевидение собирает молодых представителей политических партий и с предельной серьезностью выявляет их политические установки. Они отвечают на конкретные вопросы, создавая иллюзию политического выбора, радикального социального проекта. Однако такой опрос можно назвать грандиозной мистификацией, поскольку получается парад политических стереотипов, «оживляющих» политическое сознание молодежи, но вместе с тем подменяющих бога идолом.

Может быть, целесообразнее предостеречь молодых от участия в таком политическом карнавале.

Вернемся к проблеме, о которой мы уже писали*. Итак, «политизация» или «деполитизация»? Вероятно, здесь выход тот же, что и в сфере экономики. Для успешного развития страны и та, и другая тенденция могут оказаться важными в конкретной политической ситуации. Зрелый политик, как и зрелый экономист, видит реальные преимущества обеих тенденций. В Англии транспорт находится то в руках государства, то в частных, потому что приватизация — не панацея и единственный путь к рынку, а только один из инструментов руководства экономикой, как и национализация. Та и другая применяются для улучшения социального климата в стране.

Политика играет огромную роль в жизни общества. Но является ли ее влияние на человека всеобъемлющим? Многие современные ученые показывают, что в архаических и традиционных обществах политика не имела такого значения, как сегодня. Например, пастух Средневековья мало интересовался придворными политическими интригами. Ученый Нового времени работал над научными проблемами, которые не имели практической пользы для государства. Художник эпохи Романтизма нередко жил, как тогда говорили, в «башне из слоновой кости», т.е. вдали от общественной жизни. Современный бурятский скотовод, как можно понять из исследования Н. Молчанова, выключен из политики в силу удаленности своего пастбища от культурных центров.

За последние столетия произошла очевидная политизация социальной жизни. Жители глубинки благодаря средствам массовой информации находятся в курсе политических новостей. Ученый соотносит свои исследова-

* Гуревич П. Диагноз нашего времени // Вестник аналитики. 2005. №1. С. 116–128.

ния с общественными потребностями. Поэт считает обязательным откликаться на злобу дня. Социолог, разглядевший феномен «массовой инфантильности» в политике, предлагает целую систему, направленную на политическое образование студентов.

Один из аспектов политизации в современном обществе — обилие идеологических дебатов, принципиальных разногласий, систематической аргументации по определенным направлениям. Наблюдается тенденция рассматривать все социальные проблемы в системе приемов и методов политики, т.е. в полемике, на конференциях и т.д. Но это слишком узкий и ограниченный взгляд на политизацию, потому что сначала надо убедиться, что все проблемы в наше время стали политическими.

Что же является движущей силой такого феномена? Это — факт роста влияния самого государства. Государственный акт регулирует постоянно растущее число областей, сфер. Средства государственного воздействия постоянно умножаются и совершенствуются. Их важность возрастает. Все это идет рука об руку с неизбежной централизацией и с тотальной организацией общества силами государства.

Второй момент, который обуславливает и детерминирует политизацию общества, — все более активное участие индивидов в политической жизни. Рост политической активности является доктринальным ответвлением демократии — разного рода упорядочивания в тех или иных республиканских государствах; благоприятная демографическая ситуация, приближающая массы к постам власти; средства ускоренной коммуникации; развитие образования.

Мыслить обо всем как о политическом, маскировать все употреблением этого слова (наряду со ссылками, начиная с Платона и др.), отдавать все в руки государства, апеллировать к нему при всяких обстоятельствах, подчинять проблемы индивида групповым, полагать, что каждый поднялся на уровень политических отношений и достаточно зрел, чтобы заниматься ими, — вот факторы, характеризующие политизацию современного человека.

Мы не можем представить себе общество иначе, как управляемое вездесущим и всемогущим государством. То, что раньше расценивалось как утопический взгляд на общество, где государство выполняло роль мозга, оказалось в настоящее время не только идеологически признанным, но и основательно внедрилось в глубину нашего сознания. В нем все еще живет идущий от прежних веков страх перед состоянием безвластия.

Власть, если ее не ограничивать и не контролировать, стремится подчинить своей воле не только общественную, но и частную жизнь человека, его душу и помыслы. Она реализуется через авторитет, право и насилие. В ней, как считают многие политические философы, есть нечто демоническое. Выставляя благие цели, современная власть все чаще обращается к негодным средствам. Во имя процветания страны предлагается довести бедняка до еще более крайней меры.

Вопрос о нравственности в политике — это вопрос о том, как должны в политической деятельности соотноситься цель и средства. Цель — это представление, которое человек стремится осуществить. На пути к тому, чтобы то или иное событие оказалось реальным, используются средства. С их помощью достигается цель. Порой известный мотив или средства превращаются в цель. Например, Скупой рыцарь у Пушкина усматривает в накоплении денег собственную цель. При этом жестокие способы увеличения дохода целиком подчиняют его поведение жажде наживы.

В политике нередко бывает так, что тот или иной деятель стремится к свободе путем насилия, к братству путем раздора, к истине путем лжи. Возвышенная цель такого политика оказывается аморальной, потому что вызывает зло, обман, диктат. Вот почему Н.А. Бердяев отрицательно оценивал политику в целом: «Политика ... есть самая зловещая форма объективации человеческого существования, высасывания его вовне. Она всегда основана на лжи... Политика в значительной степени есть фикция, владеющая людьми, паразитический нарост, высасывающий кровь из людей».

Если политика, как считает Н.А. Бердяев, безусловное зло, то возникает вопрос: можно ли представить себе человеческое общество без политики? Безусловно, можно, ибо политика не является вечным, неустранимым феноменом. Порядок обеспечивается другими регуляторами. Например, в примитивных древних обществах необходимости в политике не было. Интересы у людей во многом совпадали, а чтобы выжить, приходилось постоянно подтверждать общую солидарность. Однако и в древнем обществе был вождь. Стало быть, уже присутствовал феномен власти.

Возможно ли человеческое общество, в котором нет феномена власти? Иначе говоря, где все равны? Никто никем не распоряжается. Никто никем не помыкает.

В принципе многие философы допускают появление такого человеческого строя. Они даже связывают с властью существование зла и насилия в мире и призывают с ними покончить. Пусть цели соответствуют средствам. Пусть реализованная цель открывает путь к достижению иной, более высокой, цели.

Однако, трезво рассуждая, вряд ли возможно такое общество. Во всяком случае, в обозримом будущем. Поэтому гораздо целесообразнее думать не об устранении политики и власти, а об ограничении их сферы, о контроле над ними, об обуздании власти. Собственно говоря, после того как родился феномен политики, многие мыслители думали не только о том, чтобы придать ей величие, но и о том, как ее облагородить, поставить под надзор.

«Новые философы» во Франции усматривают диктат власти в идеологии, в идеях, которые овладевают людьми. По их мнению, философы эпохи Просвещения и представители немецкой классической философии именно посредством идей пытались установить собственную деспотию. Несмотря на веер культурных форм властного фетишизма, секрет власти ос-

тается нераскрытым. Она зачастую остается анонимной. Потребность в осмыслении феномена власти становится актуальной в связи с появлением новых технологий «информационного общества».

Политическая власть есть разновидность властных отношений в обществе. Как предполагается, она коренится в том, что положение людей в обществе фактически неоднородно. В семейно-родственных, социально-классовых, территориально-поселенческих, национально-этнических общностях статус людей неодинаков. Вместе с тем можно указать и на психологические корни власти.

Человек по своей природе стремится к власти. Он пытается не только самоутвердиться, но и господствовать над другими людьми. Это антропологическое свойство обнаруживается во все эпохи, во всех исторических ситуациях, при любых отношениях между людьми. Содержание власти проявляется в разных аспектах. Оно не сводится только к господству, принуждению, нажиму или диктату. Властные отношения могут определяться традицией, законом, добровольным принуждением, религиозным пиететом.

Однако и при этом власть не перестает быть силой. Причем можно говорить не только о физическом принуждении. Весьма значима роль традиции, закона, общественного мнения. Власть всегда связана с обнаружением социальной силы. Однако не всякая социальная сила может обернуться властью. Английский философ Бертран Рассел показывал, что разогнанная демонстрация, прерванная забастовка, если цели оказываются нереализованными, потенциально обладают властными качествами, но не достигают статуса власти. В этом смысле власть можно рассматривать как производство намеренных результатов.

Современная политическая философия исследует глубинные подсознательные и эмоционально-волевые истоки власти. Кроме общественных источников власти (потребность в социальной общности, в самоорганизации и саморегуляции, фактическая неоднородность людей), проявляет себя и природное устремление человека к самоутверждению через преобладание, через харизматические качества личности. Власть обеспечивает многое — деньги, авторитет, традиции, знание. Противоречива природа власти. Органичные ее атрибуты — легальность и легитимность. Но ее органическим свойством оказывается и тенденция к олигархизации. Кроме социально-экономических источников власти, которые рождают отношения господства и подчинения, власть легитимируется также традицией, законом, сакрализацией.

Нельзя не видеть, что современная политика утрачивает свои прежние свойства. Она все более становится виртуальной. В Советском Союзе не было политического процесса, потому что не было противоборствующих политических сил, если не считать внутривластной борьбы в 1920-х и в начале 1930-х годов. Сегодня политика оказывается реальным политическим феноменом. Но пора уже обратить внимание на феномен ее все углубляющейся виртуализации. Вот, скажем, представители движения

«Идущие без Путина». Можно подумать — реальная оппозиция президенту. Ничего подобного! Это обычная диверсионная акция в Москве. Молодые люди прошествовали с плакатами от Белорусского вокзала до Манежной площади. Оказалось, что этот лозунг органично вписался в общий хоровод признания любви к Владимиру Путину. Но, может быть, это удачный политический акт протеста?

Вот что отвечает один из участников акции: «Главный вывод такой: людям, пришедшим на этот митинг по разнарядке, было абсолютно все равно, под какие лозунги становиться. Мы вместе с молодежным движением “Я думаю!” раздавали направо и налево наклейки с надписью “Ходорковский, go home”».

Вскоре движение «Оборона» («Яблоко», СПС, «Идущие без Путина») провело у памятника гренадерам — героям Плевны митинг, посвященный 1000 дням, оставшимся до окончания срока Путина. Выступавшие кричали о «президентском дембеле», другие держали плакаты с надписями типа «Пора зачехлить лыжи». Трое надели резиновые маски Путина и нарядились кто в кимоно, кто в камуфляж... Комментатор заметил: «именно с таких “хоxm” начинали серьезные движения на Украине и в Белоруссии». Так-то оно так. Только нельзя забывать, что административный ресурс обладает огромными возможностями для того, чтобы благословить такие акции, виртуально закрепляя за ними иллюзию весьма комичной оппозиции.

Герман Гессе говорил о классической фельетонной эпохе. Не про нас ли?

Только 17% россиян доверяют политическим партиям. Даже милиции — в два раза больше. Английский политик Бенджамин Дизраэли считал партии «активными выразителями общественного мнения». Но могут ли взять на себя такую функцию молодежные партии, которые спроектированы политтехнологами? Разумеется, нет.

Мы можем сегодня только гадать: какой будет революция — красной, оранжевой, бархатной, розовой, тюльпанной? Но вряд ли можем судить о реальном состоянии общественного сознания, ориентируясь на названные декоративные объединения.

Выдающийся французский социолог Жак Эллюль писал в свое время: «Верно, что деполитизация вовсе не может служить средством для избавления от всех недостатков нашего политического мира или от усиления государственной власти». Он никогда не считал аполитизм благом. Для многих людей аполитичность — дешево купленное чувство облегчения — они не считают себя больше ответственными за что-либо. Такие люди говорят: «В конце концов, кто-то беспокоится и заботится о том, чтобы принимать решения, кто-нибудь еще берет на себя ответственность; поэтому меня это больше не касается, мне нет необходимости утруждать себя, если что-то неладно; в конце концов, есть кормчий. Мне уже не нужно искать решений — кто-то решает за меня. Я могу спокойно посвятить себя своим личным делам. Ничто общее, коллективное не затрагивает меня больше».

Это подлежит осуждению как и неприятие того факта, что в нашем обществе, по существу, все — политическое. Неверно, что человек оказался вне досягаемости для политики. Она все равно настигнет его. Бессмысленно ожидать, что в наше время достаточно забиться в свой угол и тем самым защитить себя от всепроникающего государства. Последнее не меняет свою природу. Каковы бы ни были ваши намерения — оно легко обнаружит вас. Согласно мнению правящих кругов, людей можно считать аполитичными, если они активно проводят правительственную политику.

Тем не менее можно действительно отбросить надежду на то, что конституционные законы, хорошие институты или проводимые реформы приведут к решающим переменам в чем бы то ни было.

Главная иллюзия состоит в том, будто контроль над государством может быть установлен внутри государства и что последнее может стать саморегулирующим механизмом.

Опыт показал, что государство отступает, если встречает на своем пути препятствие. Так случилось с реформой Зурабова. Таким препятствием могут быть только граждане, организованные независимо от государства. Но, однажды организовавшись, граждане должны обладать подлинно демократическим поведением, чтобы уметь де- и реполитизировать.

Этот подход может быть результатом освобождения граждан от иллюзий.

Какой-нибудь демократ, выводящий мелом на стене: «Зурабова на виселицу», — конечно, антидемократ, неважно, какое политическое преступление он совершает. Для демократа никакое политическое действие, даже если оно может быть названо преступлением или рассматриваться как угроза демократическому устройству, не заслуживает такого наказания. Важно, чтобы политические чувства, реакции и мысли гражданина не были столь драматичными.

Политики постоянно конструируют события. Политическая деятельность, по существу, оправдана только тогда, когда она предполагает коренное согласие по поводу высшей государственной ценности: все должно служить совершенно непротиворечивой коллективной цели.

Сегодня, как показывает исследование Н. Молчанова, обнаружилась опасная тенденция — стремление заручиться помощью молодежи, найти в ней опору, используя средства для виртуальной политизации молодежи. Такая тенденция задерживает ее реальное возмужание.

Павел Гуревич, профессор

Олег Рожнов

МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА И МОЛОДЕЖНОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ: 15 ЛЕТ ПЕРЕМЕН

За последние 15 лет существовавшая в стране система работы с молодежью была практически полностью разрушена. Активной, достаточно целостной молодежной политике пришла на смену реактивная, т.е. определенный комплекс технологий и мер реагирования общества и государства на процессы в молодежной среде.

Это нашло отражение в целом ряде показательных тенденций.

1. Остаточный принцип по отношению к молодежной политике, основанный во многом на ошибочных подходах к молодежи в целом. Молодежь в большей мере рассматривается, во-первых, только как объект воздействия, и во-вторых, как «проблема» для государства и общества.

2. Отсутствие социально ориентированной государственной информационной политики.

Раньше замалчивалось все негативное — популяризировались достижения и успехи, сегодня на поверхность «вытаскивается» в основном остренькое, скандальное. Все позитивное, что делается не очень многочисленным сообществом молодежных организаций, остается без внимания. Представители центральных СМИ заявляют: «Либо платите деньги за размещение информации, либо устройте погром, скандал, ваша позитивная информация — это не товар, которым мы торгуем, который обеспечивает рейтинги».

Находится в информационном вакууме и сам молодой человек. Если судить о важнейших событиях в истории страны по некоторым современным учебникам, уже непонятно, кто победил во Второй мировой войне. Сейчас немало говорят о создании положительного имиджа России в мире, а это во многом — дело киноиндустрии, которая, кстати, оказывает заметное влияние на молодежь. Показательный пример: в один день по телевидению идут два бестселлера — американский и российский, но у них «Пёрл-Харбор» — о героизме молодых ребят во Второй мировой войне, а у нас «Антикиллер» — о нескольких иных, мягко говоря, деяниях.

Владельцам газет, радио и телеканалов, вероятно, стоило бы как-нибудь провести время с включенным телевизором, как это делают школьники ежедневно, и задать себе вопрос: можно ли остаться патриотом в таком информационном поле?

3. Ресурсное обеспечение работы с молодежью. В 2001–2005 годах из федерального бюджета тратилось меньше, чем по 2 рубля на одного молодого человека в год (в соответствии с Федеральной целевой

программой «Молодежь России» – 66,9 млн. рублей на 38 млн. молодых россиян). Так что вполне можно говорить о практическом прекращении финансирования молодежной сферы со стороны государства. При этом, согласно федеральным законам №131 и №184, молодежная политика как предмет ведения и как определение перестала существовать для уровней муниципального и субъекта федерации. Соответственно идет процесс обнуления финансирования молодежной сферы в регионах, сворачивание целевых региональных программ.

4. Отсутствие федеральных стандартов государственной молодежной политики в Российской Федерации. Сегодня каждый губернатор сам определяет, как ему строить работу с молодежью. Если он дальновидный политик – есть молодежная политика в регионе, если – «временщик», рассматривающий субъект РФ как собственное акционерное общество для зарабатывания денег в ограниченный период времени, никакой работы с молодежью нет. Как следствие этих подходов в некоторых регионах возраст молодежи определяется до 25 лет, в некоторых – до 30, в ряде регионов не определяется вообще.

Политику в России, в том числе и молодежную, определяет Президент РФ. В 2002 году В.В. Путин давал поручение подготовить вопрос о молодежной политике в России на заседании Государственного совета, но оно не было выполнено. На наш взгляд, это было бы крайне важно для решения множества проблем в работе с молодежью как на федеральном, так и на региональном уровне. В своем ежегодном послании В.В. Путин отмечал, что ряд функций целесообразнее выполнять на уровне субъектов РФ. Это, безусловно, касается и молодежной политики, реализацию которой в первую очередь должны обеспечивать руководители каждой республики, области и края. К сожалению, сегодня идет обратный процесс – закрытие самостоятельных органов по делам молодежи и соответственно финансирования целевых программ.

5. Несовершенство законодательной и нормативной базы государственной молодежной политики. Отсутствие механизмов реализации положений, провозглашенных уже принятыми законами, причем законами устаревшими, создает немало ненужных коллизий. Но еще большие трудности возникают из-за отсутствия базового федерального закона о молодежи – документа, законодательно закрепляющего статус молодежи, ее общественных объединений, отношение государственных органов к вопросам социализации подрастающего поколения и пр.

Общественная молодежная палата при Госдуме РФ в свое время сформировала рабочую группу по подготовке концепции законопроекта. Данный документ был принят на заседании палаты весной 2003

года. Однако дальше дело не продвинулось. По мнению Главного правового управления Администрации Президента РФ, разработчикам не удалось дать предметное и конкретное толкование целей, задач и механизмов молодежной политики. В мае 2004 года Госдума РФ сняла с рассмотрения не имевший законодательной перспективы Закон «Об основных направлениях государственной молодежной политики», не преодолевший в свое время вето президента, освободив тем самым «поляну» для внесения нового законопроекта. Но когда он появится, сегодня сказать сложно.

Для справки. Первым специальным федеральным документом стал Указ Президента РФ от 16 сентября 1992 г. «О первоочередных мерах в области государственной молодежной политики». Далее последовало Постановление Верховного Совета РФ от 3 июня 1993 г. «Об основных направлениях государственной молодежной политики в Российской Федерации». В них определялось, что государственная молодежная политика является деятельностью государства, направленной в том числе на развитие молодежных общественных объединений, движений и инициатив.

Правовое поле деятельности общественных объединений определялось в федеральных законах «Об общественных объединениях» (19 мая 1995 г.), «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений» (18 июня 1995 г.), «О некоммерческих организациях» (12 января 1996 г.). Была заложена некая основа законодательства в сфере государственной молодежной политики, но спустя 10 лет можно констатировать, что законодательство не только не способствует развитию этой сферы, но и всячески ему препятствует.

Безусловно, глубокие трансформации всех сторон жизни общества за последние 15 лет и указанные выше прогрессирующие тенденции в молодежной политике повлияли на **молодежное общественное движение**, которое за период с 1991 по 2005 год претерпело целый ряд серьезных изменений.

Основными чертами эволюции молодежного общественного движения в начале 1990-х были его децентрализация, поиск и экспериментирование. На федеральном уровне было заявлено о необходимости формирования органов по делам молодежи в субъектах РФ, которые в то время по всем вопросам жизни региона активно опирались на позицию Президента России Б. Ельцина о развитии самостоятельности регионов («берите столько суверенитета себе, сколько сможете унести») и соответственно вопросы реализации молодежной политики определялись самостоятельно.

«Парад суверенитетов» в то время приобретал самые разные формы.

Российский комсомол был преобразован в общероссийскую общественную организацию Российский союз молодежи, а большинство комсомольских организаций субъектов РФ в течение 2 лет — в территориальные организации РСМ. В то же время создается много новых общественных объединений различного уровня (региональных, межрегиональных, общероссийских) и направленности (в настоящее время в России действуют более 427 тыс. молодежных и детских общественных объединений). Первая половина 1990-х годов характеризовалась достаточно жесткой борьбой молодежных объединений, в том числе и политической направленности, за первенство в молодежной сфере. В нем участвовали и организации, которые постоянно и стабильно работали в третьем секторе России, и структуры, созданные в угоду политическим веяниям, для становления которых был задействован серьезный административный или финансовый ресурс.

Даже создание в 1992 году Национального совета молодежных и детских объединений России как площадки для согласования интересов всех молодежных организаций не принесло на первом этапе ожидаемых результатов по координации и взаимодействию между ними.

Общественные объединения и создаваемые ими органы по делам молодежи в то время еще имели некоторое влияние на позиции федеральной исполнительной и законодательной власти, что способствовало выходу целого ряда указанных выше нормативных документов в сфере государственной молодежной политики. Возможно, не потому, что сильным мира сего была очевидна необходимость системного подхода к молодежи как к стратегическому ресурсу и кадровому потенциалу, а по имевшей инерции ответственности за судьбы подрастающих поколений.

В середине 1990-х и эту инерцию преодолели. Власть стала интересоваться молодежью либо в период выборов, либо при появлении каких-либо угроз с ее стороны: появились наркоманы — давайте их реабилитировать, стало их больше — давайте больше реабилитационных центров строить, обнаружили в ближнем зарубежье «оранжевые» настроения — давайте подготовим им достойный отпор из собранных под заказ ребят в майках другого цвета.

Системная каждодневная работа с молодежью перестала интересовать государство. Самостоятельным общественным объединениям самой молодежи пришли на смену более востребованные сегодня технологии управления молодежной электоральной средой.

Насколько перспективна такая молодежная политика и такое отношение государства к общественному молодежному движению, покажет время. В каких-то вопросах развитие истории идет по спирали, в каких-то — по закону маятника...

Игорь Ильинский**МОЛОДЕЖЬ КАК БУДУЩЕЕ РОССИИ
В КАТЕГОРИЯХ ВОЙНЫ***

Что значит рассматривать молодежь под таким углом зрения?

Прежде всего, это взгляд на молодежь и молодежную политику не в традиционно социологическом, а в глобальном политическом, если хотите, геополитическом аспекте.

Такой подход требует мыслить категориями пространства и времени, рассматривать молодежь как главный ресурс общества, а молодежную политику — как главный инструмент общества и государства по образованию народа и нации в соответствии с теми идеальными представлениями о человеке и нации, которые есть в каждой стране и должны быть в России. Такой подход требует формировать молодежную политику как главную цель развития нации и, следовательно, как центральный вопрос национальной безопасности.

Это означает, что из разряда узких и маргинальных направлений деятельности, какой является ныне молодежная политика — государственная и общественная (в основном помощь безработным, инвалидам, различным группам риска и прочим дивиантным слоям молодежи), финансируемая по остаточному принципу, должна быть превращена в ведущее звено всего социально-гуманитарного направления жизни общества и государства.

Молодежь — это будущее, с которым мы можем разговаривать, общаться и влиять на его образ.

И это один из ключевых пунктов наших рассуждений.

Воспитывая и обучая молодых сегодня, мы формируем (образуем) образ будущего нашего общества на относительно длительную перспективу длиной, по крайней мере, в одну человеческую жизнь. Воспитывая и обучая поколение за поколением, мы имеем возможность получить определенный тип народа с его специфическими качествами, менталитетом, духовными и нравственными качествами.

Сегодня в нашем обществе происходит ускоренная перекодировка нации. В значительной степени это процесс естественный и необходимый. Но все ли происходит вполне осознанно и так, как должно происходить? Думаю, нет. Но главное в другом: многое, слишком многое происходит скрытно в результате внешнего воздействия, хотя зачастую это делается нашими руками.

Трудно поверить в то, что Мировой банк еще в 1992 году взялся разрабатывать рекомендации по реформе российского образования

* В основе статьи доклад на Научно-практической конференции «Молодежная политика и молодежное движение: 15 лет перемен». Моск. гуманит. ун-т. 30 мая 2005 г.

из гуманных соображений, что Д. Сорос решил потратить сотни миллионов долларов на подготовку учебников для школ и вузов из чисто благотворительных целей. Сороса не интересует будущее России, его интересует будущее географического и экономического пространства с названием «Россия», открытого для бизнеса.

Не только ради бизнеса западные медиамагнаты приобретают в России газеты, журналы, каналы ТВ и радиoprogramмы. Совсем не случайно они масштабно изучают ценностные ориентации и настроения молодых россиян, их отношение к политическим партиям и доверие к российской власти, финансируют многие молодежные структуры.

12 мая 2005 г. директор ФСБ Н. Патрушев в своей речи в Госдуме РФ по поводу безопасности страны отметил, что активность спецслужб иностранных государств в отношении РФ не снижается. В эпоху глобализации она просто приобретает новую окраску. Западные спецслужбы, по словам Н. Патрушева, в худших традициях «холодной войны» продолжают использовать политику двойных стандартов по различным вопросам. Для достижения своих целей они активно используют возможности неправительственных организаций. Так, по данным ФСБ, недавно в Братиславе обсуждался план проведения «оранжевых революций» на пространствах СНГ.

При нашем попустительстве внешние силы добились немалых результатов. Именно на соросовские гранты были подготовлены учебники по отечественной истории для школ, в которых наше прошлое выглядит грязным и пошлым. Антипатриотизм и космополитизм — чрезвычайно распространенные явления в молодежной среде. Многие молодые люди мыслят себя всемирными гражданами, у которых родина там, где хорошо платят. Скомпрометирована армия и сама идея воинской службы, которая представляется как глупый анахронизм, за который цепляются «ура-патриоты» и профессиональные военные или те, кто извлекает из войны личные выгоды.

К сожалению, все это присутствует в нынешней действительности.

Я не ставил перед собой задачу детально анализировать положение дел в молодежной среде, но не могу не констатировать, что оно весьма неблагоприятное и тревожное.

Соединение внутренних социальных проблем и внешней манипуляции общественным сознанием молодежи создает достаточные условия, чтобы в любое время и в любой точке и, прежде всего, в столице была спровоцирована «цветная революция» с самым активным участием молодежи.

Как на эту войну за новые поколения россиян реагирует наше государство?

К молодежи проявляется интерес в основном накануне очередных выборов, перед ней заискивают партии и кандидаты, но как только голоса избирателей подсчитаны, проблемы молодежи уходят в тень.

Власть последовательно освобождается от всяких обязательств перед молодежью своей страны, добровольно отдает «будущее России» любому, кто не поленится взять такой дар.

Структуры, занимающиеся на федеральном уровне реализацией государственной молодежной политики, за 15 лет менялись семь раз. Сегодня не только нет самостоятельного органа исполнительной власти по делам молодежи, но и ликвидирована правительственная комиссия по делам молодежи. Понижен статус специализированной структуры по работе с молодежью на федеральном уровне — от крупного департамента до отдела в составе департамента Министерства образования и науки и управления в составе Федерального агентства по образованию. Проецирование этой ситуации происходит и на органы исполнительной власти в регионах.

Фрагментарной остается правовая база государственной молодежной политики. А в самое последнее время даже ранее решенное отменено или искажено до неузнаваемости. Так, принятый в 1995 году Федеральный закон «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений» был по своей сути и механизмам направлен на передачу государством средств для ведения деятельности среди молодежи ей самой — ее организациям. Впервые в российской правовой системе закреплялся оправдавший себя в мировой практике принцип субсидиарности. Внесенные недавно поправки в закон сделали его бесполезным в применении, так как молодежные и детские общественные объединения теперь лишены гарантий поддержки и специфических форм взаимодействия с государством там, где их роль в решении задач государственной молодежной политики могла бы быть существенно более значительной.

На мой взгляд, такое отношение к молодежной политике в нынешних условиях как нельзя лучше соответствует планам внешних сил, объявивших в качестве глобального и определяющего процесса мирового развития установление «нового мирового порядка».

Нельзя сказать, что провозглашение США этой задачи прошло совсем не замеченным нами. Однако упоминаем о ней как бы мимоходом и чаще всего начинаем рассуждать о частностях — о глобализации, терроризме, свободе и демократии, правах человека, рыночной экономике, вступлении России в ВТО и Болонском процессе, о войне в Ираке (раньше — об Афганистане, Балканах) и т.п.

Как замечал еще Козьма Прутков, «многие вещи не понятны многим не потому, что наши понятия слабы, но потому, что сии вещи не входят в круг наших понятий».

Представляется, что и в нашем случае — та же причина. Мы не включили в круг своих понятий грозный смысл стратегической установки крупнейшей военной державы мира — утверждение «нового мирового порядка». И поскольку это будет происходить и уже проис-

ходит вопреки воле подавляющего большинства стран, подобного рода насилие иначе, как войной, и не назовешь.

Наша страна почти 50 лет жила в условиях «холодной войны», которую мы проиграли. Почему? Причин много. Но главная, на мой взгляд, в том, что советское руководство не воспринимало «холодную войну» как войну в собственном и полном смысле этого понятия.

В 1978 году в Колумбийском университете вышла книга «Сдерживание. Документы американской внешней политики и стратегии 1945–1950 гг.», в которой опубликованы бывшие до того сверхсекретными документы «холодной войны». Иначе говоря, США имели стратегию этой войны. Меня заинтересовал вопрос: «А имел ли такую стратегию СССР, против которого велась эта война?»

Я просмотрел немало книг и статей о «холодной войне», но нашел лишь одну статью, в которой говорилось о том, что за попытку объяснить «холодную войну» как войну нового типа и самую настоящую форму военного противостояния начальник отдела по воспитательной работе Главного политического управления Советской Армии и Военно-морского флота СССР генерал-майор Л.И. Шершнева был уволен из рядов Советской Армии. Я разыскал его, и он рассказал, что политработники Главного политического управления самого высокого ранга не допускали даже мысли, что «холодная война» — это настоящая и всеобъемлющая война. То же самое настроение царило в ЦК КПСС, органах государственной власти, ЦК комсомола. Непонимание сути происходящего, на мой взгляд, помешало выработке нужных мер противодействия формам скрытого насилия и агрессии, итогом чего и стал расвал СССР.

Недавно я получил в руки еще один документ — план экстренной операции под названием «Немыслимое», согласно которому еще в мае 1945 года У. Черчилль предложил Президенту США Трумэну начать 1 июля 1945 г. войну против СССР. Разработка плана «Немыслимое» велась уже в то время, когда СССР, США и Великобритания были союзниками, а Берлин еще не пал и план о капитуляции Германии не был подписан. Что же остановило наших «союзников»? Сила СССР. И только.

В принципе западные политики особо и не маскируют свои взгляды как по поводу прошлого, так и настоящего и будущего. Вот некоторые высказывания ведущих фигур мировой политики.

Бывший Президент США Р. Никсон: *«Запад должен сделать все возможное, ... иначе США и Запад рискуют выпустить из рук победу в “холодной войне”, которая обернется в результате поражением... Россия — ключ к успеху. Именно там будет выиграна или проиграна последняя битва “холодной войны”. Не может быть более высоких ставок».*

В Послании Президента США Б. Клинтона «О положении страны» от 7 февраля 1997 г. говорится: *«Чтобы подготовить Америку к*

вступлению в XXI век, мы должны научиться управлять силами, предопределяющими перемены в мире, обеспечить прочность и надежность руководящей роли Америки на долгие времена...»

Директор Центра политики и безопасности Ф. Гафней: *«Победа США в “холодной войне” была результатом целенаправленной, планомерной и многосторонней стратегии США, направленной на сокрушение Советского Союза. Ход исторических событий был предопределен стратегическими директивами Рейгана. В конечном счете скрытая война против СССР и создала условия для победы над Советским Союзом».*

Вот слова З. Бжезинского: *«Россия — побежденная держава. Она проиграла титаническую борьбу. И говорить “это была не Россия, а Советский Союз” — значит, бежать от реальности. Это была Россия, названная Советским Союзом. Она бросила вызов США. Она была побеждена. Сейчас не надо подпитывать иллюзии о великодержавности России. Нужно отбить охоту к такому образу мыслей... Россия будет раздробленной и под опекой».*

Это уже — о современной России.

Премьер-министр Великобритании Джон Мейджер в 1997 году заявил: *«... Задача России после проигрыша “холодной войны” — обеспечить ресурсами благополучные страны. Но для этого им нужно всего пятьдесят-шестьдесят миллионов человек».*

Бывший директор ЦРУ США Джеймс Вулси, выступая в Калифорнийском университете 3 апреля 2003 г., сказал: *«“Холодная война” на самом деле была Третьей мировой войной, а сейчас США вязались в Четвертую мировую войну, которая продлится много лет».*

Нынешний вице-президент США Ричард Чейни констатирует: *«С целью управления всем миром Соединенные Штаты вступили в войну, до конца которой мы не доживем».*

Осенью прошлого года 100 влиятельных политиков и интеллектуалов США и Европы опубликовали открытое письмо к главам государств НАТО и ЕС, в котором требовали пересмотреть взаимоотношения стран Запада с Россией. Среди подписантов: Мадлен Олбрайт, бывший госсекретарь США; профессор Фрэнсис Фукуяма; Джулиано Амати, бывший премьер-министр Италии; Карл Билдт, бывший премьер-министр Швеции; Филипп Димитров, бывший премьер-министр Болгарии; Вацлав Гавел, бывший президент Чехии; Витаутас Ландсбергис, бывший президент Литвы и др. 53 человека из числа подписантов — американцы. Их письмо — по сути дела — это антироссийский манифест, смысл которого в том, что нынешняя путинская Россия совсем отбилась от рук, а такая Россия (т.е. какая-либо вообще самостоятельная Россия) нам не нужна, режутяируют политики и интеллектуалы, а потому надо срочно отказатьсь от ошибочной политики сохранения России как целого и возобновить «холодную войну».

На Западе в последние годы противоборствовали две концепции отношения к России. Одна основана на том, что единая и стабильная Россия в любом случае благо для Запада; другая исходит из того, что единая и стабильная Россия в любом случае угроза, а потому необходимо развить успех «холодной войны» и окончательно додавить Россию, дабы это огромное пространство заполнилось множеством квазигосударств.

Таким образом, США и их партнеры говорят нам: «Мы воюем с вами». Некогда сверхсекретный документ К8С 20/1 рассекречен, но не утратил своей актуальности, остается действительной программой уничтожения России.

Буквально на днях я получил ксерокопию книги «Сдерживание. Документы американской внешней политики 1945–1950 гг.», содержащей сверхсекретные документы по стратегии «холодной войны», среди которых особенно интересна директива 20/1 «Цели США в отношении России» от 18 августа 1948 г.

Из этого документа явствует, что идеологическая борьба с СССР имела для США второстепенное значение. Главной целью было разрушение Советского Союза как геополитической целостности на пути США к мировому господству. В частности, видно, что еще в 1939 году были выработаны планы принятия США на себя прежней роли Британской империи в качестве мирового властелина, которые потом и воплотились в стратегии и документах «холодной войны».

Там же говорится: «Наши цели в отношении Советского Союза, если они не могут быть осуществлены средствами, граничащими с войной, должны быть достигнуты с помощью самой настоящей войны, ибо наша задача — свергнуть советскую власть и разрушить СССР». Далее в документе говорится, что *геополитические цели* США, по существу, *военные цели*. Каковы же они?

Во-первых, уничтожить сферу советского влияния в Восточной Европе (это обозначено как «*первая цель*»), что достигается с помощью экономического проникновения. Таким образом, экономика была включена в арсенал способов и средств войны «иными средствами».

«...*Вторая цель* — изменение границ Советского Союза и отделение от него, в первую очередь, балтийских стран и Украины. Для этой цели надлежит поощрять и инициировать любые сепаратистские движения в Советском Союзе, ибо сепаратистские движения, правильно организованные, являются самым лучшим средством для уничтожения советской мощи и расчленения СССР».

Далее говорится нечто такое, что имеет прямое отношение к сегодняшним дням: «Независимо от того, каким будет антикоммунистическое правительство грядущей России (конечно, дружелюбно относящееся к США), оно всегда должно обладать лишь ограниченным военным потенциалом и должно пребывать в состоянии полной экономической зависимости от Соединенных Штатов».

Ну вот — у власти в России антикоммунистическое правительство, осуществляющее либеральные реформы и дружественно относящееся к США, не желающее с ними воевать, признающее их силу и лидирующую роль. Что же — США изменили свои установки в отношении России? Напротив, именно теперь, когда наша военная мощь предельно ослаблена, экономика разрушена, когда мы чрезвычайно зависимы от внешнего мира экономически и политически, они ускоренно продвигают НАТО на Восток, инициируют «цветные революции» в бывших республиках СССР. Для чего? Чтобы окончательно ослабить Россию, а затем овладеть ее богатствами. В этом состоит высшая цель текущей мировой войны, которая ничем не отличается от целей войны, которую вел с СССР Гитлер: жизненное пространство и сырьевые ресурсы. Причем положение дел в этих вопросах за последние шесть десятилетий намного обострилось из-за демографического взрыва, истощения невозобновляемых природных ресурсов.

Известно, что на ближайшие 50–70 лет основным источником удовлетворения потребностей общества в энергии по-прежнему будут нефть, газ и уголь. Поэтому реально прогнозируемый путь движения человечества в XXI веке неотвратимо пролегает через борьбу за сырье и энергетические и прочие ресурсы, которых становится все меньше. Чем и обусловлен, прежде всего, новый передел мира. Идея нового мирового порядка — дело не новое. И переделу всегда, как правило, предшествовала война. В XX веке такой передел происходил четыре раза.

Результатом Первой мировой войны было расчленение побежденных держав: Германии, Австро-Венгрии, Османской империи, а также западных областей Российской империи. Было создано *девять* новых государств в Центральной и Восточной Европе и пять новых государств на Ближнем Востоке.

Под воздействием Великой Октябрьской социалистической революции в России произошла *вторая перестройка*. Мир разделился на два враждебных идеологических лагеря. С 1917 по 1991 год вся жизнь человечества происходила под знаком идеологической войны и соревнования двух различных социально-политических систем: капитализма и социализма.

Третья перестройка была осуществлена по итогам Второй мировой войны. Главным ее результатом были разделение Германии и всей Европы, а точнее сказать, всего мира на Восток и Запад и развязавшаяся между ними «холодная война».

Четвертая перестройка началась в первой половине 1990-х годов как результат окончания «холодной войны», а точнее сказать, победы Запада и, прежде всего, США в этой войне над СССР и его союзниками. Результатом стало объединение Германии, раздел Чехословакии, распад СССР и Югославии с образованием двадцати одного нового суверенного государства.

Почему США и Запад в целом с завистью и вожделием смотрят в сторону России, хорошо известно. Россия занимает более 17 млн. квадратных километров (1/5 часть, 20% суши) при населении 146 млн. человек, или 2,4% от 6 млрд. жителей земли, численность которых к 2050 году увеличится до 12 млрд. человек, а в России сократится до 101 млн. человек. В России сосредоточено 35% запасов всех мировых ресурсов (энергетических, экологических, биологических и прочих) и более половины (!) стратегического сырья, в том числе 13,6% нефти, 35,4% газа, 22% лесных запасов. Каждый среднестатистический житель России потенциально в шесть раз богаче американца и в 17,5 раза — любого европейца.

В США вполне серьезно обсуждается возможность приобретения российской Сибири или установления опеки над этим регионом. Стоит сказать, что такая сделка планировалась еще в 1920 году.

Естественно спросить: «Каким образом связаны борьба за сырьевые ресурсы и молодежная политика в России?»

Это можно объяснить, если согласиться с тем, что война идет и по концепции этой новой войны главной цели надо достичь с минимальными людскими потерями нападающей стороны и населения России без уничтожения существующей хозяйственной инфраструктуры при полном сохранении доступа к источникам сырья и ресурсов. Добиться победы над Россией чисто вооруженной борьбой США без труда могут и сегодня, поскольку их армия многократно сильнее нашей. Но тут без использования ядерного оружия не обойтись. В этом случае победа будет пирровой, ибо огромные географические пространства будут заражены и доступ победителей к источникам сырья будет закрыт. Остается единственный путь: подобраться мирным путем.

Отчасти этой цели наши оппоненты добились: разрушив нашу индустрию и сельское хозяйство, они заставили нас усиленно торговать нефтью, газом, лесом. Они уже имеют в российском бизнесе немало людей, которые смотрят на Россию их глазами, а отчасти и работают в их интересах. Но это еще далеко не то состояние, которого хотят достичь наши противники. Надо сделать так, чтобы Россию заселял проамерикански настроенный народ-космополит, который избрал бы проамерикански настроенного президента, а тот назначил бы проамерикански думающее и действующее правительство. Добиться этого они могут точно так, как они делали это в «холодной войне».

Далее я цитирую Аллена Даллеса, бывшего в 1953–1961 годах директором ЦРУ и главным идеологом «холодной войны». Еще в 1945 году он писал: «Окончится война, все как-то утрясется, устроится. И мы бросим все, что имеем, — все золото, всю материальную мощь на обольванивание и одурачивание людей!»

Человеческий мозг, сознание людей способны к изменению. Посеяв там хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и

заставим их в эти фальшивые ценности верить. Как? Мы найдем своих единомышленников, своих союзников в самой России.

...Мы будем всячески поддерживать и поднимать так называемых художников, которые станут насаждать и вдалбливать в человеческое сознание культ секса, насилия, садизма, предательства — словом, всякой безнравственности. В управлении государством мы создадим хаос и неразбериху.

Мы будем незаметно, но активно и постоянно способствовать саможурству чиновников, взяточников, беспринципности.

Бюрократизм и волокита будут возводиться в добродетель. Честность и порядочность будут осмеиваться и никому не станут нужны, превратятся в пережиток прошлого. Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркомания, животный страх друг перед другом и беззастенчивость, предательство, национализм и вражда народов, прежде всего вражда и ненависть к русскому народу — все это мы будем ловко и незаметно культивировать, все это расцветет махровым цветом.

И лишь немногие, очень немногие будут догадываться или даже понимать, что происходит. Но таких людей мы поставим в беспомощное положение, превратим в посмешище, найдем способ их оболгать и объявить отбросами общества. Будем вырывать духовные корни, опошлять и уничтожать основы народной нравственности. Мы будем расшатывать таким образом поколение за поколением. Будем браться за людей с детских, юношеских лет, главную ставку всегда будем делать на молодежь, станем разлагать, развращать, растлевать ее. Мы сделаем из них циников, пошляков, космополитов. Вот так мы это и сделаем».

Здесь все сказано и о целях, и о методах, и о формах войны против народа, где главным объектом являются дети и молодежь.

Говорят, что Аллен Даллес всего этого не писал, что это фальшивка. По-моему, это не имеет никакого значения. Сказано: «Вот так мы это и сделаем». Именно так все и было сделано. И будет сделано еще раз, если на концепцию войны нового типа, которая реализуется ныне, мы не ответим своей концепцией обороны против духовного покорения российской молодежи все тем же путем — «от поколения к поколению».

В секретной директиве 20/1, которая цитировалась выше, говорится: «Мы не связаны определенным сроком для достижения наших целей в мирное время. У нас нет строгого чередования периодов войны и мира, что побуждало бы нас заявить: мы должны достичь наших целей в мирное время к такой-то дате или прибегнем к другим средствам...».

«Холодная война» с СССР длилась 50 лет. США, как мы знаем теперь, вовсе не ожидали, что добьются победы так быстро. Им некуда торопиться и сейчас. Психологическая и информационная войны по перекодировке сознания и духовному переопределению российского населения с акцентом на детей и молодежь могут завершиться в гораздо более корот-

кие сроки: Россия многократно слабее СССР, внутривнутриполитическая и социально-политическая обстановка способствует воздействию внешних сил. Но противник может и не добиться желаемых результатов, а тем более — полной победы, если мы вовремя и хорошо мобилизуемся.

Представим себе, что в США, как и в годы «холодной войны», разработана новая директива Национального совета безопасности США по отношению к России, и какой-нибудь «новый Даллес» подготовил еще более хитроумную (с учетом новейших достижений в области психологии личности, социальной психологии, форм и методов влияния на человека) доктрину окончательного уничтожения «самого непокорного народа»?

По правде говоря, убежден, что такой документ имеется и он (пока?) успешно реализуется.

Итак, какие же общие выводы, в том числе относительно молодежной политики, следует сделать из этих общих оценок по поводу ситуации в мире и отношения главного субъекта мировой политики — США к России?

Первое. Предпринять необходимые меры, направленные на осознание обществом и властью того факта, что против России ведется война нового типа, что страна находится в состоянии войны, что главным объектом этой войны является все население, но прежде всего — дети и молодежь. Непонимание этого или позиция умолчания чрезвычайно опасны для нынешнего дня и будущего России. Это — ключевой момент ее национальной безопасности. Либерализм либерализмом, демократия демократией, рынок рынком, а война войной. И никуда нам от нее не спрятаться. Бояться надо не слов, а лжи и самобмана. Напротив, надо поскорее и в полной мере осознать эту отвратительную истину и начинать строить нашу «мирную» жизнь на военный лад. Для начала — разработать *стратегию противостояния противнику* по всем направлениям общественной жизни, внутренней и внешней политики, частью которой должна быть стратегия битвы за молодежь. Спасем молодежь — спасем Россию, ибо молодежь — главный ресурс нации, более важный, чем все наши сырьевые запасы. Хотя, разумеется, и о них надо заботиться с надлежащим усердием.

В соответствии с новой концепцией войны за 60 прошедших лет сложилась ситуация, когда мира больше нет, когда грани понятий «война» и «мир» стали размытыми, неопределенными, трудноуловимыми.

Война нового типа стала постоянным и настолько обычным явлением существования человечества, что воспринимается как норма. Люди произносят слово «война» лишь тогда, когда в ходе глобальной войны в некоторых частях мира случаются отдельные военные операции в их классическом варианте — рвутся бомбы и снаряды, летят ракеты, самолеты, идут танки, льется кровь раненых и убитых. Все остальное время — до и после вооруженной операции — понимается как норма, как мир.

Особенностью нынешней ситуации в мире является и то, что благодаря теории открытого общества и искусственно ускоренной глобализации фактический передел мира происходит, как правило, бескровно на наших глазах, т.е. в процессе, а не после войны. И только там, где поставленных целей невозможно добиться иными средствами, включаются вооруженные силы. Так было на Балканах, в Афганистане, в Ираке. Теперь в ход пошли «цветные революции» с установлением проамериканских правительств.

Но то, что простительно обывателю, непростительно политикам и государственным деятелям. Нельзя не понимать, что природа отношений США с остальным миром ныне такова, что эти отношения представляют собой непрерывный антагонизм и конфликт, который иногда разрешается в рамках формального мира в результате политического и экономического давления в течение долгого времени, иногда десятилетий, а иногда в рамках военных действий без всякого юридического обоснования, как было на Балканах, в Афганистане, Ираке.

Отношение США к России надо рассматривать исключительно и прежде всего в категориях войны.

У меня нет возможности раскрыть в полном объеме хотя бы основы новой концепции войны, в которой военная операция, если цели не достигнуты политическими, дипломатическими, экономическими, информационными и психологическими средствами ведения войны, проводится лишь на завершающей стадии. Назову лишь основные особенности концепции: особая скрытность (супертайность), неявность и поэтому непонятность, а также большая растянутость во времени и циничность в плане морального оправдания целей войны.

Меня вдохновляет то, что признание состояния войны с внешним миром появилось в высказываниях Президента РФ В.В. Путина. 4 сентября 2004 г. в связи с событиями в Беслане он заявил: «Это нападение на нашу страну.. Мы имеем дело... с тотальной, жестокой и полномасштабной войной, которая вновь и вновь уносит жизни соотечественников. Мы обязаны создать гораздо более эффективную систему безопасности... Но самое главное — это мобилизация нации перед общей опасностью». Тогда же он сказал: «Нужно признать то, что мы не проявили понимания сложности и опасности процессов, происходящих в своей собственной стране и в мире. Во всяком случае, не смогли на них адекватно среагировать. Проявили слабость. А слабых — бьют. Одни — хотят оторвать от нас кусок «пожирнее», другие — им помогают. Помогают, полагая, что Россия — как одна из крупнейших ядерных держав — еще представляет для них угрозу. Поэтому эту угрозу надо устранить. И терроризм — это, конечно, только инструмент для достижения таких целей».

Вслед за В.В. Путиным о войне, ведущейся против России, высказались многие высшие государственные чиновники. На IX Всемирном русском народном соборе в мае 2005 года первый заместитель

Председателя Государственной думы Любовь Слиска дважды повторила тезис о том, что против России идет «информационная война». Патриарх Московский и Всея Руси Алексий II еще ранее признал, что «против России ведется настоящая война».

Второе. Под этим углом зрения, на мой взгляд, следовало бы провести масштабное социологическое исследование в молодежной среде, подготовить специальный доклад с участием ФСБ и Службы внешней разведки, чтобы обсудить его на заседании Совета безопасности и принять соответствующую доктрину противостояния информационной и психологической войне, которую Запад ведет против России.

Хочу обратить внимание на то обстоятельство, что стратегию «холодной войны» с СССР, информационной и психологической войн определяли не ЦРУ, не Государственный департамент или какие-то иные структуры, а именно Национальный совет безопасности. Иначе говоря, «холодная война» рассматривалась как вопрос национальной безопасности США.

Третье. В принятой доктрине, на мой взгляд, следует предложить российскому обществу рассматривать детей и молодежь на данном этапе развития страны как ценность особого рода, как главный стратегический ресурс нации, с которым напрямую связано будущее России, ее благополучие и положение в мире.

Четвертое. Определить молодежную политику как основной инструмент решения стратегической задачи — исправления и выработки новых положительных качеств российского народа, образования российской и прежде всего титульной, русской, нации, отвечающих вызовам и угрозам XXI века.

Пятое. Рассматривать положение дел с детьми и в молодежной среде, состояние духовного и нравственного, а не только физического здоровья новых поколений, как один из основных показателей национальной безопасности страны со всеми вытекающими отсюда следствиями. Молодежная политика — это центральное звено политики национальной безопасности, берущей начало в настоящем и обращенной от поколения к поколению в далекое будущее. Необходимо поднять дух нации, возбудить в молодежной среде веру и надежду в лучшее будущее России. Опорой в этом должна быть наиболее успешная, патриотически настроенная часть молодежи, которой надо оказать всемерную политическую, моральную, правовую и финансовую поддержку. Надо помочь молодежи осознать свою историческую ответственность за спасение и будущее России.

Для молодежи настал момент истины. В течение 15 лет за Россию боролись в основном старшие поколения. Они сделали, что могли, — сохранили целостность страны. Молодежь должна активно включаться в политику, идти во власть. И старшие поколения должны активно содействовать тому, чтобы в духовную, политическую и деловую элиту попадали достойные представители молодежи.

Валерий Сидоров

ФАНТОМ «РУССКОЙ ИДЕИ»¹

Многие века самые пытливые умы средневековой науки искали «философский камень». Со временем на смену алхимикам Средневековья пришли другие фанатики — искатели «национальной идеи». Что это такое — никто толком объяснить не мог. Но, в общем, подразумевалось нечто вдохновляющее и объединяющее власть и массы, что помогает им в едином порыве стать «пассионарной нацией» и устремиться в будущее в качестве лидера мировой цивилизации.

Обычно такие всплески «алхимической энергии» присущи обществу на переломных этапах, когда и старое вроде отринуто, и новое неопределенно. Вот и в постсоветской России активизировались попытки сформулировать «русскую идею».

Ликвидация господства коммунистической идеологии, глубокое разочарование в реформах и в новых обещаниях светлой жизни, отсутствие реальных сдвигов в построении гражданского общества породили у большинства населения, особенно молодежи, глубокий нравственно-психологический надлом, недоверие к институтам власти. Как подметила «Комсомольская правда», объявившая акцию «Ищем национальную идею» (22 апреля 2005 г.), после краха СССР таковой чуть не стала идея Лени Голубкова: «мы сидим, а денежки идут». Слава богу, опомнились...

Но остается налицо факт: у российского общества нет объединяющей и вдохновляющей цели. Слишком разные интересы у тех, кто живет впроголодь, и у тех, для кого Россия — лишь финансовая кормушка. Даже после отхода от ельцинской беспредельщины при определенном повороте «к народу» уверенность в завтрашнем дне, по данным ВЦИОМ, сохраняют менее 10% россиян. Неуклонно падает рейтинг Думы, правительства, президента.

Русская идея: исторический ракурс

Озабоченность будущим проявляется во всех слоях общества. К этому прибавляется вытекающая из родовой веры русских в чудодейство надежда на приход «добротого царя», на посланную свыше (а не заработанную) лучшую жизнь. Для властей русская идея в том, чтобы на смену лозунгам: «За бога, царя и отечества» или «За Родину, за Сталина» родилось что-то вроде «За Президента, за Россию». Насколько это реально?

¹ Окончание статьи «Россия: витязь на распутье»//Вестник аналитики. 2005. №2.

Стоит отметить, что большинство благополучных стран и народов мира как-то обходятся без национальной идеи и ничего, живут как-то бедные. Кто слышал об английской или итальянской, или швейцарской идее?

Более 150 лет свой ответ на «русскую идею» искали самые выдающиеся российские мыслители — и безрезультатно. Но в памяти народа остались такие примеры, когда какая-то идея сплачивала народ, рождала подъем энергии и энтузиазма, приводила к потрясающим результатам. Таковы были, например, стахановское движение, ликвидация безграмотности, «Все — для фронта, все для победы», целина...

И это не только в истории СССР. Потрясающе целеустремленно и быстро решили США в 1960–1970-е годы проблему сегрегации негров и индейцев. Зримых результатов добились Франция в поощрении рождаемости. С общенациональным размахом решили в Финляндии после гибели парома «Эстония» задачу: «В Финляндии даже младенец должен уметь плавать».

Примеры разного масштаба, но общее есть: общенациональная увлеченность задачей.

Однако наши апологеты «русской идеи» мыслят другими категориями. В своих поисках они исходят из богоизбранности русского народа, его особого предназначения в истории человечества. Лейтмотив их поисков — идея, рожденная в XV веке знаменитой формулой монаха Филофея: «Россия — третий Рим».

Уже в наши дни известный советский фантаст И. Ефремов писал: «Россия должна и может найти узкий, как лезвие бритвы, путь между материалистическим Западом и духовным Востоком, чтобы сделать первые шаги в направлении идеального общества».

Даже такой неистовый ниспровергатель общепринятых канонов, как академик А. Фоменко, отвергая летоисчисление Ж.-Ж. Скалигера, утверждает, что Русь была крещена самим Христом, который и определил ее особое предназначение.

В 1920-х годах известный писатель, политический деятель и активный участник Белого движения Николай Устрялов выступил с программой «Смена вех», в которой призывал всех поддержать советскую власть, ибо она взяла на вооружение «русскую идею» в виде национал-большевизма и сохранила русскую империю, хоть и под другим названием. То же произошло и в Германии в 1920-х годах, где группа немецких интеллектуалов пришла к выводу: физически и морально уничтоженная Германия может возродиться, заимствовав опыт большевистской революции и взяв на вооружение идеи национал-социализма.

В 1973 году А. Солженицын «обнаженно, но не искаженно» дал свою трактовку реализации «русской идеи» в Советском Союзе:

«Русский народ по своим качествам благороднейший в мире; его история — ни древняя, ни новейшая — не запятнаны ничем, недопустимо упрекать в чем-либо ни царизм, ни большевизм; не было национальных ошибок и грехов ни до 17 года, ни после; мы не пережили никакой потери нравственной высоты и потому не испытываем необходимости совершенствоваться; с окраинными республиками нет национальных проблем и сегодня; коммунизм не мыслим без патриотизма; перспективы России—СССР сияющие; принадлежность к русским или нерусским определяется исключительно кровью, что же касается духа, то здесь наблюдаются любые направления, и православие — не более русское, чем марксизм; писать Бог с большой буквы совсем не обязательно, но Правительство надо писать с большой...».

Сколько современных национал-патриотических партий и движений, особенно левого толка, так и не ушли от такого понимания «русской идеи»! Гвоздем национального вопроса для них является сохранение за русским народом статуса державного. Экономической основой защиты державного народа был избран суверенитет России, идеологической основой — православие.

12 июня отмечается как праздник — день России. Но все более очевидно, что это не праздник, а горький день России. 15 лет назад I съезд народных депутатов РСФСР (на котором большинство составляли коммунисты) принял трагическое решение о суверенитете России. Решение, приведшее не только к последующему распаду СССР, но и мощному всплеску антирусских настроений в окраинных и национальных республиках, буквальному апартеиду по отношению к миллиону русских в Прибалтике и Молдавии, Средней Азии и Закавказье...

Вспомним об одном историческом уроке. Летом 430 года до н.э., после очередного поражения Афин от Спарты, великий Перикл предупреждал афинян: «следующее поражение грозит потерей империи и ненавистью со стороны тех, над кем вы властвовали. Вы не можете отказаться от власти. Сохранять империю и тиранию может быть несправедливо, но отказаться от нее — опасно».

После Октябрьской революции от империи отказались только внешне, потому что быстро ощутили опасность децентрализации власти. Подавив политически окрашенный сепаратизм, советская национальная доктрина свела проблему к тому, что причины межэтнических конфликтов кроются, в основном, в социально-экономической сфере: земельные споры между Осетией и Ингушетией, Киргизией, Таджикистаном и Узбекистаном, более высокий уровень жизни славянских специалистов (в силу их более высокого образования и квалификации) в Туве, Хакасии, Горном Алтае...

В СССР полная экономическая зависимость от центра, коррумпированность местных властей, их благоденствие за счет особых льгот того же центра не способствовали широким и авторитетным национальным движениям. Но когда центр ослаб, а затем и рухнул, когда обнажилась «нагота местных князьков», элита срочно вызвала джина национализма. Центр, а точнее державный народ, — стал виновником всех бед.

Тогдашнее руководство СССР и России не сумело ни найти замену имперской политике, ни обеспечить защиту и интересы державного народа. «Русская идея» по-советски рухнула, придавив своими обломками миллионы судеб именно русских.

В наше время новый этап поиска «русской идеи», конечно, предполагается вести на принципах демократического общества. И ничего, что сама природа «избранности», обособленности, особенности одного народа отвергает демократическую возможность решения. Уже больно хочется власти увидеть богобоязненный и преданный народ.

Народность – мечта власти

В марте 2005 года в Костроме прошло заседание Президиума Госсовета, посвященное задачам сохранения культурного наследия России. Но лейтмотивом обсуждения стала национальная идея. На этот раз на ее роль претендовала современная интерпретация знаменитой идеи графа Е. Уварова — министра просвещения при Николае I: «Православие, самодержавие, народность» как фундамент патриотического воспитания нации.

Надо отметить, что во время многочисленных поездок по стране президента В. Путина местные историки (сами или по заданию местной элиты) все чаще стали готовить для него «исторические сенсации», рассчитывая как на внимание (а значит, и помощь) президента, так и на возможность добавить себе известности. То в Старой Ладог (старинном форпосте Новгорода) показывают могилу вешего Олега (который там никогда не бывал) и убеждают В. Путина, что Старая Ладога — одна из столиц Древней Руси. То открывают на Урале вторую Мангазею, перенося рождение и развитие человечества в Уральские горы. То пробуют «прописать» в России каких-то зачуханных побочных родственников Романовых, являющихся якобы наследниками престола, хотя ни один из ныне живущих Романовых по законам Российской империи не имеет прав на престол в силу особенностей своего происхождения. То, как в Костроме, находят вдруг подтверждение подвигу И. Сусанина: останки 40 вооруженных людей вокруг изрубленного крестьянина. Причем срочно проведенный анализ ДНК открывает родство этого крестьянина с живущими потомками Сусани-

на. Таким образом, тезис «народность — это жизнь за царя» (то бишь — за власть) получает вдруг почти документальное подтверждение.

Сам миф о подвиге Сусанина (о военном походе поляков на Кострому, о том, как Сусанин прятал Михаила Романова в овине, как он сгубил поляков то ли в болоте, то ли в лесу) убедительно был опровергнут всеми ведущими российскими историками — С.М. Соловьевым, Н.И. Костомаровым, В.О. Ключевским и т.д. Вплоть до мая 1613 года М. Романов с матерью находился в Ипатьевском монастыре, затем в Ярославле в Спасском монастыре под охраной дворянской дружины, да и сами Кострома и Ярославль были мощно укреплены. Что в таких условиях мог сделать отряд поляков в 40 человек? И никаких следов нахождения ляхов в этих районах после изгнания их из Москвы не нашлось ни в одном документе или свидетельстве очевидцев. Миф о том, что Сусанин спас будущего царя, родился из челобитной зятя Сусанина — Богдашки Сабинина, который в 1619 году писал матери М. Романова, что его тесть в 1618 году погиб от ляхов за свою преданность царю и просил в силу этого привилегий для своего хуторка. Попытка, на Руси не редкая, но в этот раз — удачная...

В этой истории более интересно другое: была ли в то время в русском народе такая степень «народности», чтобы отдать жизнь за царя. Лучше всего об этом сказала Марфа Ивановна (мать будущего царя), которую послы Земского собора просили благословить Михаила на царство. Инокinya отказались, заявив: «...Московского государства люди измалодушествовали — давали свои души прежним московским государям и не прямо служили им». Вспомнив судьбы Федора Иоанновича, Бориса и Федора Годуновых, Дмитрия Иоанновича (Лжедмитрия I), Василия Шуйского, Лжедмитрия II, продолжала: «Как же можно быть на Московском государстве государю, видя такое непостоянство и крестопреступления, и убийства, и поругания над прежними государями. Мне благословить сына на царство разве на одно погубление...»

Сейчас события 1612–1613 годов особенно эксплуатируются нашими народниками-патриотами. Даже 4 ноября объявлено Думой общенародным праздником. Кстати, непонятно, почему именно 4 ноября? Действительно, решающие события в изгнании поляков из Москвы произошли 24 и 25 октября 1612 г.: 24 октября казаки разгромили в Замоскворечье обоз в 400 возов гетмана Ходкевича, шедшего на помощь осажденным в Кремле, а 25 октября объединенные силы Трубецкого и Пожарского вынудили поляков сдаться. Но на этом война не закончилась. Польский король Сигизмунд III Ваза повел на Москву войска для восстания на царстве своего сына Владислава, избранного московскими боярами на царство 17 августа 1610 г. И только в конце 1612 года из-под Волока-Ламского Сигизмунд ушел

обратно в Польшу. Тогда же Земское собрание отвергло и притязания шведских претендентов на русский престол, одновременно решив исключить из «списка соискателей» всех замешанных в Смуте (ради общего примирения).

24–25 октября — дата, конечно, заметная. Но если уж быть до конца принципиальным, то надо признать, что смута на Руси прекратилась только после воцарения 10 июля 1613 г. новой династии. Так что логичнее было бы отмечать именно эту дату² как восстановление российской государственности.

Вся дальнейшая история России напрочь отвергает сусальность насчет особой «народности» русского народа. И наряду со всплесками общенародного патриотизма (в Отечественную войну 1812–14 годов, например, или в войну за освобождение Балкан от османского ига) народ регулярно подпускал «красного петуха» к местным боярам и самодержавию в целом.

Мало оснований рассчитывать на рост патриотизма у россиян и в наши дни. Рядовые россияне, особенно на периферии, в селах и малых городах, пенсионеры и военнослужащие ощущают себя униженными и оскорбленными, зажатыми, не чувствуют под ногами твердой почвы.

Самодержавие без самодержца

Граф С. Уваров не мыслил существование России без самодержавия. И в наши дни немало политических и культурных деятелей серьезно обсуждают возможность восстановления монархии в России, канонизируют Романовых, считают 300-летие их правления золотым периодом российской истории.

О том, чем была династия Романовых, пожалуй, наиболее ярко сказал ярый монархист Пуришкевич: «Это ничтожная прусско-голландская династия с 1/96 частью русской крови».

Подавляющее число Романовых были бесцветными и бездарными правителями — такими их нам представила российская история. Но парадокс в том, что в глазах российской радикальной интеллигенции яр-

² Поскольку «Вестник аналитики» выходит в свет как раз около Памятного дня, то стоит упомянуть еще об одной русской традиции. Это когда награждают непричастных и бичуют заслуженных. На Красной площади стоит памятник Минину и Пожарскому как главным национальным героям того времени. Но главные герои тех лет в глазах новой династии и Земского собора были отнюдь не они. Наибольших наград удостоился князь Трубецкой, высоко была оценена роль воевод Ляпунова и Скопина-Шуйского. А Минин и Пожарский в первых рядах жалованных и званных на пиры в Кремль отнюдь не значились. Более того, и Пожарский, и Митин подвергались в те годы дознанию по поводу казнокрадства, спекуляции, мошенничества и притеснения подчиненных... Ничего не скажешь — удачно выбран и Памятный день, и главные герои.

кими личностями были лишь разрушители, самые — как ни парадоксально — грозные и жестокие. Остаются до сих пор в тени многие интересные деяния Алексея Михайловича, Федора и Софьи, Петра III и Павла I. Зато яркими красками рисовался и до сих пор культивируется миф о Петре I Великом — вот уж любимый герой квасных патриотов.

Что показывает непредвзятый и объективный взгляд на Петра I — не на симоновского героя с пылающим взором, стремительностью поступков и радетеля земли русской, а на реально существующего, максимально правдиво изображенного Шемякиным. Не того, восторженными почитателями которого были Белинский и Герцен, Маркс и Энгельс, Ленин и Сталин, а того, о ком зрелый Лев Толстой писал: «Был осатанелый зверь... Великий мерзавец, благочестивейший разбойник, убийца, который кощунствовал над Евангелием». Ему позднее вторил его тезка — Алексей Толстой (не в романе и фильме, а в своих записях): «Кровавый вихрь, поднятый Петром, поднял Россию за волосы, представил перед миром окровавленной и обезумевшей от ужаса и отчаяния». Еще один отзыв — П. Милюкова: «Результат петровских реформ — хаос. Ценой разорения России страна возведена в ранг европейской державы. Но политический рост государства опять опередил его экономическое развитие». Любопытно: будто Милюков писал о реформах Гайдара.

Не стандартно, не привычно, но факт: ни в одном из своих преобразований Петр не был зачинателем, ни одно из начатых им «великих дел» не дало России долговременного успеха. Вот лишь несколько примеров.

Неоспоримы якобы заслуги Петра в создании российского флота. Начнем, однако, с того, что первый русский фрегат «Орел» был построен при Алексее Михайловиче, а купцы Северного Поморья давали казне России огромную прибыль от торговли с Англией. Но неистовство Петра требовало: больше, больше, больше... Построенный на живую нитку из сырого дерева петровский флот сгнил уже через несколько лет. Петр заставил поморов строить кочи по голландскому образцу — и их раздавливало при плавании во льдах. Из-за скотского отношения к матросам на российском флоте ежегодно погибало от голода и болезней вдвое больше моряков, чем в английском и голландском.

Великая Полтавская битва, про которую В.О. Ключевский писал: «Стыдно было бы проиграть Полтаву, так как 30-тысячная шведская армия была скопищем отощавших, обносившихся деморализованных бродяг». Шведам с их четырьмя орудиями и раненым Карлом XII противостояла 40-тысячная русская армия со 112 орудиями. Бой шел всего два часа. После чего Петр I, «подняв зазданный кубок за учителей своих», всех плененных послал на строительство Петербурга и Ладожского канала. В Питерском гуглаге сгинули тысячи пленных шведов.

При Петре I были заложены основы государственного капитализма, неэффективной и крайне милитаризованной экономики. Если во времена Алексея Михайловича, Федора и Софьи бурно развивались частное предпринимательство, торговля, внешнеэкономические связи, то Петр насадил государственный капитализм, трудовое рабство. 78% расходов шли на армию, число налогов увеличилось до 28 (на рождение и похороны, гробы, кровати и ульи, на женитьбу и похороны, на бороды и т.п.). В одном только 1710 году в России погибло около 15% податного населения.

Небывалый размах приняло «слово и дело». Смертная казнь была введена за 90 деяний, а Петр сам редактировал «Обряд, как обвиняемый пытается». пытки, приговоры, казни приняли невиданные на Руси размеры.

Интересам самодержца была полностью подчинена церковь. Петр отменил патриаршество, ввел государственный орган управления церковью — Синод. В 1705 году Петр запретил строить церкви и монастыри, забрил в солдаты тысячи духовников, сам назначал архиереев на места. Неистово уничтожались и изгонялись из страны общины мастеровых и трудолюбивых староверов.

За время правления Петр издал более 12 тыс. указов, многие из которых просто бессмысленны, ибо написаны в пьяном состоянии, в состоянии припадков, в озлоблении. Английский епископ Бернет и американский историк Мэсси выпустили горькие для нас, но объективные книги о припадках дикой ярости Петра, его алкоголизме, эпилепсии, сифилисе, педофилии. Все это, естественно, не прибавляло нравственности российскому обществу.

Для чего об этом вспоминать и корректировать исторические лубки? Во-первых, потому что «нравственность — есть правда». Но главное в другом: Петр I доказал, что революционными, радикальными, жестокими мерами в России нельзя добиться того, что можно достичь эволюционными реформами. Путь, начатый преобразованиями Алексея I, Федора и Софьи, продвигал Россию к современной цивилизации быстрее и весомее, чем потрясения Петра. Это был жестокий урок России, не усвоенный ни последующими Романовыми, ни большевиками.

И еще один великий, но тоже горький урок дал нам другой Романов — Александр II, может быть, самый яркий правитель России. Он ценой своей жизни доказал, что начинать реформы в России опасно, но еще опаснее их не завершать. Спустя 100 лет этот урок подтвердила судьба М. Горбачева. Сегодня история предупреждает В. Путина: нельзя быть соглашателем в отстаивании своих целей.

Чему в главном учит история самодержавия в России? Что политическая судьба страны легко меняется в зависимости от личных вкусов

и талантов самодержца, что власть самодержца — это всегда капризы, непостоянство, фавориты и временщики, устранение общества от управления государством, это всегда — случайность!

Впрочем, это можно сказать и о советской империи. Свою книгу о Сталине А. Бушков назвал «Красный монарх: на ледяном троне». Но, по существу, такими же монархами были все правители СССР — от Ленина до Горбачева, таким же был и «царь Борис» — Ельцин. И показательно, что почетное место в его кабинете занимал портрет одного из самых тусклых и реакционных самодержцев России — Александра III, того самого, о памятнике которому в до-революционном Питере ходил стишок: «На столе стоит комод, на комод — бегемот!».

«Святая Русь»

В условиях ликвидации господства коммунистической идеологии, ее мощных структур и каналов воздействия на население в обществе образовались духовная пустота, которую власть решила заполнить религией. В СМИ, на всех каналах ТВ нам усиленно навязывается мысль, как русский народ обрадованно и целеустремленно возвращается в лоно церкви (естественно, прежде всего — православной), как истово быют поклоны и демонстрируют свою религиозность те, кто совсем недавно, будучи на ответственных партийных и советских постах, преследовал верующих и участвующих в религиозных обрядах. Может быть, действительно прозрели?

Но вот любопытные данные социологов: только 6% россиян ставят на первом месте жизненных ценностей религию, 6% — лозунг «Россия — для русских», 8% — свободу и демократию. Простой подсчет показывает, что православие — не самая массовая религия в России. Большинство русских остаются атеистами, тогда как степень религиозности мусульман на порядок выше. Быстро разочаровавшись в посулах либерал-реформаторов, население вернулось к привычным жизненным приоритетам: уровню и качеству жизни, благосостоянию, безопасности, здоровью, образованию³.

В этой связи предельно продуманно следует подходить к вопросу о взаимоотношении государства и церкви.

Официально, Россия — светское государство. Но не удивлюсь, если через несколько лет в анкетах появится новый пункт: «ваше вероисповедание». Православная церковь все больше превращается в государственную, а в ряды новообращенных наиболее стремительно вступают власть имущие.

³ Медведев Р. Смена элит в России//Вестник аналитики. 2005. №2 (20). С. 214.

Впрочем, и здесь налицо двуличие власти: церковь нужна, когда она полезна, ее игнорируют, когда она твердит не то. Вспомним один уже исторический факт. Осенью 1993 года Русская православная церковь выступила с инициативой посредничества между Ельциным и Верховным Советом. В Свято-Даниловом монастыре даже велись переговоры, Ельцин демонстрировал свою готовность услышать пастырское слово. А что было на деле? По свидетельству очевидцев (Артема Тарасова), акцию силового разгона Верховного Совета Коржаков и Ко начали разрабатывать еще летом 1993 года и реализовали ее вопреки всем увещеванием церкви. Уж больно большой куш был на кону! Отнюдь не политические разногласия, а банальная жадность. Ведь в ведении Верховного Совета находились гигантские финансовые средства, ему подчинялись Сбербанк, Внешэкономбанк, СМИ. Только искусственное банкротство Внешэкономбанка принесло авторам этой идеи в Верховном Совете 2,5 млрд. долларов. И все эти денежки — мимо «кассы семьи». Так что «золотой телец» значительно сильнее церкви.

Не слишком состоятельным выглядят и надежды на то, что вера сплотит и облагородит общество, станет для россиян источником морали и нравственности. Нигде в мире нет зависимости между степенью религиозности населения и моральными устоями общества.

Россия — многоконфессиональная страна. И сознательное выделение православия как ведущей религии неизбежно приводит к чувству протеста у адептов других религий. Если учесть, что русских в России все меньше и меньше, то в обозримой перспективе религия может стать источником многих столкновений в обществе, чем стала она уже во многих уголках мира. Религиозными разногласиями пропитаны армяно-азербайджанский, грузино-абхазский конфликты, противостояние православных с униатами на Украине.

Многие западные исследователи предрекают глобальные столкновения европейской цивилизации (христианской в основе) с исламским фундаментализмом. Пример Франции, где бывшие колониальные народы все больше заселяют страну и утверждают свои обычаи, пример Косово, где коренное сербское население вытеснено инородцами, туземный расизм в Прибалтике и Молдавии пока мало кого заставляют задуматься об их проекциях на Россию, Европу в целом.

В предыдущем номере «Вестника аналитики» в небольшой, но емкой статье Э. Спировой серьезному анализу подвергнуты популярные сейчас на Западе работы М. Вебера, П.Дж. Бьюкенена, С. Хантингтона, Д. Белла, других политиков, философов и социологов, в которых серьезно рассматривается вопрос о судьбе европейской (американской в том числе) цивилизации⁴. Упомянутые авторы утверждают, что западная ци-

⁴ Спирова Э. Сначала закат, а потом смерть...//Вестник аналитики. 2005. №2 (20). С. 236–239.

визация погибнет от либеральных ценностей, что именно ценностные ориентиры оказывают решающее влияние на историческое развитие. И если Россия, вдохновляемая нашими либерал-реформаторами, пойдет по такому же пути — по пути обожествления идей приобретательства и наслаждения, то следование ему приведет и Россию к краху.

Мы, говоря словами Н. Некрасова, все больше превращаемся в толпу, жадную к соблазну. Комфорт — единственная подлинная религия нынешних поколений. Нежелание терять комфорт — причина депопуляции народов Европы и России, основа для укрепления индивидуализма. Массовая культура в своей иерархии ценностей ставит радости карьеры, секса, независимости, одиночества женщин выше счастья и тягот материнства. И в этом отношении формулировка одного из последних определений Д. Рогозина, что русская идея — это «чтоб русскому роду не быть переводу», не лишена смысла.

Отмечая опасность либеральных ценностей, Дж. Бьюкенен призывает вернуться к канонам «пуританской морали». Для России это, естественно, адекватно возврату к адашевскому «Домострою».

Европейская (и российская в этом же смысле) цивилизация действительно находится между Сциллой и Харибдой. С одной стороны, либеральная политика во всех странах Европы (и в России тоже) приводит к обезкультуриванию общества, к однообразию духовных ценностей, к диктату потребительских догматов, с другой — европейская цивилизация (особенно во Франции, Испании, да и в России) подвержена активной мусульманской экспансии. При этом все более очевидно, что для приверженцев набирающего силу ортодоксального ислама законы Корана превыше законов страны, в которой они живут. Поэтому они не хотят и не могут принять ее культуру и обычаи.

Какие же уроки можно предложить для России в этой сфере духовной жизни?

Во-первых, беспощадная борьба с любым религиозным фанатизмом — не только ваххабитов, но и православных черносотенцев, другими проявлениями религиозных ортодоксальных течений как главной угрозой российской (европейской) цивилизации.

Во-вторых, культивирование осознанно подчеркнутого равноправия всех конфессий, действующих в России, придерживающихся норм европейской цивилизации. Недопустимо выпячиванием православия унижать другие конфессии.

В-третьих, утверждение подлинной свободы совести в стране. Когда с экранов ЦТ (11 июля, А. Лошак) бравурно утверждается, что в России к безбожию надо относиться беспощадно, когда воинствующий Союз хоругвеносцев заявляет, что добро должно быть с кулаками, и добивается изгнания из России двух художников-атеистов — это прямой путь к воинствующему мракобесию.

Нравственность – есть правда

Настоящее вырастает из прошлого, и человеческое сообщество, зачеркивающее или извращающее свою историю, ее отдельные этапы, недостойно называться нацией.

Слабость познания самого себя, усиленное культивирование идеи об особости русского народа – ахиллесова пята всей русской истории и государственной идеологии.

К сожалению, историки России (впрочем, не только ее) всегда были слугами власти. Еще во времена Ивана Грозного началось широкое уничтожение и переписывание, фальсификация летописей, в результате чего в архивах нет подлинных исторических документов Древней и Средневековой Руси, свидетельств очевидцев событий.

Сейчас, когда в научный оборот стали вовлекаться древние летописи, сохранившиеся в монастырях Польши, Чехии, в Западной Европе, становится особенно заметно, как безобразно плохо мы знаем свою историю, сколько «белых пятен» в истории Киевского княжества, Русско-литовского княжества, Московии, раскола Руси, татаро-монгольского нашествия, как отлакировано и извращено прошлое.

Априорным считается, что Святую Русь уничтожили большевики и советская власть. Без них были бы благолепие и благодать богом избранного народа.

Но вот всего несколько примеров из жизни Святой Руси.

Древний Киев почти дотла уничтожили войска Андрея Боголюбского – задолго до татаро-монгол. Московия родилась и окрепла как деспотически-авторитарное государство, жестоко расправлявшееся с любыми проявлениями демократии (в понятиях того времени). Это «святорусские» воины Ивана Грозного жестоко раздавили республику Великого Новгорода, вырезав все мужское население и утопив в Волхове женщин и детей. Это на Святой Руси в Смутное время у каждой из воюющих сторон был свой патриарх. Это на Святой Руси в лучших традициях инквизиции жгли на кострах, пытали и казнили, изгоняли из России староверов, молокан, баптистов.

Нет, не было на Руси благодати ни в старину, ни в предреволюционное время. Вспомним «Мои университеты» М. Горького – о жестокости, царящей в обществе. Вспомним произведения А. Чехова и А. Kupрина о разложении царской армии. Вспомним, наконец, что проклятые «большевики-царевубийцы» лишь продолжили череду Петра III, Ивана VI, Павла I.

Очень популярен миф о великой Столыпинской аграрной реформе. Но ведь уже через год после смерти П. Столыпина из Сибири в Центральную Россию вернулось около 90% переселенцев, а весь поставляемый на экспорт хлеб производился на южнорусских и украин-

ских землях. Поставлялся и тогда, когда в других губерниях был голодомор.

Сейчас в головы подрастающего поколения вбиваются мысли о «белых витязях» и «красных дьяволах», о сатанизме советской власти, сталинском терроре и т.д. Что же, многое имело место быть... Правда, в Красной Армии служило до 40% офицеров царской России, а Катень последовала за гибелью в Польше 60 тыс. красногвардейцев, захваченных в плен после провала так называемого освободительного похода.

Порождением Сатаны называют Октябрьский переворот. Французская революция послала на гильотину значительно большую часть своих граждан, чем это сделал «красный террор». А казни Карла I в Англии и Людовика XVI во Франции почему-то (в отличие от Романа) так и не осуждены историей и не породили новых святых.

Сколько лжи пролито по поводу Великой Отечественной войны? И бездарность руководства, и отсутствие современного вооружения, и «пушечное мясо» советских солдат. Опять-таки имело место быть. Только почему-то не упоминается, что в отечественные потери входят миллионы гражданского населения, растерзанного в концлагерях, расстрелянного и повешенного немецкими, венгерскими, чешскими, румынскими, итальянскими, испанскими фашистами. Да и колонны наших пленных в 1941–1943 годах оказались в итоге покороче колонн пленных немцев в 1943–1945 годах.

Вспоминаю свой «обмен мнениями» с одним из руководителей Венгрии в 1996 году. Я рассказал ему о приказе штаба партизанского движения Белоруссии не брать венгров-полицейских в плен, а уничтожать на месте. Ведь именно на их совести и Хатынь, и массовый геноцид белорусов, и беспощадная борьба с партизанами. Мой собеседник — отнюдь не упертый русофоб — растерянно говорил: «Мы ничего про это не знаем». Естественно, они не знают (с нашей «деликатной» помощью) ничего, что порочило бы их народ. Вот о зверствах советских оккупантов, пожалуйста.

Сколько возмущения высказали наши правозащитники по поводу сталинских депортаций народов Кавказа, возмущения во многом справедливого. Правда, выкинули из песни строки о том, что отрядами горских боевиков вырезались тыловые части, госпитали, русские станции, массово приветствовался приход фашистских «освободителей». Выборочная полуправда — идеология наших либералов.

Для исторической справки: объявив в 1942 году войну Японии, американцы отправили в концлагеря 112 тыс. своих граждан японского происхождения. Так — для профилактики — они и отсидели до конца войны. Не помню что-то возмущений мировой общественности.

Двойной стандарт применяет не только Запад к России. И в самой России утвердился «двойной стандарт» в оценке своей истории. Без честной, неполитизированной, очищенной от мифов истории своего Отечества нельзя воспитать гражданского человека, свободного, уважающего себя, патриота России, но не шовиниста.

Между тем шовинизм, антисемитизм, а называя вещи своими именами, откровенный расизм по отношению ко всем «черным» (а корни все в той же Московии, где все неправославные были «погаными») — набирающая силу болезнь современной России.

Русский народ (подчеркиваю русский, а не российский) доказал всей своей историей великость и уникальность. И не только культурой, духовным и интеллектуальным наследием, приоритетом общинных ценностей. Русский державный народ — один из немногих в истории человечества, который сумел ненасильственно ассимилировать в своей среде и культуре десятки, если не сотни, малых народов, живущих на территории России.

Но нельзя, недостойно, неперспективно замалчивать и другое — великорусский шовинизм. И дело не только в еврейских погромах агонизирующей царской России. Дело и в том бытовом расизме, который то там, то тут дает всплески ненависти то к «черным», то к евреям.

В программе В. Соловьева «К барьеру» как-то встретились А. Макашов и космонавт А. Леонов. Аргументируя свою антисемитскую позицию, А. Макашов сослался на древнерусскую былинку «Бой Ильи Муромца с Жидовиным». Ни самому Макашову (в общем-то, политически ущербному и малограмотному человеку), ни его «ученым» консультантам даже в голову не пришло, что во времена Владимира Красное солнышко еврейских поселений на Руси просто не было, они появились почти через 500 лет. Но позор передачи — не логика А. Макашова, а поддержка его массой телезрителей. Вот где проблема русского общества!

Я — исконно русский даже по фамилии. Но мне стыдно и больно, что мой народ опутан «чернофобией», что в его сознании укоренилась (и постоянно вдалбливается идеологами КПРФ, «Родины» и Ко) мысль о богоизбранности и особости русского народа.

И еще один парадокс России: ее великая культура не стала частью бытовой культуры. Культурным народом нам еще только предстоит стать.

Идея развития России

В предыдущей статье мне уже довелось утверждать, что русские сейчас — не уверены в себе, зажаты, не чувствуют под ногами твердой почвы. Теряется инстинкт самосохранения. И так будет продолжаться

до тех пор, пока национальная и личная честь, достоинство, справедливость и свобода, уважение к личности и обществу не станут доминировать в государственной политике современной России.

Реализация «оздоровительной» программы никак не связана ни с «уваровской идеей», ни с какой-либо формулировкой «русской идеи». Уже просто потому, что Россия — страна не только русских и тем более — не только православных. Решение надо искать в другой плоскости. По моему убеждению, таким вдохновляющим примером может и должен стать Манифест Шредера и Блэра о перспективах социал-демократии. Опубликовав свой знаменитый манифест о «третьем альтернативном пути Германии и Англии» («мы строим рыночную экономику, а не рыночное общество», а значит, и не рыночную идеологию), два руководителя процветающих стран дали вдохновляющую концепцию развития.

К сожалению, опубликование их Манифеста пришлось на время разгула в России либеральных взглядов. Их призыв был просто проигнорирован. Но все ли потеряно?

Особенность современного этапа развития России состоит в том, что происходит смена властвующих элит. Политика Путина — это во многом политика социал-демократического манифеста. Как справедливо утверждает Рой Медведев, Путин остается «президентом надежды», но одновременно — «одиноким политиком». Рядом с ним есть придворная (но безпрограммная, сиюминутная) «Единая Россия», есть «без меры верные» соратники, но нет ярких личностей. И если соратники — самобытные, а не только преданные — не появятся сейчас на горизонте большой политики, президентские выборы 2008 года опять поставят Россию на грань жизни и смерти, ибо тогда вопрос упрется в источники финансирования, в возможности манипулировать общественным сознанием падкого на обещания народа.

Все это в руках тех, кто к России равнодушен. «Беда России, — пишет Солженицын, — что ею правят люди, которые не связывают свое будущее и будущее своих потомков с этой страной».

Драган Дравич (Сербия)

БАЛКАНСКАЯ СЕТЬ «АЛЬ-КАИДЫ»*

Террор белых духов

Начиная с середины августа 2003 года, радикальные исламские лидеры усиливают роль террористических структур на Балканах как ключевого средства в планируемой ими эскалации нападения в сердце Европы, Израиль и США. Цель этой террористической кампании — представить оккупацию Багдада как перелом в судьбоносном джихаде за будущее ислама, считает эксперт по вопросам терроризма Йозеф Бодански и добавляет: «Усама бен Ладен сосредоточивает усилия на Балканах для инициирования новой волны антизападного терроризма».

Автором аналитического исследования, которое привлекло большое внимание в кругах специалистов, является Йозеф Бодански, руководитель направления в Международном институте стратегических исследований, который также возглавлял в палате представителей Конгресса США группу по вопросам терроризма и нетрадиционных войн. Значительным событием в освоении Балкан террористами Бодански считает назначение координатором и руководителем специальных операций по набору новых кадров эмира Мусы Айзи — афганского ветерана, близкого к верхам «Аль-Каиды» и руководству движения «Талибан». «Недавно высшие руководители организации Усамы бен Ладена приняли решение расширить набор кадров и активизировать славянские кадры, поскольку они имеют европейский, а не арабский облик, что позволит повысить оперативность их деятельности на западе» — отмечается в исследовании.

Бодански особо подчеркивает, что программа тренировок выполняется под прикрытием так называемой Албанской национальной армии (АНА) с командами — «моджахедами, привлеченными из Боснии» и сотрудничающими с «Аль-Каидой». В качестве компенсации

* Вечерне новости. 2005. 6—15 марта. Пер. с серб. Л. Никифорова. Публикуется с сокращениями.

албанцам за оказываемую помощь исламисты помогают местным террористам в подготовке крупных террористических актов в главных городах Сербии и Черногории, в числе которых Белград и Ниш являются, вероятнее всего, главными целями.

Йозеф Бодански напоминает, что о возрастающем значении Балкан упоминается и в заявлении исламистов, в котором сообщалось о нападении на здание ООН в Багдаде в августе 2003 года и объяснялись его мотивы. Это было наиболее весомое и авторитетное доктринальное заявление исламского руководства. В нем подчеркивалось, что ситуация в Боснии является самым значительным протестом исламистов против ООН и Запада. Первое сообщение сделала 19 августа 2003 г. «Бригада Абу Хафес аль-Масри», элитная группа «Аль-Каиды». Исламисты утверждали, что официальные представители ООН «лишь наблюдали за резней боснийских женщин и детей в 1992 и 1995 годах» и что «ООН несет ответственность за убийство 7 тыс. мусульман в Сребренице в 1995 году, так как поддерживала идею о невозможности создания исламского государства в Европе».

В заключение Бодански пишет: имеющиеся данные спецслужб указывают на то, что «значительная новая волна терроризма, на этот раз с участием многих европейских исламистов, вот-вот может начаться». Сначала моджахеда прибывали в Боснию из Афганистана, где они боролись против русских, а затем с боснийскими паспортами, полученными за «боевые заслуги», разъезжали по миру и возвращались назад в Афганистан, чтобы вновь бороться — теперь против американцев.

Все это может прозвучать как нечто новое только для неосведомленных.

Еще 4 октября 1996 г. издающаяся в Париже арабская газета «Ватан аль-Араби», которая профессионально и объективно уже длительное время следит за событиями на Балканах, предупреждала, что «арабские афганцы в Боснии основательно готовятся к акциям в Европе и во всем мире» и что речь идет о людях, которые «одинаково очень хорошо и профессионально обучены и как воины, и как террористы и готовы к действиям в любой момент».

Напоминая, что моджахеда прибывали в Боснию из Афганистана, Йемена, Алжира, Туниса, Марокко, Египта, Ирана, Турции, Саудовской Аравии, Пакистана, Кувейта, так же как и из Франции, Голландии, Великобритании, Италии и Германии, газета уточняет, что все «исламские борцы» начали прибывать в Боснию еще в 1992 году по договоренности с «мусульманскими братьями», а позже и с Усамой бен Ладеном и его организацией. Тут они сразу женились на местных мусульманках, получая тем самым право на боснийское гражданство и, конечно, паспорт. Среди них было много таких, которые были известны в кругу «мировых террористов» из рядов «Аль-Каиды», подобно Шабана Абу Харису, одно-

му из видных лидеров египетской организации «Джамма аль-Исламия», или Абу аль-Моатеза, командовавшему обороной афганского города Джалалабад во время войны с Советским Союзом.

Босния – убежище террористов

Исламские кадры, в основном ветераны из Боснии, обеспечивают подготовку тысяч албанских террористов в Косово и Метохии, в центрах возле Призрена, на склонах горы Шар, в косовской долине реки Моравы, в албанских городах Кукес и Тропоя и около Тетово в Западной Македонии. Их главная опора — Албания. Были получены сообщения, что в эту страну прибыло большое число иностранцев из Турции, Саудовской Аравии, Пакистана и Ирана.

Газета «Ватан аль-Араби» опубликовала настораживающий материал, на который мало кто в Европе обратил внимание. В нем говорилось: «Шесть главных террористических организаций: в Египте («Исламский джихад», «Джамма аль-Исламия»), Пакистане (Организация пакистанских улемов), Афганистане («Аль-Каида»), Кашмире (Партизанское движение Кашмира) и Бангладеш («Аль-Джихад») объединились в «Исламский фронт», которым руководит миллиардер Усама бен Ладен, саудовский диссидент, возглавляющий список лиц, наиболее разыскиваемых королевством. Самый разыскиваемый египетский террорист Айман аль-Завахири назначен заместителем бен Ладана и на него возложено планирование военных операций.

Эта новая террористическая коалиция сразу подготовила список целей в Европе и на богатом нефтью Аравийском полуострове и выбрала Амстердам своей главной логистической базой, а Люксембург — тайным банковским центром».

В результате широкомасштабного расследования, проведенного в США после террористической атаки 11 сентября 2001 г., американские следственные органы получили интересные данные. Установлено, что двое террористов-камикадзе, Халид Альмидхар и Наваф Альхазми, которые управляли угнанным самолетом «Америкен эйрлайнз», протаранившим здание Пентагона, участвовали в войне в Боснии в отрядах моджахедов. Помимо этих террористов, участие которых в войне в Боснии установлено достоверно, предполагается, что еще кое-кто из террористов, совершивших террористические акты в США 11 сентября, также воевали в Боснии.

Анализ специалистов по борьбе с терроризмом, как и данные специальных служб многих стран, свидетельствуют, что еще в то время, когда шла война в Боснии и Герцеговине, существовал хорошо организованный «фундаменталистский интернационал», и на территории Европы, Среднего и Ближнего Востока и США действовали сильные

исламские террористические организации. И в этой разветвленной системе мусульманская часть Боснии была весьма важным звеном. Именно в Боснии нашли полное отражение согласованность, скрытность и высокая организованность международного исламского террористического движения.

Сообщения агентов подтверждали, что в Боснию с 1992 по 1996 год вели несколько хорошо отлаженных каналов из Алжира, Египта, Афганистана, Саудовской Аравии, по которым через Турцию, Италию, Францию, Словению и Хорватию перебрасывались моджахеды, террористы, вооружение, деньги и наркотики. Эти каналы, разумеется, были двухсторонними, так как из Боснии направлялись опытные боевики, вооружение и взрывчатка для проведения террористических актов в странах Западной Европы, Ближнего Востока и Западной Африки.

Оценки экспертов ООН говорят о том, что в Боснии воевали более 3 тыс моджахедов и добровольцев из исламских стран, которые во имя Аллаха вели священную войну — джихад. Существуют, однако, и другие аналитики, которые считают, что численность моджахедов в Боснии была в два раза больше — от 6 до 8 тыс. человек.

Участие в войне такого большого числа религиозных фанатиков из исламских стран, среди которых было много членов самых жестоких террористических организаций и групп, таких как «Аль-Каида», иранская «Хезболла», палестинский «Хамас», египетская «Джамма аль-Исламия», алжирская «Вооруженная исламская группа» (ГИА) и другие, придало варварский, кровавый характер войне в Боснии. Алия Изетбегович (бывший президент Боснии и Герцеговины. — *Примеч. пер.*) с последователями, приняв в ряды своей армии самых непримиримых террористов современности, превратил Боснию в надежное прибежище в сердце Европы для многих террористов из исламских стран, которые под знаменем джихада добиваются осуществления своих экстремистских целей.

Террористы под маской

Главным организатором переброски египетских и алжирских террористов в Боснию был Айман аль-Завахири, заместитель Усамы бен Ладена и главный идеолог «Аль-Каиды». Завахири много раз встречался в Сараево и Зенице с мусульманскими политическими и военными руководителями и иранскими инструкторами, обсуждал с ними вопросы обеспечения оружием, деньгами и людьми.

Сараевский еженедельник «Слободна Босна», ссылаясь на египетские и пакистанские источники, сообщал 14 октября 2001 г., что Алия Изетбегович встречался с Завахири в 1993 году в религиозном центре третьего корпуса армии Боснии и Герцеговины в Зенице в присутст-

вии нескольких высших офицеров этого корпуса, религиозных деятелей Зеницы и руководителей моджахедов. Согласно этим источникам, Завахири прибыл в Зеницу из Вены через Загреб, где в сентябре 1993 года получил документы, в которых указывалось, что он является гуманитарным работником.

Главной целью его приезда было проверить и улучшить оказание финансовой помощи моджахедам в боснийской армии, ознакомиться на месте с тем, как развивается процесс исламизации армии Боснии и Герцеговины и всего боснийского общества. Кроме того, задачей Завахири, который находился в Сараево под именем Мухамеда Ибрагима, было улучшение процесса переброски добровольцев из исламских стран в Боснию и Герцеговину, а также обеспечение отъезда боснийских граждан за границу для военного и религиозного обучения. После пребывания в Боснии Завахири вернулся в Загреб, где его дважды видели в обществе с руководителем хорватской тайной службы Мирославом Туджманом, сыном президента Хорватии Фране Туджмана.

Айман аль-Завахири, который считается «мозгом» сети «Аль-Каиды», родился в 1952 году в Египте, где в начале 1970-х годов создал террористическую организацию «Аль-Джихад» с местонахождением в Каире. Эта организация считается ответственной за убийство египетского президента Садата в 1981 году. Кроме того, американское ФБР выдало поручение на задержание Завахири, подозревая его в том, что он является одним из организаторов террористических нападений на американские посольства в Кении и Танзании в 1998 году.

Дополнительные детали о так называемой «загребской связи» Завахири и «борцов Аллаха» при транзите в Боснию открыли признания бывшего моджахеда, египтянина Мустафы Камалю Сулеймана, о чем писала загребская газета «Вечерни лист» 16 октября 2001 г. Сулейман признал, что моджахеды в середине 1992 года получили приказ отправиться из Афганистана и других исламских стран в Саудовскую Аравию, которая финансировала и была главным организатором их отъезда в Боснию и Герцеговину. Здесь им было обеспечено «прикрытие» — в Загреб они ехали как члены гуманитарной организации «Аль-Харамейн» и с документами высокого комиссариата по делам беженцев Саудовской Аравии и Кувейта. На загребском аэродроме их ожидала военная делегация Боснии и Герцеговины, которая помогала им получить в МИДе Хорватии аккредитацию как гуманитарных работников(!), что облегчало передвижение и переход границы. Затем через Сплит они отправлялись в Мостар, Сараево и Среднюю Боснию.

По признанию Сулеймана, много моджахедов прибывало в Боснию из Италии, Великобритании, Франции, Бельгии, Голландии и Германии, причем в Саудовской Аравии их убеждали в том, что «проезд надежен», поскольку подписано соглашение между Туджманом и

Изетбеговичем, по которому Хорватия за это получает часть денег, оружия и военного оборудования, предназначенного мусульманам.

Интересно, что Усама бен Ладен со своей организацией представлял только одно из нескольких исламских течений, стремившихся занять в Боснии и Герцеговине как можно более лучшее стратегическое положение, которое сделало бы возможным их проникновение в эту часть Европы.

Два других сильных течения представляли Иран и Турция. Только недавно стало известно, что на деньги, которые дал бен Ладен, в Загребе в 1992 году была основана так называемая гуманитарная организация «Аль-Кифах» во главе с бывшим алжирским пилотом Камр ад-Дин Кирбани, которого ЦРУ в начале 2001 года заподозрило в попытке нападения на посольство США в Риме. Наряду с «гуманитарной» организацией «Аль-Кифах», в Загребе с помощью денег бен Ладена была создана еще одна такая же организация под названием «Аль-Мувафак», которая в столице Хорватии купила несколько квартир и домов, предназначенных для пребывания членов организации и моджахедов, следовавших транзитом через Хорватию. Квартиры куплены на деньги бен Ладена и с правовой точки зрения они являются его собственностью в Хорватии.

Но покупались не только квартиры и дома, но и фирмы. В этом признался бывший «министр финансов» Усамы бен Ладена суданец Джамал Ахмед аль-Фадл в сентябре 2001 года на суде в США, на котором он предстал как один из обвиняемых в организации террористических нападений на американские посольства в Кении и Танзании.

Аль-Фадл рассказал следователям, что в середине 1990-х годов он приезжал в Хорватию и вел переговоры о покупке фирм, прибыль от деятельности которых должна была использоваться для осуществления «Аль-Каидой» террористических нападений и для оказания помощи моджахедам в Боснии. Между тем широкой общественности до сих пор не известно, какие фирмы купил аль-Фадл. Не известно и то, разрешила ли ему тогдашняя хорватская власть развивать бизнес в Хорватии. На суде в США аль-Фадл признал, что после одного из посещений Хорватии он уехал в Иорданию, где передал своим соратникам 100 тыс. американских долларов, полученных, вероятно, от сделок в Хорватии. Позднее аль-Фадл был заподозрен своим шефом Усамой бен Ладеном в том, что растратил большую сумму, был вынужден бежать и скрываться и, в конце концов, был схвачен американскими агентами.

Известно, что хорватские тайные службы имеют полное представление о том, что аль-Фадл и люди из организации бен Ладена делали в Загребе, но все еще не хотят обнародовать данные, полученные ими в то время. Очевидно, наряду с прочим и для того, чтобы не открылись компрометирующие и весьма неприятные детали шашней бывших хорватских властей с самыми преследуемыми сегодня в мире террористами.

Парага обвиняет Туджмана

В отличие от тайных служб, лидер Хорватской партии права Добросав Парага не стесняется рассказывать об этом неприятном для властей Загреба деле. Он утверждает, что многие члены террористической организации бен Ладена, включая и ее второго человека Завахири, имеют хорватские документы. Парага уже давно передал якобы документацию об этом прокуратуре в Загребе, из которой видно, что получению людьми бен Ладена хорватских паспортов и удостоверений личности способствовал лично Мирослав Туджман, когда был шефом хорватских тайных служб.

Верховный суд Федерации Боснии и Герцеговины в Сараево в конце апреля 2002 года санкционировал арест и проведение следствия по делу трех бывших высоких руководителей мусульманской разведывательной службы АИД — Бекира Алиспахича, бывшего шефа этой службы, Ирфана Леваковича и Энвера Муезиновича, обвинив их в организации лагеря для обучения террористов и шпионаже в течение длительного времени в пользу иранской разведывательной службы ВЕВАК. Лагерь для обучения террористов, среди которых было много выходцев из исламских стран, был создан с помощью Ирана во время войны в Боснии в 1992 году. Он располагался недалеко от Фойницы в Центральной Боснии и действовал вплоть до 1996 года. Были арестованы и двое его действующих руководителей — Эдхем Веладжич и Эюб Икич.

В тексте обвинительного заключения прокуратура указала, что посетители лагеря близ Фойницы тренировались и в осуществлении покушения на «предполагаемую личность». В числе таких личностей, или потенциальных целей, были бывший президент автономного края Западная Босния Фикрет Абдич, бывший министр внутренних дел Алиа Делимустафич и Мухамед Филиппович, некогда лидер либеральной боснийской организации, — т.е. в основном лица, которые были политическими противниками возглавляемой Изетбеговичем Партии демократических действий (СДА).

После террористических атак в США 11 сентября 2001 г. в мусульманской части боснийской федерации была проведена большая секретная антитеррористическая операция. Целью боснийской полиции, международных сил безопасности и агентов ЦРУ и ФБР, прибывших в Сараево специально для участия в операции, были натурализованные боснийские граждане — выходцы из исламских стран. Речь шла о моджахедах и террористах, которые во время войны боролись на стороне мусульманских войск.

Согласно некоторым оценкам, в Боснии воевало около трех тысяч моджахедов, среди которых были сторонники Усамы бен Ладена и его организации «Аль-Каида», так же как и члены наиболее экстремистских групп и террористических организаций — египетских «Джамма аль-Исламия» и «Джихад» и алжирской ГИА, — т.е. самая элита терро-

ризма. Из-за угроз, которые после начала американской военной интервенции в Афганистане эти «воины Аллаха» в начале октября 2001 года адресовали частям международных сил безопасности и посольствам США и Великобритании в Сараево, была предпринята широкая операция по аресту исламских экстремистов и их высылке из Боснии. Операцией руководил специально созданный комитет по борьбе с терроризмом, находившийся в Сараево и состоявший из представителей обеих боснийских общин (мусульманско-хорватской и сербской), который заключил соглашение с силами безопасности о совместных действиях по поиску и аресту исламских экстремистов. Детальное расследование показало, что некоторые из этих экстремистов были непосредственно связаны с организацией Усамы бен Ладена и причастны к террористическим нападениям на Нью-Йорк и Вашингтон.

Высшие кадры террористов

Американские агенты, прослушивая телефонные разговоры моджахедов в Боснии, определили, что один из высланных алжирцев — Бенсаях Белкасем — много раз разговаривал с главарями «Аль-Каиды» в Афганистане. Прослушивание разговоров и наблюдение велось с помощью хорватских структур безопасности, т.е. хорватской тайной службы, с которой американцы тесно сотрудничали при проведении антитеррористической операции в Боснии и вообще на Балканах. ФБР особенно интересовало, что Белкасем знает о местонахождении Абу Зубайды, выходца из Саудовской Аравии, который, как считают американцы, был главным координатором террористических нападений на Нью-Йорк и Вашингтон 11 сентября 2001 г. Абу Зубайда был захвачен в конце марта 2002 года в Фейсалабаде (Пакистан), недалеко от афганско-пакистанской границы, а насколько этому помогла информация, полученная от Белкасема, не известно.

Через этот «афганский канал» в Боснию в свое время прибыло много моджахедов — ветеранов борьбы с советскими войсками. В боях против боснийских сербов погиб, например, Абу Абдал, по прозвищу «горный лев», один из известных командиров моджахедов в Афганистане. В рядах «боснийских афганцев» находился и шейх Ахмед Омар Саид, организовавший похищение и убийство американского журналиста Даниэла Перла, которого исламские экстремисты похитили 23 января 2002 г. в Карачи (Пакистан) и вскоре после этого убили. Благодаря свидетельству водителя такси, который вез Перла и последний видел его живым, пакистанская полиция идентифицировала и в феврале 2002 года арестовала шейха Ахмеда Омара. На следствии он рассказал, что в связи с этническими конфликтами на Балканах поехал в Хорватию в 1993 году как член гуманитарной организации «Конвои милосердия», а затем перебрался в Боснию и присоединился к другим моджахедам. («Конвои

милосердия» все еще имеют представительство в Сараево и отделение в Ябланице.) После участия в войне в Боснии он уехал в Пакистан, где установил связь с одной боевой группой, с которой начал проводить диверсионные акции в индийском штате Кашмир. Прошел обучение в партизанских лагерях «Аль-Каиды» в Афганистане. За похищение и убийство американского журналиста Даниэля Перла пакистанский суд 15 июля 2002 г. осудил шейха Ахмеда Омара на смертную казнь, а троих его соучастников — на пожизненное заключение.

Шейх Ахмед Омар был только одним из большой группы исламских экстремистов и закоренелых террористов, которые со всех сторон света слетались в Боснию для «защиты веры Аллаха». Пятерка членов бригады «Эль-Моджахед» была убита в конце декабря 1995 года около Зепче в Средней Боснии, попав в засаду, устроенную бойцами Хорватского веча обороны. Среди убитых был и шейх Анвар Шабан, духовный предводитель моджахедов в Боснии и их главный идеолог. Настоящее имя этого египтянина было Абд аль-Рахман, он входил в узкий круг руководителей террористической организации «Джамма аль-Исламия». При ликвидации у него был найден дневник, который сразу направили в Загреб. Хорваты об этом долго молчали, и только в середине ноября 2001 года загребская газета «Вечерни лист» опубликовала перевод части дневника, содержащей ключ для понимания феномена моджахедов в Боснии и Герцеговине.

Вместе со списком главных моджахедов и указанием их роли и обязанностей в Боснии были приведены имена многих боснийцев, которые помогали джихаду и «братьям» в материальном снабжении. Но главное — это заметки с заседаний верховного боснийского консультативного органа, в работе которых участвовали лидер боснийских мусульман Алия Изетбегович, известный среди моджахедов как Али Изат, командующий армией Боснии и Герцеговины генерал Расим Делич и высшие религиозные деятели исламского сообщества в Боснии и Герцеговине.

Моджахеды из арабских и мусульманских стран во время войны в Боснии находились в трех главных региональных центрах — Зенице, Травнике и Бугойно в бригадах «Эль-Моджахед», «Эль-Джихад» и в 7-й горной бригаде. Под предлогом «борьбы против сербской агрессии» на Балканах формировались самые жестокие террористические кадры, которые сегодня выступают против своих вчерашних «союзников».

Война тайных служб

Существует множество доказательств и фактов, свидетельствующих о том, что западные разведывательные службы очень хорошо знали, кто из исламских террористов передвигается по Боснии, но умал-

чивали об этом, так как война еще бушевала и нужно было сломить сопротивление сербской армии. Среди таких доказательств было и секретное сообщение (одно из числа подобных), которое составили агенты НАТО о деятельности и перемещении террористов в Боснии. Об этом была проинформирована и секретная служба Египта, так как в Боснии нашли убежище некоторые террористы, совершившие тяжкие преступления в Египте. Египтяне сразу же направили в середине мая 1996 года своих агентов в Сараево с копией этого сообщения, чтобы потребовать от боснийского правительства выдачи обвиняемых террористов. Однако Алия Изетбегович тогда отказался это сделать, что привело к охлаждению отношений между Каиром и Сараево.

Помощь через прицел!

Аресты членов террористических групп исламских экстремистов в Федерации Боснии и Герцеговины после террористических нападений на объекты в США 11 сентября 2001 г. и обнаружение паспортов Боснии и Герцеговины в Афганистане усилили решимость администрации Буша продолжать настаивать, чтобы в Боснии и Герцеговине были приняты самые жесткие меры для устранения всех отдельных лиц и организаций, связанных с исламским радикализмом.

Первыми попали под удар многочисленные так называемые гуманитарные организации из исламских стран, которые, выполняя обычную работу по оказанию гуманитарной помощи, служили одновременно ширмой для нелегальной преступной и террористической деятельности. Именно под знаменами и названиями этих организаций в Боснии и Косово скрывались и тайно действовали исламские экстремисты. Важное место среди них занимал Высокий саудовский комитет по оказанию помощи, в котором работал алжирец Сабер Лахмар, арестованный в Сараево в октябре 2001 года.

По данным, которые агенты ФБР и ЦРУ нашли в Сараево в компьютере Высокого саудовского комитета по оказанию помощи, на территории Боснии и Герцеговины через этот комитет были представлены и некоторые другие организации, такие как «Аль-Харамейн» и «Аль-Фурган», которые, как считают американцы, занимаются терроризмом или оказывают поддержку такой деятельности.

Представители НАТО в Боснии и Герцеговине только 21 февраля 2002 г., т.е. спустя пять месяцев после обыска помещений Высокого саудовского комитета признали, что они тогда нашли компьютерные файлы с фотографиями объектов-целей сентябрьских террористических нападений в Нью-Йорке и Вашингтоне, американских посольств в Кении и Танзании и американского крейсера «Кол», подвергнувшегося нападению в Йемене. Тогда же были найдены инструкция по использованию для разбрасывания химических веществ самолетов сельскохозяйствен-

ной авиации и данные о материалах, которые необходимы для изготовления фальшивых пропусков в госдепартамент и кредитных карточек.

По достоверной информации, подготовленной агентами НАТО при штабе Международных сил безопасности, в Боснии и Герцеговине действовали (или еще действуют) организации, которые «представляют реальную или потенциальную опасность для сил безопасности и гражданских организаций в Боснии и Герцеговине». Так, например, в районе Бихача, Цазина и Бужима действовала небольшая группа ваххабитов, которая, судя по всему, получала помощь от Саудовской Аравии. В районе Травника, Велика-Кладуши и Цазина была активна «Красная роза», на которую оказывала влияние тайная служба АИД, а на территории Зеницы действовало экстремистское крыло «Элбард Босны». В других городах и районах мусульманской части Боснии действовали «Патриотическая лига», «Фараон», Организация активистов ислама, «Эль-Моджахед», «Возвращение мессии», «Исламский легион», «Молодые мусульмане», «Исламские воины», «Партизаны», а также группа Орича «Зеленые береты».

Именно по этой причине, под давлением западных представителей и руководителей Международных сил безопасности, координационный комитет по борьбе с терроризмом в Боснии и Герцеговине потребовал в начале декабря 2001 года проанализировать работу 11 международных гуманитарных организаций, подозревая, что они связаны с террористическими организациями и причастны к их деятельности. Некоторые из этих неправительственных организаций располагали большими материальными средствами, которые использовались для финансирования и международных террористических организаций. Одна такая организация (ее название не указывается) имела даже 24 автомашины с дипломатическими номерами, которые использовались для иной деятельности, нежели гуманитарная.

Действуя по хорошо отработанной схеме, в соответствии с которой гуманитарные, образовательные, религиозные и другие организации использовались для прикрытия террористической деятельности, исламские террористы и их спонсоры только на территории Хорватии зарегистрировали около 50 таких организаций. В числе игравших наибольшую значительную роль в импорте терроризма на Балканы были Агентство по оказанию помощи третьему миру, ИГАСА, «Аль-Мувафак», «Аль-Кидах», Бюро исламского призыва, «Аль-Фурган», Высокий саудовский комитет по оказанию помощи, «Аль-Харамейн», Агентство по оказанию гуманитарной помощи (ХРА), Фонд возрождения ислама, Международный благотворительный фонд, «Боснийское идеальное будущее» (БИФ) и «Конвои милосердия».

Во главе регионального штаба организации ИГАСА в Вене находился алжирец Абдель Азис Захем, а ее филиала в Скопле — алжирец Абу Мухамед, в Загребе всю работу координировал алжирец Джамел

Ламрани, известный по военному прозвищу Абу Муса. Он позже появится и в Косово как один из инструкторов отряда моджахедов «Абу Бекир Сидик». Все трое в свое время учились в Белграде, где в начале 1990-х годов были арестованы как участники религиозно-террористической организации «Фронт исламского спасения». Эта террористическая организация набирала алжирских и других арабских студентов из Судана, Палестины и Египта в религиозную (и радикальную) организацию, известную под названием «Объединение исламских студентов из Палестины» — ИГАСА. После ареста ее члены были выдворены из Югославии. ИГАСА занималась в основном логистикой, через нее направлялись вооружение и боеприпасы для моджахедов и в меньшей степени — гуманитарная помощь.

Под прицелом террористов

Саудовская организация «Аль-Харамеин» также была зарегистрирована в Загребе в 1992 году, а позднее ее местопребыванием стала Зеница. Основным содержанием работы этой организации были логистическая поддержка (прежде всего финансовая) и переброска моджахедов из Хорватии в Боснию. Схема ее деятельности включала: инструктаж и оружие обеспечивали Иран и Турция; деньги давали Саудовская Аравия, Судан, Малайзия, Пакистан и Бруней; боевиков поставлял Афганистан и еще некоторые страны (Алжир, Египет); правительства Словении и Хорватии давали «зеленый свет» для проезда террористов и провоза вооружения по своей территории, получая в оплату услуг большие деньги или часть оружия и боеприпасов.

«Аль-Харамеин» оказалась вновь в центре внимания общественности 4 июня 2002 г., когда специальное подразделение полиции Федерации Боснии и Герцеговины блокировало центр Травника и обыскало помещение этой саудовской гуманитарной организации, захватив часть оружия и документации. Все было сделано в связи с возникшим подозрением, что руководители «Аль-Каиды» направили электронной почтой приказ членам «Активной исламской молодежи» в Боснии и Герцеговине осуществить нападение на американскую базу в Тузле.

Доказательства обоснованности такого подозрения могли бы находиться в компьютерах, захваченных в помещении «Аль-Харамеин» в Травнике. «Послание было зарегистрировано и сразу же удалено, из чего можно сделать вывод, что задачей активистов “Аль-Харамеин” было принять его и передать кому-то из “спящих” членов “Аль-Каиды” в Центральной Боснии, которая в тот момент считалась самым опасным опорным пунктом террористов в Юго-Восточной Европе», как писал по этому поводу издававшийся в Бания-Луке журнал «Репортер».

Утверждалось, что американское правительство сразу же блокировало счета «Аль-Харамеин» в США, Боснии и Герцеговине и Сомали, поскольку находившиеся на них средства, скорее всего, использовались для финансирования террористической деятельности, к которой имела отношение и «Аль-Каида». Кроме того, дополнительную обеспокоенность властей Федерации Боснии и Герцеговины вызвало то, что связь с канцелярией «Аль-Харамеин» в Травнике поддерживал и египетский экстремист Ахмед аль-Вакит, моджахед, который воевал в Боснии. Весной 2002 года он был лишен гражданства Боснии и Герцеговины, но, судя по всему, продолжал оставаться на территории Федерации Боснии и Герцеговины, что очень беспокоило американских специальных агентов по борьбе с терроризмом и правительство в Сараево.

На прикрытую и опасную деятельность «Аль-Харамеин» в пользу исламских экстремистов указывала и Федеральная служба безопасности России (ФСБ). По ее данным, «Аль-Харамеин» являлась одной из ключевых организаций, которая финансировала наемников и экстремистов в Чечне и в ряде европейских, азиатских и африканских стран. Она имела филиалы не только в Боснии и Косово, но и в Албании, Хорватии, Грузии, Азербайджане, Пакистане, Бангладеш, Кении и Сомали. Организация первоначально была создана для оказания поддержки моджахедам в Афганистане в то время, когда они боролись против советских войск, однако позднее она стала оказывать финансовую помощь исламским экстремистам по всему миру.

Метод ее работы был много раз на практике подтвержден как весьма эффективный: члены «Аль-Харамеин» под видом «международной гуманитарной деятельности» занимались разведывательной и подрывной работой, направленной против властей страны пребывания. Руководство организации стремится избегать публичного освещения своей деятельности, но не стесняется сотрудничать и с самыми безжалостными преступниками и террористами, если они выражают готовность работать в интересах достижения общих целей исламских экстремистов.

19 мая 2000 г. ФСБ сообщила о послании, перехваченном российскими спецслужбами в феврале того года в Чечне, в котором подчеркивалось: «“Аль-Харамеин” обеспокоена тем, что ее могут обвинить в оказании помощи джихаду, святой исламской войне, и поэтому она направляет помощь “небольшими частями”».

В ходе масштабной антитеррористической операции, проведенной в Боснии и Герцеговине в конце марта 2002 года, под ударом оказалась еще одна исламская гуманитарная организация — «Боснийское идеальное будущее» (БИФ). Тогда в Сараево был арестован директор организации Муниб Захирагич (одновременно он был сотрудником разведывательной службы АИД) по обвинению в том, что он передавал некоторым исламским кругам в Федерации Боснии и Герцеговины секретную инфор-

мацию, которую АИД получала от иностранных спецслужб для предотвращения возможных террористических актов. Информация касалась определенных лиц из исламских стран (моджахедов), которые получили гражданство Боснии и Герцеговины и жили в мусульманской части Федерации. Тогда стало ясно, каким образом некоторые группы террористов в Боснии узнавали, что они должны быть схвачены, и вовремя уходили от полицейского преследования. «Сейчас в центре внимания американских, британских и французских политико-дипломатических представителей находятся потенциальные политические покровители Захирагича из мусульманского руководства Боснии и Герцеговины», — сообщало в своем комментарии лондонское радио Би-Би-Си.

Кроме ареста Захирагича, полиция Боснии и Герцеговины в то время провела обыски в восьми деловых и жилых помещениях БИФ в Сараево и Зенице, захватив при этом большое количество документов, которые были детально проанализированы. Возникло подозрение, что БИФ помогала материально террористическим организациям в Европе и Центральной Азии. Чтобы пресечь возможность дальнейшего финансирования террористической деятельности по этому каналу, все канцелярии организации в США, Боснии и Герцеговине и в других странах были немедленно закрыты.

Двойная игра фанатика

После шести месяцев следствия государственная прокуратура США в середине октября 2002 года получила одобрение большого жюри для выдвижения обвинения против Энама Арнаута. Он был обвинен во многих преступлениях, содержанием которых было оказание материальной помощи террористической сети «Аль-Каиды». Главные доказательства против Арнаута были найдены в канцеляриях Международного фонда «Благотворительность» в Боснии. В обвинении были указаны миллионные суммы, которые эта организация из своих канцелярий в Боснии и Герцеговине пересылала «Аль-Каиде» через Чечню и через некоторые страны.

Суд в Чикаго 18 августа 2003 г. приговорил Энама Арнаута к 11 годам тюремного заключения. Американский прокурор Патрик Фицджеральд утверждал, что Арнаут «уговорил известного члена “Аль-Каиды” стать главным гуманитарным деятелем для Чечни», используя гуманитарную работу для прикрытия террористической деятельности Усамы бен Ладена, с которым неоднократно фотографировался. По мнению Фицджеральда, усилия Арнаута имели целью попытаться закупить оружие для террористической деятельности организации бен Ладена и даже приобрести уран для возможного создания атомной (грязной) бомбы!

С начала 2002 года американские и боснийские следователи в течение нескольких месяцев изучали деловую активность и финансовую деятельность десятка исламских благотворительных организаций, которые подозревались в связи с террористами. При этом особое беспокойство вызывал тот факт, что в течение 2000–2001 годов около двадцати экстремистов из Боснии и других балканских стран были вовлечены в международную террористическую сеть, а большинство из них работало именно на исламские гуманитарные организации.

Имея в виду опасную двойную деятельность гуманитарных исламских организаций в Боснии и вообще на Балканах, посольство США в Сараево в конце октября 2002 года направило в Президиум Боснии и Герцеговины список исламских неправительственных и гуманитарных организаций с требованием немедленно их закрыть, так как были основания для серьезного подозрения, что они связаны с террористическими организациями. Было высказано также требование о депортации иностранцев, работающих в этих организациях, в интересах предотвращения возможных террористических актов.

В списке действовавших на территории мусульманско-хорватской федерации организаций, в отношении которых было указано, что они «представляют угрозу терроризма для США», были особо выделены: Активная исламская молодежная организация, «Аль-Харамейн», «Аль-Фурган» и Высокий саудовский комитет по оказанию помощи. Одна из этих организаций — Активная исламская молодежная организация провела 8 октября 2002 г. в Травнике съезд, на котором присутствовали около 150 делегатов из 50 стран, разрабатывавших общую стратегию деятельности в случае нападения США на Ирак.

По сведениям спецслужб, исламисты на съезде объявили священную войну — джихад «европейской расе», понимая под этим и американцев, и европейцев, которых они обвиняли в том, что те стали «добровольными рабами евреев и Израиля». Участники встречи договорились отложить в сторону все междоусобные конфликты в мусульманском мире, объединить, как можно скорее, исламские силы и «возвратить удар» в ответ на «американо-сионистскую агрессию». При этом должны использоваться все средства — и разрешенные, и недозволенные. Сам факт проведения встречи в Боснии является предупреждением о том, что эта страна может стать, после Афганистана, а сейчас и Ирака, центром международных исламских террористов, откуда будут координироваться их действия по всей Европе.

Одной из самых активных «неправительственных организаций» гуманитарного типа, особенно выделявшейся в проведении операций по доставке оружия, денег и моджахедов в Боснию и Герцеговину, было Агентство по оказанию помощи третьему миру (ТВРА), которым в Вене руководил бывший суданский дипломат Эль-Фатих эль-Хасанейн. Этому агентству весьма успешно удавалось «обхо-

доть» эмбарго ООН, закупать и доставлять вооружение мусульманской армии.

Эль-Фатих эль-Хасанейн был фактически главным торговым посредником мусульманского правительства в Сараево на нелегальном рынке оружия и одним из главных организаторов контактов и разведывательных связей Алии Изетбеговича и его соратников с очень значительными и влиятельными людьми исламского мира, а также с отдельными исламскими экстремистскими организациями, прежде всего из стран Ближнего Востока и региона Персидского залива. Хасанейну в этих делах помогали бывший в то время боснийским послом в Вене Хусейн Живаль и высокопоставленный сотрудник правительства в Сараево Хасан Ченгич.

Больше всего денег для закупки оружия дала Саудовская Аравия, затем Малайзия, Судан, Пакистан, Бруней и Турция. Через «гуманитарные организации» действовали и исламские террористические группы, посылая добровольцев, оружие и деньги для «священной войны» в Боснии.

Гнездо бен Ладена

Проблема с так называемыми гуманитарными организациями, которые служат ширмой для прикрытия деятельности исламских экстремистов, существует и в Косово, и в Македонии, и в Албании, где исламские экстремисты и террористы также создали свои сильные опорные пункты.

15 декабря 2001 года сотрудники международных сил безопасности при содействии полиции гражданской администрации ООН обыскали помещения ГРФ в Приштине и Джаковице, поскольку получили надежную информацию о том, что некоторые лица, работающие в этой организации, «оказывают поддержку международной террористической деятельности». Конкретно речь шла об организации Усамы бен Ладена «Аль-Каиде». Буквально через 24 часа было установлено, что эта организация «международных благотворителей» из Косово имела и свои хорошо известные в США связи: в пригороде Чикаго федеральные агенты ФБР и министерства финансов США закрыли представительства двух крупных мусульманских гуманитарных организаций, как было официально сообщено, в рамках предпринимаемых администрацией усилий по пресечению пересылки из США денежных средств террористическим организациям за границу.

Первая из этих запрещенных организаций — «Фонд по оказанию глобальной помощи», а вторая — Международный фонд «Благотворительность». В отношении этих организаций было заявлено, что по числу зарегистрированных членов и по сбору средств (несколько сотен миллионов долларов) они являются самыми большими мусуль-

манскими организациями такого рода в Северной Америке. «Обе организации подозреваются в финансировании террористической деятельности», как кратко сообщил журналистам пресс-секретарь Министерства финансов США Тони Фратто, добавив, что наряду с офисом фонда «Благотворительность» в Чикаго закрыто его представительство и в Нью-Джерси.

Очень быстро стало ясно, что офисы ГРФ в Приштине и Джаковиче обеспечивали документы и деньги для отправки добровольцев в Афганистан, а также занимались вербовкой местного населения во имя идей джихада и панисламизма. Из центра в Чикаго они получали обильную денежную помощь и инструкции. Руководители ГРФ замешаны в планировании нападений на определенные цели в США и Европе. В ходе операции, проведенной международными силами безопасности и администрации ООН в Косово, была захвачена документация, которая содержит важные доказательства о сотрудничестве руководителей Армии освобождения Косово (незаконное военное формирование, которое позже было распущено. — *Примеч. пер.*) с соратниками Усамы бен Ладена. Показательно, что через несколько дней подобная ситуация возникла и в Боснии, где в помещении отделения ГРФ в Боснии и Герцеговине полиция провела тщательный обыск, разыскивая документы, которые свидетельствовали бы о сотрудничестве с «Аль-Каидой». Исходя из уже имеющегося опыта, боснийская полиция обыскала даже квартиры сотрудников ГРФ. В списке подозреваемых оказалась и исламская гуманитарная организация «Таибх интернейшнл», которая только в течение 2000 года выделила 8,5 млн. долларов на пропаганду ислама в Боснии и Косово.

Это, однако, было только каплей в море денег, которые за последние десять лет с разных сторон и по разным каналам были переброшены исламским экстремистам на Балканах для финансирования их деятельности. Как сообщала римская газета «Республика» в конце 2001 года, ссылаясь на секретный доклад ЦРУ, «Аль-Каида» и ее руководитель Усама бен Ладен в течение шести лет — с 1992 по 1998 год — через свои каналы в турецкой части Кипра передали мусульманам на Балканах 700 млн. долларов. Газета «Республика» исследовала связи турецкой псевдодержавы на Кипре с международным терроризмом и обвинила военную верхушку в Анкаре в том, что она стоит за всем, что «происходило или планировалось осуществить на севере Кипра». Предполагая, что в оккупированной части Кипра может разместиться «тайное царство бен Ладена», газета опубликовала фотографию, на которой изображены Усама бен Ладен и лидер кипрских турок Р. Денкташ.

Одно ответвление этого канала шло через Македонию и Косово, а в указанных грязных финансовых операциях, наряду с албанскими, хорватскими, словенскими и другими гражданами, согласно материалам издаваемого в

Скопле журнала «Старт», опубликованным в середине апреля 2001 года, был замешан и бизнесмен из Кавадарци (Македония) Цветко Кабрамов. Через несколько своих фирм он выступал в качестве посредника, получая высокие проценты при «покупке» 3,8 млрд. кувейтских динаров, обмененных затем на американские доллары (приводится ошеломляющая цифра в 12 млрд. долларов!). «Старт» утверждает, что эти деньги не принадлежали Усаме бен Ладену, а были украдены в кувейтских банках в конце 1990 года, когда иракские солдаты на короткое время оккупировали Кувейт. Часть этих денег получил Усама бен Ладен для финансирования деятельности экстремистов на Балканах, включая и Армию освобождения Косово, имея в виду ее борьбу за насильственное отделение Косово и Метохии, юга Сербии, Западной Македонии и части Черногории для создания Великой Албании.

В Европу через Балканы

Секретный доклад специального полицейского подразделения в Косово и Метохии в составе миротворческих сил, руководимого итальянскими карабинерами, показал, что среди многочисленных международных гуманитарных (неправительственных) организаций в Косово было не менее десятка таких организаций, которые являлись «троянским конем» для деятельности исламских террористов в Европе. В их числе «Аль-Каида», алжирская «Вооруженная исламская группа» (ГИА), египетская «Джамма аль-Исламия», тунисский Исламский фронт и палестинский «Хамас».

Согласно этому докладу, важнейшую роль играли две организации, которые находились в США: «Таибх интернейшнл» и Фонд по оказанию глобальной помощи. Фонд даже имел отделения в 17 странах, а в ЦРУ был известен как касса, которая служила «Аль-Каиде» одним из главных источников доходов, получаемых в виде «добровольных пожертвований» в мечетях по всему миру.

Особые заслуги в раскрытии сети ложных гуманитариев в Косово и составлении секретного доклада принадлежат двум руководителям специального многонационального подразделения — генералу Леонарду Лезу и полковнику Эммануэлу Гарелли. В докладе, в частности, указывалось, что «мусульманские объединители использовали конфликты на Балканах для беспрепятственного проникновения в Европу под мантией неправительственных гуманитарных организаций. При перемещении огромных денежных средств значительная их часть предназначалась и предназначается для осуществления интересов террористических организаций, вербовки новых членов, создания лагерей подготовки, подкупа местного мусульманского политического истеблишмента в целях отмывания денег или передачи их ячейкам в Западной Европе».

Контакты между Армией освобождения Косово (ОВК) и «Аль-Каидой» поддерживались почти десять лет, точнее с начала 1990-х годов, когда обе организации только формировались. «Аль-Каида», в то время еще действовавшая под знаменем египетского «Джихада», после падения коммунистического режима в Албании сразу же создала ячейки в Тиране и других городах Албании. Мухамед аль-Завахири, младший брат Аймана аль-Завахири, основателя «Аль-Каиды» и первого соратника Усамы бен Ладена, возглавил местную ветвь исламских террористов.

Реальное сотрудничество ОВК и «Аль-Каиды» базировалось в основном на торговле наркотиками, которая была главным источником финансирования обеих организаций. Сотрудничество между ОВК и людьми бен Ладена в военном и соответственно террористическом плане началось еще весной 1998 года, когда стали усиливаться столкновения в Косово. Это в свое время признал и Якуп Красничи, бывший представитель ОВК по связям со средствами массовой информации, ставший позднее депутатом Скупщины Косово от партии Х. Тачи, заявив, что в сентябре 1998 года, когда над ОВК нависла угроза полного уничтожения после наступления сербских полицейских сил, она получила предложение от моджахедов, чтобы их боевики включились в проведение акций ОВК. Это предложение якобы не было принято, однако известно, что значительное число моджахедов и «святых воинов» из исламских стран воевали в рядах ОВК. В Косово они приносили с собой оружие, наркотики и деньги. Это подтверждает и доклад Кеннета Кацмана, специалиста Конгресса США по проблемам терроризма, в котором указывается, что среди 34 стран, где Усама бен Ладен располагает многочисленными сторонниками, организованными в ячейки, находятся Босния и Герцеговина, Косово, Македония и Албания.

Присутствие и деятельность исламских экстремистов в Косово подтвердил и Ибрагим Ругова, лидер Демократического союза Косово (ныне президент Косово). В интервью агентству ИТАР-ТАСС в середине ноября 2001 года он признал, что «террористы Усамы бен Ладена нашли прибежище и теперь его находят в нашем регионе». По словам Руговы, многие наемники, которые воевали вместе с чеченскими экстремистами, прошли подготовку на Балканах. «Члены организации “Аль-Каида” обучали террористов, которые действовали в Чечне», — заявил Ругова.

Существование террористической связи по линии Афганистан—Чечня—Балканы подтвердил министр иностранных дел России Игорь Иванов в интервью французской газете «Фигаро» в середине апреля 2001 года: «Чеченские террористы обучены в Афганистане, где получают деньги, оружие и моральную поддержку. Многие из них

прошли лагеря подготовки в Боснии и Герцеговине и в Косово, в результате Балканы стали главным центром экстремизма, начиная с Косово, которое захлестнула торговля оружием и наркотиками». По словам И. Иванова, Россия является «целью прямой агрессии международного терроризма» и в этой агрессии «союзничество чеченских террористов и им подобных на Балканах и из Афганистана очевидно».

Послесловие к переводу

Балканы издавна были проблемным регионом. Находясь на перекрестке путей с севера на юг Европы, с запада Европы на Ближний и Средний Восток, Балканы нередко оказывались в центре мировых противоречий, привлекая тех, кто занимался торговлей наркотиками, оружием и людьми. В конце прошлого века здесь активизировалась и деятельность террористических организаций.

Поэтому не случайным было проведение в начале мая в Белграде международной конференции «Балканы — слабое звено в борьбе против терроризма», организованной Институтом политических исследований (Белград) и Институтом Рокфорда (США). На конференции рассматривались как глобальные проблемы борьбы с терроризмом, так и деятельность террористических групп на Балканах, их связь с организованным криминалом. В выступлениях некоторых участников конференции особо подчеркивалась необходимость реального взаимодействия стран в организации отпора проишкам террористов.

Как сказал директор Белградского центра по исследованию безопасности и терроризма Д. Симеунович, «граница проникновения ислама в Европу проходит на Балканах, которые уже веками защищают христианство от опасного исламского фундаментализма. Косово и Метохия, Босния и Герцеговина сегодня являются логистическими, финансовыми и кадровыми базами международного терроризма, о чем лучше всего свидетельствует тот факт, что в Ираке воюет большое число добровольцев из этих регионов».

Балканы, по мнению Д. Симеуновича, в настоящее время являются слабым звеном в международной борьбе с терроризмом, поскольку многие жители региона — мусульмане, здесь имеются экстремистские группы и проявляются симпатии по отношению к исламским террористам. И тем не менее Балканы и, особенно содружество Сербии и Черногории, могут быть полезны Европейскому союзу именно благодаря их опыту борьбы против терроризма. США и европейские государства, отметил Д. Симеунович, слишком долго закрывали глаза на проблему терроризма, которая в настоящее время достигла таких размеров, что ее невозможно скрывать.

Внешнеполитический аналитик из Вашингтона Джеймс Джатрас считает, что американская администрация в прошлые годы финансировала многочисленные фундаменталистские организации вместо того, чтобы энергично с ними бороться. «Позиция американской администрации, — заявил он, — заключается в том, чтобы поддерживать джихад до тех пор, пока он не направлен непосредственно против США. Американский симбиоз с джихадом расширился во время администрации Б. Клинтона, однако удивительно то, что эта ситуация сохраняется и после террористических нападений 11 сентября 2001 г.»

О роли западных спецслужб в финансировании террористов говорил и редактор газеты «Юнге вельт» Ю.Элзасер, указав, в частности, на деятельность американской частной компании МПРИ (Military Professional Resources Incorporated), которая пользовалась услугами бывших офицеров американской армии в ходе почти всех крупных конфликтов в течение последних пятнадцати лет. По его словам, «моджахеды не выиграли бы ни одну балканскую войну без помощи американских спецслужб. Во всех конфликтах в этом регионе были замешаны “специалисты” из МПРИ — они руководили операцией “Буря” в Хорватии, перед началом бомбардировок силами НАТО Сербии и Черногории их обязанностью было обозначить цели в Косово, те же люди участвовали и в мятеже албанцев в Македонии. Из семи самых опасных лиц, подозреваемых в организации террористических нападений 11 сентября 2001 г. в США, по крайней мере, пять человек связаны с конфликтами на Балканах. Это — все бывшие боевики из Боснии, которые имеют невыясненные отношения с американскими спецслужбами».

Ю. Элзасер сообщил, что эта компания перебросила в Боснию от 4 до 10 тыс. моджахедов и доставляла оружие из Ирана. «Все время утверждается, — сказал он, — что это частная компания, однако ее деятельность осуществляется по договоренности с Пентагоном».

Директор Центра международных исследований Института Рокфорда Срджа Трифкович считает, что точно так же действуют и неправительственные организации, которые работают на правительство там, где ему неудобно появляться. «Конечно же, — заметил он, — министерство обороны не будет участвовать где-либо непосредственно в грязных делах». Как бы в подтверждение этого тезиса, хорватская газета «24 часа» сообщила 15 мая 2005 г., что располагает документальными данными, свидетельствующими о том, что американская администрация и лично бывший президент США Б. Клинтон следили за проведением упомянутой выше операции «Буря», давая детальные указания по ее осуществлению.

С. Трифкович отметил, что международный терроризм так организован, что может осуществлять нападения одновременно в нескольких странах. «Исламские террористы, — сказал он, — сегодня более много-

численны, чем до нападений 11 сентября 2001 г. Речь идет о децентрализованной системе, в которой нет определенного командного центра, против которого следовало бы вести борьбу».

Внимание к деятельности террористов на Балканах не ослабевает. Вот и директор ЦРУ П. Гос, по данным сербской и боснийской печати, посетил в конце июня Албанию, Боснию и Герцеговину, где обсуждал проблемы безопасности на Балканах. ЦРУ, в частности, недовольно весьма спокойным отношением представителей ООН в Боснии к существованию террористов на территории этого государства, их благосклонным восприятием позиции председателя правительства Боснии и Герцеговины А. Терзича, который обратился с просьбой к администрации США отпустить на свободу находящихся в лагере Гуантанамо шесть исламских боевиков из так называемой «алжирской группы», имеющих боснийские паспорта.

ЦРУ раздражено также отсутствием реакции со стороны представителей ООН и властей Боснии и Герцеговины на требование предоставить оперативные данные о месте пребывания более 900 бывших исламских боевиков — потенциальных террористов. Вместе с тем не исключено, что неожиданный визит директора ЦРУ в Сараево следует рассматривать в контексте результатов выборов в Иране, который в Сараево имеет самый крупный разведывательный центр в Европе.

В Вашингтоне знают, что многие каналы «Аль-Каиды» в Европу и Америку идут из Боснии и Герцеговины, что сегодня «белая “Аль-Каида”» — самый опасный облик терроризма и что кадры для нее легче всего формируются в Боснии. Правда, в годы кровавой войны в Боснии все это Вашингтону не мешало, отмечает белградская «Политика», более того, иностранные моджахеды нередко прибывали в Боснию с ведома и с помощью американцев.

Действительно, терроризм — глобальное явление и единственным эффективным путем борьбы с ним является реальное международное сотрудничество в этой сфере без каких-либо оговорок, не преследующее иные политические цели.

Лев Никифоров

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Александр Рар (Германия)

ЕВРОПЕЙСКИЙ СОЮЗ И ВОСТОЧНОЕ СОСЕДСТВО

Расширение Европейского союза в Центральной Европе успешно завершено. К 2007 году почти все в прошлом «союзники» бывшего Советского Союза по Варшавскому договору окажутся полностью интегрированы в ЕС. Окрепшему ЕС теперь предстоит определить и структурировать общую для союза внешнеполитическую и оборонную политику. Стратегия европейской безопасности призвана предотвращать появление очагов нестабильности и помогать разрешать конфликты в самом широком своем соседстве, особенно на территориях, которые рассматриваются как транзитные пути, сырьевые базы или перспективные рынки для ЕС.

Территория распавшегося Советского Союза стала, наряду со странами Северной Африки и района Восточного Средиземноморья, новым непосредственным соседством для ЕС. Особенно возросла для ЕС стратегическая значимость Черноморского и Каспийского регионов. Через несколько десятилетий западные и южные государства нынешнего Содружества независимых государств (СНГ) могли бы еще дальше продвинуть Европу в Азию и наладить тесные культурные, экономические и политические связи с Европой ЕС. Возможно, и Россия, если она изберет путь демократизации, также станет частью такого сообщества. Это — оптимистическое представление.

Восточное соседство ЕС — явление сложное. Зачастую западноевропейцы склонны недооценивать значение территории бывшего Советского Союза. Если демократические и либеральные экономические реформы здесь не удастся провести, то очаги нестабильности затронут сам ЕС.

Ряд новых независимых государств весьма далеки от устойчивости и по-прежнему ведут борьбу за выживание. Есть к тому же опасность, что некоторые из бывших советских республик, в конце концов, пополнят ряды «государств-банкротов» (подобно Грузии в ходе гражданской вой-

ны 1991–1992 годов, Таджикистану – во время вторжения талибов из Афганистана в 1998–2001 годов) и диктатур (наподобие туркменской или белорусской) или будут поглощены более крупными державами (Россией, Китаем, Ираном). Самый серьезный вызов исходит от России, которая все еще является второй ядерной державой в мире и обладает необходимыми полезными ископаемыми, нужными Европе для будущего развития. А пока возврат России к авторитаризму породил тревожные опасения возрождения неоимпериалистической России.

Если ЕС намерен добиться хотя бы какого-то влияния среди своих стратегических восточных соседей, он должен безотлагательно действовать, исходя из только что выработанной Европейской политики добрососедства (ЕПД).

2003–2005 годы были свидетелями драматических событий в восточной части континента, которые способны внести изменения в будущую политическую карту Европы. Демократические революции, сходные с произошедшими 15 лет назад в странах бывшего Варшавского договора, смели прогнившие и авторитарные посткоммунистические режимы в Грузии, на Украине и в Киргизии. Народные массы протестуют, и, возможно, вскоре последуют еще «революции» в других постсоветских государствах, в том числе и на некоторых территориях России.

Растущая подозрительность России в отношении вмешательства ЕС в дела ее стратегического соседства, на которое Москва смотрит как на свое собственное «ближнее зарубежье», а также отсутствие у государств – членов ЕС слаженности в оценках такого подхода России может поставить ЕС перед неприятным выбором: либо усиленно развивать прагматическое партнерство с Россией (и, вероятно, признать за Россией право заново отстроить свою сферу воздействия на постсоветском пространстве), либо всецело поддерживать демократические страны ГУАМ (по первым буквам названий членов организации: Грузия, Украина, Азербайджан и Молдова) против «неоимпериализма» Москвы.

Наконец, ЕПД должна быть согласована с другими силами и стратегическими обстоятельствами, складывающимися на Востоке. Соединенные Штаты осуществляют собственную программу демократии в восточном соседстве ЕС, которая вскоре затронет Беларусь и другие авторитарные режимы Центральной Азии. Для стран ГУАМ перспектива вступить в НАТО выглядит более притягательной, нежели ожидание, пока ЕПД даст первые результаты.

С распадом Советского Союза ЕС (и Запад) постоянно был своего рода центром тяготения для постсоветского пространства. Стоит напомнить, что одна из целей антикоммунистических лидеров России, Украины и Беларуси в ходе ликвидации СССР в декабре 1991 года состояла в индивидуальной интеграции новых независимых государств

в ЕС и НАТО. Российский президент Борис Ельцин открыто провозгласил идею общего демократического и либерального рыночного пространства с США и ЕС. До Александра Лукашенко Беларусь считалась самым вероятным кандидатом на членство в ЕС из всех постсоветских республик. Украина сделала первый серьезный шаг по пути единения с Западом, получив гарантии безопасности США и НАТО, после того как уничтожила на своей территории ядерные вооружения.

В то время как центральноевропейские страны в 1990-е годы сумели реформировать свои политико-экономические системы и в течение десяти лет стали членами ЕС и НАТО, постсоветским государствам последовать их примеру не удалось. Демократические институты и рыночную экономику они создали лишь в теории. С одной стороны, четко выраженное стремление западных и кавказских государств СНГ вступить в ЕС и НАТО и в конечном счете соединиться с Западом привело их к членству в Совете Европы, тесному сотрудничеству с ОБСЕ в принятии демократических принципов и подписанию важных соглашений о партнерстве и сотрудничестве с ЕС. С другой стороны, отсутствие демократических традиций, глубоко въевшийся в сознание советский менталитет, неприятие обществом либеральных экономических идей, преступность, коррупция и некомпетентность, пронизавшие всю систему государственной бюрократии и бизнес-общества, воспрепятствовали созданию деятельной системы правления закона. Ни одно постсоветское государство до сих пор не достигло западных стандартов ни в политической, ни в экономической жизни. Принятие демократических конституций попросту преследовало цель приукрасить витрину или понравиться Западу.

Тем не менее новые независимые государства, составившие восточное соседство ЕС, избежали крупных экономических катастроф. Ни одно из них не скатилось до положения «государства-банкрота». Начиная с 2000 года, налицо впечатляющий рост их экономик. Такой позитивный оборот привел ряд посткоммунистических авторитарных режимов к мысли, будто они добьются стабильности, иностранных капитальных вложений, полного международного признания и интеграции в мировую экономику без приверженности либеральным ценностям.

Россия никогда не теряла надежду возродить утраченные ею влияние и контроль над бывшими частями российской и советской империи. Но все попытки Москвы преобразовать Содружество независимых государств (СНГ) в нечто большее, нежели форум по мирному урегулированию вопросов размежевания бывших советских республик, ни к чему не привели.

Постепенно уменьшилась экономическая зависимость новых независимых государств от России. Ни Путин, ни его предшественник Борис Ельцин не добились успеха в воссоединении с пророссийской

Беларусью. Договор о коллективной обороне поддержала всего половина бывших советских республик, и он со временем утратил свою значимость. Не дали результатов российские усилия создать новые нефтегазовые союзы в Каспийском регионе и воспрепятствовать появлению альтернативных коммуникационных, транспортных и торговых схем. США, ЕС и Китай стали — через свои компании — активными игроками в богатом ресурсами Каспийском регионе.

События 11 сентября 2001 г. изменили политическую карту восточного соседства ЕС. Для борьбы с международным терроризмом на Ближнем Востоке США и НАТО создали военные базы в Центральной Азии. Россия, оказавшаяся в 1990-х годах неспособной оградить своих южных союзников от непрекращающихся вторжений исламских экстремистских сил из Афганистана, была политически вытеснена из традиционной сферы своего влияния. В настоящее время Запад оказывает сильное воздействие на Россию, добиваясь вывода ее военных баз со всего Южного Кавказа. Уже сегодня Грузия и Азербайджан стали союзниками США в борьбе с терроризмом и приблизились к членству в НАТО.

На протяжении 1990-х годов России удавалось держать под контролем стратегически важный Южный Кавказ, оказывая негласную поддержку подрывным действиям сепаратистских движений в таких непризнанных автономиях, как Абхазия, Южная Осетия и Нагорный Карабах. Уже сегодня Запад усиливает нажим на Россию, добиваясь более активного деятельного участия международного сообщества в разрешении конфликтов.

В 2003—2005 годах начался повальный крах авторитарных и коррумпированных посткоммунистических режимов в результате народного протеста, вылившегося в две революции, сопоставимые с «бархатными революциями», которые в 1989 году избавили Центральную и Восточную Европу от коммунистических систем.

К концу 2003 года Президент Путин завершил свой первый президентский срок с демонстрацией больших достижений. Менее чем за четыре года ему удалось оживить российскую экономику и государственность, сокрушить продажный ельцинский режим «олигархов» и воскресить на мировой арене Россию как энергетическую сверхдержаву. Радикально уменьшилась былая зависимость от Запада, отношения с США и ЕС поставлены на основу равенства (антитеррористическая коалиция, энергетический альянс). Западные энергетические рынки стали все больше зависеть от экспортных поставок Россией нефти и газа, ввиду возможных нарушений поставок энергоносителей с Ближнего Востока после 11 сентября 2001 г.

Программа второго президентского срока была еще более амбициозной: российское руководство, видимо, решило, что появился уни-

кальный исторический шанс восстановить союз трех основных бывших советских республик — Украины, Беларуси и Казахстана. Лидеры этих стран согласились создать Единое экономическое пространство, которому предстояло стать ядром более глубокой интеграции.

Момент для подобной стратегии был выбран удачно. США целиком отдались войне в Ираке. ЕС первоочередное внимание уделял внутренней консолидации и расширению, демонстрируя нежелание выходить за пределы Балкан и Турции. Между тем украинский президент Леонид Кучма отказался от прежнего курса Украины на интеграцию с ЕС и НАТО и направил политику на воссоединение с Россией. Окончательный шаг в этом, как намечалось, предстояло сделать выбранному Кучмой в качестве преемника Виктору Януковичу.

ЕС и США предостерегали Украину от стремления к слишком тесной интеграции с Россией, Путин же в это время пытался убедить Запад, что Единое экономическое пространство поможет гармонизировать отношения между Европой ЕС и новым сообществом. Еще в бытность премьер-министром во времена Ельцина Путин отыскивал новый прагматический подход к ЕС, что проявилось на саммите ЕС в Хельсинки в октябре 1999 года. Двумя годами позже в своей знаменитой речи в германском парламенте он вновь обратился к своему пониманию партнерства ЕС и России. Во имя всей Европы Путин предложил соединить богатое природными ресурсами российское экономическое пространство с технически высокоразвитым пространством ЕС. Путин всегда отстаивал идею «общей Европы», каковую ЕС, однако, признавать не желал из-за постепенного отхода России от демократических ценностей.

К 2002 году отношения между обоими «стратегическими партнерами» ухудшились. Россия явно недооценила политическую силу Европейского союза в решении вопросов первостепенной важности, таких как калининградский транзит и распространение Соглашения о партнерстве и сотрудничестве 1997 года между ЕС и Россией на новые государства — члены ЕС, не говоря уже о непрестанных стычках между ЕС и Россией по таким вопросам, как война в Чечне, свобода печати и «дело ЮКОСа».

Российская политическая элита начала ставить под сомнение необходимость стратегического партнерства с ЕС. В марте 2005 года влиятельный Российский Совет по внешней и оборонной политике подготовил доклад, в котором России предлагалось заморозить отношения с ЕС. Российские политические мыслители подвергали сомнению любую причину, по которой России приходилось «постоянно уступать требованиям ЕС, подлаживать правовую систему России под западные стандарты». Поскольку в силу объективных причин Россия на данном этапе не может стать членом ЕС, то, значит, стране нет ни-

какого смысла руководствоваться в политике и бизнесе европейскими стандартами.

Год 2004-й отмечен самым серьезным противостоянием между Россией и ЕС со времени войны НАТО в Косово (1999 год). Породила конфликты идея ЕС о «совместном соседстве» с Россией. Более сильно обозначенный стратегический подход ЕС вызывал опасения новых геополитических противоборств в том, что Россия считала своей традиционной вотчиной — «ближнем зарубежье». Расширение ЕС в 2004 году в России стало восприниматься как «угроза» национальным стратегическим интересам.

Поведение России на постсоветском пространстве стало беспокоить и Запад. Осенью 2003 года Россия без консультаций с Западом разработала план стабилизации обстановки в Молдове. Так называемый «план Козака» предусматривал преобразование Молдовы в конфедерацию. Предполагалось, что сепаратистская Приднестровская республика получит право вето в отношении политики Кишинева. Скрытая программа российской дипломатии была нацелена, разумеется, на то, чтобы удержать Молдову, открыто ориентировавшуюся на ЕС и НАТО, под контролем Москвы. Осуществись «план Козака» в Молдове, Кремль с радостью использовал бы его и в Грузии. ЕС и США всеми имевшимися дипломатическими средствами блокировали «план Козака».

В ноябре того же года мощная волна народного протеста против манипуляций в ходе парламентских выборов в Грузии смела коррумпированный режим Эдуарда Шеварднадзе. В результате у власти оказались прозападные силы во главе с Михаилом Саакашвили, и Россия в одну ночь лишилась всех рычагов воздействия на Грузию. Саакашвили провозгласил политику объединения Грузии и вступил в тяжкий политический конфликт с Россией.

Ровно год спустя Россия с Западом повздорили из-за другого крупного события в меняющейся восточной среде ЕС: напористое вмешательство Москвы на стороне пророссийского политика Януковича в украинские президентские выборы вынудило ЕС подняться на защиту оппозиционных сил во главе с Виктором Ющенко. «Оранжевая революция» покончила с режимом Кучмы и в одну ночь изменила внешнеполитическую ориентацию Украины. Через несколько недель после прихода к власти Ющенко со своими сподвижниками уже усиленно стучались в двери НАТО и ЕС.

Возможно, был момент, когда творцы российской политики все-раз думали, что ЕС не будет мешать России возродить статус великой державы. С той поры Путин должен был бы осознать, что Запад объединится против России, если та попытается восстановить советскую империю. Россия совершенно недооценила желание элиты соседних

с нею государств вступить в ЕС и НАТО, раз и навсегда избавившись от господства России.

В марте 2005 года сходные события развернулись в Киргизии. Вслед за массовыми протестами против фальсификации результатов парламентских выборов прежний режим пал, а главе государства пришлось бежать из страны. Автократы в других постсоветских государствах испытывают все большее беспокойство по поводу перспектив дальнейших «революций».

Поскольку посткоммунистические автократы подозревают, что за организацией массовых протестов и сменой режимов стоят внешние силы (фонды и спецслужбы США), они решили принять меры против западного влияния. Первые ответные действия были направлены против ОБСЕ. Россия открыто усомнилась в необходимости поддерживать эту организацию, поскольку та всецело переключилась на вопросы внедрения демократии в СНГ. Под сильным нажимом России была закрыта наблюдательная миссия ОБСЕ на российско-грузинской границе (Чечня).

Революции в восточном соседстве ЕС возбудили опасность новых очагов нестабильности. Украина и Грузия объединили усилия для скрепления нового союза против российской гегемонии в регионе и для более быстрого принятия стран СНГ и Кавказа в ЕС и НАТО (Карпатская декларация от февраля 2005 года). Стало очевидно, что территория восточного соседства ЕС впервые с 1991 года раскололась на два совершенно разных политических сообщества: Россию, Беларусь, Казахстан и Армению с посткоммунистическими авторитарными режимами, с одной стороны, и ориентированные на Запад Украину, Грузию, Молдову, Азербайджан — с другой.

Украина и Грузия объединили силы для строительства новых альтернативных трубопроводов из Каспийского региона в обход России. Ведутся переговоры с Ираном, Туркменистаном, Узбекистаном и Казахстаном. Грузинское руководство ведет переговоры с Турцией и Арменией относительно открытия границы между двумя давними врагами. Такой шаг создаст еще одно стратегическое звено между кандидатом на прием в ЕС — Турцией и выбирающим в качестве ориентира ЕС — Южным Кавказом.

США, Польша, Румыния и балтийские государства подтвердили, что поддерживают политическое укрепление организации ГУАМ, которая намерена создать на юго-востоке Европы энергетический альянс без России. Эта политика может подорвать текущее планирование классического энергетического союза Россия — ЕС, который упорно проталкивается Германией.

Светлана Азаронова (Республика Беларусь)

НОВЫЕ ОБОРОННЫЕ ИНИЦИАТИВЫ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА. РЕГИОНАЛЬНЫЙ КОНТЕКСТ

Решение добавить к экономической и финансовой мощи Евросоюзу военное измерение было вызвано пониманием европейцами нежелания США рисковать жизнью своих солдат в региональных конфликтах, не представляющих прямой угрозы национальным интересам США. В этом смысле оно было следствием необходимости для ЕС взять на себя большую ответственность за обеспечение собственной обороны.

Еще на саммите ЕС в Хельсинки (декабрь 1999 года), сделав решительный шаг в направлении выработки новой Общеввропейской политики в области безопасности и обороны (ЕПБО), ЕС формулирует цель — создание вооруженных сил, достаточных для формирования соединения, эквивалентного армейскому корпусу, и способных к быстрому развертыванию для осуществления поставленных петербургских задач¹ в местах своей дислокации, как минимум, в течение года.

Такой корпус должен быть самодостаточным в плане материально-технического обеспечения, связи и разведки и поддерживаться в состоянии готовности к выполнению тех операций, в которых США и НАТО не будут принимать участия.

Общие характеристики сил быстрого реагирования ЕС

Задача	В рамках петербургских задач
Численность	40–60 тыс. человек
Боевой состав	15 бригад
Время развертывания	60 дней
Продолжительность выполнения задач	1 год
Способы поддержки	400 самолетов, 100 кораблей
Географическая зона применения	Четко не обозначена

¹ Петербургские миссии или задачи — миссии гуманитарного и спасательного характера, операции по поддержанию мира и «управлению кризисами», включая принуждение к миру. Названы по резиденции Петербург под Бонном, где проходили соответствующие переговоры Западноевропейского Союза (ЗЕС) в 1992 году. В 1999 году приняты на встрече ЕС в Кёльне и стали основой ЕПБО. В документе подчеркивается, что «Союз должен иметь возможности для самостоятельных действий, которые будут поддерживаться вооруженными силами, принятия решения об их использовании и готовности поступить подобным образом ради ответа на международные кризисы без предубеждения перед действиями НАТО». Европейцы признают, что эти соглашения могут быть пересмотрены и дополнены новыми задачами (для решений которых могут потребоваться вооруженные силы), например такими как предотвращение конфликтов, разоружение, военная помощь, постконфликтное урегулирование, борьба с терроризмом. В связи с этим предусматривается возможное участие ЕС во вмешательствах различного типа с различной степенью интенсивности.

Индивидуальные обязательства стран—участниц, тыс. человек:

Германия — 13,5; Британия — 12,5; Франция — 12,0; Италия — 6,0; Испания — 6,0; Нидерланды — 5,0; Греция — 3,5; Австрия — 2,0; Финляндия — 2,0; Швеция — 1,5; Бельгия — 1,0; Ирландия — 1,0; Португалия — 1,0; Люксембург — 0,1. Дания в случае необходимости выделит контингент в состав шведского или финского батальонов.

Реальные условия выполнения военных задач означают, что создание 60-тысячного корпуса предполагает иметь в готовности контингент, как минимум вдвое больший, т.е. 180–200 тыс. человек. То есть при полном развертывании 60-тысячного контингента необходимо иметь столько же личного состава в режиме подготовки к выполнению задач и ротации, а в случае долгосрочной операции — еще треть на восстановление боеспособности и отдых после выполнения задач.

Заметим, что, несмотря на общую численность личного состава армий европейских стран НАТО примерно 2 млн. человек, к началу регионального кризиса в Косово европейцам с трудом удалось развернуть контингент 40 тыс. военнослужащих.

По окончании Косовского конфликта европейцы приняли решение о повышении оперативного потенциала за счет более эффективного сотрудничества стран Евросоюза. Вряд ли этого можно добиться на общеевропейском уровне — затрачиваемые европейскими странами усилия на оборону не адекватны.

Приоритетами европейского военного планирования, во всяком случае, пока являются региональные, а не глобальные проблемы. Понятно, что Объединенная Европа рано или поздно станет глобальным объектом не только в сфере экономики, но и в сфере безопасности. В отчете Европейской комиссии «Стратегические цели» (февраль 2000 года) говорится, что ЕС должен стремиться к созданию Европы, которая сможет играть роль настоящего лидера на мировой арене. Таким образом, если ЕС намеревается сформулировать отчетливую военную составляющую, то главной задачей, безусловно, будет уменьшение зависимости Европы от Америки в военной сфере.

Обычно в таких случаях принято цитировать бывшего Генерального секретаря НАТО лорда Робертсона, который отмечал, что Америка всегда проявляет некоторую шизофрению в вопросах ЕПБО, потому что сначала говорит: «Вы европейцы должны взять на себя большую ответственность в области обороны и безопасности», а когда европейцы отвечают: «Ладно, возьмем большую ответственность», тогда американцы говорят: «Вы что намекаете на то, что нам надо убираться домой?».

В определенном смысле озабоченность США в отношении новых оборонных инициатив ЕС связана с осознанием того, что европейцы станут меньше покупать американского оружия. После Косова аме-

риканцы призывали своих союзников увеличить расходы на оборону, имея в виду, что Европе следует провести перевооружение и закупить передовые американские технологии. Надежды Вашингтона на гиганты американского ВПК, которые поглотят европейские фирмы, померкли в связи с началом процесса консолидации европейского ВПК.

Принятое европейцами решение об укреплении промышленной и технологической базы системы обороны начало реализовываться с 1999 года. Созданная в результате слияния французской компании Aerospatiale Matra SA и немецкого концерна DaimlerChrysler Aerospace (DASA) компания European Aeronautic Defense and Space Co (EADS) составляет серьезную конкуренцию гегемонии США в оборонной промышленности.

Однако предъявляемая аргументация Вашингтона по вопросам создания военного измерения Евросоюза озвучивается как нежелание США дезинтегрировать связи между безопасностью Европы и безопасностью Америки и неизбежного, по мнению Вашингтона, в случае создания отчетливой военной составляющей ЕС, дублирование действий и потенциала НАТО.

На встрече глав государств и правительств стран—членов НАТО в Вашингтоне (24 апреля 1999 г.) была выражена поддержка тенденций усиления европейского оборонного потенциала и придания ему более определенных очертаний. В коммюнике саммита подтверждалась решимость ЕС создать потенциал для автономных действий с тем, чтобы у него была возможность принимать независимые решения и одобрять проведение военных действий в тех случаях, когда Североатлантический альянс в целом не будет в них участвовать.

Для достижения этих целей европейцы сочли необходимым усилить свой потенциал в сферах разведки, стратегического транспорта, командования и управления, что предполагает и деятельность по комплектованию национальных и многонациональных европейских сил. Пока же в рамках ЕПБО конкретные мероприятия осуществляются в направлении создания сил быстрого реагирования, рассчитанных на развертывание в случае возникновения кризисов в географически близких регионах для ведения войн типа косовской без участия США и НАТО.

В этом смысле, безусловно, остается нерешенной проблема «последовательности принятия решений». Вашингтон всегда недвусмысленно давал понять, что НАТО должно иметь приоритет в решении об участии во вмешательствах до того, как ЕС примет решение о самостоятельности действий. Более того, Вашингтон претендует на участие в процессе принятия решений «с самого начала», даже в случае решения не посылать свои войска.

То есть союзники по НАТО, не являющиеся членами ЕС, опреде-

ленно дают понять, что будут участвовать в процессе принятия решений, касающихся европейской оборонной политики, пытаются выстроить отношения между ЕС и НАТО в сфере предстоящих региональных вмешательств. Пока Франции удастся блокировать эти действия, ссылаясь на необходимость европейцев сначала уточнить свои военные планы между собой.

И хотя речь здесь идет о петербургских операциях, а не об обеспечении территориальной или коллективной обороны, для успокоения американцев ЕС, скорее всего, придется согласиться с вариантом направления в военные комитеты ЕС и НАТО одних и тех же представителей, что обеспечит прозрачность действий. Другой вариант – предложить ключевым представителям НАТО статус наблюдателей в высшем командовании ЕС.

В Евросоюзе, который заложил политические основы для создания необходимых механизмов принятия решений в области урегулирования кризисов и обеспечения политического контроля и стратегического управления будущим военными операциями, осознают, что возможность существования эффективной военной инфраструктуры без формирования соответствующей «штабной структуры» и определения порядка подчинения представляется маловероятной.

Кроме того, как показывает опыт урегулирования локальных конфликтов, военной силой можно только приглушить открытую фазу конфликта. Самым сложным становится период после прекращения организованного сопротивления. В современной войне на первые роли выдвигается сфера военно-гражданских отношений – решение послевоенных вопросов административно-хозяйственного характера при восстановлении функционирования государственных и общественных институтов стран, подвергаемых «трансформации», с участием вооруженных сил стран победителей.

Как отмечает генерал У. Кларк, бывший командующий Объединенными силами альянса в Европе в период военной кампании НАТО против Югославии, в своей книге «Как победить в современной войне: Ирак, терроризм и американская империя», планирование войсковых операций в рамках войны должно предусматривать действия в послевоенный период. Ориентация только на военные аспекты достижения победы ведет к недооценке предстоящих трудностей послевоенного урегулирования на оккупированной территории.

Абстрагируясь от политической оценки иракского конфликта, отметим, что ошибки, допущенные в процессе послевоенного урегулирования в Ираке, являлись, в первую очередь, ошибками политиков, а не военных. По окончании «горячей» фазы кампании в исполнительной власти Вашингтона не нашлось структуры, которой можно было поручить организацию послевоенного урегулирования, и вся от-

ответственность за выполнение несвойственных для вооруженных сил функций легла на министерство обороны.

По словам генерала Кларка, американскому контингенту в Ираке пришлось выполнять не свойственные для армии задачи: организовывать доставку предметов первой помощи, восстанавливать коммуникации и проводить электричество, заниматься вакцинацией и лечением населения, строить мосты, консультировать министерства юстиции и здравоохранения, воссоздавать местные силовые структуры и т.д. Другим федеральным структурам не хватало ресурсов и полномочий, и армия оказалась единственной структурой, располагающей людьми, финансированием и транспортом.

Все эти проблемы не входят в сферу компетенции армии, и военные были возмущены просьбами взяться за них. Понятно, что вооруженные силы, предназначенные для ведения боевых действий, не могут и не должны исполнять не только функции местных административно-хозяйственных органов, но и полицейские функции службы и поддержания порядка на оккупированной территории.

По-видимому, существующий тренировочный курс Корпуса морской пехоты США «война в трех кварталах» (three block war)² в достаточной степени адекватен тем ситуациям, в которых придется действовать армиям в современных локальных конфликтах низкой интенсивности.

Отметим, что организация боевой подготовки этих частей и подразделений командования, индивидуальной подготовки личного состава, обеспечение оперативной совместимости формирований и вооружения министерство обороны США основывает на регулярном анализе опыта боевого использования формирований. Обученные и оснащенные формирования смешанного типа смогут выполнять поставленные задачи совместно со специальными структурами, предназначенными для решения специфических задач в интересах достижения военных, политических, экономических и психологических целей на территориях, принадлежащих иностранным государствам или захваченных ими, а также в географических регионах, представляющих особый политический интерес.

С учетом того, что характер современных угроз европейской безопасности далеко не всегда имеет чисто военную природу, перед евро-

² Тренировочный курс морской пехоты «война в трех кварталах» (three block war) предполагает одновременное выполнение трех разных задач: ведение боевых действий средней интенсивности, проведение миротворческой операции и осуществление гуманитарной миссии. То есть силами одного или связанных подразделений в одном квартале ведут боевые действия средней интенсивности, в соседнем квартале проводят миротворческие операции (разделяют враждующие стороны, собирают оружие, патрулируют улицы и т.д.), в третьем осуществляют гуманитарную миссию (раздают продовольствие, медикаменты).

пейцами встает вопрос о перепрофилировании части вооруженных сил, предназначенных для ведения боевых действий против регулярных армий противника. Необходимость создавать военные подразделения, которые смогут действовать в различных условиях конфликта и выполнять разнообразные задачи силами одного или связанных подразделений, более чем очевидна.

Исходя из приведенного генералом У. Кларком анализа результатов иракской кампании, понятно, что силы быстрого реагирования, создаваемые ЕС, смогут противостоять угрозам пока только на этапе прямого столкновения враждующих сторон и эскалации конфликта. Другие его фазы — обострение напряженности между враждующими сторонами, перерастание напряженности в кризисные явления, разведение конфликтующих сторон после завершения конфликта и последующее урегулирование — потребуют интеграции действий созданных ЕС военно-политических органов с действиями комитета по гражданским аспектам урегулирования кризисов.

Такой комитет должен заниматься вопросами ликвидаций последствий природных и техногенных катастроф и структурами, предназначенными для координации выполнения административно-хозяйственных и полицейских функций на территории конфликта. Все это, в свою очередь, потребует дополнительного осмысления, новых подходов и, безусловно, значительных ресурсов и времени.

Дополнительным остается вопрос о роли вновь принятых членов ЕС в развитии военной составляющей Евросоюза. Понятно, что для восточноевропейских стран приоритетной задачей во внешней политике станет желание не дать свести себя к периферийной роли. В этом смысле восточноевропейским новичкам необходимо быть максимально возможно задействованными во всех измерениях ЕС.

Тем не менее, к примеру, польский подход к вопросам внешней политики и безопасности выглядит примерно так: вопросы национальной безопасности являются элементами международной политики безопасности, а внешняя политика государства составляет элемент его национальной самоидентификации. Таким образом, некоторые вновь принятые члены ЕС, объективно являясь всего лишь потребителями европейской безопасности, вполне серьезно полагают, что в вопросах европейской внешней политики будут самоидентифицироваться и далее. Уже в консолидированной европейской позиции по иракскому кризису поведение «европейских новичков» предполагало, скорее, позицию «троянских пони» в Евросоюзе, чем последовательных сторонников будущей общеевропейской политики в области безопасности и обороны.

Однако не вызывает сомнений, что при выработке общеевропейской политики в области безопасности и обороны (ЕПБО) восточно-

европейские новички с неизбежностью будут «колебаться вместе с курсом ЕПБО».

Таким образом, вопрос «усиления роли ЕС в международных делах путем создания боеспособных вооруженных сил» вполне решаем при помощи формулы военного общеевропейского сотрудничества, хотя и потребует решимости и достаточных средств. Военно-политические аспекты данной проблематики не могут быть описаны «чистой формулой» и потребуют сочетания высокого дипломатического искусства европейской бюрократии и здорового прагматизма в принятии решений правящими национальными элитами ради достижения европейцами заявленных целей.

В актуальном контексте ЕПБО перспектива проведения военных операций под руководством ЕС представляется достаточно туманной, притом что это касается проведения петербургских операций, а не обеспечения коллективной обороны и достижения ограниченных региональных целей. В течение достаточно долгого времени европейцы вынуждены будут серьезно зависеть от командных структур и ресурсов НАТО.

Вместе с тем стремление Европы к консолидации неизбежно приведет к усилению и расширению сферы ее ответственности. «Новый ЕС» будет играть более значимую и активную роль в формировании структурного ландшафта европейской безопасности, обладая не только военным потенциалом, но и имея в своем распоряжении широкий арсенал экономических, финансовых и политических рычагов государственного управления.

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА УКРАИНЫ ПРИ ВИКТОРЕ ЮЩЕНКО

«Оранжевая революция», свершившаяся осенью прошлого года на Украине, в одночасье переместила страну в центр внимания мировой общественности. Администрация Президента РФ и Российское посольство в Киеве ошибались в оценке шансов обоих кандидатов, настроений избирателей и украинской ментальности. Видимо, дело в том, что в Москве не считали необходимым проводить доскональный и систематический анализ ситуации на Украине, в силу советского менталитета полагая, что страна фактически является частью России. Кроме того, Москва слишком доверяла тогдашнему украинскому президенту Леониду Кучме. Все это поставило Владимира Путина в очень неудобное положение, из которого российский президент смог найти выход только благодаря признанию новых реалий и прагматизму. Какую внешнюю политику проводит Украина при новом президенте Викторе Ющенко и кто является проводником этой политики?

Кто является проводником этой политики?

Основные направления украинской внешней политики определяются Верховной радой (ст. Конституции 85.5), которая делает это исключительно путем принятия законов (ст. 92.9). Руководство внешнеполитической деятельностью Украины возложено на президента, представляющего украинское государство во внешних сношениях, ведущего переговоры и заключающего договора (ст. 106.3). Одновременно он осуществляет руководство деятельностью государственных органов в области национальной безопасности и обороны (ст. 106.17). За реализацию президентом внешнеполитической линии, определенной парламентом, отвечает секретариат президента, ранее называвшийся администрацией президента.

Проведением украинской внешней политики занимается кабинет министров (ст. 116.1). Оперативная реализация внешнеполитической линии входит в компетенцию Министерства иностранных дел. Министр иностранных дел — как и остальные министры — назначается премьер-министром по предложению президента (абз. 3 ст. 114) и непосредственно ему подчиняется. После того как конституционная реформа, одобренная 8 декабря 2004 г., вступит в силу 1 сентября нынешнего или 1 января будущего года — это зависит от принятия парламентом второго пакета реформ — министра будет назначать парламент по предложению президента.

Определенную роль в рамках процесса принятия решений в сфере внешней политики и политики в области безопасности играет Совет национальной безопасности и обороны, который координирует вооруженные структуры и председателем которого является президент (ст. 106.18). Однако по своему значению этот орган уступает российскому Совету безопасности. Нельзя скидывать со счетов и влияние на внешнюю политику Главного управления разведки, которое — как и во времена КГБ — входит в состав Службы безопасности Украины (СБУ) и, в отличие от России, не является самостоятельной службой.

8 февраля при введении в должность нового министра иностранных Бориса Тарасюка Ющенко заявил, что внешнюю политику страны будет формировать исключительно Министерство иностранных дел, а не секретариат президента или Совет национальной безопасности и обороны. Тем не менее повышение политического статуса министерства может произойти только в рамках закрепленных в конституции полномочий в области внешней политики.

Директор украинского Центра экономических и политических исследований имени Александра Разумкова Валерий Чалый отмечает недостаточную координацию между ведомствами, занимающимися внешней политикой, а также неясную компетенцию Совета национальной безопасности и обороны в этой области. Он подверг критике неудовлетворительную подготовку первых двух визитов президента в Москву и Страсбург. Заявления Ющенко о скором вступлении в ЕС были недостаточно продуманы и предварительно не согласованы с экспертами.

Основные направления внешней политики Украины

Основные направления внешней политики Украины продиктованы ее географическим положением: на Востоке страна граничит с Россией, на Западе — с Европейским союзом.

Европейский союз

26 декабря 2004 г. в ходе повторного второго тура выборов — результаты предыдущего второго тура были отменены из-за допущенных фальсификаций — новый украинский президент победил главным образом благодаря провозглашению внешнеполитического курса на вступление в ЕС. Ему удалось убедить избирателей в том, что он покончит с прежним лавированием во внешней политике между Москвой и Брюсселем, когда, «сигнализируя поворот в Брюссель, он на самом деле собирался двигаться в направлении Москвы». Выступая 25 января 2005 г. — спустя два дня после принятия присяги — в Страсбурге на Парламентской ассамблее Совета Европы, в которую Украина была принята в 1995 году, Ющенко заявил, что членство в ЕС является стратегиче-

ской целью Украины, которая будет достигнута посредством осуществления пятилетнего плана. 8 марта в германском бундестаге в Берлине он дополнительно отметил, что Украина является «неотъемлемой частью объединенной Европы и семьи европейских народов».

Интеграционная политика Кучмы, носившая чисто декларативный характер, сменилась прагматичным подходом, при котором подчеркивается готовность к реформам и демонстрируется решимость извлечь максимальную пользу из программ сотрудничества с ЕС. В своем правительственном заявлении от 4 февраля 2005 г. недавно назначенный председатель правительства Украины Ю. Тимошенко объявила о стремлении совместно с ЕС разработать новую стратегию развития отношений с союзом, которая предусматривала бы перспективу членства страны в нем.

Первые шаги в направлении Европы были предприняты уже при формировании правительства. Так, вопросы европейской интеграции, выведенные из круга полномочий Министерства экономики, теперь курирует заместитель председателя правительства, которому переподчинены соответствующие отделы Министерства иностранных дел. Ющенко назначил на этот пост Олега Рыбачука, имеющего опыт работы на Западе. В середине 1990-х он в течение восьми месяцев находился на стажировке в США и Великобритании. Рыбачук отвечает за координацию европейской политики правительства. С этой целью в каждом министерстве создан пост заместителя министра по европейским делам, который непосредственно подчиняется Рыбачуку. Кроме того, Рыбачук заявил о создании в каждом министерстве «департаментов по европейской интеграции». Они будут заниматься реализацией Плана действий Украина–ЕС по соответствующим отраслям. О европейских устремлениях нового правительства свидетельствует повторное назначение министром иностранных дел ранее возглавлявшего комитет парламента по вопросам европейской интеграции Бориса Тарасюка, известного своими проевропейскими взглядами.

План действий ЕС–Украина, подготовленный еще предыдущим правительством и не предусматривающий перспективы членства, был подписан обеими сторонами 21 февраля 2005 г. в Брюсселе. Он содержит 15 предложений по проведению реформ в различных сферах. ЕС требует, в частности, от Украины проведения парламентских выборов в марте 2006 года по стандартам ОБСЕ, обеспечения свободы слова и прессы, укрепления стабильности и эффективности демократических институтов и правового государства, улучшения инвестиционного климата, организации борьбы против коррупции, эффективного использования государственных финансовых средств, а также осуществления реформ в области социального обеспечения и здравоохранения. Помимо этого, План действий предусматривает более тесное

взаимодействие в области общей внешней политики и политики безопасности (ОВПБ), сотрудничество полицейских и судебных органов Украины и ЕС, а также переговоры о формировании зоны свободной торговли.

С целью повышения уровня отношений с Украиной План действий, в котором задачи сформулированы в общих чертах, был дополнен другими пунктами. Он был представлен в конце января комиссаром ЕС по международным отношениям Бенитой Ферреро-Вальднер и верховным представителем ЕС по внешней политике Хавьером Соланой и принят 21 февраля в Брюсселе на заседании Совета сотрудничества ЕС—Украина. План содержит следующие элементы:

- принятие нового «расширенного соглашения» по истечении действия нынешнего Соглашения о партнерстве и сотрудничестве между ЕС и Украиной в 2008 году;
- создание форума для проведения энергодIALOGA на высоком уровне;
- проведение переговоров для введения упрощенного визового режима;
- расширение доступа Украины к средствам Европейского инвестиционного банка;
- адаптация Плана действий ЕС—Украина уже в начале 2006 года в случае достижения существенного прогресса в ходе его реализации.

В своей речи перед Европарламентом в Страсбурге 23 февраля Ющенко подчеркнул, что Киев подписал План действий в рамках политики соседства ЕС, однако не рассматривает эту политику как адекватную базу отношений, поскольку считает Украину частью Европы, а не ее соседом. Несмотря на первоначальный скепсис, новое правительство надеется адаптировать свое законодательство к стандартам ЕС путем быстрого осуществления плана и таким образом продемонстрировать серьезность собственных европейских устремлений.

Если в январе Ющенко объявил о намерении подать заявку на прием в ЕС через несколько недель, то теперь официально говорится о подаче заявки в ближайшие шесть месяцев. Но, возможно, Киев будет ждать парламентских выборов в 2006 года, поскольку с начала следующего года председателем ЕС становится Австрия, относящаяся к намерениям Украины более благожелательно, чем Великобритания, которая будет исполнять обязанности председателя ЕС в течение второй половины 2005 года. Кроме того, весомость заявки только повысится, если новое правительство сможет продемонстрировать конкретные успехи в области проведения внутривластных реформ.

Украина теперь надеется добиться признания статуса страны с рыночной экономикой и в конце этого года вступить в ВТО. Новый ми-

нистр обороны Анатолий Гриценко выступает за участие Украины в европейской политике в области безопасности и обороны (ЕПБО), которая является частью ОВПБ.

Ющенко хотел бы еще в этом году начать переговоры с ЕС относительно соглашения о зоне свободной торговли. Затем должны быть начаты переговоры о либерализации процедуры выдачи виз для студентов, журналистов, дипломатов, должен быть обеспечен прогресс в области энергодиалога, должна быть осуществлена модернизация украинских границ при поддержке ЕС. Демонстрацией открытости Украины должна была послужить односторонняя отмена с 1 мая 2005 г. на четыре месяца визового режима для граждан ЕС накануне конкурса «Евровидение-2005» в Киеве. Этому примеру уже последовала Грузия.

Далее, Киев намерен укрепить свою ведущую роль как страны транзита в Европу энергоносителей из России и других стран СНГ, а также активизировать сотрудничество с различными европейскими странами при реализации проекта создания трансевропейского транспортного коридора. Ющенко хотел бы использовать трубопровод Одесса — Броды общей протяженностью 674 км для транспортировки нефти из региона Каспийского моря в Западную Европу, о чем Киев первоначально и информировал ЕС, а не для прокачки российской нефти в обратном направлении, что Кучма пообещал Москве и чем ТНК-ВР в настоящее время и занимается. Украина получит 2 млрд. долларов от Deutsche Bank и 250 млн. долларов от Европейского инвестиционного банка, чтобы увеличить свои транзитные мощности. Рыбачук вел переговоры с Европейским банком реконструкции и развития о финансировании работ по продлению нефтепровода от украинского пограничного города Броды до польского НПЗ в Плоцке и до нефтяного терминала в Гданьске.

27 апреля министр иностранных дел Борис Тарасюк сообщил о намерении его страны начать с ЕС переговоры о получении статуса ассоциированного члена после проведения в марте 2006-го парламентских выборов в соответствии с демократическими нормами. В целях ускорения процесса интеграции с ЕС Украина намерена придать новый импульс своим отношениям с новичками в ЕС из балтийского и центральноевропейского регионов, которые особенно активно поддерживают стремление Украины стать членом ЕС.

После провала референдумов по конституции ЕС во Франции и Нидерландах, а также переноса на неопределенное время сроков проведения референдума в Великобритании на Украине по поводу вступления в ЕС наступило отрезвление. Если Киев будет продолжать настаивать на членстве в ЕС, то следует иметь в виду, что отклонение его заявки приведет не только к остановке процесса реформ, но и к сближению этой страны с Россией в такой степени, которая выйдет дале-

ко за рамки экономического сотрудничества. А это усилит имперские амбиции Москвы. Тем не менее Путин объявил в конце марта в Киеве, что он считает неправильным препятствовать движению Украины в направлении Европы.

Россия

Одна из самых сложных задач, стоящих перед украинской внешней политикой, — выстраивание отношений с Россией. Задача усугубляется тем, что для обеих сторон эта тема сопряжена с большими эмоциями. В целом можно отметить, что русскому тяжелее рационально думать и говорить об Украине, чем украинцу о России.

Нельзя упускать из виду и региональные различия. Политические взгляды населения восточных областей Украины формируются местными олигархами и пропагандируются через региональные СМИ. Бизнес большинства этих олигархов связан с Россией, с которой они вынуждены сотрудничать. Хотя у них много общего с российскими олигархами, в финансовом плане украинцы россиянам уступают. В отношении России они проводят диалектическую политику: они сотрудничают, но при этом соблюдают определенную дистанцию. В западных областях Украины население, напротив, ориентируется на Европу, а не на Россию.

Несмотря на то, что Путин активно вмешивался в предвыборную кампанию на Украине в поддержку Януковича (он совершил две поездки на Украину 12 и 17 ноября, а «Газпром» перечислил на счета предвыборных фондов Януковича 200 млн. долларов), свою первую поездку за границу на следующий день после инаугурации 24 января Ющенко принял в Москву. Тем самым новый украинский президент показал, что для него национальные интересы выше личных обид и эмоций, возможно, возникающих при воспоминании о попытке его отравления, которая, видимо, не могла бы состояться без российской помощи. В Москве он назвал Россию «вечным стратегическим партнером» Украины.

После прохладной январской встречи в Москве мартовские переговоры в Киеве были несколько теплее. Путин сделал промежуточную остановку в украинской столице на пути из Парижа в Москву для проведения своего рода встречи примирения. По оценке Путина, беседы прошли в «очень благожелательной и весьма конструктивной обстановке». «Мы не нашли вопросов, по которым мы не могли бы понять друг друга», — сказал Ющенко. Из заранее подготовленного заявления для прессы Путин вычеркнул предложение о том, что обе стороны по-разному видят некоторые проблемы. Ющенко, говоривший по-русски, пригласил Путина на свою дачу.

В ходе визита речь, в частности, шла о создании российско-украинского консорциума по транспортировке российского газа в Запад-

ную Европу. С этой целью должны быть привлечены французские, германские и итальянские предприятия. По мнению Путина, в результате включения европейских партнеров в газовый консорциум сам проект станет «более транспарентным и цивилизованным». Ющенко удалось также снять обеспокоенность Путина насчет размещения российского черноморского флота на базе в Севастополе. Что касается единого экономического пространства, Ющенко заявил, что важнейшей целью является создание зоны свободной торговли.

Оба президента — Владимир Путин и Виктор Ющенко — основали межгосударственную Комиссию по сотрудничеству «Путин — Ющенко», в составе которой будут четыре комитета: по вопросам оборонного сотрудничества, международных отношений, экономического сотрудничества и гуманитарной сферы. Президенты возглавили Комиссию с целью придания ей большего веса. Членами Комиссии стали премьер-министры, министры обороны, иностранных дел, образования, науки, а также руководители соответствующих комитетов и подкомитетов.

Второй раз Ющенко посетил Москву 9 мая 2005 г. по случаю празднования 60-летия Победы. В ходе визита он провел переговоры не только с Путиным, но и с главой Туркменистана Сапармуратом Ниязовым. Ющенко предложил создать газовый консорциум с участием трех стран.

В середине марта Ющенко встречался с крупными российскими предпринимателями, которых успокоил заявлением о намерении содействовать притоку капитала из России: 19% экспорта и 35% импорта Украины приходится на долю восточного соседа. По этим показателям Россию опережает лишь Евросоюз, украинский экспорт в страны которого составляет 32%, а импорт из этих стран — 39%. В 2004 году товарооборот с Россией достиг 17 млрд. долларов.

Две трети энергоносителей Украина получает из России. Вместе с тем Россия также зависит от Украины, поскольку через нее проходят важные трубопроводы для транспортировки газа в Западную Европу. В последний год правления Леонида Кучмы Москве удалось поставить под свой контроль торговлю нефтью и газом на Украине с соответствующей инфраструктурой. В 2004 году был заключен конфиденциальный договор между украинским госпредприятием «Укртранснафта» и российской государственной компанией «Транснефть», согласно которому «Транснефть» занимается вопросами допуска компаний к трубопроводам и устанавливает объемы прокачиваемой через Украину нефти. За Украиной остается лишь решение технических вопросов¹. Кроме того, России принадлежит 80% нефтедобывающих заводов, а

¹ Adomeit H. Putins Westpolitik. Berlin. 2005. S. 33 (= SWP-Studie S 8).

также почти все приватизированные заводы цветной металлургии и одна из двух телекоммуникационных сетей Украины.

Экономические интересы некоторых российских предприятий не всегда совпадают с внешнеполитическими интересами Кремля, что старается использовать украинское руководство. Так, в противовес газовым и нефтяным фирмам российские компании из других отраслей приветствуют сообщение о том, что при Ющенко с инсайдерским капитализмом будет покончено. Они вычисляют свои шансы на покупку в рамках реприватизации тех госпредприятий, которые ранее были проданы ниже рыночной стоимости, в том случае, если они действительно будут проданы тем, кто предложит наилучшие условия. Негативным примером является «Криворожсталь». Этот крупнейший металлургический комбинат Украины, производящий пятую часть всей украинской стали, был продан в июне 2004 года. Тогдашний украинский президент Леонид Кучма настаивал на том, чтобы он был выставлен на продажу за 1 млрд долларов, а продан был за 800 млн. долларов консорциуму украинских предпринимателей во главе с Ринатом Ахметовым, лидером донецкого клана, в который входит и бывший премьер Янукович, а также с Виктором Пинчуком, зятем Кучмы. Металлургический комбинат хотела купить российская компания «Северсталь», принадлежащая российскому олигарху Алексею Мордашову, проявлявшая и проявляющая готовность заплатить 1 млрд. долларов. В апреле киевский суд отменил итоги ранее состоявшегося аукциона по продаже комбината, и решение было поддержано апелляционным судом. При проведении повторного тендера по продаже как российские фирмы, так и американская US Steel получают реальные шансы на его приобретение.

Юлия Тимошенко, которая была назначена Ющенко главой правительства непосредственно перед отлетом в Москву и утверждена Верховной Радой 4 февраля подавляющим большинством голосов, намерена использовать российские компании в качестве союзников в борьбе против украинских олигархов. Это касается тех российских бизнесменов, которые имеют претензии к фирмам лидеров украинских кланов. Она поддержит российского предпринимателя, чтобы ослабить украинских олигархов².

12 апреля Генеральный прокурор России Владимир Устинов обвинил Тимошенко в нанесении России ущерба на сумму 100 млн. долларов после подкупа ею нескольких высокопоставленных чиновников министерства обороны. В сентябре прошлого года она была вызвана российской генеральной прокуратурой для дачи показаний в Москву.

² *Balmaceda M.* Russische Unternehmen und die neue Ukraine. In: *Rußland-Analysen*. Bremen. 68. 2005. S. 6–8.

После ее отказа она была объявлена в розыск через Интерпол. По утверждению российского главы бюро Интерпола Тимура Лахонина в интервью российской газете «Коммерсантъ», розыск Тимошенко был временно приостановлен, но в списках Интерпола она осталась. Как только она сложит с себя полномочия главы правительства, ее розыск будет вновь возобновлен. По утверждению Устинова, пока Тимошенко занимает пост премьер-министра, в Москве она арестована не будет.

После того как генеральный прокурор России в начале апреля сообщил, что ордер на арест не аннулирован, а лишь «заморожен», Тимошенко отменила свою поездку в Москву, запланированную на 15–16 апреля. Она намерена была обсудить со своим российским коллегой Фрадковым позицию Украины по единому экономическому пространству и СНГ, а также вопросы совершенствования таможенной политики. В интервью украинскому еженедельнику «Зеркало недели», пользующемуся большим уважением, она мотивировала свое решение большой занятостью и предстоящей посевной (!). Однако в период до сбора урожая у нее наверняка найдется время наверстать упущенное. Она надеется, что Россия научится уважать чужие страны. Министр иностранных дел Сергей Лавров в этой связи заявил, что украинско-российские отношения выше любых политических колебаний.

Между тем Тимошенко уже вступила в конфронтацию с российскими газовыми и нефтяными предприятиями. В первом квартале 2005 года российские нефтяные фирмы сократили свои поставки на Украину на 23,6%. Конфликт начался в апреле, когда цены на бензин внезапно повысились на 10–15%. Тимошенко обвинила в картельном сговоре две крупные российские компании, поставляющие 80% потребляемого на Украине бензина. Глава правительства ограничила верхнюю планку цен и запретила экспорт бензина и дизеля. Нефтяные фирмы отреагировали дальнейшим сокращением нефтяных поставок, что в мае привело к дефициту бензина на Украине. Президент Ющенко подверг критике дирижистские меры премьер-министра, которые немедленно были ею отменены.

Россия пытается использовать зависимость Украины от российских поставок энергоносителей. 7 июня председатель правления «Газпрома» Алексей Миллер потребовал в Москве от председателя правления «Нафтогаз Украины» Олексия Ивченко оплаты газа по европейским ценам, иначе говоря, 160 долларов за 1000 куб. метров. (Базовая цена России для стран СНГ составляет 80 долларов). В настоящее время Украина получает 23 млрд. куб. метров газа по цене 50 долларов за 1000 куб. метров в качестве компенсации за транзит российского газа в Западную Европу. (Если Украина повысит тарифы за транзит до европейского уровня и она оставляет за собой такое право, то стоимость прокачки составит от 2,73 до 2,8 долларов за

1000 куб. метров на расстояние 100 км. В настоящее время Россия платит 1,09 долларов.)

Кроме того, Миллер предложил своему украинскому коллеге выплатить 1,25 млрд. долларов за 7,8 млрд. куб. метров газа, поставленных «Газпромом» во время «оранжевой революции» и впоследствии «потерявшихся» в подземных газовых хранилищах Украины. Украинская сторона утверждает, что газ не потерялся, возникли лишь трудности технического характера, которые не позволяют извлечь этот газ. Украина предложила «Газпрому» компенсацию, от которой последний отказался как от недостаточной. Председателем наблюдательного совета «Газпрома» является руководитель Администрации Президента Александр Медведев. 10 июня он потребовал оплаты указанного объема газа. Путин уже обсуждал этот вопрос с Ющенко.

Миллер призвал Ивченко официально признать бесперспективность газотранспортного консорциума России, Украины и Германии и ликвидировать это предприятие. Перед лицом ужесточившейся позиции России Ивченко даже не решился затронуть свою излюбленную тему — участие Украины в «РосУкрЭнерго», которое занимается транспортировкой туркменского газа на Украину, а также свои планы о покупке туркменского газа на 2007 год.

Ивченко пытается освободить Украину от энергетической зависимости от России. В ходе своего визита в столицу Казахстана Астану 30 мая он даже не смог договориться о поставках казахской нефти на Украину. Казахский президент подчеркнул, что этот вопрос обязательно должен быть решен на переговорах с Россией. В конечном итоге Россия выступает в роли транзитной страны для транспортируемой нефти. Тем не менее Нурсултан Назарбаев заявил о своем интересе к продолжению трубопровода Одесса—Броды и готовности страны войти в этот проект в качестве акционера.

Из Туркменистана Украина ежегодно получает 36 млрд. куб. метров газа. Однако этой зимой туркменский президент Ниязов оказал давление на Украину, потребовав повысить цену до 58 долларов за 1000 куб. метров с прежних 44 долларов и отказавшись поставлять газ до удовлетворения его требований. 22 и 23 марта Ющенко посетил столицу Туркмении Ашхабад. В беседе с Ниязовым ему удалось договориться о переходе на новую цену на уровне 58 долларов в долгосрочной перспективе. Кроме того, он предложил подписать соглашение сроком на 25 лет и получил принципиальное согласие Туркмении, хотя она его пока официально не оформила. Туркмения намерена повысить к 2009 году добычу газа с нынешних 55 до 120 млрд. куб. метров. Глава «Газпрома» Алексей Миллер считает эти планы несбыточными надеждами. Он сомневается, что Туркменистан может более чем удвоить свою добычу газа, поскольку у него для этого нет ресурсов.

На уровне ниже президентского напряженность в украинско-российских отношениях нарастает: московское издание российской газеты «Комсомольская правда», имеющей самый большой тираж в стране, 2 июня призвало бойкотировать товары из недружественных России государств. Не дожидаясь санкций правительства, граждане России должны отказаться от приобретения товаров из балтийских стран, Украины, Грузии, Молдавии и Польши. С этой целью газета опубликовала штрихкоды этих стран, чтобы товары можно было лучше идентифицировать. 8 июня российская компания «Национальная резервная корпорация» — инвестиционное подразделение российского Национального резервного банка — объявила о приостановке всех инвестиций на Украине до тех пор, пока там сохраняется неблагоприятный для бизнеса климат, который ухудшается противоречивыми заявлениями правительства.

Ющенко хочет жить вместе с Россией, но не в подчинении у России. 12 апреля, выступая перед студентами в Варшаве, он заявил о стремлении сосуществовать со своим российским соседом «понятно, честно и открыто». И если Украина нуждается в России как в поставщике энергоносителей, то Россия нуждается в Украине как стране, занимающей монопольные позиции в области транспортировки энергоносителей в Западную Европу.

Киев осознал, что у Украины нет шансов вступить в ЕС в ближайшее время. Часть команды Ющенко предпринимает шаги, которые не закрывали бы возможность интеграции в направлении Востока. Это открывает перед Россией новую возможность улучшить отношения с Украиной. В ходе визита в Польшу в середине апреля Ющенко подчеркнул, что Украина готова вести переговоры о едином экономическом пространстве только в том случае, если это не помешает европейской интеграции Украины и если не будет наднациональных структур.

На фоне возрастающих авторитарных тенденций в России Украина может стать самой демократичной страной в рамках СНГ.

ГУУАМ

При поддержке США, действующих из-за кулис, Киев пытается активизировать ГУУАМ, которая действует вразрез с российскими представлениями и устремлениями, и при этом занять лидирующие позиции в этой организации. По словам министра иностранных дел Украины, потенциал и географическое положение его страны позволяют ей играть роль региональной державы.

22 апреля 2005 г. Ющенко принял участие в саммите ГУУАМ в молдавской столице Кишиневе, после того как он днем ранее побывал с рабочим визитом в Бухаресте. Помимо президентов стран ГУУАМ — за исключением Узбекистана, который уже три года назад отстранил

ся от активного сотрудничества в ГУУАМ — на саммит впервые в качестве наблюдателей прибыли румынский президент Траян Басеску и его литовский коллега Валдас Адамкус. Первоначально это собирался сделать также польский президент Александр Квасьневский, но в Кишинев он не приехал. Наблюдателями были также представитель Госдепартамента США Стивен Манн и Генеральный секретарь ОБСЕ Ян Кубиш. Председательство в ГУУАМ грузинский президент Михаил Саакашвили передал молдавскому президенту Владимиру Воронину.

Участники кишиневской встречи на высшем уровне подписали декларацию «Во имя демократии, стабильности и развития», в которой они заявили о своей приверженности европейским ценностям и о своем стремлении к интеграции в Европу. Одновременно они хотят продолжить взаимовыгодное сотрудничество с США. Они впервые продемонстрировали решимость сотрудничать в военной и политической областях, а также принимать участие в миротворческих операциях. Они потребовали вывода российских войск из Приднестровья, приветствовали украинский план по урегулированию конфликта и заявили о желании активизировать деятельность международного сообщества по урегулированию конфликтов в Грузии (сепаратизм Абхазии и Южной Осетии) и в Азербайджане (конфликт в Нагорном Карабахе). Государства ГУУАМ намерены углублять сотрудничество в области борьбы с международным терроризмом и экстремизмом, с организованной преступностью, торговлей наркотиками и оружием, нелегальной переправкой людей, отмыванием денег, а также коррупцией.

В максимально короткие сроки должна быть создана зона свободной торговли, а энергоресурсы Каспийского моря должны доставляться на европейский рынок через территорию стран—членов ГУУАМ. Государства ГУУАМ обязались признать господство права как во внутренней, так и во внешней политике, а также соблюдать права человека. Кроме того, они проявили стремление к сотрудничеству в области здравоохранения, образования, культуры, туризма и спорта.

Государства ГУУАМ намерены постепенно стать регионом демократической стабильности и безопасности. Президенты активизировали усилия в направлении институционализации ГУУАМ. С этой целью министрам иностранных дел поручено создать рабочую группу.

Ющенко призвал Турцию вступить в ГУУАМ, по крайней мере, в качестве наблюдателя. Турция могла бы помочь при реализации некоторых энергетических проектов черноморских стран. Очевидно, что черноморский бассейн все больше становится платформой для расширения ГУУАМ.

Украина не является членом СНГ, устав которого она не подписала, но принимает участие в его работе, хотя и относится к нему с большим недоверием ввиду доминирующего положения в нем России.

3 июня глава украинского правительства Тимошенко ездила на встречу глав правительств СНГ в столицу Грузии Тбилиси, которая продолжалась лишь 100 минут. Она была единственной, кто отклонил подписание важнейшего документа встречи—протокола о поэтапной отмене ограничений в торговле между странами СНГ, потому что их отмена могла бы произойти значительно раньше предусмотренной даты — 2012 год. Главы правительств избрали своим председателем российского премьера Фрадкова. В конце августа они намерены обсуждать в Москве структурную реформу СНГ в трех областях: экономической интеграции, гуманитарной сфере и безопасности.

Приднестровье

После смены режима в Киеве теперь Украина возьмет на себя ключевую роль при решении приднестровского конфликта, поскольку Приднестровье граничит с Украиной, а не с Россией. Благодаря этому Украина может контролировать доступ к региону извне. Россия не предлагает решения приднестровской проблемы, а сама представляет собой проблему в связи с размещенными там войсками, которые не предпринимают ни малейших шагов с целью вывода.

На переговорах с молдавским президентом Владимиром Ворониным Ющенко достиг согласия в том, что приднестровский конфликт можно решить только политическими методами. Оба президента направили совместные письма в адрес председателя Еврокомиссии Хосе Мануэля Баррозу и верховного представителя ЕС по вопросам ОВПБ Хавьера Соланы с просьбой оказать техническую помощь при организации охраны украинско-молдавской границы и при восстановлении мониторинга на ее приднестровском участке.

Ющенко представил на саммите ГУУАМ 22 апреля в Кишиневе план по урегулированию конфликта, разработанный Борисом Тарасюком и первоначально холодно принятый участниками саммита, с которыми предварительных консультаций не проводилось. План предусматривает проведение в Приднестровье до конца 2005 года под наблюдением ЕС, ОБСЕ, России и США свободных и демократических выборов в Верховный Совет Приднестровья. Тирасполь должен создать условия для развития партийной системы и формирования гражданского общества. Миротворческая операция, начавшаяся в 1992 году после достижения соглашения между Россией, Молдавией и Приднестровьем, должна быть трансформирована в международный механизм военных и гражданских наблюдателей. Киев объявил о готовности увеличить свой контингент наблюдателей на предприятиях ВПК в Приднестровье и подчинить его контролю международного сообщества. Украина готова на временной основе допустить на своей территории размещение международных миссий с целью мониторин-

га передвижения грузовиков и людей через украинско-молдавскую границу, а также на приднестровском участке границы длиной 454 км.

В середине мая представители Кишинева и Тирасполя провели встречу в Виннице при участии посредников из России, Украины и ОБСЕ, чтобы обсудить план Ющенко по урегулированию приднестровского конфликта. Обе стороны заявили о позитивном отношении к плану. Но реализация плана зависит от согласия Москвы, которая пока хранит молчание. Основная проблема при этом, по мнению председателя комитета российской Госдумы по международным делам Константина Косачева, заключается в том, что Тирасполь против вывода российских войск, потому что они являются единственной гарантией отказа Кишинева от военных акций против Приднестровья.

10 июня молдавский парламент одобрил 95% голосов (голосами 96 из 101 члена парламента) план Ющенко, который молдавский президент охарактеризовал как «очень интересный и многообещающий». После столь убедительного вотума молдавского парламента Москва, вероятно, уже не сможет не высказать свое мнение по этому поводу.

НАТО

На Украине нет общественного согласия по вопросу о вступлении страны в НАТО. НАТО воспринимается многими как реликт «холодной войны», в котором доминируют США. В ходе предвыборной борьбы Ющенко тема НАТО имела второстепенное значение. В программе правительства также нет ссылок на североатлантический союз.

Менее 30% населения выступают за членство страны в НАТО. Вместе с тем от 50 до 60% украинцев высказываются за вступление в ЕС. Еще одной причиной сдержанности Ющенко в этом вопросе является нежелание осложнять отношения с Россией.

Тем не менее в отношениях Украины с НАТО следует ожидать более стремительного прогресса, чем в отношениях ЕС и Украины. 21 февраля Ющенко принял участие в заседании Комиссии «Украина – НАТО» в Брюсселе. Участие Ющенко в качестве представителя единственной страны – нечлена НАТО в саммите НАТО свидетельствует об изменении атмосферы по сравнению с тем временем, когда пришлось перейти с английского на французский для изменения порядка размещения делегаций на одном из саммитов, чтобы украинский и американский президенты не сидели рядом.

По мнению министра обороны Анатолия Гриценко (невоеннослужащего, окончившего в 1993 году. Институт иностранных языков Минобороны США, в 1994 – оперативно-стратегический факультет Университета Военно-воздушных сил США) вопрос о вступлении в НАТО будет включен в повестку дня после того, как Украина выполнит для этого все условия: проведет демократические преобразова-

ния в отношении законодательной, исполнительной и судебной властей, обеспечит экономический рост и борьбу с коррупцией, осуществит военную реформу, покончит с негативными представлениями населения о НАТО. Поэтому Гриценко объявил о проведении в ближайшее время информационной кампании по разъяснению деятельности альянса.

13 апреля украинское правительство одобрило план Украина — НАТО на 2005 год, а в конце апреля Ющенко подписал новую доктрину в области обороны Украины. На конференции в Вильнюсе 21 апреля министры иностранных дел стран НАТО пригласили Украину к проведению интенсивного диалога относительно членства этой страны. За этим диалогом следует план действий по подготовке к вступлению в НАТО, выполнение которого при известных обстоятельствах влечет за собой прием в организацию. И хотя в Вильнюсе НАТО не предлагало Украине план по вступлению, тем не менее украинская сторона получила позитивные сигналы на этот счет. По мнению министра иностранных дел Тарасюка, встреча в Вильнюсе продемонстрировала, что, хотя в НАТО нет консенсуса относительно предварительного этапа, предшествующего приему в члены, НАТО в отличие от ЕС проводит политику открытых дверей.

Украина является участником международных миссий мира: украинские войска находятся в Ливане, Сьерра-Леоне и на Голанских высотах. Украина участвует в маневрах НАТО «Активные усилия» в Средиземном море. И она уже получает от НАТО финансовую помощь: в ближайшие 12 лет будет выделено 25 млн. евро на уничтожение 133 тыс. тонн легкого вооружения, а также на закупку нового оружия.

Украина надеется вступить в НАТО в 2008 году. К этому времени страна, по заверению министра иностранных дел Тарасюка, осуществит необходимые реформы. Ющенко намерен провести референдум по вопросу о вступлении Украины в НАТО и ЕС.

Однако Украина не может стать членом НАТО, пока на ее территории находится российская военная база. Поэтому в этой связи возникает вопрос о выводе Черноморского флота России из Севастополя. Киев хотел бы, чтобы это произошло до истечения договора о размещении Черноморского флота РФ в 2017 году. После беседы в середине апреля в Москве со своим российским коллегой Сергеем Ивановым Гриценко заявил, что российский флот останется в Севастополе в соответствии с договором до 2017 года. Правда, он подчеркнул, что вступление в НАТО является безусловным приоритетом украинской политики. В середине июня в одном из интервью Иванов подчеркнул, что Россия не приветствует членство Украины или Грузии в НАТО.

Перед вступлением в североатлантический альянс Украина должна решить еще одну проблему: она должна провести демаркацию мор-

ских границ с Румынией вокруг острова Змеиный, что, вероятно, большего труда не составит.

США

Ющенко был первым иностранным главой государства, которого американский президент Дж. Буш поздравил после своей инаугурации. Буш отметил, что Украина имеет в лице США надежного друга.

Ющенко совершил свой первый государственный визит в США в период с 4 по 7 апреля. В ходе одночасовой беседы с Бушем, которая продлилась в два раза дольше запланированного, речь шла об укреплении украинско-американских отношений, о борьбе с коррупцией на Украине, о готовности США оказать помощь в укреплении правоохранительных органов. Буш сообщил о своем желании видеть Украину в составе НАТО. По словам американского президента, его администрация намерена добиться от конгресса, перед двумя палатами которого выступал Ющенко (особый знак внимания), выделения 60 млн. долларов на поддержку украинской экономики.

В совместном заявлении говорилось о стратегическом партнерстве между двумя странами и дружбе между двумя народами, об урегулировании конфликтов в Грузии и Молдове мирными средствами, о продвижении свободы в таких странах как Беларусь и Куба.

Ющенко хотел, чтобы конгресс отменил поправку Джексона – Вэника, которая была принята в 1974 году. Поправка предусматривала ограничение объема торговли со странами коммунистического блока, которые препятствовали эмиграции, прежде всего евреям. Буш пообещал поддержку.

Постепенный вывод 1600 украинских военнослужащих из Ирака, которые будут заменены инструкторами, дипломатами и гражданскими лицами, не омрачил отношения между США и Украиной. Буш заявил, что Ющенко дал предвыборное обещание на этот счет, и он его понимает.

Выводы и прогнозы

Ввиду своего географического положения Украина и при новом президенте Викторе Ющенко будет в своей внешней политике лавировать между двумя полюсами: Россией и Европейским союзом. Однако в отличие от Леонида Кучмы Ющенко действительно совершит поворот в сторону Брюсселя, если он предварительно просигнализирует об этом.

Главной внешнеполитической целью Украины является вступление в ЕС и НАТО. Хотя членства в НАТО добиться легче, в народе оно не столь популярно, как возможное членство в ЕС. После эйфории в отношении Европы в первые недели президентства Ющенко по этому вопросу в Киеве наступило определенное отрезвление. Стало ясно, что

прием в члены ЕС, видимо, будет длительным процессом, в рамках которого придется провести целый комплекс радикальных и непопулярных реформ. Население согласится с болезненными реформами, только имея перед собой перспективу европейской интеграции.

Хотя Кучма по многим политическим вопросам присоединялся к позиции Москвы, Киев, не колеблясь — иногда не без успеха — старался не допустить российских олигархов на украинский рынок путем проведения инсайдерской приватизации. Ющенко хорошо понимает степень тесного переплетения экономик двух стран, а также энергетической зависимости Украины от восточного соседа. Для него Россия — «вечный стратегический партнер», но именно партнер, с которым он хочет говорить на равных. Ющенко ведет переговоры с Россией без славянской сентиментальности или советской ностальгии, а исходя из интересов Украины, что для Москвы ново и пока непривычно. Отношения между Украиной и Россией при Ющенко не ухудшились, но и не улучшились.

Поскольку курс на Европу является для Ющенко высшим и безусловным приоритетом и не только в области внешней политики, Украина не будет участвовать ни в одном из российских или осуществляющихся под эгидой России проектов, которые бы затруднили вступление в ЕС или НАТО или воспрепятствовали бы ему. Это относится к участию в едином экономическом пространстве. Ющенко пошел даже еще дальше: он намерен развивать ГУУАМ как организацию, конкурирующую с СНГ, при верховенстве Украины.

После проведения двух закончившихся неудачей референдумов по конституции ЕС во Франции и Нидерландах страны ЕС будут проявлять еще меньше готовности открыть перед Украиной перспективу членства. В то же время ЕС не сможет и не захочет заставлять ждать перед европейской дверью крупнейшую по территории на континенте страну, полностью находящуюся в Европе, имеющую тысячелетнюю историю развития христианской культуры, заявляющую о приверженности европейским ценностям, тем более что по многим показателям в области науки, образования и политики Украина ничем не уступает Турции, если не превосходит ее, и отставание отмечается лишь по ряду моментов. Поэтому, видимо, ассоциированное членство является самой реалистичной формой присоединения Украины к ЕС.

Очевидно, Украина может добиться приема в НАТО. Когда это произойдет, будет во многом зависеть от самой страны, в частности от выполнения необходимых условий для приема в члены НАТО.

По многим причинам (историческим, экономическим, семейным) Украина всегда будет иметь тесные отношения с Россией. Но они будут определяться исключительно интересами Украины. Чем быстрее Россия это поймет, тем лучше для украинско-российских отношений.

Алексей Денисов

О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ СОВРЕМЕННОГО РАЗВИТИЯ КИТАЯ

В какие бы одежды (коммунистические, социалистические, модернистские, реформистские) ни облачались эксперты перспективы развития Китая, все они, по существу, сводятся к известной китайской максиме: «единое государство, богатый народ».

В настоящее время в стране завершена передача власти представителям «пятого поколения» китайских руководителей. При этом была обеспечена полная преемственность политического курса. Высшее руководство Китая ясно осознает проблемы развития страны и, опираясь на серьезные научные разработки, готово эти проблемы решать. Несколько излишне технократичный подход руководства к реформе, не в полной мере учитывающий ее социальные и, возможно, психологические последствия, современными китаеведами не рассматривается как проблема системного характера.

Во внутренней политике руководство государства опирается на безоговорочную поддержку армии, насчитывающей более 2,5 млн. человек, силовых структур и партийных организаций. К концу 2004 года число коммунистов в Китае превысило 69,6 млн. человек, увеличившись на 1,37 млн. по сравнению с предыдущим годом, число низовых партийных организаций достигло 3 477 млн. В стране отсутствует организованная политическая оппозиция, а все проявления инакомыслия жестко подавляются властями.

Вместе с тем высокие темпы развития Китая в последние годы способствуют и возникновению определенного потенциала нестабильности. Кризисные явления уже имеют место на многих уровнях, но они пока решаются или управляемы. Из существующих внутренних проблем эксперты отмечают следующие.

Во-первых, китайские общество и экономика имеют по-прежнему переходный характер, сохраняются остатки авторитарной системы, растут социальное расслоение и разрыв между городом и деревней. Нарастают противоречия между рыночными отношениями и монополией КПК на власть. При этом в Китае практически нет институтов, которые учитывали бы интересы новых, выдвинувшихся за годы реформ слоев населения. В результате имеет место скрытый захват власти новой элитой, когда «китайские олигархи» внедряются в местное и центральное управление.

XVI съезд КПК подтвердил, что сегодня у партии нет ясной и прозрачной стратегии политического реформирования общества в отличие от реформы экономической. В этом, пожалуй, кроется основное противоре-

чие китайского общества. Суть его в следующем. Основное условие укрепления власти КПК в стране с более чем миллиардным населением — поддержание экономического роста. Пока КПК доказывает, что она способна справиться с этой задачей, позиции партии остаются прочными.

Главными факторами роста экономики КНР выступают интеграция страны в мировое рыночное поле, либерализация национальных финансов, приватизация госпредприятий и рост частного капитала. А развитие страны именно на этой основе неизбежно приводит к противоречию между экономическим плюрализмом и монополией партии на власть. Кроме того, вступление Китая на путь открытости внешнему миру требует либерализации, если не политической, то хотя бы административной системы, а это еще более усиливает давление на традиционные властные структуры.

Однако было бы неверно считать, что данное противоречие разрешимо лишь через политический кризис, хотя такой вариант развития событий нельзя исключать. У КПК есть шанс использовать свою монопольную власть ради продления стабильности в обществе как можно дольше, чтобы экономический рост и постепенные реформы решали или сдерживали бы возможные острокризисные явления.

Во-вторых, все более заметна неоднозначность целей китайского развития. Формула «единое государство — богатый народ», служившая лозунгом при разных режимах и формах государственного устройства, подрывается самой природой курса на «неравномерное развитие», который был взят на вооружение еще Дэн Сяопином. Этот курс неизбежно ведет к разрывам в развитии социальных групп и регионов, что в конечном итоге подтачивает стабильность всего государства.

Растет также безработица. При росте ВВП на 7% в год дополнительно создается около 10 млн. новых рабочих мест. Ежегодная же потребность в трудоустройстве, с учетом естественного прироста численности рабочей силы, уволенных с госпредприятий работников и официально зарегистрированных безработных, в 2,5 раза выше этой цифры. Уровень открытой и скрытой безработицы подошел, таким образом, к социально и политически опасной черте. Особенно остро это ощущается в старых промышленных зонах, таких как граничащий с Россией Северо-Восточный Китай. При этом система социального обеспечения развита слабо и не может сгладить последствия реформ, а китайское руководство минимизирует расходы на социальное обеспечение для повышения конкурентоспособности экономики страны.

Усиливается с середины 1990-х годов и поляризация общества. Она уже достигла масштабов, начинающих угрожать социальной и политической стабильности страны. Этим процессам способствуют огромные различия в оплате труда, рост нетрудовых доходов и широко распространенная коррупция в госаппарате. Максимальная заработная плата

превышает минимальную в 245 раз, а с учетом иных доходов разница увеличивается еще, по меньшей мере, вдвое. 50 самых богатых людей Китая обладают четвертой частью всей собственности в стране. Индекс Джини, отражающий разрыв в уровне доходов бедных и богатых, перешел границу, признаваемую социологами терпимой. По данным независимых источников, средний ежемесячный доход более 80% населения составляет менее 60 долларов, высшее образование имеют менее 5% населения, 80% ресурсов здравоохранения сосредоточено в городах, 300 млн. человек не имеют прямого доступа к питьевой воде.

В-третьих, многочисленное крестьянское население также представляет собой источник нестабильности, хотя его забитость, отсталость и существование на самом элементарном уровне не делают этот вызов немедленным.

Сохраняются сепаратистские настроения среди мусульманской части населения, в основном в Синцзян-Уйгурском автономном районе (СУАР), а также на Тибете (Далай-лама).

Ключевым стал вопрос о воссоединении страны. Всекитайское собрание народных представителей приняло «Закон против сепаратизма» (закон против раскола страны). Включающий 10 статей закон определяет сущность тайваньского вопроса, предусматривает воссоединение страны мирным путем и использование немирных средств для предотвращения отторжения.

В области внешней политики долгосрочной задачей китайского руководства является утверждение КНР в качестве ведущей мировой державы в условиях многополярного мира. Для достижения этой стратегической цели Пекин стремится создать максимально благоприятные внешние условия, действуя сразу на нескольких важных направлениях: выстраивании отношений с США и ЕС, расширении своего влияния в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР) и постепенном оттеснении Японии, активизации контактов с Россией и Индией, упорной борьбе за воссоединение с Тайванем, повышении своей роли в международных организациях, обеспечении надежного доступа к крупным мировым источникам энергоресурсов, формировании благоприятного окружения по периметру своих границ, завоевании крупных рынков для сбыта китайской продукции.

Соединенные Штаты в отношениях с КНР занимают двойственную позицию: с одной стороны, Китай создает реальную угрозу американской гегемонии на мировой арене и, по американским оценкам, уже к 2020 году будет в состоянии составить реальную конкуренцию США, а с другой — Вашингтон вынужден учитывать реальные интересы американского бизнеса (объем оборота с США — 169,6 млрд. долларов, прирост за 2004 год — 34,3%) и привлекать КНР на свою сторону в борьбе с терроризмом и распространением ОМУ.

В отношениях между двумя странами сохраняются следующие проблемы: Тайвань, доступ к источникам энергоресурсов, права человека и демократические свободы в КНР, система безопасности в АТР, обеспечение прав на интеллектуальную собственность в Китае, большой дефицит торгового баланса с КНР. Американские производители утверждают, что теряют ежегодно до 200 млрд. долларов из-за китайской контрафактной продукции.

Вашингтон всячески пытается заблокировать попытки ЕС отменить эмбарго на продажу оружия КНР, ссылаясь на отсутствие прогресса в соблюдении прав человека после событий 1989 года на площади Тяньаньмэнь. США совместно с Японией разрабатывает систему ПРО, которая направлена, прежде всего, против Китая.

Китай, в свою очередь, крайне озабочен приближением американских военных баз к своим границам, угрозой «оранжевых революций» в Центральной Азии, наращиванием военно-политического сотрудничества Вашингтона и Токио, высокой уязвимостью от внешних источников энергоносителей.

В стремлении создать реальный противовес давлению со стороны США Пекин добивается укрепления связей с ЕС. Товарооборот между ЕС и Китаем в 2004 году (с учетом 10 принятых новых членов) составил 177,3 млрд. долларов (прирост за год — 33,6%), из них 72% приходится на долю Германии, Нидерландов, Великобритании, Франции и Италии.

Во второй половине 2005 года КНР и ЕС планируют подписать семь проектов сотрудничества по созданию навигационной спутниковой системы «Галилео», разрабатываемой в рамках Европейской космической программы. Китай стал ее участником в октябре 2004 года и обещал выделить на цели программы 200 млн. евро.

В начале 2005 года между КНР и ЕС возникли серьезные торговые проблемы из-за резкого (почти в семь раз) роста экспорта китайского текстиля в страны ЕС после отмены квот в двухсторонней торговле. В конце концов, сторонам все же удалось достичь соглашения по текстилю: с июня 2005-го до конца 2007 года рост объема экспорта китайского текстиля в ЕС не должен превышать 12,5% в год. В 2008 году страны ЕС обещают полностью открыть свой рынок для китайского текстиля.

Китай стремится к прочному сотрудничеству с заинтересованными странами—членами АСЕАН. По итогам 2004 года объем торговли Китая с ними вырос на 35% и достиг 105,9 млрд. долларов. Китай и АСЕАН подписали соглашение о создании к 2010 году третьей в мире по величине зоны свободной торговли.

Очень непросто складываются отношения Китая с Японией, хотя товарооборот с Японией в 2004 году превысил 167,9 млрд. долларов. В феврале 2005 года США и Япония выступили с заявлением о том, что Тайваньский пролив является зоной их стратегических интере-

сов. С руководством Тайваня ведутся переговоры о поставках американского оружия на сумму около 18 млрд. долларов. По мнению китайских руководителей, японско-американский альянс безопасности затронул тайваньский вопрос, который является внутренним делом Китая.

В конце 2004 года между КНР и Японией разгорелся спор вокруг освоения нефтегазовых месторождений в Восточно-Китайском море. Тот факт, что Япония начала оформлять японским компаниям разрешения на пробную нефте- и газодобычу в Восточно-Китайском море, в Пекине расценили как серьезную провокацию, направленную на ущемление законных интересов Китая и подрывающую принципы международных отношений.

В условиях довольно жесткого противостояния с США и Японией Китай пытается привлечь на свою сторону влиятельных союзников — Россию и Индию.

В настоящее время китайско-индийские отношения развиваются в поступательном русле и вошли в новую стадию всестороннего сотрудничества. Индия — крупнейший торговый партнер Китая в Южной Азии, а Китай — второй экспортный рынок и третий импортный источник Индии. Налицо огромный потенциал двухстороннего торгово-экономического сотрудничества, имеющего широкие перспективы. Сторонам удалось урегулировать большую часть территориальных проблем.

О возрастающей роли Китая свидетельствует и тот факт, что ОПЕК намерена создать механизм консультаций с Китаем до конца 2005 года, так как ежегодное наращивание суточного спроса на нефть в Китае после 2006 года составит около 600 тыс. баррелей. Этот вопрос включен в повестку дня предстоящего визита председателя ОПЕК в Пекин.

Китай вступил в борьбу с США за доступ к каспийским месторождениям нефти и газа. Следует отметить что, вопреки введенной США блокаде Ирана, в ноябре 2004 года Пекин подписал с Тегераном «меморандум о взаимопонимании» — предварительное соглашение о крупнейшей в истории Ирана топливно-энергетической сделке. Китай согласился в течение 30 лет закупить у Ирана 250 млн. тонн сжиженного газа. Кроме того, когда китайская государственная топливно-энергетическая компания Sinopec освоит месторождение Ядараван. Иран будет экспортировать в Китай по 150 тыс. баррелей сырой нефти в день. Стоимость сделки оценивается в 70 млрд. долларов.

Китай стремится занять доминирующие позиции в ШОС, используя свое экономическое могущество и политическое влияние. В 2003 году премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао на встрече стран — членов ШОС назвал в качестве одной из важных задач создание зон свободной торговли шестью странами — участниками ШОС. По итогам состоявшейся в сентябре 2004 года в Бишкеке встречи глав правительств стран ШОС была принята программа экономического сотрудничест-

ва, включающая более 120 инвестиционных проектов. А председатель КНР Ху Цзиньтао выразил намерение предоставить другим государствам ШОС кредиты в размере 900 млн. долларов для формирования центральноазиатского экономического кольца. На саммите ШОС в июле 2005 года вновь был подтвержден приоритет экономической составляющей в деятельности этой организации.

В ближайшее время Китай и четыре центральноазиатских государства — Казахстан, Таджикистан, Киргизия и Узбекистан — приступят к реализации региональной программы возрождения Великого шелкового пути при поддержке Программы развития ООН.

Перспективы развития хозяйственного комплекса КНР

В настоящее время китайская экономика развивается стремительными темпами. В 2004 году рост ВВП страны составил 9,5%. За тот же период доля Китая в обеспечении прироста мирового валового внутреннего продукта достигла 24,4%, тогда как доля США — лишь 18,6%.

Столь бурная хозяйственная экспансия, чреватая «перегревом» экономики, вынудила китайское руководство главное внимание в 2005 году уделить, как заявил в марте на сессии ВСНП премьер Госсовета КНР Вэнь Цзябао, «стабильности» экономического развития, т.е. принятию мер по недопущению негативных последствий чрезмерно высокой активности хозяйственной деятельности. Он подчеркнул, что в 2005 году рост ВВП в стране планируется на уровне 8%.

Данные уже за первый квартал демонстрируют рост на 9,5%, и даже некоторые китайские экономисты полагают, что подобная динамика сохранится до конца этого года. Впрочем, с таким мнением согласны не все: в опубликованном в апреле Азиатским банком развития докладе об экономическом положении в Азии содержится прогноз, согласно которому в 2005—2006 годах китайская экономика сможет осуществить «мягкую посадку». Рост ВВП в 2005 году экономисты банка ожидают на уровне 8,5%, в 2006-м — 8,7, а в 2007-м — 8,9%.

Подобной «мягкой посадки» от Китая добиваются многие его экономические партнеры, поскольку она позволила бы снять инфляционное давление на мировой рынок сырьевых товаров и избежать удара по мировой экономике в целом. В этом контексте достаточно привести такой пример: в 2004 году для строительства новых небоскребов КНР приобрела почти 27% всей произведенной в мире железной руды и 40% цемента (не говоря уже об обостряющейся в мире борьбе за энергоносители). Однако нажим на Пекин дает весьма ограниченные результаты.

Объем внешней торговли страны составил в прошлом году 1,15 трлн. долларов, увеличившись по сравнению с предыдущим годом на 35,7%.

Экспорт за этот период вырос на 35,4% (до 593 млрд. долларов), а импорт — на 36% (до 561 млрд. долларов). Столь бурное наращивание внешнего товарооборота не в последнюю очередь обусловлено заниженностью курса юаня ввиду его давней жесткой привязки к доллару. Все попытки США и других государств побудить Пекин проводить более гибкую валютную политику пока привели лишь к самым общим обещаниям со стороны китайских финансовых властей, хотя даже и такие обещания расцениваются как знаковое событие после того, как Пекин долгие годы жестко отстаивал полезность «стабильности валютных курсов».

Несмотря на высокие (а подчас и рекордные) показатели экономического развития, страна сталкивается с серьезными проблемами, требующими глубокого реформирования хозяйственного комплекса. Эти проблемы пока не позволяют ей преодолеть отставание от промышленно развитых государств по многим позициям, важнейшими из которых являются производство ВВП на душу населения (при уровне этого показателя в 1 тыс. долларов КНР не входит даже в первую сотню стран мира), затраты ресурсов на единицу продукции (в 2004 году на Китай пришлось 12,1% мировых затрат энергоресурсов при доле страны в мировом производстве ВВП порядка 4%), относительно низкая добавленная стоимость китайской продукции и высокая доля населения, живущего в сельской местности.

Если преодоление перечисленных проблем является делом относительно отдаленной перспективы, то острая нехватка энергоресурсов требует принятия срочных мер, как говорится, «здесь и сейчас». В последние годы напряженность с электроснабжением выступает в качестве главного препятствия на пути еще более стремительного экономического развития.

Страна уже приступила к реформированию своей электроэнергетики, ключевым звеном которого должна стать активизация строительства атомных электростанций. За 15 лет Китай планирует построить 40 атомных энергоблоков, что доведет совокупную мощность эксплуатируемых АЭС до 36–40 млн. кВт.

Не менее острой становится проблема расширения ввоза в страну углеводородов. В 2004 году потребление нефти в Китае составило порядка 300 млн. тонн против 250 млн. тонн в 2003 году. За счет импорта в 2003 году потребности покрывались на 36,1% (91,1 млн. тонн), а в 2004 — уже более чем на 40% (122 млн. тонн). В 2005 году КНР планирует ввезти свыше 150 млн. тонн нефти, а к 2020 году, по оценкам китайских специалистов, этот показатель достигнет 300 млн. тонн. К указанному сроку намечается закупать и 100 млрд. куб. метров природного газа.

Обрисованная динамика очевидным образом диктует Пекину определенную модель поведения как в плане внутренней экономической политики, так и на внешнеэкономической арене.

В плане внутренней экономической политики речь идет, прежде всего, о снижении удельной энергоемкости продукции и об увеличении в производстве доли изделий с высокой добавленной стоимостью. На внешних рынках КНР стремится расширять участие своих компаний в разведке и добыче полезных ископаемых за рубежом, налаживать каналы бесперебойной поставки в страну энергоносителей, осуществлять закупки передовых технологий и — несмотря на вступление в ВТО — продолжать активную торговую экспансию для обеспечения притока средств на покрытие потребностей в импорте. (С 1995 по 2003 год за рубежом в отношении Китая было инициировано 356 антидемпинговых расследований, а в 2004 году еще 16 стран и регионов мира вступили с ним в спор по антидемпинговым и антидотационным проблемам.)

По мнению большинства специалистов, в ближайшие 10 лет Китай сохранит высокие темпы роста экономики. Остановить этот рост может только исчерпание резервов для экстенсивного развития.

Для перехода экономики на рельсы интенсивного развития в настоящее время КНР ищет пути освобождения от зависимости от импортных научно-технических разработок. Руководство КНР поставило задачу развития и внедрения собственных научно-технических инноваций на базе развития китайской науки и образования. Большое внимание уделяется подготовке кадров. Создаются научно-технические центры, 70 тыс. китайских студентов учатся сегодня в Японии, 65 тыс. — в США, 12 тыс. — в России. С 1985 года свыше 400 тыс. китайцев получили высшее образование за пределами КНР.

В настоящее время более 85% иностранных капиталовложений и внешней торговли приходится на 9 (из 31) провинций Китая, расположенных на восточном побережье. Второе полугодие 2004 — начало 2005 года ознаменовались повышенным вниманием китайского руководства к вопросам макроэкономического регулирования, в том числе к ликвидации неравномерного развития страны.

Для «подтягивания» западных провинций в настоящее время интенсивно развивается сеть коммуникаций в направлении восток-запад. Основной упор делается на развитие транспорта и энергетического оснащения регионов.

В рамках этой же стратегии Правительство КНР утвердило «Среднесрочный план строительства шоссейных дорог в сельской местности». Здесь Китай опирается на существенную помощь со стороны иностранного капитала.

Однако, несмотря на все предпринимаемые меры, региональная поляризация остается серьезной проблемой. Как отмечают работающие в стране западные бизнесмены, в Китае слишком много инертности, Пекин не справляется с контролем над регионами, которые не хотят сокращать темпы роста местной экономики.

Возникла угроза потери центральной властью контроля над развитием экономической ситуации в регионах. По некоторым данным, из 388 новых строящихся электростанций 139 получили лицензии без необходимого разрешения Пекина.

Западные дипломаты отмечают, что руководство КНР пришло к выводу о необходимости качественно менять природу экономического роста. В прошлом году на Китай пришлось 20% мирового роста в производстве алюминия, 35% — стали, железа и угля, 45% — цемента.

Сейчас китайская экономика на единицу продукции потребляет в семь раз больше энергии, чем японская, и в пять раз больше, чем европейская. Значительна зависимость китайской экономики и от импорта природных ресурсов, в том числе энергоносителей, что делает эту проблему еще более важной для национальной безопасности страны.

Инвестиции

Китай уже в течение 11 лет занимает первое место по привлечению прямых иностранных инвестиций, но до сих пор не публикует всех данных, касающихся объемов реально вложенных иностранных средств. Сянган (Гонконг), Британские Виргинские острова, Япония, Республика Корея, США, Тайвань, Каймановы острова, Сингапур, Самоа и Великобритания — первая десятка стран и районов по объему инвестиций в Китае за первые четыре месяца 2005 года. Капиталовложения этой десятки составляют 86% от реально использованного Китаем иностранного капитала.

По мере роста иностранных инвестиций происходят изменения структуры производства. Бурный прирост капитала наблюдается в сфере высоких и новых технологий, в области производства электромеханического оборудования, а также в сфере услуг. В то же время правительством сдерживается тенденция прироста иностранного капитала в металлургии, производстве цемента и алюминия. Китайское руководство способствует инвестициям в объекты, выпускающие продукцию с высокой добавленной стоимостью и техноемкую продукцию.

Лидером в сфере привлечения иностранных инвестиций остается восточная часть страны, центральные регионы поддерживают интенсивную тенденцию роста, медленно растут показатели запада страны. Резко увеличиваются инвестиции в объекты, расположенные в северо-восточной старой производственной базе: объемы практически использованных инвестиций здесь выросли в 2004 года на 78%.

Большую роль в привлечении иностранных инвестиций играют специальные экономические зоны. Главное таможенное управление КНР сообщило, что на начало 2005 года в Китае насчитывалось 15 беспошлинных и 39 толлинговых зон.

Китай планирует продолжать политику постепенного снятия ограничений на иностранные инвестиции в ряде отраслей. Вскоре планируется введение более либеральных правил в сфере телекоммуникаций. К концу 2005 года зарубежным предприятиям будет разрешено вести операции в сфере экспресс-доставки и автодорожных перевозок, а к концу 2006 года — в области железнодорожных перевозок.

Проблема энергоресурсов в Китае

Начиная с 1980-х годов, Китай постоянно увеличивал потребление энергоресурсов. С 2001 по 2004 год спрос на энергоресурсы вырос на 54% — с 834 млн. тонн условного топлива (в пересчете на нефть) до 1,3 млрд. тонн. Рост потребления энергоресурсов в Китае превосходил рост ВВП. Так, в 2003 году ВВП Китая вырос на 9,4%, а потребление энергии увеличилось на 13,5%.

Уголь, которым богат Китай, остается основным компонентом в структуре энергоресурсов. Его доля составляет 76% в общем объеме поставляемых на рынок энергоресурсов и 68% в общем объеме потребления. При этом в ближайшие годы он по-прежнему останется наиболее важной составляющей в энергетическом балансе КНР.

Сегодня основная замена угля в энергетическом балансе Китая — нефть, поэтому многие владельцы танкеров надеются, что в ближайшие годы импорт нефти Китаем будет продолжать расти (в 2003—2004 годах судовладельцы получили рекордные доходы, прежде всего, благодаря росту спроса на природные ресурсы со стороны Китая.)

Китайские власти серьезно озабочены проблемой обеспечения энергоресурсами. Некоторые эксперты отмечают, что при реализации планов по увеличению ВВП к 2020 году в четыре раза Китай столкнется с острейшим энергетическим кризисом. Если Китай будет продолжать индустриализацию за счет поглощения ресурсов в огромных размерах, как это происходило в последние годы, то потребности страны в энергоресурсах приблизятся к суммарным потребностям всех остальных государств мира.

Политика Китая по обеспечению поставок нефти

Китай является одним из крупнейших мировых производителей и потребителей нефти. С 2003 года Китай занимает пятое место по производству нефти и второе место (после США) по ее потреблению (5,46 млн. баррелей в день).

Важным направлением в обеспечении нефтяных поставок является сотрудничество с Россией, а также со странами Центральной Азии, и в первую очередь с Казахстаном. В качестве потенциальных поставщиков газа Китай рассматривает Туркмению, Россию и Казахстан.

Стратегическая цель Китая — сформировать структуру, при которой районы, расположенные севернее реки Хуанхэ, снабжались бы из России и Центральной Азии, а расположенные южнее — с Ближнего Востока, из Африки и Тихоокеанского региона. Прогнозируется, что к 2020 году Китай будет экспортировать наземным транспортом 60–80 млн. тонн нефти из России и Центральной Азии и 160–220 млн. тонн с Ближнего Востока, из Африки и Тихоокеанского региона.

Развитие поставок из постсоветских стран позволит уменьшить долю нефти, доставляемой в КНР по морю. Причем наибольшие усилия прилагаются к реализации трубопроводных проектов, что позволит разгрузить порты и железные дороги КНР. Планируется, что к 2010 году доля импорта по морю сократится с 93,5 до 83%, а доля железнодорожного импорта снизится с 6,5 до 2%.

В Пекине стараются уменьшать закупки нефти на Ближнем Востоке, так как военное присутствие США в этом регионе может поставить под угрозу поставки нефти в Китай. Исключение составляет Иран. Хотя для Ирана основными партнерами в Азии пока остаются Индия и Япония, тем не менее там с интересом смотрят на сотрудничество с постоянным членом СБ ООН, который становится все более заметным игроком на мировом нефтяном рынке.

Стараясь не допустить зависимость от поставок нефти с Ближнего Востока, Пекин становится крупнейшим инвестором в добычу полезных ископаемых в самых разных регионах мира. Китайские нефтяные корпорации подписали соглашения о разработке нефтегазовых ресурсов в 19 странах мира.

Эксперты Пентагона отмечают, что растущая потребность в нефти будет менять и военную стратегию Китая. По их мнению, для защиты своих энергетических интересов Пекин выстраивает стратегические отношения со странами, расположенными вдоль морского пути с Ближнего Востока в Южно-Китайское море, участвует в строительстве портов и других морских объектов в Пакистане, Бангладеш, Бирме, Камбодже и Шри-Ланке.

Кроме того, Китай активно сотрудничает со странами, с которыми у Вашингтона сложились сложные отношения: Ираном, Венесуэлой, Суданом, а в будущем он может составить США конкуренцию в качестве доминирующей экономической силы в Латинской Америке и Европе.

В последние 500 лет страна не размещала флот или вооруженные силы на значительном удалении от своих границ. Теперь положение постепенно меняется. Так, 4-тысячный китайский военный контингент расквартирован в Судане, где охраняет нефтепровод, который китайцы построили совместно с транснациональной корпорацией Petronas пять лет назад.

Из-за нефтересурсов Китай имеет территориальные споры, например с Японией (из-за архипелага, который китайцы называют Дяю-

идао, а японцы — Сенкаку). По предварительным данным, острова находятся в нефтеносном районе. В прошлом году Китай начал бурить там разведочные скважины. В ответ Токио заявил, что также собирается открыть свои территориальные воды для нефтеразведки. Пекин счел это провокацией, и конфликт вокруг островов разгорается.

Кроме того, Китай и Вьетнам спорят относительно принадлежности Парасельских островов (китайцы называют их Сиша) и архипелага Спартли (по-китайски Наньша). На суверенитет над Спартли претендуют также Тайвань, Филиппины, Малайзия и Бруней. Государство, которое будет обладать островами Спартли, будет контролировать поставки нефти с Ближнего Востока в Северо-Восточную Азию.

Экономическое сотрудничество со странами Центральной Азии

В региональной политике Китай уделяет возрастающее внимание республикам Центральной Азии. Этот регион имеет особое значение для Пекина и с точки зрения обеспечения безопасности страны, и как важнейший источник поставок углеводородов, и как обширный рынок для сбыта собственной продукции. Особое место отводится отношениям с Казахстаном.

Казахстан стал вторым крупнейшим торговым партнером Китая среди стран СНГ. Товарооборот между Казахстаном и Китаем в 2004 году, по китайским данным, достиг 4,5 млрд. долларов против 3,2 млрд. долларов в 2003 году.

Доля КНР в экспорте Казахстана составляет 9,9%, а в импорте — 6,6%. Посол Китая в Казахстане считает, что увеличение объемов двухсторонней торговли до 50 млрд. долларов будет достигнуто раньше намеченного главами Казахстана и Китая 2010 года. Посол назвал три наиболее важных условия значительного увеличения товарооборота между двумя странами. Необходимо завершить строительство нефтепровода Западный Казахстан — Западный Китай, построить казахстанско-китайский газопровод, а также реализовать грандиозный проект по строительству узкоколейной железной дороги от терминала до Каспия и далее — в Туркменистан, Иран и Турцию.

В июле 2005 года в ходе визита Председателя КНР Ху Цзиньтао обсуждался проект строительства трансказахстанской железной дороги. Она соединит Китай с Европой через территории Казахстана, Туркмении, Ирана и Турции. Проект рассчитан на 15 лет, а его стоимость составит около 4 млрд. долларов. Только на территории Казахстана в рамках проекта будет построено 3 тыс. км новых железнодорожных путей.

Важное место в центральноазиатской политике Китая отводит налаживанию тесных контактов с Узбекистаном. 26 мая 2005 г. подписан договор о дружбе и сотрудничестве, а также 14 соглашений по различ-

ным схемам взаимодействия. Общая сумма заключенных контрактов составляет около 1,5 млрд. долларов.

Две страны планируют развивать сотрудничество в нефтегазовой сфере, в области образования и высоких технологий, транспорта и текстильной промышленности. Китайские компании выиграли тендер на поставку новых локомотивов для узбекских железных дорог.

После событий в Андижане Китай, в отличие от западных стран, «с пониманием» отнесся к действиям узбекских властей по восстановлению контроля над ситуацией в республике. Пекин опасается дальнейшего распространения «оранжевых революций» в Центральной Азии, в непосредственной близости от своих границ. Позиция Китая по достоинству была оценена Ташкентом.

В начале июня 2005 года большая китайская делегация во главе с членом ЦК КПК Хэ Юном посетила Туркмению. Туркменский лидер подчеркнул, что Китай является более надежным партнером в энергетической сфере, чем страны СНГ. Китай оплачивает поставки туркменских углеводородов по клиринговой схеме — дешевыми китайскими товарами.

Выводы

В настоящее время Китай имеет весомые объективные основания претендовать на статус «локомотива» азиатской экономики и роль «активного фактора роста» мировой экономики в целом. Ожидаемые темпы развития Китая в ближайшие пять лет достаточно высоки и ориентировочно составят 8% в год. Вместе с тем Китай за эти годы не сможет серьезно приблизиться к уровню экономического и технологического развития США, Японии или Европы. Вероятны технологические прорывы, но общий уровень китайской экономики останется низким.

Дальнейшее усиление позиций в системе мировых хозяйственных связей, наверняка, будет даваться Китаю непросто. Почти два десятилетия реформ привели не только к качественным сдвигам в китайском обществе и экономике, но и к возникновению беспрецедентных проблем, с которыми руководство КНР прежде не сталкивалось. Огромные успехи породили новые напряженности и диспропорции. «Новый Китай» может оказаться вызовом не столько для его внешних партнеров, сколько для собственных властей. Уязвимыми местами КНР являются относительная ресурсная слабость и нахождение вне рамок какой-либо влиятельной региональной интеграционной группировки. Соответственно можно ожидать долгосрочной повышенной активности Китая по решению или минимизации этих проблем.

Сегодняшний Китай играет серьезную роль в мировой экономике и активно участвует в процессе глобализации. Тем не менее степень этого участия еще недостаточна, чтобы возможный (в следующем десятилетии) кризис в Китае оказал качественное воздействие на всю мировую экономику. Негативные последствия такого кризиса могут иметь в сред-

несрочной перспективе только региональный эффект. Россию такой кризис может серьезно затронуть, только если ситуация в Китае примет неуправляемый характер, произойдет дезинтеграция государства и начнется массовая миграция. Но такой вариант вероятен только в длительной перспективе.

Растущая экономическая мощь и вовлеченность Китая в мировой рынок ведут к изменению китайской внешней политики. Происходит процесс «нормализации» внешнеполитического поведения Китая и его приближения к общепринятой устоявшейся модели международных отношений. По существу, в китайской политике уже произошел переворот к многостороннему подходу с ярко выраженной экономической составляющей.

Китай стремится активнее участвовать в международных политических и экономических проектах. Несмотря на то что все интеграционные проекты в АТР находятся на начальной стадии, внимание и интерес Китая к ним растет. Вступление в ВТО отражает эволюцию позиции Китая к проблемам экономической глобализации и интеграции национальной экономики в мировое хозяйство в торговой области (инициатива о создании зоны свободной торговли АСЕАН+3 с участием стран АСЕАН, КНР, Республики Корея и Японии).

Дальнейшее развитие рыночной экономики в Китае, а это является основой удержания власти КПК, делает неизбежными его еще большую открытость окружающему миру, зависимость от него и участие в международных интеграционных процессах. По мере «интернационализации» Китая будет сокращаться его и без того незначительная военная угроза. Даже в долгосрочной перспективе (более семи лет) китайское руководство вряд ли будет жертвовать экономическим прогрессом ради резкого усиления военной мощи.

Важное место во внешней политике Китая занимают отношения с Россией. Эта тема требует отдельного рассмотрения и анализа и не затрагивалась в данной статье. Тем не менее можно отметить, что зона совпадающих интересов и взаимодополняемости России и Китая в мировой экономике в настоящее время шире зоны их реально и потенциально конфликтных интересов. Это создает стабильную основу для наращивания масштабов и диверсификации форм двухстороннего сотрудничества, для взаимодействия в рамках интеграционных процессов в Восточной и Центральной Азии.

Вместе с тем ориентация хозяйственных связей Китая на американский, европейский и азиатский рынки лимитирует возможности российско-китайской кооперации или совместных действий как на рынках третьих стран, так и в борьбе за общее улучшение условий международной торговли. К конфликту интересов двух стран может привести включение России в зону свободной торговли той или иной конфигурации с участием Китая, влекущее за собой неконтролируемое перетекание товаров и трудовых услуг из КНР в Россию.

Александр Некипелов

ДОРОГА В БУДУЩЕЕ*

Общая ситуация

О том, что текущее хозяйственное положение весьма благоприятно, сказано и написано немало. Есть и понимание того, что итоги последних пяти лет — не основание для самоуспокоенности, а предпосылка для серьезных размышлений о будущем страны. Слишком уж масштабны проблемы долгосрочного характера, стоящие перед нами. Критической остается демографическая ситуация. Несть числа социальным болячкам нашего общества — широкое распространение нищеты, безумная дифференциация доходов, острейшие проблемы с занятостью в депрессивных регионах, ярко выраженные явления деградации в системах здравоохранения, образования, культуры и, как следствие, в состоянии человеческого капитала. И не думает спадать топливно-сырьевая «вспученность» нашей экономики, базовая инфраструктура изношена, наука (в особенности прикладная) и высокотехнологичные производства находятся по большей части в «разобранном состоянии», не снята с повестки дня проблема экономической дезинтегрированности страны.

Простых решений таких проблем не бывает. Но именно в подобных ситуациях стратегический выбор приобретает ключевое значение. И делать его нужно не под воздействием тех или иных идеологических догм, а на основе беспристрастного анализа всех плюсов и минусов имеющихся путей. При этом предстоит еще определиться в ценностных ориентирах нашего общества, т.е. ясно осознать, что для него является «плюсом», а что — «минусом».

Политически момент очень благоприятен для определения долгосрочной траектории развития страны: президент вступил во второй срок и просто обязан поработать «на историю». А раз так, то самое время и для серьезных дискуссий по соответствующему кругу проблем.

* В основе статьи — выступление на «Круглом столе», стенограмма которого публикуется ниже.

Разве выбор не сделан?

Нельзя не признать, что в последнее время власть начала формулировать установки стратегического характера. Поставлены задачи удвоить валовой внутренний продукт за 10 лет, начать наступление на бедность, кардинально улучшить положение дел в образовании, здравоохранении, обозначена линия на создание инновационной системы и модернизацию экономики. Провозглашена стратегия прорыва.

Мы не всегда осознаем, что само внимание к тому, каким должен быть будущий образ российской экономики, знаменует серьезный поворот в экономической идеологии власти: такими проблемами не занимать тех, кто убежден, что рынок сам все устроит наилучшим образом. Но не меньшей ошибкой для оппонентов «рыночного романтизма» было бы впадать на этом основании в эйфорию. Ведь стратегический выбор — это не набор отдельных установок. Речь, в сущности, должна идти о выявлении одной из бесконечного числа дорог в будущее с учетом общественных предпочтений и имеющихся ресурсов. Каждая из дорог характеризуется различным состоянием и динамикой во времени огромного числа параметров хозяйственного развития. Все их учесть, разумеется, невозможно, но выделять узловые моменты того или иного «маршрута», а также отслеживать ход их реализации и вносить необходимые коррективы нужно. И уж совсем очевидно, что проводимая экономическая политика должна соответствовать избранному пути развития. В противном случае речь идет не о пути развития, а о пустых декларациях.

Общество – это кто?

Первый вопрос, который возникает при попытке определения долгосрочной стратегии, звучит так: «Откуда мы можем узнать, что соответствует интересам общества, а что — нет?» Выявление общественных предпочтений в экономической сфере — это функция рынка и политической системы. Рынок по свойственному ему алгоритму «усредняет» ту часть индивидуальных потребностей, которые связаны с удовлетворением наших, если можно так выразиться, эгоистических устремлений. Задача политической системы — тем или иным способом учесть, что каждого из нас, пусть и в различной степени, интересует также и состояние общества, членами которого мы являемся. Поэтому в тех случаях, когда результаты действия рыночного механизма входят в противоречие с господствующими представлениями об общественном благосостоянии, экономическая политика призвана вносить в них коррективы, но такими способами, которые не подрывают основ рыночного механизма.

Эффективное функционирование политической системы имеет, следовательно, огромное значение для экономики. Со времен перестройки страна избрала в качестве идеала демократическое устройство общества. Однако 1990-е годы стали периодом не столько развития демократических институтов, сколько их подчинения своекорыстным интересам правящей элиты и, как следствие, временем заметной дискредитации в глазах населения. Уход от этого наследия и формирование эффективно действующей демократической системы – важнейшая задача нынешней власти. Но надо быть реалистами: в ближайшие несколько лет остается только уповать на то, что формулируемые властью в институциональном политическом вакууме задачи будут отражать общественное мнение. В целом провозглашенные установки на гармонизацию социальных отношений и модернизацию экономики настраивают меня на оптимистический лад.

Какой русский не любит быстрой езды

Весьма осторожное (я бы даже сказал настороженное) отношение у меня к курсу на удвоение ВВП, и оно имеет, как я полагаю, серьезные теоретические основания.

Если бы показатель валового внутреннего продукта являлся совершенным измерителем общественного благосостояния, то установка на максимизацию темпов его роста не могла бы вызывать никаких возражений. В этом случае можно было бы лишь вести спор о цифрах. Но в том-то и дело, что ВВП – это очень грубая аппроксимация величины «общественного счастья». С одной стороны, он не учитывает значительную часть результатов экономической активности – труд в домашнем хозяйстве, последствия для окружающей среды и т.п., а с другой – этот денежный индикатор абсолютно безразличен к своему «физическому наполнению». Одной и той же величине ВВП могут отвечать совершенно разные производственные структуры, модели распределения доходов, позиции страны в мировой экономике и т.п. Но точно так же, как каждому из нас отнюдь не все равно, в какие конкретно предметы потребления воплотится наш доход, не могут быть безразличны обществу структура ВВП и его распределение.

Скорость, как сейчас принято говорить, имеет значение, но прежде надо определиться с направлением движения. Иными словами, задача максимизации темпов роста должна формулироваться с ограничениями, обеспечивающими движение страны по избранной траектории. В противном случае можно очень быстро и на очень долгое время оказаться совсем не там, где хотелось бы, например завязнуть в ряду экономик с гипертрофированной топливно-сырьевой специализацией и чудовищным для цивилизованных государств распределением общественного богатства.

О целях и средствах

Но особую обеспокоенность вызывает противоречие между объявленными стратегическими установками и проводившейся до самого последнего времени экономической политикой. Пожалуй, заметная подвижка обнаружилась лишь в отношении путей включения российской экономики в экономику глобальную. На смену несколько странным заявлениям, что Россия превращается чуть ли не в мирового лидера либерализации, пришло, кажется, осознание игрового характера взаимодействия государств, а потому и полной неуместности «работы на опережение». Заслуживает позитивной оценки и то, что страна заняла позицию защиты национальных интересов на переговорах о присоединении к ВТО.

Однако родимых пятен примитивного, я бы даже сказал школярского либерализма в подходе к решению важнейших экономических проблем, остается, к сожалению, слишком много.

До сих пор непонятно, каким образом имеется в виду решать проблему модернизации российской экономики (ее, кстати, в последнее время стали обозначать менее обязывающим термином «дифференциация производства»). Складывается впечатление, что ставка целиком делается на совершенствование рыночных институтов и действие рыночного механизма. Но это равносильно вере в чудеса: в основной своей части наш высокотехнологичный сектор находится сейчас в состоянии «гrogги» и неконкурентоспособен не только по отношению к иностранным собратьям, но и к обычным отраслям российской экономики, не говоря уже о топливно-сырьевом секторе.

Ничем, кроме одержимости идеей абстрактного либерализма и лоббистскими усилиями определенных кругов российского бизнеса, невозможно объяснить поспешную либерализацию валютного режима, не отвечающую степени зрелости финансовой системы страны и стоящим перед ней задачам. Сегодня уже начали сталкиваться с неблагоприятными последствиями: из-за массового притока дешевых иностранных кредитов резко возросла валютная задолженность частного сектора, а следовательно, и общая задолженность страны, что поставило в повестку дня необходимость принятия защитных мер.

Беспрецедентной для цивилизованных стран мерой стало введение плоской шкалы подоходного налога, да еще при отсутствии нормального налогообложения имущества. До сих пор со ссылкой на рост налоговых поступлений авторы этой экстравагантной затеи пытаются убедить всех в правильности сделанного шага. Но даже с сугубо прагматической точки зрения все не так ясно. Дело в том, что поначалу рост поступлений подоходного налога примерно совпадал с ростом ВВП, а это значит, что никакого реального улучшения в собираемос-

ти налога по сравнению с прежней прогрессивной системой не было. Правда, в дальнейшем доля подоходного налога в ВВП возросла. Но отнюдь не факт, что сработали «преимущества» новой системы. Ведь в это время коренным образом улучшалось положение дел с неплатежами в экономике и задолженностью по заработной плате, что явилось мощным фактором роста налоговых поступлений. Во всяком случае, «зарплата в конверте» отнюдь не стала реликтовым явлением.

К серьезным последствиям может привести отсутствие нормальной системы налогообложения имущества. И дело здесь не столько в потерях, которые несет бюджет. Сегодня мы являемся свидетелями того, как в крупных мегаполисах существенная часть новых квартир приобретается не для проживания в них, а для выгодного вложения капитала. Не буду давать нравственную оценку тому, что при огромной нехватке жилья часть его вообще не используется по назначению. Но нельзя же не видеть, что на наших глазах надувается финансовый пузырь, разрыв которого, как свидетельствует мировой опыт, приведет не только к потере средств инвесторов, но и может нанести серьезный ущерб экономическому развитию в целом.

Кстати сказать, теперь, когда созданы правовые условия для свободной купли-продажи земли, императивом становится скорейшая отладка ее налогообложения, чтобы не допустить превращения этого ресурса (особенно в крупных мегаполисах) в спекулятивный актив, несущий в себе огромный заряд финансовой нестабильности.

Пожалуй, в наибольшей степени «рыночный романтизм» проявляется в реформах, проводимых в социальной сфере, т.е. именно там, где, как известно из теории, имеют место наибольшие провалы рынка.

Ни для кого не секрет, что государственные секторы здравоохранения, образования и культуры переживают кризис, но не внутренний для этих систем, а привнесенный кризис в том смысле, что он связан исключительно с многократным сокращением объемов государственного финансирования. Никакой принципиальной несовместимости советских систем образования и здравоохранения, пользовавшихся заслуженным авторитетом в мире, с рыночной экономикой не существует. Надо просто платить медицинским работникам и учителям (как, впрочем, и другим работникам бюджетного сектора) нормальную зарплату и обеспечивать учреждения, в которых они работают, необходимым оборудованием и материалами. А если денег не хватает, то надо сужать соответствующую сеть, но то, что остается, финансировать нормально. Точно так же, как нет никаких препятствий для выполнения государственных систем системами, основанными на рыночном предоставлении соответствующих услуг. Напротив, такой симбиоз представляется весьма органичным, поскольку позволяет обеспечить для всех доступ к минимальному стандартному набору ус-

луг и одновременно дает возможность каждому получать как базовые, так и дополнительные услуги за свой счет.

Однако во власти возобладало мнение, что «советское — значит неэффективное». В здравоохранении предложено уходить от сметного финансирования и платить за «конечный результат». То же мне — бинном Ньютона! Как будто раньше никто не понимал, что лучше платить за реально произведенную работу, а не за время, проведенное на работе. Еще в советское время в клинике профессора С. Федорова государство платило за каждую проведенную операцию и таким образом обеспечивало финансирование этого уникального медицинского учреждения. Но беда в том, что далеко не всегда понятие «конечный результат» поддается четкому количественному определению. В одних случаях это связано с высокой степенью неопределенности результатов деятельности (фундаментальные исследования), в других — с многофункциональным характером, дополняемым, как это имеет место в медицине, неискоренимой асимметрией информации между тем, кто предоставляет услуги, и тем, кто их оплачивает.

Хотите платить в медицине за пролеченного больного? Вольному — воля, только имейте в виду, что сегодня, по оценке академика РАМН А.А. Баранова, самый выгодный для лечебного учреждения пациент — это больной с черепно-мозговой травмой, содержащийся в реанимации и умирающий на седьмой день. Желаете, чтобы деньги следовали за пациентами (дескать, люди сами разберутся, где лучше лечат)? Тогда в случае обычных поликлиник будьте готовы к тому, что в очередь на осмотры к специалистам выстроится все их родственники и знакомые, а при наличии серьезного финансового стимула в стране может появиться новая профессия — пациент.

Наконец, медики обращают внимание на то, что «идеология сдельщины» блокирует проведение профилактических мероприятий, конечный позитивный эффект которых невозможно переоценить. Но внимание «не обращается»...

Не меньше недоумений вызывает и реформа в образовании. Она затеяна под предлогом обеспечения социальной справедливости и борьбы с рынком репетиторских услуг (браво!). Но у нее просто не сходятся концы с концами. Объемы государственного финансирования высшего образования становятся неопределенными, поскольку неизвестно, кто из выпускников школ, имеющих право на государственные средства, ими воспользуется. Принцип «деньги — за студентами» означает, что структура государственного сектора образования ставится в зависимость не от государственных интересов, а от взглядов потребителей услуги, которые не несут за свой выбор никакой ответственности, так как распоряжаются чужими деньгами. При приеме вузы обязаны ориентироваться на число баллов, набранных на еди-

ном госэкзамене, а не на способности абитуриента в избранной области. Не ясно, как уравнивать число выпускников, имеющих высокие (или одинаково высокие) показатели по единому госэкзамену и желающих поступить в престижные вузы, и число мест в этих вузах. Приходится допускать возможность дополнительных отборов, что, строго говоря, обесценивает всю систему. Попутно выпускные экзамены в школе (они же — вступительные в вузы) превращаются, по образному выражению академика В.В. Ивантера, в «конкурс решателей кроссвордов», а репетиторство перемещается в сферу натаскивания школьников на расстановке «галочек» в экзаменационных вопросниках. Наконец, тот факт, что будущий студент приносит с собой финансирование (система ГИФО), будет побуждать вузы к максимально возможному расширению приема, а это вряд ли положительно скажется на качестве высшего образования.

Экономика прорыва

Главный вывод из сказанного выше — экономическая политика не может не зависеть от стоящих перед обществом задач. Это значит, что претензии любого течения экономической мысли на то, что оно является носителем абсолютного знания о «правильной экономической политике», беспочвенны. Экономическая теория помогает понять, какие следствия наступают при тех или иных условиях, но она не может судить о том, какие следствия отвечают интересам общества, а какие — нет.

Экономическая политика может быть состоятельной только в том случае, когда она основывается на целостном восприятии («картинке», по выражению академика Н.П. Шмелева) собственного объекта в его динамике. Это значит, что априорные, вне этого контекста суждения по частным проблемам (например, о желаемой доле расходов расширенного правительства в ВВП), просто бессмысленны.

С учетом этого выскажу ряд соображений о том, как мне видятся общие контуры и некоторые частные детали стратегии прорыва.

О роли фундаментальной науки. Россия относится к нескольким государствам в мире, которые ведут исследования чуть ли не по всему спектру фундаментальных наук. Это — дорогое удовольствие, которое оправдано только в том случае, если страна ставит перед собой большие задачи. При этом комплексность принципиально важна, поскольку из-за высочайшей степени неопределенности в этой области человеческой деятельности только она может позволить вовремя среагировать на обнаружившиеся прорывные направления. Если же амбиции страны ограничиваются стремлением «догнать Португалию», то тратить серьезные деньги на фундаментальные исследования, конечно, не стоит. Однако самый нелепый вариант — это хотеть иметь

передовую науку, но не желать ее финансировать в масштабах, обеспечивающих нормальное воспроизводство научного потенциала. При этом деньги просто выбрасываются на ветер.

Об образовании. Характер образования, прежде всего высшего, должен прямо зависеть от избранной модели развития. Для страны, играющей и собирающейся играть роль топливно-сырьевого придатка, подготовка физиков-теоретиков высшего класса выглядит, мягко говоря, причудой. Нелепа и нынешняя ситуация, когда значительная часть выпускников высшей школы либо работает в стране не по специальности, либо работает по специальности, но не в стране. Здесь, действительно, назрели серьезные изменения, однако совсем не того рода, о которых речь шла выше. Один вариант — открытое введение платности высшего образования в государственных вузах и одновременный запуск в действие системы долгосрочного кредитования студентов при том или ином финансовом участии государства в погашении кредита (вариант проф. А.Я. Рубинштейна). Другой вариант — оформление государством для каждого студента государственного вуза условного кредита на обучение с автоматическим списанием последнего по определенному графику, например в течение 15 лет после окончания вуза при условии его работы по специальности в России.

О промышленной политике. В нынешних условиях модернизация российского производственного потенциала невозможна без проведения продуманной промышленной политики. Отрицательное отношение к ней формально объясняется следующими разнородными аргументами: финансирование промышленной политики нарушит макроэкономическое равновесие; изоляция от благотворного действия рыночных сил приведет соответствующие производства к безнадежному отставанию от мирового уровня; средства, выделенные на промышленную политику, «непременно разворуют»; при определении приоритетов велик риск ошибиться и направить экономику по тупиковому пути. Реально же в основе такой позиции лежит идеологическая невосприимчивость к активной роли государства в экономическом процессе.

Промышленная политика состоит не столько в прямом выделении средств тем или иным видам деятельности, сколько в создании для них благоприятных, если хотите тепличных, условий на определенный период времени. Дестабилизировать макроэкономическую обстановку здесь никак невозможно, равно как и что-либо разворовать. Техническое проведение этой политики, состоящее в постепенном снятии преференций и усилении воздействия внешнего рынка на соответствующие области деятельности, исключает опасность ее отрыва от современных мировых требований. Конечно, риск ошибиться с выбором приоритетов существует. Но, во-первых, вся экономическая

деятельность проходит в обстановке большей или меньшей неопределенности. Во-вторых, речь должна идти о выборе с учетом имеющегося у страны потенциала ряда крупных направлений концентрации усилий, перспективность которых уже вполне выявлена. В-третьих, важно понимать: без сознательной политики, направленной на коррекцию действия рыночных сил, задачу модернизации экономики, приближения России к странам, определяющим траекторию развития человеческой цивилизации, не решить.

О финансовых ресурсах. Здесь прежде всего нужно отказаться от установки на ежегодное сокращение на один процентный пункт расходов расширенного правительства по отношению к ВВП. Характер стоящих перед нами проблем в связи с изношенной базовой инфраструктурой, загрязненной окружающей средой, громадными перепадами в экономическом развитии регионов, социальным неблагополучием таков, что разумное значение этого показателя составляет, по всей видимости, порядка 40%. Это, кстати сказать, соответствует уровню, свойственному наиболее успешным из постсоциалистических государств.

При этом нет необходимости увеличивать налоговое бремя для производства; достаточно наладить дело со сбором ренты и получением доходов от госактивов. Сегодня необходимость этого не оспаривается (спасибо, академик Д.С. Львов!) и даже возникло понимание важности дифференциации рентных платежей в зависимости от качества природных ресурсов. Осталось лишь осознать, что рента к налогам не имеет никакого отношения: это плата собственника (не важно, государство или частное лицо) за доступ к ограниченному ресурсу. Рента — не только источник средств для бюджета, но и инструмент, обеспечивающий рациональное использование ресурсов. Неизъятие ренты деформирует потоки средств в экономике, и их избыточное количество направляется в добывающие отрасли.

Наконец, сегодня Россия располагает уникальной возможностью использовать на цели модернизации «излишние» валютные резервы. По мнению многих экспертов, величина валютных резервов, превышающая потребность для обеспечения стабильности валютного рынка, составляет от 30 до 50 млрд. долларов. Во всяком случае, речь идет не об одном десятке миллиардов долларов. В таких условиях Центральный банк мог бы создать дочерний Банк развития и внести в его капитал «избыточные» валютные резервы. Задача этого финансового института должна была бы состоять в обеспечении на рыночной основе долгосрочного кредитования импорта товаров, способствующих модернизации российской экономики (в первую очередь машин, оборудования, технологий, не производимых в стране). В принципе можно было бы разработать и схемы кредитования (под будущие бюджетные доходы) импорта, необходимого для ускорения реализации крупных программ

федеральных и региональных органов власти, например в сфере модернизации инфраструктуры, оснащения армии и т.п.

Предлагаемый механизм помог бы решить целый комплекс задач. Во-первых, серьезный дополнительный импульс получил бы процесс модернизации, заметно возросла бы инвестиционная активность. Во-вторых, сформировался бы крупный сегмент долгосрочных кредитов. В-третьих, в силу значительного увеличения предложения заемных средств понизился бы общий уровень процентной ставки. В-четвертых, при сохранении массированного притока валюты в страну облегчилось бы противодействие инфляционному давлению при поддержании запланированной траектории изменения валютного курса. Это связано с тем, что рубли, эмитированные ЦБ в обмен на валюту, получали бы товарное покрытие в виде импортированной в рамках предлагаемой схемы продукции. В сущности, с макроэкономической точки зрения произошло бы следующее: появление доступа к дешевому кредиту на цели импорта инвестиционных товаров привело бы к росту спроса на иностранную валюту и, как следствие, достижению равновесия на валютном рынке при более высоком курсе доллара.

О приватизации. Сегодня, когда рыночная система в стране в общих чертах сформировалась, а для бюджета характерен устойчивый профицит, никакой необходимости в «плановой распродаже» государственных активов нет. Правильнее было бы создать государственную инвестиционно-холдинговую компанию (или ряд таких компаний), которая управляла бы соответствующими активами в рыночном режиме. Это не только позволило бы уйти от постоянных скандалов, сопровождающих приватизационные аукционы, но и создало бы условия для эффективного использования государственных активов, отделив от этого процесса чиновников. В свою очередь, исполнительная власть получила бы постоянный поток доходов от общественной собственности.

О малом бизнесе. Поскольку все предшествующие соображения касались проблем «крупного формата», могло сложиться впечатление, что стратегия прорыва может пренебречь возможностями малого и среднего бизнеса. Такое понимание было бы, однако, глубоко ошибочным. Промышленная политика — это не политика для промышленных гигантов. Если не удастся создать самые благоприятные условия для развертывания предпринимательской инициативы на «корневом уровне», за что без устали выступает академик Н.П. Шмелев, то никакой прорыв в будущее не сможет состояться.

Таковы по необходимости лаконичные соображения о возможной стратегии экономического прорыва. Но вывод ясен: страна нуждается в неидеологизированном, прагматичном формулировании собственных долгосрочных интересов и разработке отвечающего этим интере-

сам типа экономической политики. Пока же мы находимся в положении, когда власти нужно корректировать либо цели, либо средства их достижения.

Точка зрения

ЗАСТОЙ, ПОРОЖДЕННЫЙ СТРАХОМ

О финансово-политической ситуации 2005 года

При составлении федерального бюджета на 2006 год российское правительство, равно как и все, кто имел отношение к этому процессу, столкнулись со странным парадоксом: денег в России одновременно слишком мало и слишком много. При полученных дополнительных нефтяных сверхдоходах правительство не может потратить средства ни на институциональное развитие, ни на реформы в социальной сфере, ни на инвестиции. На одном из заседаний правительства министр экономического развития и торговли Герман Греф даже выразил ироничное сочувствие руководителю здравоохранения, который не может придумать такую реформу, которая бы не требовала дополнительных расходов.

Иными словами, серьезных реформ в ближайший год не предвидится, поскольку на них элементарно нет денег.

Нежелание правительства выделять финансы сверх бюджета на что бы то ни было его критики обычно объясняют приверженностью наших министров «догмам монетаризма». Но в 1990-х годах монетаризм был всего лишь идеологическим прикрытием для ситуации, когда денег просто не было, а зарплаты и пенсии задерживались на полгода.

Сейчас, когда средства появились, даже «министры-монетаристы» стали более благосклонны к государственному инвестированию, и сам Герман Греф, который никогда не проявлял себя сторонником расширения госинвестиций, добился создания при бюджете инвестиционного фонда объемом более 70 млрд. рублей. При этом на заседании правительства он заявил, что, по его мнению, было бы хорошо, если бы инвестиций было хотя бы на 50 млрд. рублей больше.

Таким образом, нет никакой особой разницы между Германом Грефом и его критиками – скажем, председателем Государственной думы Борисом Грызловым, заявившим в одной из своих речей, что инвестиционный фонд не может быть меньше 100 миллиардов. Разница между ними только в том, что министр признавал значимость макроэкономических ограничителей на государственные расходы, а спикер со свойственной публичным политикам легкостью утверждал, что в нынешней благоприятной внешнеэкономической ситуации повышать зарплаты можно «без ущерба инвестициям».

Но куда же делись знаменитые нефтяные сверхдоходы?

Государственные финансы попали в «ножницы», образовавшиеся из-за параллельного действия двух факторов. С одной стороны, общую сумму государственных расходов нельзя было расширять, несмотря на имеющиеся доходы – экономика столкнулась бы с неуправляемой ин-

фляцией, с другой – правительство взяло на себя обязательство повысить военные и социальные расходы.

Вообще говоря, и в том, и в другом нет ничего нового. Все время, пока Владимир Путин находится в должности президента, расходы на социальную политику, а также на силовые структуры, оборону и безопасность росли ускоренными темпами, увеличивая свою значимость в бюджете. Журналисты уже называли бюджетную политику Владимира Путина «военно-социальной». Кстати, часть дополнительных расходов неизменно носила военно-социальный характер: повышались военные пенсии, выдавались жилищные сертификаты и т.д.

Однако в этом году составление бюджета было отмечено чрезвычайными социальными обязательствами, связанными с повышением пенсий и заработной платы. Была принята амбициозная программа номинального удвоения заработной платы государственных служащих за три года. Собирались принять аналогичную программу в отношении пенсий – но денег не хватило, тем не менее пенсии тоже сильно увеличат.

Все эти обязательства были приняты не случайно, а стали результатом развития вполне определенной политической ситуации.

Последние два года политическое руководство страны находилось в довольно напряженном, если не сказать щекотливом положении, вызванном резким ухудшением отношений как с либеральным лагерем внутри страны, так и с общественностью и политическими кругами за рубежом. Среди деяний российских властей, вызвавших это напряжение, самыми важными и громкими стали: разгром медиаимперии Владимира Гусинского, безраздельный захват Государственной думы партией «Единая Россия», «дело ЮКОСа» и отмена выборности губернаторов. На таком фоне даже сравнительно малозначимые события, вроде исков, вчиняемых крупным компаниям налоговой инспекцией, стали приобретать зловещий характер. Появилось знаменитое тюремное письмо Михаила Ходорковского о крахе либерализма, в котором он убеждал своих единомышленников прекратить сомнения в легитимности президента Путина. Тем самым Ходорковский – или кто там был настоящий автор этого письма? – не столько отвечал на чьи-то обвинения, сколько озвучивал тайные страхи Кремля.

Однако Кремль мог себя чувствовать сравнительно уверенно и мириться с любым ущербом своей репутации как в западных СМИ, так и в глазах собственной интеллигенции до тех пор, пока был уверен, что его враги не имеют массовой поддержки внутри страны. Во всяком случае, так было до начала 2005 года, когда произошла непредвиденная неприятность: монетизация социальных льгот вызвала массовые волнения по всей стране.

В другое время недовольство пенсионеров, не желающих платить за проезд на городском транспорте, возможно, и не заставило бы власти напрячься. Однако ситуация была совсем иной. Кремль испугался, что к его изоляции в политической сфере добавится еще и недовольство широких слоев населения – и тогда он окажется действительно на вулкане. Мало потока инвектив, идущих от западных журналистов и политиков, мало глухого бурчания собственной прессы и открытой войны, объявленной «профессиональными» либералами вроде Ирины Хакамады и

Гарри Каспарова, но тут еще и пенсионеры наносят удар в спину. Поэтому реакция властей была совершенно удивительной по своей незамедлительности и щедрости.

Хотя министерство финансов скрежетало зубами в адрес пенсионеров-пикетчиков, но практически сразу сверх всякой бюджетной сметы были выделены сотни миллиардов рублей на повышение пенсий, зарплат и дополнительные выплаты льготникам. Дело было поставлено так, что инициатором дополнительных ассигнований выступил лично президент. Правительство предприняло энергичные усилия по организации удешевленного проезда льготников на транспорте, причем обо всех усилиях навязчиво уведомялась пресса.

Произошло все это по однозначной причине: Кремль испугался. Когда политическое поле с помощью административного ресурса полностью зацементировано, когда невозможно идентифицировать реальных политических конкурентов, тогда страх перестает быть определенным, но не уменьшается. Противниками становятся все и никто. Правда, гегемония в парламенте, телевизионных и нефтяных компаниях заведомо могла вызвать недовольство либеральной и зарубежной общественности, но на этот риск власти шли сознательно, поскольку игра стоила свеч. Но тут речь шла о дополнительных, внеплановых и ничем не оправданных неприятиях – недовольстве населения социальной политикой. И этот провал Кремль стал в буквальном смысле засыпать деньгами – благо они были.

Однако, когда пришло время составлять бюджет на 2006 год, выяснилось, что хотя вообще деньги есть, но на реформы и амбициозные проекты их уже нет. Расходы на оборону, безопасность и всевозможные социальные подарки съели весь бюджет, а «сверху» над бюджетом нависали требования бороться с неожиданно возросшей инфляцией и не наращивать расходы без меры. В июне появилось заявление Международного валютного фонда, в котором, безусловно, обоснованно говорилось: «Противодействие, с которым встретилось правительство при реализации реформ, касающихся социальных льгот, возможно, ослабило решимость продолжать процесс осуществления других ключевых реформ в сфере образования и здравоохранения».

Забавно, что в марте 2005 года экономический советник премьер-министра Михаила Фрадкова Андрей Белоусов дал интервью «Известиям», в котором утверждал, что важное отличие политики кабинета Фрадкова от политики кабинета Касьянова заключается в том, что в правительстве Фрадкова есть понимание необходимости обеспечения всякой реформы финансовыми ресурсами. Вскоре быстро опять-таки стало ясно: понимание есть, а денег нет. И именно поэтому, в частности, Министерство экономического развития и торговли отказалось от разработки на будущий год федеральной целевой программы «Административная реформа».

В партии «Единая Россия» решили свалить вину за создающуюся ситуацию на правительство. Ее деятели выступили с критикой бюджета: председатель исполкома «Единой России» Андрей Воробьев заявил, что «нам нужен бюджет развития, а не бюджет проедания». Но все эти филиппики были пустым сотрясанием воздуха по двум причинам: во-

первых, мину под «бюджет развития» заложил лично президент Путин своими социальными инициативами, а против президента ни правительство, ни пропрезидентская партия бунтовать не могут; во-вторых, теперь в России нет даже гипотетической политической силы, которая была бы готова взять на себя ответственность за отмену этих социальных инициатив.

Социальные обязательства, пенсии и зарплаты – это лишь одна половина тех «ножниц» или «клещей», в которые попал бюджет. Вторая половина «ножниц» – это опасность инфляции, не позволяющая наращивать общий объем расходов.

По мнению экономистов, главная причина избыточной инфляции заключается в замедлении темпов экономического роста. Отечественная промышленность не может достаточно гибко реагировать на увеличивающийся платежеспособный спрос. Но одна из важнейших составляющих замедления экономического роста – ухудшение инвестиционного климата, порожденное все теми же известными политическими деяниями Кремля. Как выразился министр экономики Нидерландов Лауренс Ян Бринкхорст, крупные компании хотят идти в Россию, но опасаются, будут ли защищены их инвестиции законами и правилами.

Таким образом, обе стороны «клещей» – и инфляция, и повышенные социальные обязательства – имели политические причины. Они уходили корнями в тот переворот, который в последние примерно два года Кремль устроил в сфере публичной политики.

В том, что касается проведения экономических реформ, правительственный аппарат никогда не был эффективен. Но общая неэффективность правительства Михаила Фрадкова была усилена рядом обстоятельств: ослаблением позиций реформаторов в составе правительства; разногласиями между членами кабинета; неспособностью нового премьера придать динамизм реформам и консолидировать правительство вокруг общей программы; общим снижением управляемости госаппарата вследствие административной реформы 2004 года. А тут еще на все это наложились пресловутые финансовые «ножницы». Не приходится удивляться, что правительственная политика приобрела вялость, которую бывший начальник экономического управления президентской администрации Антон Данилов-Данильян охарактеризовал как «псевдолиберальный застой».

Разумеется, нет нужды говорить, что впасть в вялое состояние власти могут себе позволить благодаря высоким ценам на нефть. О том, какое развращающее действие оказывает на государство избыток нефтяных доходов, о «голландской болезни» и «венесуэлизации» российской экономики написано и сказано уже очень много. Но в данном случае, хотелось бы обратить внимание еще на один аспект этой проблемы.

Как писал известный историк и философ истории Арнолд Тойнби, социум развивается, пытаясь найти ответы на вызовы, которые ему предлагает окружающая действительность. В начале XXI века важнейшим вызовом, с которым столкнулась Россия, стала гипертрофия топливного сектора экономики. Требовалось урегулировать взаимоотношения государства с нефтяной промышленностью, и этот вопрос стал важнее, чем многословно обсуждаемые в печати взаимоотношения государства с

церковью. В частности, перед государством встала проблема обуздания крупных нефтяных, а говоря шире – сырьевых, корпораций.

Знаменитое «дело ЮКОСа», безусловно, имело политические причины, но и в них надо различать два аспекта – собственно политический и, скажем так, финансово-политический. С одной стороны, всем известны амбиции Михаила Ходорковского, который, опираясь на мощь своей корпорации, пытался заняться публичной политикой и даже грозился преобразовать Россию в парламентскую республику, с другой – ЮКОС и другие нефтяные компании активно и очень эффективно сопротивлялись покушениям на свои доходы через изменения налогового законодательства.

«Обуздать нефтяную промышленность» означало, во-первых, обуздать политические амбиции нефтяных магнатов, и, во-вторых, добиться изъятия у них сверхдоходов. Все это, разумеется, было сделано с нарушениями законности и отклонениями от экономической целесообразности. Ценой вопроса была демократия.

Демократия в развитых странах – это, конечно, не идеальная «власть народа», но это сложная система учета интересов самых разных социальных групп, которая, кроме всего прочего, позволяет находить компромиссы между требованиями разных отраслей и секторов экономики. Перед глазами российской власти маячил только один сектор, поэтому демократия оказалась не нужной.

Стоит напомнить, что единственный – подчеркнем, буквально единственный – собственно экономический вопрос, который обсуждался в знаменитом тюремном письме Михаила Ходорковского «о крахе либерализма», заключался в том, что крупные предприниматели («олигархи») должны согласиться на увеличение налогообложения добычи полезных ископаемых. И опять же благодаря Ходорковскому мы узнаем «подсознательное» Кремлевской администрации. Других важных задач она не видит.

Примитивный вызов породил примитивный ответ. Примитивность главной задачи, стоящей перед государством, породила примитивизацию всей политической системы. Но поскольку жизнь сложнее борьбы с ТЭКом, отцы этой политической модели испытывают тревогу, которая не становится меньше из-за отсутствия реальных политических врагов.

Константин Фрумкин, экономический обозреватель

Сергей Демиденко

ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ: ГРЯДУТ ЛИ НОВЫЕ «ЦВЕТНЫЕ» ПЕРЕВОРОТЫ?

После крушения Советского Союза Соединенные Штаты, избавившись от основного конкурента, серьезным образом активизировали свою внешнюю политику. Апофеозом ее стал «крестовый поход против терроризма», объявленный республиканской администрацией президента Джорджа Буша-младшего.

С целью обезопасить США от агрессии со стороны радикального ислама, а заодно и продвинуть национальные интересы в стратегически важных районах планеты в недрах американского руководства был разработан теперь уже широко известный план «модернизации Большого Ближнего Востока» (Ближний Восток, Центральная Азия, Индостан, арабский Магриб). В рамках данного проекта Вашингтон под лозунгами демократизации планирует привести к власти в нестабильных и неподконтрольных ему азиатских и африканских государствах лояльную политическую элиту.

Особенно активно американцы действуют в районах, богатых энергоносителями — нефтью и газом. Первой целью «модернизационной» стратегии Белого дома стал Ближний Восток. Здесь путем прямого военного вмешательства был свергнут оппозиционной США режим Саддама Хусейна. Причем следует отметить, что операция «Шок и трепет» была проведена без оглядки на протесты мирового сообщества, многие из государств которого имели в Ираке свои экономические интересы. Однако в Ираке Вашингтон неожиданно для него натолкнулся на серьезное сопротивление, потерял контроль над ситуацией.

Силовую схему «демократизации» США пытаются применить в отношении Сирии и Ирана, которые подвергаются с его стороны все возрастающему политическому прессингу (Сирия — при помощи принятия СБ ООН резолюции №1559, а Иран — путем давления на него по ядерному вопросу). Военным способом был устранен и режим талибов в Афганистане.

Прямолинейная, базирующаяся в основном на грубой силе доктрина Вашингтона привела к дестабилизации общей политической об-

становки на Ближнем Востоке, где серьезным образом усилились позиции радикального ислама, объявившего «джихад» «новым крестовым походам» и Израилю, являющемуся форпостом американской «агрессии» на субконтиненте. Следует отметить, что ненависть радикалов перекинулась не только непосредственно на США, но и на весь западный мир в целом, огульно воспринимаемый исламистами как источник потенциальной опасности. В настоящее время мы имеем возможность наблюдать последствия американской «модернизации», нашедшие свое отражение в кровавых событиях 11 сентября 2001 г. и терактах на территории Европы (Испания, Великобритания).

В сложившихся внешнеполитических условиях, а также принимая во внимание тот факт, что ближневосточная нефть может в скором времени закончиться, США обратили свои взоры на Центральную Азию, которая, так же как и Ближний Восток, богата природными ресурсами. Ситуация здесь, на первый взгляд, как нельзя лучше благоприятствует продвижению американского влияния. Во-первых, большинство государств управляется бывшей советской бюрократией и управляется при этом крайне неэффективно. Наибольшее раздражение местного населения вызывают повальная коррупция и рудиментарные клановость и кумовство, ставящие крест на вертикальной мобильности в обществе. Отдельно следует сказать и о засилье чиновничества, влияние которого почти на все сферы деятельности социума, включая культурную и экономическую, является практически монопольным. Во-вторых, экономики центральноазиатских стран с разной степенью серьезности находятся в состоянии глубокого кризиса (исключение составляет лишь Казахстан). Уровень жизни населения неуклонно снижается, актуализируется проблема производства и проблема распространения наркотиков и т.д.

Вместе с тем «модернизация» Центральной Азии может натолкнуться на ту же проблему, что и «модернизация» Ирака, поскольку здесь также весьма силен исламский фактор. Наиболее крупными радикальными мусульманскими организациями, действующими в регионе, являются Исламское движение Узбекистана (ИДУ) (в настоящее время сменило название на Исламское движение Туркестана — ИДТ), исповедующее вооруженную борьбу против официальных властей (базируется в Афганистане и частично — в Пакистане, в Южном Вазиристане), и «Хизб ут-Тахрир», отвергающая насилие (плацдармом организации считается Киргизия). Представляется, что к настоящему времени, «Хизб ут-Тахрир» имеет несколько больший потенциал для распространения своего влияния, нежели военизированная ИДУ-ИДТ, получившая ряд весьма ощутимых ударов в ходе американской операции в Афганистане и потерявшая своего основного внешнеполитического покровителя, коим был режим талибов в Афганистане. Здесь же следует отметить, что по сей день сохраняется вероятность

раскола «Хизб ут-Тахрира» на умеренную и радикальную части. Не исключено, что ряд членов этой организации не устраивает ее миролюбивая стратегия, и они готовы отказаться от ненасильственных методов построения «халифата». В частности, узбекские власти регулярно обвиняют «хизбутовцев» в причастности к организации терактов и беспорядков на территории республики. В контексте широкого влияния ислама, который рассматривается большинством населения как некая духовная оппозиция власти, прочны в регионе и позиции мусульманского духовенства.

Особенно сложная ситуация сложилась в Ферганской долине. Некоторые наблюдатели, например главный эксперт южного отделения Международного института стратегических исследований при президенте Киргизии Икбол Мирсаитов, не исключают возможности появления в перспективе на ее территории самостоятельного государства, которое включит в себя район ФАНО (Фергана, Андижан, Наманган и Ош), а также крупные города Ходжент, Баткен и Джалал-Абад. По мнению Мирсаитова, в Ферганской долине происходит сращивание религиозной и криминальной элит, что в перспективе может привести к вызреванию здесь серьезной оппозиционной силы, которая сумеет составить конкуренцию действующим властям. Мирсаитов также отметил, что исламисты с целью захвата власти вполне могут спровоцировать межэтнические столкновения в различных районах Узбекистана (например, узбекско-таджикские в Самарканде).

Другим фактором, мешающим американцам распространять свои «модернизационные» усилия в Центральной Азии, являются слабость и разобщенность светской оппозиции. В некоторых странах она еще находится в стадии формирования и пока не может предъявлять реальные претензии на верховную власть. Ведущие антикаримовские организации — «Эрк», «Бирлик» и ряд других — вообще базируются за рубежом. На территории республики активно действует лишь «крестьянская» партия «Озод дехконлар» во главе с Нигарой Хидоятовой да недавно созданная при поддержке со стороны «Озод Дехконлар» «Солнечная коалиция» предпринимателей Узбекистана. Единственной страной, где влияние оппозиции было относительно велико, являлась Киргизия, но и там антиправительственные силы не сумели преодолеть внутренние разногласия, придя к власти, скорее, вследствие полной недееспособности акаевского руководства, не предпринявшего никаких серьезных усилий для подавления беспорядков, нежели вследствие собственной политической активности.

Правящие в регионе режимы постоянно подавляют деятельность политических оппонентов. Спектр применяемых ими методов при этом достаточно обширен — от прямых репрессий, как в Узбекистане и Таджикистане, до реализации хитроумных схем по внесению раскола в ряды оппозиционеров, как в Казахстане (по словам сопредседателей партии «Ак жол» Б. Абилова, О. Жандосова и А. Сарсенбаева, именно такая схема была применена Астаной для раздробления их

партии, в результате чего «независимые» вынуждены были создать автономную структуру под названием «Настоящий Ак жол»), реализующихся параллельно с прессингом отдельных «либеральных» организаций (запрещение деятельности партии «Демократический выбор»).

В сложившихся условиях события, произошедшие в конце марта 2005 года в Киргизии, можно считать неким «пробным шаром», заброшенным США с целью прозондировать региональную обстановку. Была ли «тюльпановая революция» инспирирована Вашингтоном? Ответа на этот вопрос мы, скорее всего, в ближнесрочной перспективе не получим. В то же время события в Киргизии обнажили скрытые проблемы общества, некоторые из которых имели специфические национальные черты (антагонизм севера и юга), а некоторые характерны для всего региона (исламский фактор, раздробленность оппозиции и т.д.). Эти проблемы проявились, во-первых, в знаменитых погромах Бишкека, во-вторых, в противостоянии двух основных киргизских оппозиционеров Ф. Кулова и К. Бакиева. При этом даже временный предвыборный мезальянс этих деятелей, вследствие которого один стал президентом, второй премьером, по всей видимости, проблем не нивелировал, и продолжение противостояния мы будем иметь возможность наблюдать в самое ближайшее время.

Насколько активно США будут вмешиваться в политические процессы, происходящие в настоящее время в Киргизии? Смею предположить, что не особенно активно. Основная задача Вашингтона здесь наблюдать, чтобы потом иметь возможность экстраполировать свой киргизский опыт на другие центральноазиатские государства, т.е. быть готовым к тем трудностям, которые могут их поджидать в процессе смены режимов в Душанбе, Астане, Ташкенте и, возможно, Ашхабаде.

По всей видимости, Соединенные Штаты учли свой плачевный иракский и афганский опыт, когда военная агрессия была осуществлена без выработки приемлемой концепции поствоенного развития оккупированного государства, и теперь в Центральной Азии они попытаются действовать более осмотрительно. Но тут возникает вопрос — насколько в принципе целесообразно для США заниматься сменой центральноазиатских режимов? Ведь, наверное, можно было бы обойтись и без откровенного вмешательства во внутренние дела суверенных государств, ограничившись более «мирными» методами распространения своего влияния (как, предположим, в Турции). Однако в США в настоящее время очень сильны имперские настроения, которые не позволяют американскому политическому истеблишменту заниматься выбором стратегии. В умах подавляющего большинства населения Соединенных Штатов после крушения Советского Союза настолько прочно утвердилось идеологема о собственном превосходстве над остальным миром, что власти даже мысли не допускают о возможном провале какого-либо внешнеполитического начинания. В этой связи

американская официальная идеология базируется на принципе — сильное государство (а уж тем более сверхсильное) должно действовать исключительно с позиции силы. Данная линия подразумевает, конечно, не только открытую вооруженную интервенцию, но и любые действия, в основе своей имеющие вмешательство в дела суверенных государств без согласия на то правящих в них элит. О целях же американской стратегии в Центральной Азии было сказано несколькими строками выше.

Теперь попытаемся коснуться перспектив распространения в Центральной Азии американского влияния. Многое сейчас будет зависеть от стабилизации ситуации в Киргизии. Но вместе с тем следует учитывать, что, если «умиротворение» Киргизии затянется, Белый дом не будет долго ждать и, скорее всего, на свой страх и риск приступит к «демократизации» какой-либо другой центральноазиатской страны. Наибольшие трудности при этом он, наверняка, испытает в Казахстане, который, не исключено, и является основной его целью. Состояние национальной экономики здесь относительно стабильно, с Астаной сотрудничают иностранные инвесторы (как европейские, так и азиатские) и достаточно высок авторитет президента. Кроме того, принимая во внимание «модернизационный» настрой американских руководителей, казахские власти делают попытки реформировать государство, что называется, «изнутри», пока США не стали реформировать его «снаружи». В рамках данной доктрины Назарбаев и его окружение пытаются «дебюрократизировать» систему управления, расширяют экономическую свободу частного предпринимательства и в определенных внешнеполитических моментах отдаляются от России, которая, как ни верти, является одним из основных конкурентов Вашингтона в Центральной Азии. В контексте всего сказанного можно предположить, что на президентских выборах, намеченных в Казахстане на конец 2006 года, наиболее вероятный кандидат от оппозиции Жармахан Туякбай вряд ли составит конкуренцию действующему главе республики.

Получается, что в случае с Казахстаном у США есть лишь один способ привести к власти подконтрольную им политическую элиту — сыграть на внутриклановых противоречиях в период смены центрального руководства. По крайней мере, пока никаких других перспектив для утверждения в республике американского господства не просматривается.

В Узбекистане ситуация не столь однозначна. Президент Каримов в период проведения операции в Афганистане сумел заручиться поддержкой администрации президента Буша, предоставив американцам базы на территории республики. Однако впоследствии отношения между Вашингтоном и Ташкентом стали неуклонно портиться. Здесь следует отметить, что внутри американской администрации никогда не было единства мнений по вопросу сотрудничества с Ташкентом. Так, Пентагон рассматривал его, как вынужденного союзника в деле борьбы с «Та-

либаном», в Госдепартаменте, где «демократические» настроения традиционно сильнее, всегда скептически относились к идее стратегического партнерства с режимом Каримова. После ряда «цветных» переворотов на постсоветском пространстве узбекский лидер серьезно ограничил деятельность западных правозащитных организаций на территории республики, чем вызвал серьезные нарекания со стороны Вашингтона и ОБСЕ. Окончательное смещение акцентов в направлении конфронтации с США произошло после событий в Андижане 13 мая 2005 г. Явным признаком грядущего охлаждения стало решение Вашингтона о переводе своих военно-воздушных баз с территории Узбекистана в Афганистан на базу Баграм, последовавшее в июне 2005 года.

Что касается самого андижанского мятежа, то к его организации Соединенные Штаты, скорее всего, не имеют никакого отношения. Хронологическое соответствие событий в Ферганской долине с выходом Узбекистана из ГУУАМ (тоже, кстати, признак охлаждения отношений с Вашингтоном), по всей видимости, не более чем совпадение. Косвенным подтверждением этого может служить тот факт, что на саммите НАТО в Дурфуре, прошедшем в середине июня 2005 года, Вашингтон и приглашенная на форум российская сторона заблокировали требование альянса о проведении международного расследования обстоятельств андижанской трагедии. Могла ли быть причастна к мятежу оппозиция? Вполне возможно. Но не к самим боевым действиям, ответственность за которые узбекское руководство возложило на полумифическую экстремистскую группировку «Акромийя», а к организации «стихийного» митинга на площади перед захваченным повстанцами хокимиятом Андижана. Если это подтвердится, то оппозиция, думается, потеряет много политических очков. Зная, кто такой Каримов и как он реагирует на проявления народного недовольства, нельзя было выводить людей на улицы, обрекая их тем самым на верную смерть. Ведь прецеденты до этого в 90-х годах уже были (в той же Андижанской, Ферганской, Наманганской областях, Пскентском и Буканском районах Ташкентской области), и власти неизменно применяли против народа силу.

Из андижанского мятежа американцы могут извлечь нужные уроки. Главный из которых — Каримов будет всеми силами бороться за власть, и при попытке его устранения с помощью оппозиции большой крови не избежать. В принципе США могут свергнуть узбекского лидера путем прямого военного вторжения, однако принятие такого решения в существующих внешнеполитических условиях граничит с безумием. И, наверняка, уж такое вторжение не состоится до тех пор, пока хотя бы один американский солдат находится на территории Узбекистана.

То есть в период правления Каримова США не смогут приступить к активной «модернизации» Узбекистана без риска спровоцировать там гражданскую войну. Однако Белый дом вполне может заняться

созданием в республике предпосылок для последующей «демократизации» (которую можно было бы осуществить, например как и в Казахстане, в период смены власти). Главной движущей силой инспирированных в Узбекистане преобразований станет национальный бизнес, испытывающий гнет чиновников и страдающий от засилья «придворных» предпринимателей-монополистов, таких как старшая дочь Каримова Гульнара и ее холдинг «Зеромакс».

Опасность, исходящую от бизнесменов, по всей видимости, понимает и сам Каримов, который начал постепенно подключать их к процессу управления страной. Так, перед парламентскими выборами под эгидой официального Ташкента была создана Либерально-демократическая партия Узбекистана (ЛДПУ), объединившая частных предпринимателей страны. К слову, именно ЛДПУ и одержала окончательную победу на выборах, опередив даже президентскую Народно-демократическую партию Узбекистана (НДПУ).

Кроме того, Каримов пытается расширить экономическую самостоятельность частного сектора, хотя бы частично снизив прессинг на него со стороны чиновничества. Так, в июне 2005 года президент Узбекистана издал указ «О мерах по ускорению реализации приоритетных направлений в сфере углубления рыночных реформ и дальнейшей либерализации экономики», который даже некоторые оппозиционные издания уже окрестили «революционным». В целом можно констатировать, что Каримов пытается использовать казахский опыт и организовать у себя в стране «реформирование сверху», которое бы происходило как можно более безболезненно для государства и правящей верхушки. Однако, думается, что полноценное претворение в жизнь данной стратегии вряд ли состоится. Узбекский президент не сможет окончательно «раскрепостить» предпринимателей, так как не решится на конфликт с чиновниками и спецслужбами, на которых он во многом опирается.

Разрыв с США толкает Узбекистан в объятия двух других региональных супердержав — России и Китая. Россия интересна Ташкенту в основном в плане сотрудничества в военно-технической области, а Китай перспективнее в плане инвестиционного потенциала. Последнее обстоятельство может перевесить чашу весов в пользу Пекина, на который в перспективе и будет ориентироваться Ташкент, дистанцируясь от Москвы.

Туркмения пока стоит особняком в череде центральноазиатских стран. Она придерживается линии политического нейтралитета и пытается с целью продвижения своих глобальных и региональных интересов разыгрывать энергетическую карту. В настоящее время Соединенные Штаты заинтересованы в том, чтобы Индия, нуждающаяся в энергоснабжении, покупала бы газ у Ашхабада, а не у Тегерана (контракт на поставки иранского сжиженного газа в Индию был подписан в июне 2005 года). В этой связи Белый дом заинтересован в установлении тактического аль-

янса с Ниязовым и пока не ведет (по крайней мере — активно) работу над стратегией «модернизации» туркменской политической элиты. Однако не исключено, что такая работа начнется, если ожидаемого эффекта от нефтегазового сотрудничества с туркменбаши Вашингтон не получит.

Наиболее слабым звеном в цепи центральноазиатских государств является Таджикистан. Эта самая бедная страна (бюджет чуть более 400 млн. долларов), население нищее, а власть не может полноценно противостоять активности западных правозащитных организаций, поскольку сама серьезно зависима от европейской и американской экономической помощи. Имеется у местной оппозиции и свой лидер, вокруг которого она будет блокироваться. Им является Юсуфджон Ахмедов — известный в прошлом промышленник и государственный деятель, много лет руководивший парламентской группой по сотрудничеству с Россией (в этом качестве Ахмедов сумел привлечь в экономику страны огромные по таджикским меркам российские инвестиции — 2 млрд. долларов). Деятельность Ахмедова на государственном поприще помогла ему снискать популярность в народе. В итоге, несмотря на то что против него были брошены значительные пропагандистские и административные ресурсы, на парламентских выборах, прошедших в конце 2004 года, он одержал убедительную победу в своем округе, где баллотировалось рекордное число кандидатов.

Единственным сдерживающим фактором для США в Таджикистане являются сильные позиции, которые имеет здесь радикальный ислам. Об интервенции и речи быть не может, пока на территории республики находится российский воинский контингент. Здесь же следует упомянуть, что на заседании Совета министров обороны стран СНГ, прошедшем 27 июня 2005 г. в Душанбе, министр обороны РФ Сергей Иванов упомянул о приобретении 201-й российской мотострелковой дивизией осенью 2005 года статуса официальной военной базы в Таджикистане.

Из всего сказанного следует, что Центральную Азию еще ждут серьезные потрясения и преобразования, поскольку Соединенные Штаты не откажутся от стратегии распространения в регионе своего тотального влияния. Как скоро они начнутся, покажет время, поскольку стабильность политических элит в государствах региона во многом зависит от дееспособности их лидеров. В то же время следует учитывать, что политическая борьба, которая, наверняка, в процессе «демократизации» региона серьезно обострится, обнажит скрытые до поры до времени язвы центральноазиатских обществ. Это приведет к тому, что безопасности России будут брошены новые вызовы, а именно — увеличение потока нелегальных иммигрантов, усиление позиций наркомафии и разрастание влияния радикального ислама. Таким образом, Российской Федерации и ее руководству нужно быть готовыми к отражению угроз южным рубежам, которые будут возникать параллельно продвижению в Центральной Азии американского влияния.

«Литературная газета»
Институт экономики РАН
Институт стратегических оценок и анализа

**СУЩЕСТВУЕТ ЛИ АЛЬТЕРНАТИВА
ЭКОНОМИЧЕСКОМУ КУРСУ КОМАНДЫ
ГЕРМАНА ГРЕФА?**

МАТЕРИАЛЫ «КРУГЛОГО СТОЛА»
(Полный текст стенограммы)

Москва

**Вступительное слово ведущего «Круглого стола»
доктора философских наук А. С. Ципко**

Предметом нашего исследования снова является главный парадокс новой российской жизни, который мы подробно описали в предшествующих «КС», посвященных промышленной политике, которая, как мы выяснили, отсутствует, и природной ренте, которая, как мы выяснили, власти не нужна.

С одной стороны, у нас, как у всех цивилизованных народов, есть министерство экономического развития со всеми представительскими для страны и мира регалиями, но с другой – оно, как мы выяснили, полагает, что главный смысл его существования состоит в том, чтобы ничего не делать, чтобы максимально освободить государство от ответственности за состояние занятости, за состояние производства, за достаток и доходы граждан.

Эти люди, ответственные за выработку курса, говорят нам, что они природную ренту у нефтяников не берут, ибо не знают, куда девать деньги, ибо вообще наша промышленность не способна принять деньги, а тем более их отдать. Они говорят, что «любая государственная активность порочна», что не надо мешать механизму рыночного регулирования делать свое дело. Они, в конце концов, говорят, что какая-либо осознанная государственная деятельность, государственная промышленная политика по природе невозможны, ибо, как они говорят, «у нас нет государства», у нас любые государственные инвестиции разворуют или используют не по назначению. Как-то после окончания передачи о монетизации, когда нам снимали грим, один из руководителей, самых умных и компетентных руководителей нашего правительства, сказал мне в сердцах: «Вы же неглупый человек, неужели вы не понимаете, что у нас государство уже разучилось что-то само строить. Если строительством дорог занимается частная фирма, то разворачивается 30% инвестиций. Если их строит государство, то уйдет в чужие карманы в два раза больше».

Вот такая ситуация. Формально существует государство Россия. Формально существует правительство, министерство экономического развития, которое призвано оказывать позитивное влияние на национальное производство. Но на самом деле, как говорят представители этого правительства, «государства у нас нет». Но зачем нам государственные чиновники, которые сами говорят, что их нет, что ничем созидательным они заниматься не могут и, самое главное, не должны? Правда, при всем этом люди, которые говорят, что государственная активность в экономике есть зло, ходят на службу, получают все блага, которые полагаются чиновникам. Но при этом они говорят, что деградация машиностроения, обрабатывающей промышленности – это не их дело, что надвигающаяся не по дням, а по часам угроза гибели авиапрома, автопрома – это не их дело, не их дело и тот факт, что базовая инфраструктура изношена, что существуют острейшие проблемы с занятостью в депрессивных регионах. И для того чтобы вызвать у людей негативное отношение к какой-либо целенаправленной, созидательной деятельности государства, они придумали слово «патернализм». Помните, как в свое время для того, чтобы убить СССР, наши демократы вспомнили слово «империя» и внушили людям, что якобы «время империи прошло». Теперь, чтобы ле-

гализовать свою полную профессиональную и, прежде всего, моральную, гражданскую несостоятельность, они пытаются вызвать у нас с помощью слова «патернализм» отвращение к какой-либо промышленной и социальной политике.

Можно сказать, что эти люди больны умом и душой, что выученный ими десять или, как утверждает Сорос, четырнадцать лет назад школярский либерализм лишил их здравого смысла. Эти люди, которые считают себя западниками и зовут нас на Запад, не видят, что на наших глазах, благодаря «патернализму» Франции, Германии и, прежде всего, благодаря «патернализму» Ширака, европейский «аэробус» потеснил американский «боинг» на второе место, не видят, что старая Европа вкладывает на государственном уровне громадные деньги в развитие высоких технологий. Эти люди говорят нам, что любая промышленная политика со стороны государства есть рецидив «советской системы».

В любых нормальных странах чиновники на то и существуют, чтобы усиливать, поднимать государство, когда «его нет» или когда оно слабо. А у нас особые, уникальные государственные чиновники или министры: они пытаются выдать нашу болезнь, наш абсурд, наше состояние, когда «государства нет», за норму. В результате получается, что импотенция нашего государства есть благо, есть прогресс на пути преодоления «советского патернализма». По этой логике полный хаос в экономике, ее полный распад будет вершиной либерального развития.

Риску утверждать, что либеральный догматизм – это такая же клиника, как и марксистский догматизм. Эти люди сегодня верят в сплотительную и созидательную роль рыночного механизма, как их отцы верили в саморазвитие так называемых социалистических производственных отношений. А где гарантия, что наш рыночный механизм начнет работать раньше, чем окончательно разрушится доставшаяся нам в наследство от СССР инфраструктура, чем разрушится система обеспечения жизни в нашей стране?

Понятно, что никакой гарантии нет. Пока что наши экономические реформы только ускорили распространение нищеты, деградацию системы образования, здравоохранения, культуры и злополучного ЖКХ, ускорили полную закупорку вертикальной мобильности. Нет абсолютно никаких гарантий, что иностранцы начнут вкладывать деньги в нашу энергосистему и создавать генерирующие мощности взамен устаревших.

Иногда, когда я слушаю пересказ Германом Грефом философии рыночного хозяйства, к примеру, его слова о том, что задача государства состоит не в том, чтобы самому создавать производство, а в том, чтобы создавать рамочные, институциональные условия для бизнеса, занимающегося производством, то у меня складывается впечатление, что наш министр не всегда чувствует полное и, прежде всего, социальное содержание производимых им понятий.

Он не видит, что рамочные условия – это не только ликвидация чиновничьих барьеров, но и здоровые, образованные, квалифицированные люди, работники, могущие быть вовлеченными в производство, это дороги, транспорт, жилье. Ведь сам по себе крупный бизнес не может решить эти общенациональные задачи, т.е. создать всю инфраструктуру общественной жизни, в рамках которой вырастает и живет полноценный работник.

Без патернализма со стороны государства над всей инфраструктурой жизни не возможен никакой бизнес.

И здесь возникает главный вопрос, выносимый на обсуждение. Что делать? Ведь это безумие не может долго продолжаться. С одной стороны, накапливаются громадные валютные резервы, расширяются финансовые условия для модернизации, интенсификации производства, но с другой – наше министерство экономического развития умывает руки, и тем самым ускоряется деградация инфраструктуры, сельского хозяйства, животноводства, машиностроения, легкой промышленности.

Ведь все это опасно не только с экономической, но и с политической точки зрения.

Люди видят, что государство при всех своих доходах бездействует, что у него, на самом деле, нет зримой, внятной стратегии развития экономики, развития всей страны. Ведь очевидно, на мой взгляд, что нельзя сохранить политическую стабильность в стране, поддерживая борьбу господина Грефа с так называемым «патернализмом».

Нельзя не видеть, что так называемый «либеральный курс» при всей своей очевидной абсурдности не может пользоваться поддержкой населения. С одной стороны, мы говорим, что не можем заниматься модернизацией экономики, пока в страну не придут инвесторы, а с другой – в это же время инвестируем громадные деньги в экономику США, помогаем этой стране сокращать дефицит во внешней торговле. Надо понимать, что кричащий абсурд нынешнего экономического курса видят все, вплоть до домохозяек.

Вся эта история с аварией энергосистемы Москвы показала, что ни у руководителя РАО «ЕЭС России», ни у его заместителей и соратников, объединенных общей либеральной верой, нет предметного, зримого образа того, чем они руководят. За всеми этими разговорами о необходимости либерализации РАО «ЕЭС России» кроется очевидный дефицит профессиональных знаний, дефицит здравого смысла.

Конечно, мы не в состоянии повлиять на умонастроения людей, которые, как мне кажется, во многих отношениях уже являются невменяемыми людьми. Но у нас есть возможность, используя газету, показать еще раз общественности, что за нынешним либеральным курсом ничего не стоит, кроме веры в чудо и идейного фанатизма.

Используя знания и наработки приглашенных на «КС» специалистов, мы должны показать, что на самом деле альтернатива политике ничего неделания существует. Самое главное, мы должны еще раз обратить внимание на реальные приоритеты экономического развития России.

А. Д. Некипелов, вице-президент РАН, директор Московской школы экономики МГУ имени М.В. Ломоносова. С моей точки зрения, сегодня о правительстве нельзя говорить как о единой команде. В нем имеются, по крайней мере, две группы, причем их идейные позиции расходятся очень серьезно. Но верно и то, что реальную политику пока продолжают определять руководители так называемого «финансово-экономического блока» правительства. Сущность подхода, реализуемого либеральным крылом исполнительной власти, сводится к упору на реформирование хозяйственных институтов при минимизации государственного участия

в регулировании экономических процессов и поддержании макроэкономического равновесия.

В общем плане с необходимостью совершенствования экономических институтов трудно спорить. В 1990-х годах я сам активно отстаивал тезис о квазирыночном характере российской экономики и отмечал нелепость ее регулирования исключительно методами стандартной монетарной и фискальной политики. И хотя с тех пор многое изменилось, тем не менее произошедший в исполнительной власти сдвиг в сторону институциональных проблем считаю вполне оправданным. Другое дело – содержание предлагаемых реформ: здесь явно есть о чем поспорить. Убежден, что главная проблема при этом связана не с приверженностью либеральной идеологии, а с примитивизацией сути многих проблем, наивной верой в то, что все они имеют так называемые «простые решения».

(Данное выступление легло в основу статьи «Дорога в будущее», публикуемой в этом же номере журнала)

М. Г. Делягин, *председатель президиума – научный руководитель Института проблем глобализации, д-р экон. наук.* Вопрос, который мы сейчас обсуждаем, кажется мне странным. Было написано бесчисленное множество программ, альтернативных либеральному фундаментализму. Можно спорить об адекватности некоторых из них, но в целом они были вполне разумны. Более того, в данном вопросе не надо ничего придумывать, все развитые страны на нашем сегодняшнем уровне развития проводили примерно одинаковую, категорически нелиберальную политику с очень существенным участием государства в экономике. Именно благодаря этой политике они и стали развитыми, именно благодаря ей их представители получили возможность учить нас либерализму.

Поэтому альтернатива была, есть и, пока в России останется здравый смысл, будет. Почему она столь последовательно игнорируется государством? Почему задачи развития и простого сбережения России чужды государству?

Потому что оно сформировалось как механизм разграбления нашей страны, воспринимаемой как трофейная территория, в интересах частных лиц, хранящих награбленное за ее пределами. И ситуация по сравнению с началом 1990-х, несмотря на смену лиц, лозунгов и механизмов, принципиально не изменилась.

Более того, она кардинально ухудшилась, ибо за последние пять лет правящая бюрократия окончательно освободилась от всякого контроля со стороны общества.

И говорить только об одних либеральных фундаменталистах – Грефе, Кудрине, Зурабове, Козаке, Игнатьеве, Христенко и иже с ними – по меньшей мере неблагородно, ибо они вот уже пять лет существуют не сами по себе, а как фасад и прикрытие более существенного и масштабного явления – силовой олигархии.

Старая коммерческая олигархия давно уже подчинена людям, которые используют для личного обогащения контроль за силовыми структурами государства. Эти новые олигархии превратили грабеж бизнеса и насилие над населением в основной образ действия российского государства. Дошло до того, что даже президент Путин в своем послании вынужден при-

знать, что люди так боятся милиции, что при виде милиционера переходят на другую сторону улицы. Деятельность налоговых органов напоминает терроризм, а государство практически прекратило регистрацию актов гражданского оборота, которые не приносят чиновникам слишком высоких взяток.

Либеральные фундаменталисты реализуют свои догмы: отбирают деньги у населения и отдают их бизнесу, у которого их, в свою очередь, забирают силовые олигархи.

В этом государстве, в этой экономической модели говорить о нормальной экономике, стандартных экономических закономерностях – верх то ли близорукости, то ли цинизма.

Вот когда повторится ситуация 1996 года, и либеральные фундаменталисты, опираясь на разъяренных бизнесменов, «зачистят» силовую олигархию, тогда они станут главным врагом России, главным тормозом, блокирующим ее развитие. Но сейчас они образуют единое, хотя и раздираемое внутренними противоречиями, целое с силовыми олигархами, и изучать нужно существующее целое, а не его части.

Подчеркиваю: проводимая последние 15 лет экономическая политика абсолютно логична и высоко эффективна. Проблема не в реализации, а в мотивации, в выборе цели.

А это – политическая проблема, для исправления которой нужно изменение политического режима, придание государству адекватности, т.е. ответственности перед обществом. И мы к этому придем, так как нынешнее государство всеми своими конечностями, лапами как либеральных фундаменталистов, так и силовых олигархов роет себе могилу, торит дорогу России к глубокому системному кризису.

Наша задача как относительно способных к интеллектуальной деятельности людей – способствовать выживанию России в этом кризисе, сохранению страны и формированию ответственного перед обществом государства. Будет эта ответственность – не по-хорошему, через демократию, а по-плохому, через страх, ибо дебилизация и разложение общества, как мы видим, зашли слишком далеко, – будет и возможность модернизации, будет и разумная социально-экономическая политика.

Но она не может быть дарована с неба, ибо президент Путин – не бог, не царь и, к сожалению, не герой, а плоть от плоти нынешнего государства, во многом отстроенного им в соответствии с его мотивациями. Все, что он мог, и все, что он хотел, он уже сделал.

В этом отношении ссылки на его очередные пропагандистские заявления так же смешны и нелепы, как указания на плодотворность диалога силовой олигархии с ограбляемым ею бизнесом, а либеральных фундаменталистов – с уничтожаемым ими населением. Такого рода диалог напоминает диалог волков с кроликами и может восприниматься лишь в виде своего рода закуски.

Поэтому время упований на гражданское общество, на игру в термины, на международные сопоставления, на просвещенное начальство и прочие благоглупости под видом аналитики закончилось. Как здесь было абсолютно верно указано, пришло время политических решений. В условиях агрессивной и неизлечимой неадекватности государства это означает – пришло время революции.

Я помню и знаю, что это такое. Хуже революции – только война и то не всякая. Но наше государство, как и сто лет назад, не оставляет России иного пути.

Поэтому разумная социально-экономическая политика, модернизация экономики и даже, не к ночи будет помянуто, удвоение ВВП – все это будет, но только не в результате наших умных разговоров, а в результате политической модернизации, т.е. революции, которая, если мы в ней выживем, обеспечит главное – ответственность государства перед обществом.

А. С. Ципко. В том-то и дело, что нет абсолютно никаких гарантий, что после новой «политической революции» Россия выживет. Надо отдавать себе отчет, что организующей и направляющей силой новой, очередной русской революции являются люди и политики, не заинтересованные в выживании в России. И Борис Березовский, и Михаил Ходорковский, и все те, кто их сегодня обслуживает, обозлены, ими движет только чувство мести, расправы и больше ничего. Если реванш либеральной элиты произойдет, то она просто до последнего камня размонтирует здание исторической России. И доделает до конца дело, начатое в декабре 1991 года. На мой взгляд, для России сегодня, при нынешнем соотношении политических сил выгоднее, застойная стабилизация команды Путина, чем политическая революция, организованная Борисом Березовским. Застойная стабильность – все же жизнь. Новая политическая революция – смерть.

И. Е. Дискин, *сопредседатель Совета по национальной стратегии, д-р экон. наук.* Та команда, которую я здесь представляю, высказала достаточно развернуто свою позицию в докладе «Государство и бизнес: союз на национальную модернизацию» (www.strategie.ru). Он ставил перед собой задачу показать, что альтернатива программе Германа Грефа существует, изложить принципы альтернативной политики, направленной на стимулирование экономического роста и позитивных структурных сдвигов.

Да, много говорится о том, что сегодня проводится линия либерального фундаментализма, но при этом упускаются некие политэкономические обстоятельства. Какие?

Первое. Много говорится о том, что, наконец-то, вместо макроэкономической стабилизации упор в среднесрочной программе сделан на институциональные преобразования. Давайте поймем природу этих преобразований. Она – двоякая. Это импорт институтов, заимствование неких моделей, которые якобы существуют на Западе, а на деле это импорт страниц из учебников, да еще из тех, которые не являются наиболее употребимыми. Александр Дмитриевич говорил о недостатках подхода, согласно которому граждане сами выбирали бы то, что они будут потреблять. На этом строится бюджетная реформа, перестраивание финансирования под конечные показатели. Но это даже не догматизм, это – мифотворчество.

Зададимся вопросом, почему на Западе в тех странах, которые хорошо и эффективно работают, существуют нерыночные секторы? Потому что в этих странах хорошо известно, что существуют «провалы рынка», секторы, где рынок работает не очень хорошо. Частично Александр Дмитриевич об этом уже говорил. Одна из причин существования секторов с ограниченно-

стью рыночных подходов состоит в том, что люди, как показывает практика, недостаточно рациональны. Общество, сознавая это, вынуждено создавать компенсаторы и ограничения, чтобы эта ограниченная рациональность не привела к масштабным социальным последствиям (наркомании, детскому алкоголизму, табакокурению). Это – большая фундаментальная проблема.

Почему такая либеральная страна, как Соединенные Штаты Америки, активно вела борьбу за сухой закон, почему вводятся жесткие ограничения на распространение азартных игр и почему там ведется абсолютно нелиберальная борьба с курением, жесткая до такой степени, что курящие люди, которые приезжают в США, чувствуют себя в некотором тоталитарном обществе? Потому что есть осознание того, что человек слаб, легко поддается искушениям. Как поется в известном русском романсе, «не искушай меня без нужды». Это хорошо понятно и широко используется в экономической практике тех стран, которые не находятся под магией либерального мифотворчества.

В теории и в практике хорошо известна проблема между текущим потреблением и заботой о собственном будущем, будущем своих детей. На этом построено потребительское кредитование: лучше расплатиться потом, чем ждать, пока накопятся необходимые деньги. И все люди знают, что они переплачивают, но тем не менее предпочитают сегодня ездить, пользоваться техникой и т.п. А у нас предполагается, что здравоохранение, образование будут построены на том, что люди настолько рациональны, что выстроят оптимальную структуру затрат. Есть огромная опасность, что часть людей, испытывающих нужду, сильно сократят расходы на лечение, образование. В результате произойдет гигантская дифференциация по уровню образования в стране, потому что есть родители, которые очень серьезно думают о будущем детей, и те, которые не очень думают. Для того и существует государственная политика в области образования и здравоохранения, чтобы снизить предвидимые негативные последствия.

Мы упрекаем команду Грефа в незнании реальности. Но ведь логика следования доктринерским рецептам книжного либерализма как раз и не требует знания реальности. Наоборот, она требует глубокого игнорирования ее, потому что вникание в подробности жизни сильно препятствует проталкиванию сверху таких моделей. Но как-то не очень говорится о том, что это – авторитарное мышление, что такой тип реформ – всегда запрос на авторитаризм, что к демократии такая логика не имеет никакого отношения. Это – абсолютно антидемократическая логика мышления, логика, которая не учитывает не только реалии жизни, но и мнение людей. Давайте посмотрим, какая часть населения поддерживает этот экономический курс? Абсолютное меньшинство, но тем не менее он проводится. Как называется такая политическая система, деятельность которой сильно расходится со взглядами населения? Уж точно не демократическая. Это – авторитарная логика.

Важно указать на способ реализации авторитарной политики. Сегодня она проводится методами медиакратии. Важно отметить, что разрыв между экономическим курсом и взглядами населения должен иметь политэкономическую поддержку. Раньше этот разрыв поддерживали интересы не только группировки «либеральных экономистов», но и той группировки, которая являлась потребителем такого курса. На предыдущем этапе распределение собственности, манипуляция бюджетными финансами были основными ис-

точниками формирования крупных состояний в России. Почему, на мой взгляд, сегодня возможна альтернатива такому курсу? Потому что изменилось соотношение политэкономических сил. Мы в докладе сформулировали, что после того, как крупный бизнес, его верхушка были убраны из активной политической игры, произошла перекомпозиция интересов. Сегодня основные деньги делаются на основной производственно-экономической деятельности. Там формируются основные доходы. Это – первое.

Второе. Складывается серьезное осознание общности основных экономических интересов крупного бизнеса – и бывшего олигархического, и неолигархического – и среднего бизнеса. Появляется все более осознанный запрос на государство, только предложения нет. И линия, которую проводит Греф, не только не выдвигает проблему строительства, становления государства как активного игрока в институциональной системе, но блокирует это появление, потому что последовательно отрезаются те ролевые ниши, где государство могло бы играть серьезную роль. Посмотрите: отрезается идея экономических приоритетов – структурная политика, в которой традиционно во всем мире государство играет существенную роль. Мы специально собрали на эту тему бездну материалов по Соединенным Штатам, Европе и т.д., Здесь уже упоминалось об экономической политике. Это отрезается.

Определение стратегических долгосрочных социально-экономических приоритетов – отрезается, так как предполагается, что рынок это будет сам реализовывать. Главная претензия к среднесрочной программе – она закрывает место для строительства государства. Сегодня значительная часть бизнеса и значительная часть населения, активная его часть, то, что мы называем новой Россией, сформировали запрос на государство. Вся же практическая экономическая политика стоит на том, чтобы такое предложение даже и не возникало.

А. С. Ципко. Не означает ли это, что в России мы имеем дело с либеральным догматизмом особого рода? Да, классическая либеральная доктрина говорит, что вмешательство государства в экономику есть зло. Но классический либерализм не говорит, что государство само по себе есть зло, что лучше иметь слабое государство, чем сильное. Любой нормальный либерал понимает, что сильное государство, основанное на корпоративной, социальной дисциплине, является предпосылкой, фундаментом рыночной экономики. У нас в России школьный, вычитанный из учебников, экономический либерализм накладывается на традиционное, интеллектуальное «государственное отщепенство». И совсем не случайно у нас все реформаторы являются членами СПС, членами партии, которая во главу угла своей деятельности ставила борьбу с «русским государственнымством» или с «русской державностью». Вот почему, на мой взгляд, люди, которые сегодня курируют экономический блок правительства, не делают ничего для реализации, как ты говоришь, «запроса на государство». Обратите внимание, заместитель Чубайса по РАО «ЕЭС России» Дмитриев даже аварию в Москве использовал для критики «имперских амбиций» России.

И. Е. Дискин. Если запрос на государство не будет реализован, нас ожидает цивилизационный крах России. Почему? Позавчерашняя многоот-

раслевая структура экономики создавала большой запрос на большое число образованных людей по широкому кругу специальностей и поддерживала высокий статус образования и культуры. Если экономика начнет «схлопываться», станет моноотраслевой, то такого спроса не будет, и России придется распрощаться с высоким статусом образования и культуры. Это, вообще говоря, другая цивилизация, и надо понимать, что «лежит» на весах. Нужно понимать, что выбор-то состоит не между темпами экономического роста и структурными сдвигами, с одной стороны, и «невмешательством государства» – с другой. Речь, собственно, о судьбе России, такой, какой она себя привыкла видеть – высокообразованной, культурной, значимой в культурном и цивилизационном плане для всего остального мира. Если не изменить экономическую политику, со всем этим придется прощаться.

А. С. Ципко. Но все это подтверждает то, что я говорил. Осуществлять реформу должны люди, включенные в национальный, исторический контекст. Если нет понимания сущности страны, которую ты реформируешь, то ничего не получится.

И. Е. Дискин. Но это все стенания. А что же делать? На чем довольны сильно спекулируют сторонники «либеральной», а на деле авторитарной линии? Они говорят: «Как только мы откажемся от чисто рыночных институтов, в этот момент разворуют все». Кстати сказать, одним из примеров такой лицемерной политики – это когда один из министров показывает, что те же люди, которые, с одной стороны, выступают за сохранение российской науки, за повышение роли государства, с другой стороны – вполне пользуются плодами того, что государство слабое и плохо управляет своей собственностью. Есть такой пример? Да есть! Достаточно зайти в любой академический институт и посчитать, сколько этажей в нем занято наукой, а сколько, в силу естественной жизненной необходимости, занято площадями, сдаваемыми в аренду. И это сильный аргумент против изменения сегодняшней экономической политики.

Но лицемерие данного аргумента состоит в том, что все это возникло не само по себе, а в результате того, что государство одномоментно разорвало столетиями формировавшийся контракт между образованной частью общества и своими социальными обязательствами. Есть замкнутый круг взаимных обвинений и спекуляций, и пока в стране не начнется серьезный национальный диалог, в ходе которого все гнояники не будут вскрыты, победить курс Грефа невозможно. Он всегда будет спекулировать на том, что у нас сегодня нет государства. Но при этом он своей политикой не дает ему и вырасти. Идет постоянная спекуляция на том, что у нас нет государства. Почти за каждым правительственным решением можно легко увидеть, какая лоббистская группа его продиктовала. Если такой группы нет, то вообще ничего не реализуется. Яркий пример: нет никакой влиятельной группы, заинтересованной в том, чтобы опять заработал Российский фонд технологического развития. И девять месяцев фонд не работает. И при этом люди «на голубом глазу» продолжают говорить о том, что стране жизненно необходима экономика знаний, нужны высокие технологии. Единственный государственный институт, который реально поддерживал высокие технологии, эту экономику знаний, девять месяцев не работает. Это конкретный пример

круговой поруки лицемерия, которая, на мой взгляд, в значительной мере блокирует формирование дееспособного государства.

Сегодня необходимо говорить о том, что-либо возникнет национальный диалог в стране, который укажет, что надо возвращать государство практически заново, либо гниение остатков государственного правления. Бизнес скажет: лучше порядок, который установят олигархи, чем никакого. И все же должен сказать, что некоторая надежда на это в последнем послании президента появилась. Были сказаны вещи, которые я готов всесторонне поддерживать. Но когда сегодня умудренные опытом государственные мужи говорят, что нет веры в то, что это будет реализовано, я тоже готов к этому присоединиться.

Поэтому мы предлагаем стратегию, которая бы постепенно и формировала государство, и меняла экономический курс. Невозможно же остановить жизнь и сказать, что давайте мы восстановим государство, а до этого момента ничего делать не будем. Поэтому мы предложили стратегию, которая на первых этапах будет реализовывать меры, требующие политического решения, политической воли относительно небольшой группы людей и не требующие сложных институциональных мер. А одновременно, параллельно с этим, формировать новые, более действенные институты.

Вот пример таких мер: «пополнение среднего класса». Все знают, как выстроена структура потребления. У нас двугорбое распределение доходов, есть огромная часть населения, которая живет на очень скромные доходы, а в частном секторе – совершенно другая кривая распределения. И необходимо создать единую структуру распределения доходов. Мы настаиваем, что сегодня нужно резко повысить зарплату, но не вообще всем бюджетникам – на это просто нет денег, а ученым, преподавателям высшей школы и среднему офицерству. Мы просто не доживем до новой экономики, если сохраним существующее положение работников высшей школы и науки. К тому времени, когда появится реальный спрос на их деятельность, там просто никого уже не останется. И, кстати, все понимают, что это неинфляционные меры. В той структуре потребления, которая возникнет в результате повышения зарплат, вырастет спрос на качественное продовольствие, а там достаточно конкурентоспособная среда и цены не вырастут. Улучшится оплата ЖКХ – там проблемы с инфляцией нет. Наконец, появится возможность спроса на жилье и т.д. Вряд ли это будет сильный инфляционный удар, но это будет реальная поддержка другого социально-политического курса и поддержка политической стабильности. Люди будут понимать, что о них реально заботятся. Я, между прочим, назвал те социальные круги, где недовольство политикой наиболее сильное. Российская интеллигенция, как известно, традиционная питательная среда для всех антигосударственных переворотов.

Следующее. У нас имеются огромные золотовалютные резервы. Согласен, что нельзя менять их целевое назначение. Но кто же мешает предоставить небольшую часть этих средств в качестве связанных кредитов иностранным государствам и таким образом резко повысить спрос на российское машиностроение, строительные услуги. Если ЦБ в условиях кризиса потребует вернуть эти деньги, то всегда можно кредиты перезаложить, продать, наконец. А потребители есть. Например, Вьетнам – вполне

рыночная страна, они хорошие заемщики и у них есть спрос на российскую технику, на российские инфраструктурные проекты. Мы говорим только о тех, кто является хорошим заемщиком. Индия – там 120-миллиардный план развития инфраструктуры, она тоже была бы заинтересована взять кредит. Вдумайтесь в эту цифру – 120 миллиардов за пять лет. Эксперты считают, что Россия вполне могла бы рассчитывать на очень большие суммы. Но Россия ничего не получила, потому что никто этим не занят. А, между прочим, это стимулирование тех самых структурных сдвигов, которые нам необходимы, это спрос на российское машиностроение, а не на сырье.

Национальные инфраструктурные проекты. Когда мы говорим о сырьевой зависимости России, здесь тоже есть некая мифология. Сырьевой экспорт – это не только природная рента, это косвенный экспорт продукции отечественной промышленности (металл, трубы, буровые установки, трактора и т.п.). Сегодня появился тревожный симптом. В издержках нефтяной и газовой промышленности начал быстро расти импорт. Раньше его было намного меньше, отрасли были генераторами спроса на российскую промышленную продукцию. Одним из приоритетов российской политики должно быть использование развития сырьевого сектора и сектора первого передела в качестве генераторов спроса на российскую машиностроительную, строительную и другую продукцию, чтобы таким образом были запущены структурные сдвиги.

Ответ на вопрос о том, существует ли альтернатива политике команды Грефа, на мой взгляд, очень простой. Для ответа на него нужно еще понимать, что такая политика выдвигается не случайно. Политика приватизации обеспечивала передачу власти и собственности кругам, социально близким тогдашнему руководству страны. Точно также и сегодня экономическая политика является важным средством идеологического подпитывания либеральных кругов. Если будет сменена экономическая политика, то политическая роль либеральных кругов станет просто ничтожной.

А. С. Ципко. Все это говорит о том, что нынешний либеральный курс имеет еще более сложную природу, чем я предполагал. Российские дореволюционные интеллигенты были антигосударственниками, были анархистами сами по себе, вне геополитики. По крайней мере, никто из них сознательно не проводил чужие интересы на российском политическом поле. Сегодня, как выясняется, российское интеллигентское «государственное отщепенство» находится на службе наших стратегических конкурентов, на службе тех, кому не нужна суверенная Россия.

И. Е. Дискин. Такой либеральный курс может быть проведен только авторитарными методами. И я уже в других своих работах говорил, что такая логика традиционна для российской модернизации, она такая была всегда. Единственная попытка сойти с этого курса была в начале перестройки, это была попытка вести как бы диалог с обществом. Но проблема еще состоит в том, что сегодня этот курс идет в разрез с интересами основной части бизнеса. Это я бы хотел подчеркнуть.

Р. С. Гринберг, директор Института экономики РАН, д-р экон. наук, профессор. Прежде всего, я хотел бы в тезисном порядке дать оценку

процессам, о которых пока не говорилось. По-моему, следует говорить о проблемах современного состояния нашего общества, охарактеризовать промежуточные итоги отечественной трансформации и показать, как она может протекать в обозримой перспективе.

В этой связи не могу не сказать, что вокруг этих вопросов сформировалась уже целая мифология. Причем она весьма живуча, главным образом, в сознании тех людей, которые сами стали жертвами перемен. Эти люди, как ни странно, считают, что проводить реформы по-другому в то время было никак нельзя, что все развивается в логике перемен и поэтому следует потуже затягивать пояса. Нельзя не заметить, что многие с пониманием относятся к этой дикой, иначе ее не назовешь, политике.

Что эта политика представляет из себя, на чем она основывается? Казалось бы, об этом много сказано и написано. И все же имеет смысл вновь обратить внимание на мировоззренческую природу политики реформ, как, впрочем, и экономической политики в целом, поскольку, как мне кажется, актуальность данного вопроса несколько не уменьшилась. Я имею в виду ярко выраженную склонность определенной части нашего общества, прежде всего интеллигенции, т.е. людей, формирующих общественное сознание, к «магическому» мышлению, которое представляет собой, как я считаю, смесь неоправданных надежд – иллюзий и распространенных заблуждений – мифов.

В первую очередь, среди иллюзий я отметил бы принятие в качестве руководства к действию текущих мировоззренческих императивов Запада. У нас они практически тут же становятся императивами России. Происходит бездумная абсолютизация универсальных закономерностей. И снова давайте припомним нашу историю – ведь это уже было, это мы уже проходили в бурной жизни страны на рубеже 1980–90-х годов XX века. Да что там говорить, это же было и у нас в Институте. Резоны о том, что надо учитывать наши реалии, были в то время в моде. Как тогда говорилось: есть, мол, универсальные закономерности, которые действуют и в США, и в Швейцарии. А то, что есть, например, Индия – и там может быть по-другому, это никого не интересовало. Как же – ведь мы «не какая-нибудь Индия»? Почему-то считалось, что мы на пути в первый мир и скоро пополним «золотой миллиард». А о том, что можно оказаться в третьем мире, кто-нибудь тогда задумывался? Напротив, такие рассуждения в то время вызвали болезненную реакцию не только в нашей стране, но и в странах-первопроходцах реформ – Венгрии и Польше.

Любопытно припомнить сейчас разговоры 20-летней давности. Романтики-шестидесятники, которых так не любит И. Дискин и которые лично мне так симпатичны, потому что их идеи породили нашу перестройку, немало порассуждали на данную тему. Например, А. Инотаи из Венгрии, многие польские экономисты были единодушны во мнении: в России, говорили они, переход от социализма к демократическому обществу произойдет легче, чем в Латинской Америке, где все время что и делают, так это переходят к хорошему, цивилизованному капитализму. Более легкий путь для постсоциалистических стран и для России, как они считали, обеспечен высоким уровнем культуры, образования и науки.

И что же? Все это было предано забвению, оказалось никому не нужным. Победила концепция Милтона Фридмана, который рассуждал при-

мерно так: у вас в России много чего интересного – и Большой театр, и ракеты, и наука. Но вам не следует ориентироваться на западные социальные стандарты. У вас, мол, и так вся социальная сфера слишком развита, даже переразвита, а с переходом к рынку вся эта система рухнет. Поэтому России лучше ориентироваться на Сингапур. То есть, если с позиций сегодняшнего дня дать оценку этим рассуждениям, мы найдем удивительное единство во взглядах на данную проблему и у западных неолибералов, и у российских министров финансов, и у советских госплановцев, которые всегда считали, что всякая там «социалка» – сфера сомнительных изживденцев, аппетиты которых надо всячески ограничивать.

А. С. Ципко. Извини, я тебя перебыю. Но не могу удержаться от комментария. Необходимо помнить, что утилитарный подход к наследию российской культуры, к знаковым ценностям российской культуры был характерен и для большевиков, особенно для Ленина. Он, как известно, в 1921 году хотел закрыть Большой театр, ибо балеты и оперы, которые он не любил, с его точки зрения, не приносили ни идеологической, ни экономической пользы.

Р. С. Гринберг. Продолжу разговор об иллюзиях. Если бы «модные» западные мировоззренческие императивы были реализованы на Западе, но ведь и это не так. Здесь ведется много дискуссий, и ведутся они по-разному. Но реализуются те или иные идеи исключительно по прагматическим соображениям.

А что в нашей стране? У нас получилось так, что все идеи любых направлений оказались дискредитированными. При этом демократы дискредитировали демократию, рыночники – рынок, либералы – либерализм. Боюсь, что это надолго. Особенно опасно, что эти идеи сильно дискредитированы в общественном сознании.

Теперь еще об одной иллюзии: якобы высокая скорость перемен – залог их необратимости. Напомню, как рассуждали тогда реформаторы: переход к реформам, это значит неизбежные трудности в обществе, а в условиях демократии – еще и протестное голосование, возможность возвращения к власти коммунистов и пр. У реформаторов «первого призыва» такие рассуждения довольно долго были в ходу, и только сейчас они несколько поутихли. Точно таким же был подход и к экономическим реформам. В этой связи хочу напомнить, что тогда А. Некипелов, да и я – мы предлагали, грубо говоря, не суетиться, осмотреться. Например, применительно к внешнеэкономической либерализации речь шла о том, чтобы ввести систему регрессивного протекционизма. Несколько упрощая, мы предлагали начинать переход к рынку в рамках такой модели: если мы в России, скажем, производим трусы, то нельзя забывать, что такую же продукцию выпускают и Китай, и Индия, и Турция. Товары начинают конкурировать, и не факт, что отечественная продукция будет предпочтительнее. В этом случае государство идет навстречу своему производителю и вводит постепенно убывающую пошлину на зарубежную продукцию: в этом году – 100%, в следующем – 80%, потом 60% и т.д. У нашего производителя появилось бы время для адаптации к суровым реалиям рынка. Кстати, в этом предложении нет каких-либо революци-

онных моментов, так делали во многих странах и до нас. Но, увы, все предложения такого рода были полностью проигнорированы.

Еще одна, третья иллюзия – о взаимоотношениях с мировым хозяйством. Это любопытная история, сложившаяся, как мне кажется, еще в годы перестроечного романтизма, время благодатных отношений с Западом и тогдашними его лидерами. Опять же напомним газетные клише того времени: «общеевропейский дом», «конец “холодной войны”», «все мы друзья и братья» и пр. Эта иллюзия, между прочим, активно поддерживалась и за рубежом. Нельзя не подивиться наивности, если, конечно, это было наивностью, рассуждений: ну что, ребята, у кого что хорошо получается, тот пусть то и производит. В России – нефть, газ, металл, а остальное сделают другие. Тогда такие разговоры велись на полном серьезе. Казалось, что такое явление как национальные интересы вот-вот утратит свой смысл.

Теперь о мифах. Во-первых, это стойкое представление, что в современном мире благоденствуют нации, которым удалось свести государственное участие в экономике до минимума. Иными словами, счастье у тех, у кого максимально минимальна роль государства. Эта идея, кстати, нигде и никак не подтверждается: ни данными статистики, ни теоретически.

Второй миф, по-моему, самый опасный и живучий, о котором немного говорил И. Дискин. Речь идет о якобы объективной закономерности тезиса об органической слабости государства в период перемен. Из этого тезиса делается практический вывод о том, что вмешательство государства в экономику должно быть еще более ограниченным, чем в зрелых рыночных экономиках. Повторяю, это опасная, если не сказать, жуткая идея, которая, увы, неплохо прижилась в нашей стране, что очень печально.

А. Д. Некипелов. А она точная, потому что это самореализующееся пророчество.

И. Е. Дискин. Нет, разрушали государство со вполне ясными интересами и прилагаются огромные силы для того, чтобы не дать ни одного шанса на его подлинное восстановление.

Р. С. Гринберг. Несть числа мифам, которые мы сами и создаем. Как-то сложилось мнение, что социализм – общество, которое нужно строить, а капитализм – надо только разрешить, а дальше все пойдет автоматически. На этот миф нацелены все примеры; немало здесь и выдумки. Тем не менее в ходу по-прежнему рассуждения о том, что везде развитой мир стремится сократить государственные расходы, что Запад страдает от пересоциализации и пр. Эти же теоретики нашу власть хвалят – за что? За то, что мы начинаем с чистого листа, не повторяем чужих ошибок. А что у нас остается в «сухом остатке»?

Да, теория органической слабости государства в условиях системной трансформации реализована в России в чистом виде: государство основательно разрушено, не было даже и попытки его реформировать, как, допустим, в Польше. Более того, плачевные итоги по обыкновению попытались свалить на либералов, сопровождая все это бесконечными разговорами о нашей неспособности что-либо созидать и т.п.

Что такое слабое государство? Вот самый свежий пример – мои наблюдения во время поездки в Елабугу. Довелось посещать заводы, где

работают инвалиды, которых лишили всех льгот. А ведь исходили якобы из лучших побуждений, из чисто теоретических посылов – перед законом должны быть все равны.

Еще один устоявшийся миф, по-моему, не менее вредный, чем другие, – о том, что СНГ – обуза для нашей страны. И уже никакой не миф, а реальность – то, что у главных людей в государстве, в том числе и у тех, кто отвечает за экономику, вопросы отношений России с СНГ находятся на периферии внимания. Отсюда мы имеем в содружестве то, что имеем.

Но у нас цветут пышным цветом и новые мифы, создающие превратное представление о положении дел в экономике. Приходится в очередной раз констатировать, что концепция «минимального государства» продолжает определять характер российской бюджетной политики. Показательно отношение к притоку валюты в страну. Профицит госбюджета – дело хорошее, но тогда, когда вы его не планируете, а он тем не менее возникает. Так было, например, в США в годы правления Клинтона. Кажется, благополучная страна, так успешно развивалась экономика. И что же? А была беспощадная трата «прибыли, надутой ветром», на социальные программы. И это в США с их долголетним благополучием.

Вернемся в нашу страну. Разве у нас в России все основные нужды более или менее удовлетворены, солдаты сыты и обуты, учителя и врачи регулярно получают приличную, а не нищенскую зарплату? Если всего этого нет, то и нельзя сидеть на горшке с деньгами, да еще планировать на будущее профицит бюджета...

Какой же, собственно говоря, выход из всего этого? Как мне кажется, это восстановление экономики, которое начинается со стремления не отказываться от собственного наследия. Главное сейчас – попытаться спасти и развить все то лучшее, что было создано в нашем недавнем прошлом. А нам досталось ни много ни мало – интеллектуальный потенциал, в целом качественное образование и высокий статус рационального мышления. Что бы ни говорили, была создана и достаточно мощная обрабатывающая промышленность. И если государство не будет целенаправленно способствовать сохранению этих сфер деятельности, мы неизбежно превратимся в одну из частей мирового технологического захолустья. Государство должно как можно скорее определиться с приоритетами промышленного развития и оказать им мощную финансовую поддержку. Ведь с каждым годом пространство для селективного отбора таких приоритетов сужается.

И, наверное, самое главное – это болевая точка нашего общества – социальная политика. Внимательный анализ положения дел в социальном секторе российской экономики выявил ряд ключевых проблем. Их решение без активных действий государства также невозможно. О чем идет речь? В первую очередь, о решительном изменении отношения власти к оценке труда. Без многократного повышения уровня доходов населения и модернизации социальной инфраструктуры никакая проблема социальной политики не может быть решена в принципе. Следует, как можно скорее, сократить громадную разницу в доходах. Такие меры обеспечат увеличение спроса населения на товары и услуги. Не менее важной представляется задача повышения доходности интеллектуального труда, перераспределение богатства в сферу знаний, науки. Ведь именно так обстоят дела в развитом мире – люди знания, люди, создающие «новое», це-

няться выше других. Отсюда и другая задача – создать нужную правовую и экономическую среду для превращения интеллектуальной собственности в важнейший фактор производства. Так что известный всем из прошлых лет девиз о «науке как производительной силе» общества не теряет своей актуальности. Словом, одна из приоритетных задач социальной политики – разработка новых моделей и механизмов поддержки сферы знаний. Какими они будут – наверное, покажет время. Но ясно одно – без помощи и активного участия государства здесь не обойтись.

Поэтому не могу не вернуться к теме роли государства. Оно у нас остается традиционным объектом критики. Его обвиняют в игнорировании народных интересов, во вмешательстве в экономику не там, где нужно. Все верно и все же, все же... Как экономист и либерал-прагматик могу утверждать – нигде в мире модернизация производства, действенная социальная реформа не осуществляются без систематической государственной политики. Впрочем, и это нужно особо отметить, что следует исключить другие крайности. Я имею в виду возможность смены бескрайнего либерализма государственным экспансионизмом. В этой связи хотел бы напомнить, что реализация всех государственных проектов у нас зачастую сопровождается подавлением личных свобод. Это мы тоже хорошо помним из нашей истории. И допустить это ни в коем случае нельзя. Какой же вывод? Укреплять государство, не жертвуя демократическими ценностями.

И, по-моему, этот путь следует обсуждать, инициировать в качестве варианта развития страны для власти, в том числе и для президента Путина. Следует упомянуть и о нашей ныне действующей политической системе. Так ли она хороша, если в течение уже многих лет ограниченный круг одних и тех же людей формирует дизайн одной и той же политики, с одними и теми же результатами при любой политической погоде, при любых итогах выборов...

И. Е. Дискин. Вот о чем я и говорю: авторитаризм, поддерживаемый медиакратией. Ровно так он и устроен.

Р. С. Гринберг. Говоря об этих проблемах, мы невольно должны обсуждать тему формирования в России гражданского общества. Хочется надеяться, что последние реформы президента Путина нацелены на создание эффективной и профессиональной политической системы. Сопоставление опыта функционирования политических систем в России и относительно успешных странах Центральной и Восточной Европы свидетельствует о том, что только правительство, сформированное с учетом соотношения сил в парламенте, подконтрольно обществу, с одной стороны, и в состоянии проявлять «политическую волю» – с другой. В этой связи назрела потребность в пересмотре российской конституции в сторону перераспределения властных полномочий в пользу правительства, хотя надо отдавать себе отчет в том, что общественное сознание в современной России к этому явно не готово.

В заключение хочу поделиться недавними впечатлениями от поездки в Татарстан. Давно не доводилось видеть довольных, обеспеченных людей. Поражает активно кипящая жизнь, чистота, ухоженные старики, дети, занятые в кружках и секциях... Так что, может быть, не все так безнадежно в нашем обществе? Это еще раз о том, что может сделать государство, власть, если она думает о людях. Но ведь такого руководи-

теля, как Шаймиев, еще нужно найти. Правда, невольно закрадывается мысль: «А что будет после него?» И есть ли продолжение у «патерналистских» систем, даже если они созданы таким замечательным политиком?

О. Т. Богомолов, академик РАН. Помнится, когда в 1992 году стартовала шоковая терапия и население столкнулось с гиперинфляцией и потерей своих сбережений, архитектор реформы Гайдар уверял, что все идет по плану и скоро мы почувствуем перемены к лучшему. Тогда нас убеждали, что альтернативы принятому курсу не было, и все иные варианты рыночной трансформации с порога отменялись.

По прошествии 13 лет в общественном мнении созревает понимание необходимости серьезной коррекции проводимой политики. К сожалению, правительство избегает серьезного анализа результатов рыночной реформы, не хочет видеть бедственного состояния экономики и подавляющей части общества, продолжает оставаться на позиции либерального фундаментализма.

Понятно, что оценка плюсов и минусов пореформенной экономики, как и разработка стратегии устойчивого экономического подъема, – задача государства, как представителя общенациональных интересов. Но оно, как и в советские времена, вместо объективного анализа состояния экономики и причин невыполнения намеченных целей преподносит обществу раз за разом планы на будущее.

Перспективные цели тогда можно считать осуществимыми, когда они вытекают из объективного рассмотрения результатов экономических преобразований – либерализации, приватизации, изменения социальной и отраслевой структуры экономики, износа производственных фондов, влияния реформ на демографию, здоровье и жизненный уровень населения, его социальное обеспечение. Именно из непредвзятого анализа фактов, который делают авторитетные ученые и специалисты в России и за рубежом и который отсутствует в публикуемых документах российского правительства, вытекает неотложность пересмотра правительственного курса и выработки новой повестки дня реформ.

Даже робкие попытки разобраться в итогах приватизации, предпринятые в докладе Счетной палаты, пока не увидели свет. Кого-то они, видимо, задевают за живое. Год тому назад на совместном заседании Академии наук РАН и Академии медицинских наук и ряда других авторитетных научных учреждений было всесторонне рассмотрено состояние здоровья и питания российского населения, вскрыты не только причины тревожных тенденций в этих областях, но и высказаны рекомендации по исправлению дел. Призывы науки, по существу, остались без практических выводов со стороны правительства, хотя ситуация продолжает ухудшаться, что серьезно осложняет восстановление и модернизацию нашей экономики.

Видные американские экономисты, как, например, лауреат Нобелевской премии Джозеф Стиглиц и гарвардский профессор Маршалл Голдман, в своих книгах, переведенных на русский язык и недавно у нас изданных, дают непредвзятый и убедительный анализ ошибок и изъянов российской политики и практики перехода к рынку, высказывают разумные рекомендации, опирающиеся на мировой опыт. И опять-таки не слышно откликов или возражений со стороны тех, кто отвечает в правительстве и президентской администрации за экономику.

Не привлекло внимание верхов и недавно изданное солидное исследование профессора Станислава Меншикова «Анатомия российского капитализма». Такое впечатление, что правдивый взгляд на суть сложившегося в России в результате реформ экономического строя мало кого интересует. Между тем автор дает ответ на вопрос, почему идеология либерального фундаментализма, доводящая до крайности свободу рыночных отношений и низводящая государственное регулирование до минимума, оказалась столь востребованной в ельцинской России. Отнюдь не потому, что ее нам навязывали в виде так называемого «Вашингтонского консенсуса» США, богатые европейские государства и международные организации. Практика многих стран, находящихся на пути создания современных рыночных систем, показала, что этот рецепт не всем подходит. Но либеральный радикализм с шоковой терапией и обвальная приватизацией открывает беспрецедентные возможности для быстрого обогащения тех, кто оказался на командных позициях в политике и экономике. Этим можно в первую очередь объяснить фанатичную приверженность ему в России на протяжении почти полутора десятилетий.

Роль государства в экономике продолжает оставаться предметом споров как ученых, так и политиков. Однако вопреки неолиберальной риторике, предостерегающей государство от вмешательства в экономику и частный бизнес, реальность говорит об обратном. Государственное влияние на экономику в индустриальных странах мира на протяжении последнего столетия неизменно усиливалось. Об этом, в частности, свидетельствует доля расходов государственного бюджета в ВВП. За прошедшее столетие она поднялась в этих странах с 10–16 до 50% и более. Объяснение данному факту следует искать в том, что в современных обществах без значительного финансового участия государства невозможны не только надежная оборона страны, борьба с терроризмом, обуздание преступности и поддержание законного порядка. Немыслима и активная социальная, научно-техническая, структурная, а также культурная и образовательная политика. Невозможно сохранение здоровья нации и благоприятной природной среды.

Думаю, что упреки в адрес правительства по поводу отсутствия четкой стратегии развития экономики, включая изменение отраслевой структуры, внешнеторговой специализации, политики доходов, накопления резервов и погашения долгов, научно-технического прогресса и т.д., вполне справедливы. Известно, что благодаря продуманной стратегии целый ряд стран, как, например, Япония, Южная Корея, Бразилия и др., быстро вырывались вперед. Отсутствие стратегического взгляда на будущее нашей экономики и общества – одно из проявлений увлечения либеральной доктриной и недооценки роли государства.

Дефицит такого знания у наших властей бросается в глаза. Между тем экономисты подсказывают, что необходимо исправлять в российской экономике в первую очередь. Вот, например, что говорится в упомянутой книге «Анатомия российского капитализма»: «В том виде, в каком наш капитализм сложился в последние десять с лишним лет, он не мог не стать олигархическим, то есть перекошенным в сторону подавляющего господства узкой группы банковско-промышленных монополистических группировок. Отсюда неизбежно следуют две другие фундаментальные макроэкономические диспропорции: (1) перекося экономики в сторону сырьевых и топливных от-

раслей, ориентированных на внешний рынок и приносящих особо высокую сверхприбыль – ренту; и (2) непомерный перекося в распределении национального дохода в пользу валовой прибыли и в ущерб оплате труда, а это предполагает заведомую узость внутреннего рынка, нищету значительной части населения, имманентную неспособность экономики расти достаточно высокими стабильными темпами без специальных подпорок в виде благоприятных условий на внешнем рынке. Такая экономика находится в ловушке, выход из которой возможен только посредством коренной ломки ее олигархической структуры при активной роли государства».*

В массовом сознании зреет понимание того, что так не может долго продолжаться, что политический курс нуждается в пересмотре. И чем раньше это произойдет, тем меньше риска крупных потрясений.

От вызывающих диспропорций в распределении в России ВВП современный капитализм вынужден был давно отказаться из-за угрозы социальных катаклизмов. Если воспользоваться данными, полученными с применением более совершенных методов учета утаиваемых доходов, чем это делает официальная российская статистика, то разрыв между средним доходом 10% самой бедной части населения и 10% самой богатой его части составляет до 25–30 раз. Это в 2–3 раза больше, чем в Европейском союзе. Российская приватизация не только создала в одночасье миллионеров и миллионеров, но и позволила им платить с доходов и имущества мизерные налоги. Едва ли, например, в мире найдется страна, где отменено прогрессивное подоходное налогообложение, как в России, и где для всех подоходный налог одинаков – 13%, с дивидендов на капитал – 9%.

Социальная дифференциация в российском обществе усиливается в последние годы в результате того, что рост реальных доходов населения, чем так гордятся власти, приходится в подавляющей части на верхнюю прослойку буржуазии, а большинство населения не испытывает никакого заметного улучшения. В отличие от России разрыв между богатыми и бедными в Европе не только значительно меньше, но и имеет тенденцию к сокращению. Сохранение, а тем более расширение отмеченного разрыва делает невозможным подлинную консолидацию общества.

Следовательно, на устранение этих главных перекосов и должна быть направлена экономическая стратегия российского государства. Конечно, для реализации такой стратегии государству необходимо располагать арсеналом действенных инструментов. Речь идет о соответствующей налоговой политике, государственном финансировании особо перспективных проектов, восстановлении законности в проведенной приватизации, об активной социальной политике и т.д.

А. С. Ципко. Шаг за шагом мы подошли к выводу, который перемещает нас из сферы экономики и социальной психологии в сферу реальной политики. Как мы выяснили, команда Грефа – это монада, живущая различного рода идеологемами и мифами, но монада не совсем закрытая. Для России и тех людей, которые ощущают непосредственные негативные последствия ее либерального курса, они закрыты. Но, как говорил

* *Меньшиков С.* Анатомия российского капитализма. М., 2004. С. 7.

Иосиф Дискин, они открыты, совсем открыты для наших конкурентов, которые очень заинтересованы в сохранении нынешнего состояния распада государственности. Правда, справедливости ради надо сказать, что реформаторы, не любящие, по признанию Егора Гайдара, символы российской державности, появились не сами по себе. Их создал Ельцин, чтобы подчеркнуть открытость своего режима Западу, подчеркнуть свою собственную цивилизованность. Поэтому Путину не так просто расстаться с этими людьми-символами, олицетворяющими выгодный, безопасный для Запада курс. Но чем выше запрос на государство, запрос на его дееспособность, субъектность, тем настойчивее необходимость расставаться с реформаторами, которые убеждены, что государства у нас нет и, самое главное, в экономике его не должно быть. Запрос на государство сегодня выражается в запросе на немедленную рационализацию нынешнего курса, который является не столько либеральным, сколько абсурдным. Как же стать на этот курс рациональной экономики?

Д. Е. Сорокин, заместитель директора Института экономики РАН, д-р экон. наук, профессор. Я бы хотел вернуться к началу, к названию встречи, которая нас здесь собрала. Откровенно говоря, меня удивило это название: «Существует ли альтернатива экономическому курсу команды Грефа?». Удивило по двум причинам. Во-первых, любому экономическому курсу всегда есть альтернатива. Другой вопрос – каковы ее последствия.

Во-вторых, что касается конкретно того курса, который обозначен, как курс команды Грефа, то тут тоже нет вопроса, потому что, как минимум с 1992 года (в данном случае я веду отсчет с ноября 1992 года, когда Отделением экономики РАН и Фондом «Реформа» был подготовлен «Доклад о стратегии социально-экономических преобразований в России»), в рамках Российской академии наук и ее Отделения экономики неоднократно такие альтернативные сценарии предлагались.

И. Е. Дискин. До этого была программа Гражданского союза, подготовленная с активным участием ведущих академиков-экономистов, и покойный директор Института народно-хозяйственного прогнозирования академик Ю.В. Яременко был во главе.

Д. Е. Сорокин. Последние крупные работы в этой области «Россия–2015: оптимистический сценарий» (1999 год), и «Стратегический ответ России на вызовы нового века» (2005 год), подготовленные в нашем институте и опубликованные в виде монографий, которые были направлены во все высшие органы государственной власти и управления.

Крайне важен факт востребованности этой альтернативы. Я за прошедший месяц был в Екатеринбурге на XIV Российском экономическом форуме и только что вернулся из Оренбурга. И там, и там со стороны высшего управленческого звена действующих компаний говорилось о потребности в альтернативной экономической политике. Говорилось единодушно и представителями реального сектора, металлургами, машиностроителями, и сектора услуг, управленцами как старшего, так и молодого поколения.

Для меня сейчас главный вопрос не в том, существует ли альтернатива нынешнему экономическому курсу, а в том, почему эта альтернатива

никак не перейдет в стадию реализации. Тут назывались разные причины. Я для себя сформулировал две.

Первая, которая оставляет надежду на смену в какой-то перспективе проводимого курса. Речь идет о том, что проводники нынешнего курса опираются на иную методологическую базу.

Отступлю опять назад. В 1999 году, 1 декабря, распоряжением правительства №2021-р было записано, что главной задачей правительства надо считать разработку долгосрочной стратегии социально-экономического развития. Следующим пунктом было записано, что поручить разработку этой стратегии следует Центру стратегических разработок, который тогда же был учрежден. Этот центр подготовил стратегию до 2010 года, более известную, как «программа Грефа». Академию наук попросили дать заключение. Александр Дмитриевич, наверное, помнит, что на наше заключение из Минэкономразвития пришло официальное письмо, подписанное тогдашним первым заместителем министра госпожой Набиуллиной. И ответ был такой (я помню его почти дословно), что мы стоим на разных идейно-методологических позициях, и поэтому дискуссия наша бесполезна. Тем не менее, если дело в различных методологических подходах при условии, что конечные цели совпадают, аргументированная научная дискуссия может привести к переубеждению оппонентов.

Однако не исключена и вторая причина. Опять отступлю назад: летом 1992 или 1993 года Руслан Хасбулатов, который уже был Председателем Верховного Совета, официально обратился в наш институт с просьбой дать оценку, официальное заключение по тому курсу, который в то время проводился. Была организована группа, дала оценку, потом, поскольку требовалось заключение института, все это было вынесено на Ученый совет. В ходе дискуссии возник вопрос, как записать: нужна корректировка проводимого экономического курса или нужна смена курса. Я хорошо помню, как встал профессор Б.В. Ракитский и сказал, что вот мы спорим о смене курса, альтернативе, но ведь исходим из того, что объявленные цели соответствуют истинным целям. Однако можно представить некую систему критериев, по которым проводимая политика профессиональна, точна, и никакой не то что смены, а даже корректировки не требует. На что Л.И. Абалкин (председатель нашего совета) заметил, что политический донос мы писать не будем.

Почему я вернулся сейчас к этому эпизоду? Потому что о наличии у нас «серой» политики сказал сам президент во время посещения Армении в своем интервью. Говоря об СНГ, о том, что люди испытывают разочарование от избыточных ожиданий, он сказал, что иначе и быть не могло, потому что «при создании СНГ цели декларировались одни, а на самом деле другие». Декларировалось, что СНГ создается для интеграции, а на самом деле – для цивилизованного развода. Дело не в том, что президент сказал о том, что у нас есть «серая» политика. Она есть в любом государстве. А в том, что существует целый ряд признаков, которые позволяют говорить, что публично объявленные цели нынешней экономической политики не соответствуют реальным целям, которые ставят перед собой ее авторы.

На эту мысль наводят публичные «проговорки» некоторых лиц, непосредственно связанных по своим должностям с формированием этой политики.

Вот мы говорим о промышленной политике. Фрадков на заседании правительства говорит: «Давайте назовем по-другому, если термин не нравится, но суть должна быть».

Но советник президента по экономике А. Илларионов публично заявляет: «Политика ускоренного экономического роста вполне реальна, если власти не совершают грубых ошибок вроде проведения так называемой промышленной политики».

Казалось бы, речь идет о том, что А. Илларионов просто привержен к крайне либеральной методологии. Однако как он аргументирует политику «минимального государства»? 6 апреля этого года на Интернет-пресс-конференции РБК А. Илларионов утверждал, что страны-члены ОПЕК, взявшие под госконтроль национальный топливно-энергетический комплекс в целях перераспределения поступающих от его эксплуатации ресурсов, получили за последние 30 лет 30-процентное падение ВВП в расчете на душу населения и что примеров подобной деградации в мире больше нет.

Я не верю, что А. Илларионов не знает реальных цифр, которые не имеют ничего общего с этим заявлением. Здесь даже то неправда, что нет примеров подобного падения. В России в 1990–2000 годах показатель ВВП на душу населения, по данным нашего Госкомстата, сократился более чем на четверть по сравнению с 1970–1980 годами при одновременном сокращении численности населения на 5 млн. человек, т.е. на 3,3%. Только политика-то была как раз направлена на уход из этого сектора.

Однако наличие такого рода «аргументов» говорит не о разной методологии, а о неуклюжих попытках маскировать реальную политику.

Сегодня говорилось о цивилизационной опасности для России, и то, что говорилось, подтверждается цифрами. Нынешний, так называемый экономический рост, сопровождается ростом социально-экономической дифференциации населения. По официальным итогам, коэффициент фондов (разрыв в сумме доходов 10% самого высокодоходного и 10% самого низкодоходного населения) самый большой за всю историю реформ – 14,8 (исключение 1994 год, когда он был выше 15). Но то, какими темпами этот разрыв растет с 1999 года, говорит, что через пару лет мы поставим свой «рекорд».

Последствия такой динамики видны по результатам исследований Института комплексных социальных исследований РАН, проводившихся по заказу Фонда Эберта. В 1995 году 25,1% населения считала, что Россия должна быть государством русских или русские должны иметь больше прав, чем другие народы. В 1998 году, в год кризиса, таких респондентов было уже 30,6%. Понятно, кризис. Но дальше-то вроде бы начинается экономический рост. Однако в 2001 году таких – 32%, в 2003 году – 37,1%. Последствия таких настроений для многоконфессиональной, многонациональной, мультицивилизационной страны, какой является Россия, – очевидны.

Однако А. Илларионов заявляет: «Борьба за уравниловку ни к чему хорошему не приводит, например в Бразилии этот коэффициент больше 50, и это не помешало ей в течение столетия, до начала 80-х, оставаться одной из наиболее динамично развивающихся стран мира. Но как только они попытались уменьшить разрыв в доходах, повысив налоги на богатых, то получили бюджетную катастрофу, огромный внешний долг».

Я звоню коллегам в Институт Латинской Америки РАН. Они подготовили мне справку по латиноамериканским, МВФ-ским и другим зару-

бежным источникам. Ни в одном в качестве причин бразильского кризиса не назван этот фактор. Однако во многих отмечается, что именно чудовищная социально-экономическая дифференциация населения явилась одной из причин кризиса. Я не верю, что А. Илларионов лишен доступа к этим источникам информации.

Подобные примеры можно продолжать и в отношении других «делателей» современной экономической политики. Но для меня становится все более очевидно, что наши оппоненты все отлично понимают и их удовлетворяют те результаты, к которым в конечном счете приведет нынешний экономический курс.

Но если это так, то проблема смены социально-экономического курса лежит за пределами экономической науки. Тут для смены курса нужны другие знания, другая наука и советы других специалистов.

Я только считаю, что не следует рассматривать гипотезу, которая в средствах массовой информации постоянно навязывается, и вообще неявно в названии нашего «КС» она тоже звучит: «Существует ли альтернатива экономическому курсу команды Германа Грефа». Отсюда в неявной форме можно сделать вывод, что вот есть высшая власть в лице президента и есть чиновники, которые его волю искажают. Почему я не рассматриваю эту гипотезу? В последнем Послании Федеральному собранию президент цитировал изречения мыслителей прошлого. Давайте, я тоже отдам дань моде и процитирую «Государя» Никколо Макиавелли: «Государь не волен выбирать народ, но он волен выбирать знать, ибо в его воле карать или миловать, приближать или подвергать опале». Поэтому гипотезу чиновников я не рассматриваю.

А. Д. Некипелов. Насчет того, что 15 лет управляют одни и те же люди, что бы там не происходило. Я так думаю, что мы не должны это переводить в личную плоскость – Греф, Кудрин и т.д. Они могут нам нравиться или не нравиться в личном плане – это другой вопрос, но сам факт, что ситуация именно такая, свидетельствует, что у нас очень многое не в порядке в политической системе, которая не обеспечивает реакцию на волеизъявление населения. Я не буду спорить, какая демократия нам нужна, но она должна работать, она должна обеспечивать формирование приоритетов общественного развития и механизмы смены тех или иных команд. С моей точки зрения, было бы лучше для страны, если бы у нас сейчас была единая команда либералов, но чтобы было ясно – если она проваливается, то, как это и происходит в демократических странах, заменяется другой командой. Сейчас же система сдержек и противовесов перенесена внутрь исполнительной власти, что представляет собой серьезную деформацию политического механизма.

И. Е. Дискин. Я частично уже об этом говорил. Долгое время прививкой против концептуальных изменений программы был лозунг: «Давайте бороться с коррупцией», который вполне отвечал запросам. Можем ли мы доверить существующему государству реформирование и борьбу с коррупцией? Нет. Вот тут уже начал работать миф. Давайте, мы сделаем так, чтобы никто ничего не мог украсть. И эта связка борьбы с коррупцией и необходимости не дать государству рулить вполне держа-

лась на медиакратии. Это первое. Второе. Чтобы экономическая политика проводилась авторитарными методами, авторитаризм нуждался, прежде всего, в моральной поддержке меньшинства. В России в течение 150 лет властвовал лозунг: «Всякое государство – это враг общества», лозунг российской радикальной интеллигенции. Радикальная интеллигенция занимала доминирующую моральную позицию, и в некотором смысле приход к власти Ельцина – моральный реванш этой части интеллигенции.

Вопрос. А почему реванш?

И. Е. Дискин. Потому что она долгое время была в андеграунде, была в эмиграции, во внутреннем подполье. Так же как было с XX съездом: выпустили всех, но никого к власти не вернули. В то время многие из вернувшихся также хотели реванша. Я со многими разговаривал, и они говорили, к примеру: «Я был до ареста полковником, если бы не сидел, генерал-полковником стал бы».

Так вот сложился идейно-политический альянс, который сильно поддерживал эту политику. Давайте вспомним, какотреагировал политический бомонд на потрясение 1993 года, на выборы: «Россия, ты сдурела!». Надо понимать, что российские радикальные интеллигенты, называя себя демократами, не обладали никакими демократическими представлениями. Либералы – возможно, демократы – никогда. Идея, что радикальная интеллигенция является учителем народа, сидела в ней жестко. Мысль о том, что какой-то там народ своими незрелыми голосами способен повлиять на выбор политического курса – абсурдна. Ведь есть люди, вполне достойные своей мыслительной силой вести и направлять этот политический курс в соответствии со всесылным учением либерализма.

Это тот же культурный стереотип, сформировавшийся в России 150 лет назад. Именно такая модель переустройства общества, что я назвал идеолого-телелогической, она же была доминирующей. И точно так же проводились Александровские реформы. Это кризис «книжного» закона и реальной жизни. Победоносцев же не просто так говорил, что «это все выдуманно из головы и не имеет корней в обществе». Проблема, которая сегодня теоретически описывается, как проблема укорененности, совершенно не осознавалась. Укорененность институтов – это отсутствующая проблема в социальном сознании российского общества.

Почему сегодня начинает появляться некий шанс? Потому что начинает формироваться консолидированный и отрефлексируемый запрос на государство.

На самом деле, президент – такой же гражданин со всеми этими укоренными в российскую культуру установками и представлениями. И я считаю, что долгое время он был глубоко убежден, что «либерализм» – действительно правильный курс и что его издержки являются меньшим злом по сравнению с разворыванием бюджета, разгулом коррупции и т.д. Одновременно он полагал, что пока «либеральные экономисты и юристы» исчерпают свою повестку дня, он создаст государство.

Вот как я понимаю его политическую роль. Но беда состоит в том, что государство, победив олигархию, не стало ни умней, ни стратегичней, ни эф-

фективной. Сегодня создано государство, которое решает свои внутренние проблемы, а не проблемы национальные, оно заиклено само на себе, поглощено своими внутренними разборками и внутренними проблемами.

Р. С. Гринберг. Ты так часто говоришь о «национальном диалоге». Скажи по-простому, что ты имеешь в виду?

И. Е. Дискин. Это когда поставлены вопросы национальной повести дня, и есть попытка сломать те мифы, о которых мы сегодня говорили. Другого способа демифологизировать подлинный выбор не существует. Вопрос состоит в том, что этот диалог должен быть сфокусирован на борьбу с мифами и в котором четко было бы сказано, какова плата за поддержание мифов.

Р. С. Гринберг. Для меня это борьба партий. А что ты имеешь в виду?

И. Е. Дискин. Партии говорят на языке идеологических кодов, а задача состоит в том, чтобы идеологические коды взломать. Партии на Западе выросли из диалога, и в его ходе произошла кристаллизация идеологем. У нас есть идеологемы, за которыми нет реального содержания. У нас, как говорил маркиз де Кюстин, страна фасадов, страна потемкинских деревень. Пока мы не вспашем, не вернем подлинный контекст, не вернем понимание, как проблемы государственной политики связаны с реальной жизнью людей, развитием промышленности и т.д., невозможно выстраивать идеологему той или иной политики. Мы все время строим идеологические замки без фундамента.

Л. М. Григорьев, президент Ассоциации независимых центров экономического анализа, канд. экон. наук. Я пойду по вопросам, поставленным на сегодняшнем заседании.

Первое. Политическую стабильность России, продолжая нынешний «либеральный» курс, сохранить можно достаточно долго при условии высоких цен на нефть. Учитывая, что колоссальное количество макроэкономических проблем за шесть лет подъема решено, и произошли очень глубокие изменения в сознании, мне кажутся вообще преувеличенными представления о нервозности в стране и политическом кризисе. Для развивающейся страны с бразильским неравенством – это нормально.

Нельзя недооценивать ту относительную сытость верхней половины населения, которая все же пришла. Страна перевалила за уровень потребления 1989–1990 годов, 60% прироста потребления в реальном выражении за 5–6 лет – огромная величина. Поэтому, на мой взгляд, все недовольство достаточно поверхностно, а тот активный слой, который ходит на баррикады, хорошо присосался, «пьет нефть народа из трубы» и т.д. Дисбалансы и внутренняя хрупкость огромны. Но ощущение разочарования и кризиса у тех, кто думает, что переход к рынку был сделан для развития, сохранения состояния (не статуса!) великой культурной, научной державы. Если не происходит серьезный макроэкономический кризис по каким-то параметрам, какой-то уж очень резкий сброс цен, причем не на одну только нефть, то недовольство будет все же разбросано и локально. Могут просчитать условия для общего кризиса, но это

будет актуально в период выборов 2007–2008 годов. Пока речь идет о скачке цен с 14 долларов за баррель в 1998 году до 60 долларов и больше – кто-то может сопротивляться такому счастью?!

Второе. Соответствуют ли средства нынешней экономической политики ее заявленным целям? Не очень понятно, что мы понимаем под целями и чьи это цели. Если цели общие, как их сформулировал президент, то нет. Если цели, которые сформулированы в рамках Минэкономразвития и торговли с их среднесрочной программой, то да. Средства нынешней экономической политики понятны, а вот цели – не понятны.

Если под целями понимать удвоение ВВП и борьбу с бедностью – почти все будет решаться на общем подъеме. Если под целями понимать модернизацию страны, то, разумеется, средства не адекватны, причем все пятнадцать лет. Напомню, что страна имеет два набора целей: построение рыночной экономики на базе частной собственности и развитие. Второй набор практически не реализовывался, инструментов для него не создавалось по умолчанию: рынок решит все. Нынешняя дискуссия – отражение этого конфликта. Я это сформулировал в конце 2002 года: рост есть, а счастья нет.

И мы имеем всему этому железное доказательство. За пятнадцать лет не начато ни одного крупного инфраструктурного проекта, кроме Усть-Луги и Балтийской трубопроводной системы (государственные деньги, кстати). Дело даже не в том, что ремонта инфраструктуры не хватает, не начато вообще ничего интересного. Я могу найти построенный завод конфет, много пива, колбасы и йогурта – это было неизбежно. Построена первая очередь Бурейской ГЭС (средства РАО «ЕЭС России»). В частном бизнесе – «Шеви-Нива» в Самарской области, много сборки автомобилей и торговых сетей, мобильных телефонов. То есть все в потреблении, а не в науке. Нашли культурную нишу: исторические детективы вместо Ключевского и детективные сериалы, чтобы обогнать Мексику и Бразилию по ТВ-опиуму для народа.

Если быть полностью корректным, то существуют несколько проектов, которые способствуют увеличению вывоза нефти и газа из страны. Причем как с помощью трубы, так и с помощью однокорпусных тысячетонных танкеров, которые телепаются по Волге, создавая угрозу «матери-реке». Они переливают это все где-то около берегов Крыма в потягивший ход большой танкер, потом к нему приходят другие, все это выкачивают, и весь этот экологический сумасшедший дом происходит под высокие цены. Но, на самом деле, страна не начала никакого осмысленного строительства нигде, кроме одной области: она упорно строит коттеджи. Мы чемпионы мира по строительству коттеджей за короткий срок. Предыдущие случаи известны: то же самое происходит на нелегальные доходы в Турции, дома вокруг Филадельфии и Чикаго в 1920-х годах, так же был отстроен Лондон на пиратские деньги, да и не только он, а многие портовые города. Такие прецеденты известны. Мы потеряли некоторое количество человеческого капитала и наладили экспорт молодежи и женщин замуж на Запад, а иногда на Восток.

Вопрос, который в вопроснике стоит под номером два, я бы сформулировал так: «Возможно ли вообще проводить политику развития в условиях реформ?» Если да, то как трудно это делать! И совсем трудно, если

игнорировать фактор времени – пока все образуется, большую часть придется заново создавать.

Третье. Почему мы не проводим промышленную политику? Потому, что мы ее проводим, конечно, и заключается она в попытке, достаточно идеологически догматической, посмотреть, могут ли все эти разнородные предприятия выжить в условиях открытой экономики и глобальной конкуренции, никак к ней не готовясь. По существу, это эквивалентно тому, как если придти на вечер встречи людей, окончивших 25–30 лет назад среднюю школу, и пустить с полной выкладкой в марш-бросок по горам, а через 20 километров посмотреть, сколько дошло. Может быть, 2–3 человека и дойдут. Вообще здесь уместна шутка, которую, говорят, придумали восточные немцы: все, что писал Маркс про социализм, оказалось неправдой, но все, что он говорил про капитализм, подтвердилось. Отсутствие промышленной политики в 1990-е годы отчасти базировалось на том, что Россию без коммунизма будут очень любить в мире. Может, это и так, но конкуренция за рынки-то от любви не зависит – тут все всерьез.

Промышленная политика, как она формулировалась традиционно, относится примерно к нашему уровню развития, она даже адекватна ему, но проводилась в странах с нашим уровнем развития не ближе, чем 10–20 лет назад. Сейчас она вышла из моды в мире. Она не в интересах сырьевых экспортеров, потому что они воспринимают ее как угрозу возможного перераспределения ресурсов – добровольного ли, принудительного ли, с поцелуями или проклятиями. Это делать очень трудно, так как она врубается в интересы конкурентов в мире, а они с Китаем замучились конкурировать.

Четвертое – «либерально-догматические мифы». Я думаю, они живучи, потому что представляют собой разумные интересы экспортно-сырьевой и банковской отраслей. Они не живут сами по себе. Потри нас – выйдет «марксизм»: не бывает сознания, отдельного от бытия. Значительные элементы либерализации экономики, которые я, как экономист, поддерживаю, конечно, в интересах экспортных отраслей нашей промышленности и определенных типов финансовых услуг, которые во всем мире за такую политику. Это абсолютно рационально и не является ничьей виной или бедой.

И. Е. Дискин. Нет, речь идет о том, что институты не связаны с реальной жизнью.

Л. М. Григорьев. До институтов мы доберемся, а сейчас я просто хочу сказать, что мифы мифами, но целый ряд мифов, например в области нефтяной промышленности, был проплачен отраслевыми интересами, как и во всем мире.

Пятое: отсутствие экономической стратегии. Это, конечно, удивительная вещь для страны планового социализма. У нас учились, а теперь мы переименовываем комплексное планирование на кластеры, чтобы шикарно выглядеть. Я уже писал об этом множество раз, поэтому говорить правду легко и приятно: мы единственная крупная страна в мире, у которой вообще нет никакой долгосрочной стратегии, экономической

концепции, прогноза нет. Среднесрочная программа очень похожа на годовую со списком нерешенных проблем.

Д. Е. Сорокин. Публично объявленной, добавлю я.

Л. М. Григорьев. Да и публично необъявленной тоже нет.

А. С. Ципко. Кстати, это говорит о том, что нынешнее либеральное «государственное отщепенство» отличается от того «государственного отщепенства» российской революционной интеллигенции, которое критиковали веховцы. Тогда за «государственным отщепенством» стояло так называемое «народопоклонство», идеология служения обездоленным, идеология мессианизма. А сейчас в случае с Андреем Илларионовым, о котором говорил Дмитрий Евгеньевич, мы имеем дело с антинародным «государственным отщепенством», просто с программным нигилизмом. Раньше либеральная российская интеллигенция страдала отсутствием реализма, дефицитом инженерного мышления, внимания к организационной, человеческой стороне проблемы. Сегодня после коммунизма мы имеем особую либеральную элиту, абсолютно индифферентную к каким-либо программам, национальным целям и задачам.

Л. М. Григорьев. Если вернуться к теории заговора и считать, что что-то есть, то внутри есть что? Целый ряд отраслей промышленности, которые в этой среде нормально себя чувствуют и работают точно так же, как любая транснациональная или межнациональная компания. Значительная часть наших предприятий ряда отраслей промышленности прекрасно себя чувствует в процессе глобализации, нормально оперирует на территории России, точно так, как работала бы бельгийская или американская компания. Они ведут себя абсолютно рационально, и несут определенную систему ценностей, законов. И я не вижу в этом ничего особенного. Вот отсутствие национальной стратегии для равновесия удивительно. Нет промышленной политики, потому что всякое появление стратегии в этой ситуации означало бы признание существования в стране двух ресурсов, а не одного, т.е. не только природных ресурсов, но и человеческого капитала, и попытки его задействовать.

Как только пытаешься задействовать человеческий капитал, тут же появляется промышленная политика, потому что ты пытаешься создать более высокие степени переработки, чем сырье-полуфабрикат. Значит, опять возникает вопрос о перераспределении, потому что весь наш гипертрофированный военно-научный сектор стоял на том, что эти сырьевые ресурсы через Госплан финансировали ВПК и науку. Потом эта прямая связь была перерезана и не восстановлена. Любая промышленная политика – это восстановление перерезанных связей по перераспределению ресурсов для поддержания человеческого капитала. Борьба идет за способы перераспределения: через налоги и бюджет, внутри ФПГ или через финансовый сектор (облигации, венчуры). Но для многих – зачем этот человеческий капитал, пусть едет, пополняет ряды мирового среднего класса.

Шестое. Почему до сих пор не проведена обещанная инвентаризация результатов рыночных реформ? Невозможно провести инвентаризацию

рыночных реформ людьми, которые ее проводят, и нельзя, относительно плавающих целей – нужно сравнивать: цель, инструмент – результат. Это дело президента, т.е. президент может хотеть, но инвентаризация реформ возможна только в независимой комиссии – в буквальном смысле независимой. Теперь возникает вопрос: от кого она будет независима? От политических пристрастий и партий? Вряд ли. От власти или от министерств? Вряд ли. Найти независимых людей за пределами этой команды трудно. Но даже если нас объявить этой независимой комиссией, останется один вопрос, вопрос критериев, относительно которых мы считаем эффективность реформ.

Я утверждаю, что ничего не выйдет, пока мы не решим очень сложную проблему структуры собственности, которую частично затронули в январе на конференции у Теодора Шанина. Сейчас я как раз дописал бумагу «Права собственности: от перестройки до передела». То есть не получится, пока мы не сформулируем цели перехода страны от прежнего режима к новому – для чего это делалось, кто был носителем чего, что хотел, что получил.

Нет спора об уходе от той идеологии – это благо, так же как шаги к демократии. Но есть и экономические цели. Может, цель развития человеческого капитала была в свободе эмиграции? Так эта проблема решена, все нормально, надоело – катись, нет – терпи. Что делает элита сейчас? Отправляет туда детей, а сама сторожит отход и денежный доход, а дети все там, причем как у правых, так и у левых, как у либералов, так и у нелибералов.

Поэтому я думаю, что для инвентаризации реформ необходимо сначала написать список этих реформ, для чего они обычно проводятся, какими сторонами, зачем и чего мы вообще хотели. Может, все выполнено и все вообще хорошо?

Тут говорили об институтах. Обсуждать на политическом языке слова «партия», «враги», «клан», «Ельцин» – этого мало, нужно еще слово «институты». И в данном случае я хотел бы вернуться к проблеме, что есть либерализм. Перепутаны две вещи: либерализм как термин для клана и либерализм как направление мысли. Я вот отношусь точно ко второму. И поскольку они перепутаны, то либерализм в России, на самом деле, не является термином, обозначающим некое течение экономической мысли. Он является термином, обозначающим некий клан, верования которого представляют собой смесь, как всегда, в ряде случаев – прагматических, а в ряде случаев – совершенно не связанных с либерализмом. Сейчас либералы занялись патернализмом и прекрасно себя чувствуют. Либерал – это тот, кто видит ужасное государство, мешающее работать частному бизнесу, задавливающее его, снижающее эффективность конкуренции, и пытающийся его освободить. А что такое либерализм в российском исполнении в процессе проведения реформ?

С точки зрения проведения реформ, я бы сказал, что это анархизм: отменяем старые правила, примерно сообщаем новые, институты не строим (трудно, долго, мучительно), рынок сам их построит и т.д. и т.п. Берите власти, сколько хотите, действуйте, как хотите, хочешь – твое, зазевался – не твое. За последнее время институционалисты получили шесть Нобелевских премий. Теперь каждый чистый неоклассик считает своим долгом

приписать что-то про институты, как мы раньше Маркса с Брежневым цитировали. Российская и зарубежная научная литература полна такими работами. А весной 1991 года пригласили меня выступить на вилле д'Эсте в Италии по российским реформам – все были в энтузиазме тогда. Ведущий – настоящий лорд – подошел потом ко мне и сказал с большим сочувствием к моей недостаточности на чистом английском языке: «Да вы, батенька, институционалист...» Мне тогда казалось, что я что-то не то сделал – оказалось, что попал я, скорее, в «преждевременные».

В момент приватизации были деспецифицированы права собственности, а сразу после приватизации они должны были быть жестко специфицированы, иначе они не работают. Перегнул тут – не работает, не догнул – не можешь провести приватизацию. Поэтому, на мой взгляд, мы провалились в этой реформе в эти пятнадцать лет с повесткой строительства институтов для развития страны в рыночной среде (т.е. не банков развития). Это очевидно. И мы не создавали рыночных институтов осмысленным образом, скорее всего, до программы 2000 года.

Откройте №4 «Вопросов экономики» за 2000 год, за два месяца до выхода Программы – в нем в статьях 5–6 человек она примерно и изложена. И посмотрите «Обзор экономической политики» БЭА 2000 года, который вышел одновременно. Там статьи Е. Гавриленкова и А. Дворковича – идеальная база этой программы была разработана частично в институте Гайдара, в Экспертной группе, Бюро экономического анализа, материалах Мирового банка и т.д. Ее смысл, если отставить конкретные удачные или неудачные меры, состоял в ремонте нового российского капитализма на ходу.

Лучший образ, какой я мог предложить, это представить себе поезд на полном ходу и реформатора, уцепившегося ногами за паровозную трубу и меняющего на паровозе колеса. Поэтому удалась она, не удалась – это другой вопрос. На самом деле, они не смогли этого сделать, потому что они сделали фокус на макроэкономической стабилизации, которая удалась, спасибо ценам на нефть, и произошло это в значительной мере само собой. При этом коренные вещи, связанные с собственностью, делать не стали. Например, вводимый кодекс поведения капиталиста – это, конечно, манная каша на киселе, смысл которой сводится к тому, что менеджер не должен называть акционера «желтой рыбой» до собрания акционеров.

Поэтому мы не создали осмысленно институтов рынка, адекватных этой ужасной структуре экономики, оставшейся от Советского Союза, и пытались потерять несколько отраслей промышленности, чтобы сделать структуру более адекватной тому, что осталось.

Теперь легко перейти к последнему пункту. У нас есть две группы целей. Одни цели, если мы все-таки хотим получить эффективную рыночную экономику, это посмотреть, что делать с реформами, разобратся, где что не сделано, и довести до ума. Скажем, реформа банковской сферы так и не проведена. Что с монетизацией – понятно. О муниципализации всей страны – перед ней стоят в ужасе те, кто ее должен делать, потому что нет ни кадров, ни пишущих машинок...

И. Е. Дискин. Вот это и есть либеральный догматизм.

Л. М. Григорьев. Это догматизм, наверное, но не либеральный. Муниципальная реформа сделана не из либерального догматизма. Она сделана по принципу, как известно, греческого полиса. Гражданин может в своем полисе, то бишь муниципалитете, прийти до власти и соседей. Это же надо – на Руси, которую Наполеон с Гитлером не могли завоевать до известной степени из-за больших расстояний, ввести принцип греческого полиса! Вот в Китае его можно ввести, он там будет замечательно работать: нарезаешь квадратный километр – и полис. Но у нас-то! Поэтому реформаторство – это еще и отдельная болезнь, которая накладывается на реальную экономическую политику. Вот усталость населения ЕС сейчас показывает, что даже правильные (предположим!) реформы нельзя проводить беспрерывно – население устает.

И. Е. Дискин. Я поэтому и говорю, что это либеральный догматизм.

Л. М. Григорьев. Теперь вернемся к приоритетам. У нас два разных набора. Один – это посмотреть, что с реформами, что сделано, что не сделано, чем эта экономика отличается от нормальной в колее между Италией, Бразилией, Испанией, Польшей – с перспективой выше через поколение. У меня есть пять пунктов, чем она отличается именно в области прав собственности. Это связано с тем, что доминируют оффшорные владения, квазискрытый собственник. Второй набор – это проблемы развития страны, ее структуры, реальный набор ресурсов, оставшийся набор отраслей, региональное распределение ресурсов. Мы сделали новую классификацию регионов, тривиально нормальную.

Мы не можем жить в одномерном пространстве по той простой причине, что если из ООН вынуть страны по развитию выше Испании и Швеции, потом Китай, Бангладеш, Индонезию, Индию и Африку между Сахарой и Южной Африкой, то все остальное разнообразие мира есть на территории России – как ресурсов, так и местных институтов. И перепад на порядок больше, чем внутри более однородных регионов мира вроде Европы или Латинской Америки. Поэтому существуют совершенно разные интересы, разные отрасли. В стране, которая, как континент, разнообразна, возвращаясь к промышленной политике, к региональной политике, к национальным целям, к приоритетам, строить промышленную политику нужно с учетом огромного числа конфликтующих интересов. Это очень трудная задача. Не существует альтернативы этой политике. Чем «либеральная» политика проста? Что не надо этим заниматься, не надо думать обо всех сложностях. С другой стороны, не существует никакой альтернативной простой политики, которая бы решала эту проблему, кроме Госплана. Для выживания в глобальной конкуренции надо искать сложные смешанные, компромиссные стратегии, инструменты.

В. А. Ципко, канд. экон. наук. Во-первых, я хотел бы на конкретном примере показать, что на самом деле современная политика нашего правительства отнюдь не либеральная, по крайней мере, в традиционном понимании этого слова. Александр Дмитриевич абсолютно правильно обрисовал суть нынешней бюджетно-финансовой политики, связанной со Стабилизационным фондом. Суть ее в том, что государство через

высокие налоги, через экспортные пошлины, НДС забирает сверхдоходы у нефтяников, затем все складывает в «бюджетную кубышку» и потом через выплаты по внешнему долгу выводит из страны. Такая политика во многом проистекает из того, что государство не доверяет бизнесу. Если оставить деньги у бизнеса, будет высокая инфляция. В связи с этим свободные деньги у бизнеса отбирают и отправляют в Стабилизационный фонд, что обеспечивает стерилизацию «горячих денег».

Что же получается? С одной стороны, либерализм, его суть, его идеология, его философия заключаются в том, чтобы в экономике, в том числе и в финансовой сфере, было поменьше государства и побольше частного предпринимательства. Но на самом деле государство свободы бизнесу не дает, считая, что бизнес с пользой для экономики и общества в целом своими сверхприбылями распорядиться не сможет.

К чему приводит такая экономическая политика? Как считают многие эксперты, она приводит к замедлению темпов экономического роста. У нефтяников забирают деньги и они не могут их никуда вложить. Но проблема заключается в том, что и государство, которое эти деньги изымает, также их никуда не вкладывает внутри страны. Таким образом, ситуация приобретает еще более запутанный характер. Государство не доверяет не только бизнесу, но и самому себе. Получается полный институциональный вакуум, когда вроде бы на страну свалилось невероятное счастье в виде потока «нефтедолларов», но нет ни одного института, который смог бы этим счастьем воспользоваться на свое благо и страны.

Вроде бы все это подтверждает сказанное выше о явной неадекватности современной экономической политики. Однако все не так просто. К сожалению, опыт во многом подтверждает мнение скептиков из правительства. Широкомасштабная промышленная политика в нашей стране на данный момент вряд ли сможет дать ожидаемый эффект. У нас нет на широком, массовом уровне бизнеса, который был бы по-настоящему мотивирован вкладывать в дело полученные от государства ресурсы, а в очередной раз не распахивать их по «оффшоркам». У нас пока нет и государства, которое могло бы по-настоящему эффективно распределить между предпринимателями свои ресурсы, а потом по-настоящему спросить с них за неэффективное их использование.

Наш бизнес родился за счет перераспределения государственных ресурсов, за счет постоянного припадания к «животворному бюджетному источнику». Если сейчас опять вернуться к той же политике, «распечатать» Стабилизационный фонд и дать бизнесу с пользой для себя перераспределять государственные деньги, будет тот же результат, что и в 1990-е годы. Потому что пока еще наш крупный бизнес совсем не тот, который существует в цивилизованных странах. Он создан за счет механического перераспределения национального богатства среди избранного круга лиц. И пока что наши олигархи лучше всего умеют расширять свой бизнес за счет перераспределения полученных от государства все новых и новых ресурсов, а не путем эффективного и рачительного использования уже имеющихся.

Нельзя сказать, что за прошедшие годы не произошло позитивных изменений. Однако перехода в иное качество еще не произошло. По-прежнему работает логика не воспроизводства, а примитивного передела.

Вторая проблема – проблема государства. Качество государственной экономической политики заключается в его способности управлять экономическими процессами. Может ли государство, которое есть, эффективно выполнять эту функцию? Пока еще в полной мере не может. Я не согласен с тем, что никакой промышленной политики все последние годы не проводилось. На самом деле все возможные варианты пробовались. Вопрос в том, чем они закончились. Свободные экономические зоны? В середине 1990-х годов была попытка заимствования передового китайского опыта совсем недалеко от Китая, в Находке. Этой территории был предоставлен инвестиционный налоговый кредит и другие льготы. Однако особого эффекта все эти меры не принесли. Были и крупные, глобальные инвестиционные проекты. Например, создание РАО «ВСМ» под строительство скоростной железной дороги Москва–Петербург. Были зарыты в землю сотни миллионов долларов государственных средств, но никакого другого эффекта это не принесло.

Через налоговые льготы, как и во всех цивилизованных странах, пытались решать проблемы регионального развития. Регионы получили право предоставлять инвесторам льготу по уплате региональной части налога на прибыль. Все это, как мы знаем, привело к «делу ЮКОСа», когда льготы были, а реальных инвестиций не было. При этом, как мы знаем, такие схемы налоговой оптимизации имели широкое распространение. Были и смешанные варианты, когда не только получали региональную льготу, но и под нее организовывали «инвалидные фирмы». В этом и кроется причина, почему отменили льготу для предприятий, на которых работают инвалиды.

Было бы неправильно говорить, что у правительства совсем нет никакой реальной экономической программы. Есть же среднесрочная программа Минэкономразвития и торговли. Можно по-разному к ней относиться. Но она содержит очень важный момент. Нам нужно, прежде всего, формировать нормальную рыночную инфраструктуру, чтобы хотя бы через 20 лет у нас был нормальный бизнес с нормальной креативной мотивацией, а не специалисты по «распиливанию» государственных денег и присвоению природной или административной ренты.

Пока у нас не будет создан дееспособный предпринимательский класс все попытки государства проводить системную промышленную политику не будут приносить желаемого результата. Это не значит, что в этой ситуации нужно сидеть и ждать у моря погоды. Состояние нашей инфраструктуры такое, что без расширения государственных инвестиций мы будем идти от одной техногенной катастрофы к другой. Однако при этом нужно четко осознавать реально имеющиеся институциональные ограничители и «подгонять» под них методы взаимодействия бизнеса и государства в инвестиционной сфере. Другого выхода у нас нет. Это плата за реализованную в нашей стране модель приватизации, которая решала какие угодно задачи, но только не создание в стране широкого слоя эффективных частных собственников.

Д. Е. Сорокин. А теперь те же ребята должны ее и формировать.

В. А. Ципко. Проблема, наверное, не только в конкретных людях. Проблема упирается также в институциональную слабость государства

как проводника активной экономической политики. Другую экономическую модель можно реализовать только при нормальном, дееспособном государстве, которое хотя бы может доверять самому себе. Ведь мы не только боимся давать бизнесу деньги, полагая, что все разворуют. Мы даже нормальную, обычную для любой цивилизованной страны, налоговую политику проводить не можем. Во всем мире принято дифференцировать налогообложение горнодобывающих компаний в соответствии с реальными условиями добычи на конкретных месторождениях. У нас же это не так, потому что боятся, что будет коррупция. В итоге все нефтяные компании платят один НДС. Но одновременно замораживается огромное число нефтяных скважин, а инвестиций в геологоразведку как не было, так и нет. Та же самая проблема и с пошлинами на экспорт нефти. Ставки этих пошлин можно привязывать исключительно к мировым ценам на нефть только тогда, когда вся добываемая в стране нефть продается за рубеж. Если она по большей части потребляется внутри страны, имеется лишь постоянный рост внутренних цен на бензин. Кстати говоря, по этим вопросам у Минфина и Минэкономразвития и торговли разные позиции. Поэтому было бы неправильно говорить о том, что правительственные либералы такие уж сплоченные.

В то же время не следует упрекать нынешнее правительство в стремлении ничего не делать. Ведь пытаются же произвести структурный маневр в экономике методами налоговой политики, резко повысив налогообложение «нефтянки» и одновременно снизив налогообложение трудоемких перерабатывающих отраслей.

И. Е. Дискин. С НДС как?

В. А. Ципко. Во-первых, НДС на 2% все-таки скостили, было 20, а стало 18. С точки зрения трудоемких отраслей, отчисления во внебюджетные фонды, единый социальный налог снизили. Одновременно повысили налоги на «нефтянку» в виде индексации НДС и экспортных пошлин. Эти попытки промышленной политики еще очень робкие и не слишком последовательные. Но они реально есть. И это говорит о том, что отсутствие активной экономической политики – не только вопрос идеологии и некоего либерального сектанства в экономике, т.е. вопрос не только в том, что кто-то не хочет, но кто-то и не может.

Р. С. Гринберг. Так вот и возникает вопрос. У них раз не получилось, два, три, так сколько им давать?

В. А. Ципко. Суть, в самом деле, простая. Я уже сказал, что у нас нет нормального субъекта рынка в виде нормального, мотивированного на воспроизводство своего капитала бизнеса, а не на растаскивание ресурсов.

И. Е. Дискин. А это из чего следует? Из показателей чего?

В. А. Ципко. Очень простая вещь. У нас не может быть бизнеса...

И. Е. Дискин. Нет, вот между «не может» и «есть». Это очень сильное утверждение, что у нас нет и не может быть мотивированного бизнеса, которое требует неких фактических доказательств. Я утверждаю, что он есть и уже сегодня доминирует в российской экономике.

В. А. Ципко. На самом деле, все взаимосвязано. Мотивация бизнеса определяется тем, как он пользуется предоставленными ему государством льготами: уводит ли полученные ресурсы в офшоры или реально вкладывает в расширение собственного капитала.

И. Е. Дискин. Это не аргумент, это было три-четыре года назад, а мы говорим, что мотивация изменилась за последние два-три года.

В. А. Ципко. Это было не три-четыре года назад, последний раз это было в 2004 году. Если бизнес не мотивирован на воспроизводство того капитала, который есть...

И. Е. Дискин. Я об этом и спрашиваю: каковы ваши фактические подтверждения, что он не мотивирован?

В. А. Ципко. А я вам объясняю: любые попытки стимулировать бизнес нормальными, принятыми во всех цивилизованных странах методами промышленной политики привели к тому, что все идет к минимизации налогов.

И. Е. Дискин. Приводило, при-во-ди-ло. А мы говорим про сегодня. Посмотрите, есть же реальный факт, как меняется уровень износа основных фондов по отраслям, в какую сторону он движется. Значит, есть во всех отраслях, кроме легкой промышленности, средний уровень износа. Вот сильный показатель, характеризующий ту самую мотивацию, на что ориентированы – на вытаскивание активов или на накопление.

В. А. Ципко. Но ведь есть конкретные примеры попыток государства стимулировать инвестиции. Ничего путного из этого не получилось. Поэтому и пришлось «пообрезать» все налоговые льготы.

И. Е. Дискин. Как раз в этом дикость и состоит. Ваше утверждение, что отсутствует мотивация на развитие капитализации и развитие бизнеса, не подтверждается фактическими данными.

В. А. Ципко. Практика – критерий истины. Вы же мне никаких конкретных примеров, подтверждающих неправоту моей позиции, привести не можете.

И. Е. Дискин. За последние два года уровень фактического налогового обложения нефтянки изменился в 3–4 раза. Посадили Ходорковского, резко изменился уровень.

В. А. Ципко. Так я с самого начала говорил, что государство не доверяет бизнесу и поэтому лишает его сверхдоходов от продажи нефти. Но мы ведь говорим о другом. Есть ли позитивные примеры того, что льготы со стороны государства стимулировали бы наш бизнес заниматься реальными инвестициями.

Р. С. Гринберг. Попытаюсь вычленить суть различий между подходом Владислава и подходом Иосифа Дискина к одному и тому же факту. Несомненно, все слабые попытки государства стимулировать промышленную активность потерпели крах. Но из этого факта делаются прямо противоположные выводы. Владислав, как мне кажется, склоняется к нынешней позиции правительства. Если бизнес не в состоянии использовать создаваемые государством налоговые льготы для расширения производства, то от них надо отказаться. Иосиф, на мой взгляд, занимает другую, более созидательную позицию. Он говорит: сам факт, что все предшествующие попытки правительства стимулировать промышленную активность бизнеса потерпели крах, не дает оснований в принципе отказываться от промышленной политики. С философской точки зрения, позиция ничегонеделания не является позицией. Сам факт, что у нас до сих пор нет государства, не означает, что мы должны отказаться от попыток его воссоздать. Без государства все очень скоро рассыплется и Россия перестанет существовать.

В. А. Ципко. Я не занимаюсь идеологией, я привожу конкретные примеры, которые знаю. Хотя одна налоговая льгота привела к тому, что бизнес стал другим?

И. Е. Дискин. В условиях слабого государства льготы ни к чему и не приводят.

В. А. Ципко. Моя точка зрения совсем другая. Мы должны заниматься развитием рыночных институтов и заниматься строительством нормального, эффективного государства.

И. Е. Дискин. Самое главное расхождение состоит в том, что сегодня уже изменилась позиция бизнеса в силу того, что он перестраивает свои стратегии и настроен на рост капитализации. Изымание денег из основной деятельности падает, и правительство признало, что отмена инвестиционных льгот обрушила инвестиции.

Л. М. Григорьев. Все налоговые льготы работают только в рамках одной теории: когда идет нормальная конкуренция, нормальная мотивация. Вы хотите инвестировать, но у вас не хватает денег. И тогда налоговая льгота, в зависимости от того, как она построена, стимулирует или одну отрасль, или регион. Если у вас нарушены отношения, а я утверждаю, что основное, что нарушено в результате неудачных реформ, это отношение между собственностью и менеджментом. У нас не так, как в развитых странах, устроен корпоративный контроль. Поэтому дело не только в деньгах. И мотивация там, где контроль постепенно выравнивается, начинает ра-

богаты. Но на этом мы потеряли лишних пять лет. И сейчас тоже есть много проблем, например, отношение рыночной стоимости фирмы к воспроизводственной стоимости (это теория Уильяма Тобина). Когда вы получаете актив по нулевой цене,неважно, сколько это стоит, вам не надо ничего делать, вы реализуете свои доходы через продажу. Вот ситуация, в которой при улучшении макроэкономики идет процесс увеличения капитализации на тренде и можно без конца перепродавать собственность.

Это одна из причин того, что у нас никак не останавливаются перераспределение, захват и перекупка. Потому что проходит время и опять можно перепродать. Собственник-приватизатор реализует все функции полезности для себя, он не зажат конкуренцией и не должен инвестировать. Вот этот кусок постепенно сужается – много собственности уже попало в нормальные руки, и «процесс пошел». Но поэтому многие льготы в условиях экономического кризиса не работают. Представим себе фирму, для которой, в силу ее положения на рынке у нас в стране, нет особого смысла в инвестициях. Она, скажем, собирается инвестировать за рубежом, например купить радиостанцию. Если вы даете ей льготу, больше денег идет туда.

Я как-то провел эксперимент. Кто за то, чтобы понизить коррупцию в нашей стране до уровня демократического штата Коннектикут? Все вроде «за». Но только что посадили на год республиканского губернатора демократического штата. Он нахватал по мелочам, ему насчитали 100 тыс. долларов, а начальника его аппарата отправляют на двадцать лет. Если мы будем ждать, когда у нас коррупция понизится до уровня штата Коннектикут, а потом начнем инвестировать из государственного бюджета, то автомобили, купленные разжиревшими на нефти гражданами, будут ходить по дорогам страны бампер в бампер, их можно будет привязать друг к другу и, как на детской железной дороге, ездить.

Р. С. Гринберг. Дело в том, что большое значение имеет инвестиционная привлекательность. Если есть спрос на мой товар, я обязательно, рано или поздно, должен иметь инвестиции, и, конечно, мне со льготами лучше их делать, независимо от того, кризис на дворе или оживление. Поэтому когда мне сегодня говорят, что самая главная проблема России – сумасшедшее налоговое бремя, я считаю, что это полный абсурд. У нас абсолютно средний по меркам Центральной и Восточной Европы подоходный налог. И, в моем представлении, главная проблема – почему нет экономического чуда в стране, связана с тем, что некому покупать наши товары. Быстрое открытие внутренних рынков привело к тому, что ничего не делать не получается.

И. Е. Дискин. Тезис об инвестициях странен, потому что инвестиции – это всегда проблемы веры. Ты должен верить в то, что через три года здесь все будет так же, как сегодня, и деньги к тебе вернутся. Я говорю банальные вещи, которые написаны в любом учебнике институциональной экономики.

Р. С. Гринберг. Не надо про учебники, я знаю одно: если мои 100 табуреток купили, а люди хотят, чтобы я сделал еще триста, то мне наплевать на веру, я буду их делать и продавать.

И. Е. Дискин. Ты должен верить, что через два года на них будет тот же спрос. Это первое. А второе – надо понимать, что к тебе не придут, не отнимут, тут много, во что надо верить.

Д.Е. Сорокин. Уважаемые коллеги! Я благодарен за приглашение на «круглый стол» – я увидел состав участников и решил, что это люди, которые разбираются в политике, т.е. разбираются в проблеме государства. И не случайно закончил свое выступление тем, что не вижу экономических решений, есть только политические решения, как можно выйти из этой ситуации. Вот вы мне объясните: как я могу верить в то, что это государство может что-то решить, если в трехстах метрах от Кремля на Курском вокзале государство не может решить проблему стоянки такси. О каком государстве мы говорим? Что делать с этим государством, чтобы оно хоть какую-то политику проводило?

И. Е. Дискин. Ничего... Если ждать, пока оно дойдет до Курского вокзала и ничего не делать...

А. С. Ципко. Вывод нашего «КС» банален, но он отражает корень проблемы. Сам по себе крупный бизнес не в состоянии решить ни одну общенациональную задачу. Негативный до сих пор опыт стимулирования государством созидательной активности бизнеса не дает оснований в принципе отказываться от какой-либо промышленной политики. Сам по себе факт, что государства нет или оно является слабым, не означает, что мы должны смириться с анархией или тем более защищать ее, как норму. Как жизнь является альтернативой смерти, так и активная государственная деятельность является альтернативой нынешней ситуации анархии и умывания рук.

Л. М. Григорьев. У меня есть такой образ: гражданское общество, бизнес и государство, прижавшись друг к другу спиной, карабкаются по стенам колодца одновременно. Но нельзя вытащить государство без бизнеса и гражданского общества, ни одну из трех частей нельзя вытащить по отдельности должны ползти все вместе, втроем.

Афранд Дашдамиров

КАРАБАХСКИЙ КОНФЛИКТ В КОНТЕКСТЕ ПЕРЕСТРОЙКИ

Двадцатилетие перестройки, связанной с именем М. С. Горбачева, возглавившего КПСС в марте 1985 года, вновь возвращает нас к безысходным дискуссиям и разноречивым оценкам по поводу ее исторической роли и последствий. Тем не менее это был, безусловно, поворотный период отечественной истории, определивший радикальные изменения в политической и экономической жизни многонациональной страны. И в то же время перестройка — одно из самых неоднозначных, противоречивых явлений политической истории.

Она раскрепостила многонациональное общество, но ценой разрушения единого политического пространства, вернула людям понятия политической свободы и достоинства. Но она же ввергла страну в политический хаос и межнациональные распри, следствием которых стали поправленные права, униженное достоинство, трагедии жертв и искалеченных судеб сотен тысяч (!) людей.

Такова была цена, в частности, реализации права на самоопределение армянского населения Нагорного Карабаха. Перестройка споткнулась именно на национальном вопросе, о чем убедительно свидетельствует история карабахского конфликта, похоронившего провальную национальную политику перестройки, развенчав ее псевдодемократический характер.

Армяно-азербайджанский конфликт вокруг Нагорного Карабаха вспыхнул в самый разгар перестройки, когда она вступила в фазу импровизированных политических реформ. Для Азербайджана, как и для всего СССР, территориальные требования, оглушительно прозвучавшие из Еревана и Степанакерта, явились полной неожиданностью. Но для партийного и государственного руководства СССР никакой неожиданности не было. Более того, в кремлевских верхах были хорошо информированы о настроениях в Армении и Нагорном Карабахе, хорошо знали, что там происходит и что готовится, ибо «там» особо и не скрывали своих намерений и планов, тщательно встраивая в демократическую риторику перестройки радикально-сепаратистские требования.

События вокруг Нагорного Карабаха обнаружили полную неготовность реформаторского руководства страны к адекватным политическим действиям

перед лицом назревавшей крупнейшей в XX столетии геополитической катастрофы, серьезным и неоспоримым сигналом о которой и явился карабахский конфликт.

1. Как это начиналось. Первая реакция Кремля

...Согласно оперативным сводкам КГБ и МВД, поступающим лишь узкому кругу высших должностных лиц, в течение 1987 года как в Армении, так и среди армянского населения Нагорно-Карабахской автономной области велась скрытая националистическая идеолого-пропагандистская и организаторская работа.

Вот что пишет о назревавшем конфликте Ф.Д. Бобков, занимавший в те годы должность первого заместителя председателя КГБ: «Уже два года мы были тревогу о грядущем конфликте между Арменией и Азербайджаном... В Армению была послана бригада, которая подтвердила: в Закавказье зреют межнациональные конфликты и надо принимать срочные меры. Вопрос был поставлен на обсуждение в секретариате ЦК КПСС. Однако все выводы и предложения бригады из решений убрали и сгладили остроту вопроса. Никто не хотел открыто признавать наличие конфликтов на национальной почве, что в некоторых республиках назревают социальные потрясения... ЦК КПСС пресекал любые попытки раскрыть истину»¹.

Двойственность, противоречивость политической линии кремлевского руководства в карабахском вопросе вполне проявились в период, предшествовавший публичным событиям вокруг НКАО. В течение 1987 года шли обращения по территориальному вопросу в ЦК КПСС и Верховный Совет СССР из Армении и НКАО. Отсутствие определенной реакции высших органов КПСС и Советского государства уже само по себе провоцировало армянскую сторону на более настойчивое, энергичное выдвижение территориальных требований. Принимая делегации «ходоков» из Армении и НКАО, высокопоставленные чиновники аппарата ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР заверяли их, что поднимаемые ими вопросы принимаются к рассмотрению и будут обсуждаться в ходе подготовки предстоящих в СССР политических реформ и преобразований. Армянские представители такой прием воспринимали как обещание возможности пересмотра статуса НКАО без учета позиции Азербайджанской ССР. Отсюда делался вывод о необходимости активными действиями снизу «облегчить» высшим государственным инстанциям принять решение, удовлетворяющее территориальные требования Армении. Причем, вопреки объявленной гласности, эта тема Москвой не обсуждалась с руководством Азербайджана. Более того, высшие органы исполнительной и законодательной власти не ставились официально в известность об обращениях армянской стороны.

Между тем специально организованные группы продолжали приезжать из Еревана в Нагорный Карабах, распространять националистические лис-

¹ Бобков Ф.Д. КГБ и власть. М., 1995. С. 298–299.

товки подстрекательского содержания, преследующие цель настроить армянское население области против азербайджанцев, переложить на республиканские власти ответственность за все тяготы жизни, нерешенные социально-экономические и другие проблемы. Населению Нагорного Карабаха внушалась мысль о том, что они живут хуже, чем остальные жители республики и всего Советского Союза, что решение их проблем невозможно в составе Азербайджана.

Среди населения НКАО организовывался сбор подписей под адресованными Кремлю петициями о «воссоединении» с Арменией. Ереванские организаторы сепаратистского движения в Азербайджане стремились вовлечь в свои акции как можно более широкие слои армянского населения автономной области. И многие люди втягивались в сепаратистское движение, не подозревая о том, к каким тяжелым, трагическим последствиям это приведет регион в недалеком будущем. Вопреки многовековому историческому опыту, им внушалась мысль о невозможности совместного проживания азербайджанцев и армян, о несовместимости их национальных интересов и культур.

В целях обоснования отторжения НКАО от Азербайджана, разжигания сепаратистских настроений агитаторы и пропагандисты широко использовали фальсифицированные исторические факты и ложные доводы о принадлежности Нагорного Карабаха Армении, о «злых кознях» азербайджанских большевиков в 1920-е годы. Разумеется, демагогически использовалось декларированное национальной политикой КПСС демократическое право нации на самоопределение, вымыслы о современном геноциде армян и некой антиармянской демографической политике в Азербайджане. Играв на чувствах людей, национал-сепаратисты раздували существующие недостатки, напоминали о прежних конфликтах, замалчивая при этом истину об их подлинных инициаторах, о том, что от них страдало не только армянское, но и азербайджанское население края.

Требование о передаче НКАО Армении идеологически базировалось, во-первых, на мифической армянской исконности Карабаха, и, во-вторых, на праве нации на самоопределение, однобоко раздутом и вырванном из системы конституционных принципов советского государства, включавших также уважение территориальной целостности республик. Эти требования увязывались инициаторами конфликта с одной из главных идеологием перестройки — правом на свободное волеизъявление граждан. Вся пропагандистская риторика сепаратистского движения старательно встраивалась в контексты идеологических процессов перестройки.

Критическое переосмысление истории СССР, происходившее в то время в стране, использовалось для распространения надуманных утверждений о том, что Сталин в 1921 году «отдал» Карабах Азербайджану. Идеи демонтажа командно-административной системы в СССР, активно обсуждавшиеся в обществе, переносились на национально-государственное устройство Советского Союза и использовались для обоснования пересмотра территориально-правового статуса НКАО. Критика социально-экономических проблем советского общества, в свою очередь, служила благоприятным фоном для раздувания настоящей истерии вокруг социально-экономических и нацио-

нально-культурных проблем автономной области, которая на самом деле находилась в относительно лучшем положении по сравнению с другими горными районами Азербайджана. Да и среди других аналогичных регионов СССР по социально-экономическим показателям НКАО была далеко не на последнем месте.

И никто не хотел замечать, как за завесой пропагандистской шумихи идеологов карабахского движения целенаправленно велась прямая фальсификация истории карабахского вопроса, социально-экономического положения автономной области, состояния межнациональных отношений в регионе. Требования о передаче НКАО Армении мотивировались невыносимыми условиями жизни армянского населения, произволом азербайджанских властей, словно Советский Азербайджан мог проводить в условиях командно-административной системы какую-то особую, сколько-нибудь самостоятельную политику, да еще в национальном вопросе. Но, несмотря на все противоречия и несообразности, откровенную ложь армянской пропаганды, ее внешнее созвучие лозунгам пропагандистской риторики перестройки позволяло добиваться главного: перетягивать на свою сторону общественное мнение в СССР, вызывать сочувственное отношение у демократически настроенной части российской интеллигенции и тем самым оказывать давление на руководство СССР.

Антиазербайджанская пропаганда, не встречая никакого противодействия, отравляла сознание армянского населения ядом недоверия, недоброжелательного отношения к республике и ее народу. Пропагандистская деятельность подкреплялась активной политической и организаторской работой. Под руководством эмиссаров из Армении создавались организационные основы сепаратистского движения, легализовавшегося позднее в НКАО под названием Комитета «Крунк». Разрабатывались средства и методы силового давления на союзные и республиканские органы власти, организовывались деputationи в Москву с целью получения поддержки в центре и подготовки общественного мнения в СССР в пользу своих требований. Моральный террор, шантаж, преследование несогласных с подобными действиями, запугивание армянского населения входили в арсенал активных действий организаторов сепаратистского движения в НКАО.

Некоторые авторы, в том числе зарубежные, пытаются отрицать решающую роль Армении в провоцировании армяно-азербайджанского конфликта, развертывании сепаратистского движения в Нагорном Карабахе. Пишут о том, что движение за объединение Карабаха с Арменией возникло и продолжается только (!) среди самих армян, живущих в Карабахе. Попытки представить карабахских армян в качестве единственной противоборствующей с Азербайджаном стороны продиктованы настойчивым стремлением представить карабахский конфликт не как армяно-азербайджанский, а как «карабахско-азербайджанский». Между тем агрессивный, ирредентистский характер армянского движения за Нагорный Карабах трудно скрыть, если иметь в виду, что его суть состоит в противоречащих международному праву территориальных домогательствах к соседнему государству лишь на основании этнической близости группы населения, проживающей на соответствующей территории

соседнего государства. Собственно говоря, первые публичные выступления и массовые демонстрации с требованиями о Нагорном Карабахе начались именно в Ереване, накануне праздника 7 ноября 1987 г. Это была своего рода репетиция будущих массовых выступлений и сигнал к развертыванию массовых протестных выступлений. Москва это событие оставила без внимания.

К середине февраля 1988 года глухое брожение среди армянского населения НКАО достигло критической точки и, как по команде, выплеснулось на улицы Степанакерта. Первый митинг, участники которого потребовали присоединить Нагорный Карабах к Армении, состоялся 12 февраля. С этого времени митинги, демонстрации, забастовки с категорическим требованием отделения от Азербайджана с некоторыми краткими перерывами проходили весь 1988 год, постепенно втягивая в межнациональную конфронтацию все большее число людей, в конечном счете все взрослое армянское и азербайджанское население области.

Стремясь придать сепаратистскому движению легитимный, «советизированный» характер, его организаторы путем митингового давления на местные органы власти в обстановке националистической истерии добились проведения 20 февраля 1988 г. «внеочередной сессии» областного совета народных депутатов 20-го созыва. На состоявшемся с большими нормативными и процедурными нарушениями собрании депутатов было принято решение «О ходатайстве перед Верховными Советами Азербайджанской ССР и Армянской ССР о передаче НКАО из состава Азербайджанской ССР в состав Армянской ССР».

Депутаты, представлявшие интересы азербайджанского населения НКАО, даже не были оповещены и не принимали участие в работе сессии и голосовании. Уже это обстоятельство лишало принятое решение какой-либо политической и юридической силы. Позднее, 13 июня 1988 г., Президиум Верховного Совета Азербайджана принял решение, в котором расценил эту сепаратистскую акцию как ходатайство лишь группы депутатов областного совета. Оно было сочтено неприемлемым, противоречащим интересам азербайджанского и армянского населения республики и отклонено. Однако несколько месяцев спустя Верховный Совет Армении в ответ на повторное обращение облсовета принял противозаконное, провокационное решение о включении НКАО в состав Армянской ССР. Но об этом несколько позже.

События в Армении и Нагорном Карабахе, открытая антиазербайджанская пропаганда создали крайне напряженную ситуацию в армяно-азербайджанских отношениях по всему периметру непосредственного взаимодействия армянского и азербайджанского населения как Армении, так и Азербайджана, и особенно Нагорного Карабаха. Требования об отделении автономной области от Азербайджана, громко «озвучиваемые» на митингах и демонстрациях в Степанакерте, создавали атмосферу раскаленных эмоций, порождали неприязнь, вражду между двумя общинами Нагорного Карабаха. В этой обстановке участились случаи расправы над азербайджанцами, появились первые «внутренние» беженцы-азербайджанцы, укрывавшиеся в соседнем Агdamском и других районах.

Межнациональное напряжение росло и в Армении. С конца 1987 года азербайджанское население Армении подвергалось мощному морально-психологическому давлению, угрозам насилия, имели место факты физической расправы над лицами азербайджанской национальности. Как неизбежное следствие — первые сотни беженцев-азербайджанцев из Кафанского и Мегринского районов Армении появились в сопредельных районах Азербайджана уже в январе 1988 года. В феврале масштабы вынужденного перемещения людей значительно возросли. К 18 февраля 1988 г., т.е. к моменту, когда в Азербайджане распространились первые сообщения (пока еще неофициальные) о территориальных притязаниях и антиазербайджанских событиях в Армении, число азербайджанцев, вынужденных ее покинуть в результате нагнетания атмосферы страха и насильственных действий, уже перевалило за четыре тысячи человек.

События в Армении и НКАО, открытые территориальные притязания были восприняты в Азербайджане как неспровоцированная агрессия соседней республики, как подрыв вековых устоев армяно-азербайджанских отношений, как предательский удар соседей в спину. Людей особенно тревожило угрожающее положение азербайджанцев в Армении и Нагорном Карабахе. Прибывавшие из соседней республики беженцы рассказывали о творившихся над ними бесчинствах, тяжелой, угнетающей атмосфере, вынуждавшей их оставлять родную землю, могилы предков, нажитое.

Вот несколько свидетельств азербайджанских беженцев из Армении, записанных бакинскими журналистами.

«С 19 февраля мы не спали ни одной ночи. Азербайджанцы из соседних сел собирались в наш поселок им. Калинина Масисского района для безопасности. А сам поселок под охраной пограничных частей, — рассказал Гусейн Гамбаров из совхоза “Арапат” Масисского района. — Азербайджанскую школу закрыли. По ночам собирались у костра в центре села или поселка по 10—20 мужчин охранять дома. И все-таки не проходит такой ночи, чтобы не был подожжен какой-нибудь дом. Старики, женщины, дети ложатся одетыми, даже в обуви. Чтобы можно было вскочить и бежать».

«В нашем селе Арташат Масисского района подожгли три дома — У. Абдуллаева, А. Садыгова и Низами, — сообщает колхозник Гумбат Аббасов. — С 19 февраля нас не пускают на базары, выращенное нашим трудом пропадает. С 19 февраля вы не найдете ни одной азербайджанской фамилии в записях больницы, поликлиники, медпунктов Армении. Хотя живет там 200 тысяч азербайджанцев. Нам отказали в медицинском обслуживании. Нам не продают хлеба и продуктов. Не допускают в городской транспорт. С 19 февраля начались массовые беспорядочные увольнения азербайджанцев. Нам плевали в лицо в самом прямом смысле слова и кричали: “Турки, вон, вон с армянской земли!”»

Подобные сообщения о событиях в Армении и Нагорном Карабахе, появление беженцев на дорогах и в населенных пунктах республики, их рассказы о происходящем вселяли в людей огромную тревогу, гнев, вызывали ответную волну антиармянских настроений, лозунгов и действий, повышенную потребность в демонстрации национальной солидарности. Эмоциональная ат-

мосфера в Баку начинала накаляться, когда стали поступать сообщения из Степанакерта об обращении депутатов областного совета с ходатайством о присоединении к Армении. 22–23 февраля перед зданием ЦК Компартии Азербайджана (теперь это резиденция Президента Азербайджанской Республики) состоялись первые многолюдные, пока еще стихийные, митинги.

Лишь 24 февраля 1988 г. пресса в форме сообщения ТАСС, наконец-то, обнародовала официальную позицию ЦК КПСС о событиях в НКАО, в котором излагалось постановление Политбюро ЦК КПСС. Сообщение ТАСС сыграло важную роль в последующих событиях. Территориальные притязания и сепаратистские требования официально были сочтены как необоснованные и неправомерные и не были поддержаны центром. Это, как предполагалось, должно было вразумить горячие головы и внести успокоение в обеих республиках. Но осуждение Москвой, как говорилось в сообщении, «безответственных призывов отдельных экстремистски настроенных лиц» вызвало возмущение в Армении, оскорбленной уже тем, что «патриотический порыв» народа был оценен как экстремизм. В Азербайджане недоумение вызвал призыв к народам двух республик не поддаваться на провокации «националистических элементов» в ситуации, когда в Армении маховик националистических эмоций раскручивался вовсю, а в Азербайджане люди еще только пытались разобраться в том, что происходит. О беженцах не упоминалось, причастность Армении к событиям в НКАО не отмечалась.

Содержащиеся в сообщении ТАСС оценки, разумеется, сильно разочаровали наэлектризованную общественность Армении, ранее обнадеженную в некоторых московских кабинетах. Но и азербайджанская сторона после явного и недвусмысленного подтверждения своих конституционных прав не могла быть вполне удовлетворена, так как в последующих официальных заявлениях содержались туманные рассуждения о том, что спорные вопросы еще ждут своего обсуждения и решения в ходе перестройки. Изрядный элемент двусмысленности в позицию Кремля внесло прозвучавшее в эти же дни обращение М.С. Горбачева к азербайджанскому и армянскому народам. В отличие от четких оценок, содержавшихся в сообщении ТАСС, в обращении Горбачева эти оценки смягчались увещаниями быть терпимыми и терпеливыми, дожидаться рассмотрения в скором времени всего комплекса национальных проблем в СССР. Между тем в Баку ожидалось, что Москва подтвердит безусловные конституционные права Азербайджана на оспариваемую территорию, даст оценку событиям по их существу. В свою очередь, армянская сторона, хотя и недовольная тем, что ее требования не выполняются, воспринимала колебания Кремля как сигнал для более активного давления на центральные органы власти.

Проводимая центром тупиковая стратегия соблюдения некоего баланса вины обеих республик только подливала масло в огонь. Не в состоянии примирить противоположные требования конфликтующих сторон, союзный центр все больше отступал от общегосударственных конституционных принципов. В результате вместе с усилением армяно-азербайджанского противостояния зарождалась на местах и политическая оппозиция к Кремлю в обеих республиках. В свою очередь, центральные власти, стремясь сохранять кон-

троль над обстановкой и в Азербайджане, и Армении, все чаще прибегали к взаимоисключающим в данной ситуации политическим аргументам права на самоопределение и нерушимости республиканских границ, тем самым неизбежно разжигая межнациональный конфликт.

В Азербайджане между тем назревал эмоционально-политический взрыв. Люди были готовы практическими действиями продемонстрировать свою решимость не уступать территориальным домогательствам, солидарность с беженцами из Армении и Нагорного Карабаха. Первый случай массового противостояния азербайджанцев и армян с угрозой перерасти в кровавое побоище произошел 22–24 февраля на дороге Степанакерт – Агдам. Обстановка в соседнем с НКАО Агдамском районе бурлила, так как население было взбудоражено рассказами беженцев о событиях в Степанакерте, их жалобами на бесчинства и оскорбления в адрес азербайджанцев.

Кульминацией стало сообщение об убийстве двух азербайджанцев – первых жертв карабахского конфликта – в Аскеранском районе. Это были работавшие на винограднике крестьянин и мальчишка, которые оказались подозрительными армянскому стрелку. Экзальтированная многолюдная толпа агдамцев двинулась в сторону Аскеранского района. Навстречу им выступили армяне – жители Аскеранского района. «Мне пришлось быть на месте события, – сообщает в своих воспоминаниях Ф.Д. Бобков, – и видеть разъяренную толпу жителей Агдамского (соседнего с Аскеранским) района, призывавшую отомстить за невинные жертвы. Остановил их лишь мужественный поступок замечательной женщины Героя Социалистического Труда Абасовой, которая бросила платок перед толпой и обратилась к мужчинам, призывая их к разуму»². Возмущение людей усилиями районного актива вместе с представителями органов власти из Баку удалось обуздать. На состоявшемся в Агдаме митинге было решено не разжигать страстей, чтобы гибель двух азербайджанцев не привела к еще большему кровопролитию.

Однако жизнь распорядилась по-иному. Желая утихомирить бушующие страсти в Армении, где в это время широко муссировались ложные слухи о массовых избиениях и убийствах армян в Азербайджане, главный военный прокурор Советской армии А. П. Катусев сделал публичное заявление в Ереване о том, что в Карабахе действительно погибли люди, «но это были не армяне», иначе говоря, речь шла о гибели азербайджанцев. Тем самым слухи о жестокостях армян неожиданно получили официальное подтверждение, тиражируемое центральным телевидением, что, в свою очередь, стало той самой искрой, которая вызвала 28–29 февраля вспышку массовых беспорядков, погромов, насилия над армянским населением в Сумгаите.

2. Сумгаитская трагедия. Эскалация конфликта

В официальном сообщении Азербайджанского информационного агентства говорилось: «28 февраля в Сумгаите группа хулиганствующих элементов

² Бобков Ф.Д. КГБ и власть. М., 1995. С. 299.

спровоцировала беспорядки. Имели место случаи бесчинства и насилия. Приняты меры для нормализации жизни в городе, обеспечения дисциплины и общественного порядка. Следственными органами ведется расследование».

В Азербайджане хорошо понимали, что нарастающий поток беженцев из Армении, помноженный на возмущенное состояние азербайджанского общества, превращает армянское население республики в подлинных заложников карабахского конфликта. К его началу в 2-миллионном Баку проживало более 200 тыс. армян, а в Азербайджане в целом — порядка 500 тыс. Что же касается Нагорного Карабаха, то там их насчитывалось около 120 тыс.

В условиях смешанного проживания людей десятков национальностей при неконтролируемом росте эмоционального напряжения населения обеспечить безопасность армянской части населения, особенно в условиях таких крупных городов, как Баку, Гянджа и другие — задача в высшей степени сложная и тяжелая. Тем не менее на протяжении определенного времени властям и общественности Баку и других регионов республики удавалось, благодаря энергичным усилиям, каким-то образом нейтрализовывать негативные эмоции, неизбежно возникавшие при контактах с прибывавшими из Армении и НКАО беженцами. Все усилия были направлены на то, чтобы не допускать митингов, шествий, других массовых скоплений людей.

В отличие от других городов, где удавалось сдерживать страсти населения, в Сумгаите уже два дня шли митинги, собиравшие до нескольких тысяч человек. Участники митингов обсуждали события вокруг Нагорного Карабаха, требовали от руководства республики принятия мер «по наведению порядка в НКАО». Появившиеся на митинге беженцы, преимущественно из Кафанского района Армении, рассказами о погромах, учиненных армянами в районах, где жили, главным образом, азербайджанцы, взвинтили обстановку.

Сообщение о гибели двух азербайджанцев в Аскеранском районе НКАО, распространенное Центральным телевидением, стало последней каплей. Подстрекаемая прибывшими из Армении беженцами разъяренная толпа, в которой были криминальные элементы, учащиеся из профтехучилищ, жители самостроек из рабочих окраин города, отделившись от остальных участников митинга, двинулась в жилые кварталы. Попытки работников милиции остановить разбушевавшуюся толпу только подливали масла в огонь... Сотни армян подверглись избиениям и издевательствам, многие квартиры были разгромлены и разграблены, 26 человек погибло. Позднее, во время ввода в город войсковых подразделений, погибло шесть азербайджанцев.

От ЦК Компартии Азербайджана, Президиума Верховного Совета, Совета министров Азербайджанской ССР: *«Центральный Комитет Коммунистической партии Азербайджана, Президиум Верховного Совета и Совет министров Азербайджанской ССР выражают глубокое соболезнование и искреннее сочувствие семьям, родственникам и близким погибших, а также всем пострадавшим в результате беспорядков, имевших место 28 февраля 1988 года в городе Сумгаите»*. Сумгаитские события были осуждены жителями, общественностью, официальными властями Азербайджана. Специальными решениями партийных органов были отстранены от занимаемых должностей и наказаны руководители города, некоторых городских предприятий, органов внутренних

дел. К уголовной ответственности привлечены десятки людей. Всего перед судом предстало 96 человек. По желанию пострадавших судебные процессы над убийцами, участниками погромов и бесчинств (среди них люди разных национальностей, в том числе один из главных организаторов погромов армянин Григорян) состоялись за пределами Азербайджана и освещались республиканскими и центральными газетами и телевидением. Среди осужденных были приговоренные к расстрелу.

Многие авторы, особенно армянские, сокрушаются, что из сумгаитских событий не было сделано должных выводов, виновники якобы не были разоблачены и наказаны, и, главное, не была дана политическая и правовая оценка. Большинство этих авторов оказались неосведомленными об осуществленных мерах и осуждающей реакции общественности республики. Их определенная часть имела в виду другое: возложить ответственность за происшедшее на весь народ Азербайджана, обвинить в преступлении руководство республики. Армянской стороне это требовалось для обоснования очередного мифа о «геноциде», чтобы как ярлык навесить его на республику. Однако должно быть очевидно — в Азербайджане никто не инициировал и не был заинтересован в армяно-азербайджанском конфликте, не помышлял об изгнании армян из Азербайджана. Бывший министр внутренних дел СССР В. Бакатин писал: «Правильно упрекали Горбачева в безволии, когда не была дана политическая и правовая оценка Сумгаита... Эскалация конфликта нарастала по типу маятника. На каждый шаг Еревана — еще более мощный выпад Баку и наоборот. В итоге — встречные потоки сотен тысяч беженцев, гибель людей. Насилие порождало новое насилие. Кто начал — трудно сказать»³.

Последняя фраза явно неискренняя. Сам ход событий свидетельствовал о том, «кто начал», кто инициировал конфликт и тем самым спровоцировал насилие, тот соответственно и должен нести главную ответственность за возникновение неуправляемой ситуации. И дело было не в «безволии» Горбачева — союзный центр сознательно уклонялся от политических оценок карабахских событий, так как пришлось бы «оценить» тех, «кто начал», и тех, кто потворствовал развитию конфликта своим бездействием и колебаниями.

Тем не менее факт остается фактом: республика, ее руководство, общественность сами дали сумгаитским событиям суровую оценку, сделали жесткие политические, организационные и дисциплинарные выводы, осудили произошедшее.

Порочность ситуации, возникшей вокруг карабахского конфликта, состояла как раз в том, что руководство страны «проявило двойственность в решении армяно-азербайджанской проблемы, не заняло твердой позиции и какое-то время скрывало ее от населения, тем самым еще больше усугубляя конфликт», — рассказывает в своей книге Ф.Д. Бобков. — «После кошмарной ночи в Сумгаите я разговаривал с одной армянкой, работницей Сумгаитского комбината, женщиной мужественной и умной. Она стойчески пережила страшную ночь, когда ее беременная невестка была зверски замучена, а сын ранен.

³ Бакатин В. Дорога в прошедшем времени. М., 1999. С. 141.

— Вы думаете, эти интеллигенты там, в Ереване, думают о нас, армянах? — сказала она. — Они думают о земле. И Карабах им нужен только для этой цели.

Месяца через 2—3 я встречался с приехавшим в Москву первым заместителем Председателя Совета министров Армении Кирокосяном. Он был на пенсии. Кирокосян долго объяснял, почему следовало решить карабахскую проблему в пользу армян, и привел один из главных аргументов:

— Нам очень нужна земля»⁴.

В печально известной своей грубой антиазербайджанской подстрекательской направленностью книге армянского журналиста З. Балаяна «Очаг» есть такие строки: «...какие у нас крохотные расстояния. Как тесно нам... Тесно нам, как никому и как нигде в мире». И еще: «Самая маленькая по территории республика в нашей стране и вдобавок еще одни камни... Всего две тысячи километров плодородных земель. Горсть земли»⁵. На фоне конфликта, основанного на территориальных притязаниях и развязанного при активнейшем участии автора приведенных строк, изгнания 200-тысячного азербайджанского крестьянства с их земель в Армении и последующей оккупации азербайджанских территорий эти строки звучат особенно зловеще...

Еще один миф, созданный некоторыми авторами, сводится к тому, что армяно-азербайджанский конфликт наступил после трагедии в Сумгаите, и в «результате» в Нагорном Карабахе началась кровопролитная война, жертвами которой стали тысячи людей. Подобное, достаточно распространенное в российской литературе суждение — одно из непосредственных следствий усилий армянских СМИ, создавших в общественном сознании представление о том, что именно с Сумгаита, с погромов армянского населения города все и началось. Подобные представления со временем с газетных полос перекочевали и на страницы некоторых научных трудов и даже учебных пособий российских авторов, явно не осведомленных о реальной последовательности событий. Поэтому конфликтная ситуация и воспроизводилась с точностью до «наоборот».

О том, насколько укоренилось подобное представление, свидетельствует самое «свежее» издание — научный труд, в котором анализируется опыт проведения силовых операций в целях урегулирования этнополитических конфликтов. В этой работе сказано: «...Затем (после событий в Алма-Ате в 1986 г. — *А.Д.*) последовали конфликты в г. Сумгаит (Азербайджанской ССР) в феврале 1988 г.; в Карабахе (Азербайджан) — в 1988—1991 гг. В обоих конфликтах официально причиной явилось противостояние армян и азербайджанцев»⁶.

Возможно, в силу неосведомленности, сам того не понимая, а лишь полагаясь на ряд российских публикаций, цитируемый автор доводит трактовку карабахских событий 1988 года до полного абсурда. Во-первых, получается, что имели место два самостоятельных конфликта, связанных общей причи-

⁴ Бобков Ф.Д. КГБ и власть. М., 1995. С. 297—298.

⁵ Балаян З. Очаг. Ереван, 1984.

⁶ Стаськов Н.В. Силовые операции в системе урегулирования этнополитических конфликтов. М., 2005. С. 307.

ной — «противостоянием армян и азербайджанцев»; во-вторых, там, где имеет место противостояние сторон, просто не может быть некой общепризнанной «официальной» причины. Если же за таковую принимаются официальные документы ЦК КПСС и Президиума Верховного Совета СССР, то в них неоднократно указывалось, что именно события вокруг Нагорного Карабаха и привели к противостоянию двух соседних народов.

После Сумгаита произошло резкое обострение конфликта. Ожесточилось пережившее потрясение армянское население. Развернулась антиазербайджанская пропагандистская кампания в прессе уже во всесоюзном и международном масштабе с использованием умело смоделированного образа азербайджанской нации — погромщиков, ответивших на «мирные», «безобидные», «демократические» требования армян противоправными действиями и погромами. Эксплуатируя трагическую ситуацию вокруг сумгаитских событий, армянские СМИ настойчиво продвигали версию о якобы заблаговременно подготовленном руководителями Азербайджанской Республики «геноциде» сумгаитских армян.

Тем самым достигалась немаловажная, можно сказать, стратегическая цель — армянская сторона, спровоцировавшая взрывоопасный процесс межнациональной конфронтации, в постсумгаитской ситуации предстала как жертва этой конфронтации; Азербайджан же, благодаря этим усилиям, начиная с данного момента, длительное время воспринимался не иначе как агрессивная, реакционная, непримиримая сторона межнационального конфликта.

Невероятно, с какой удивительной легкостью порой создаются и широко распространяются мифы, совершенно искажающие реальные события, происходившие у всех на глазах. Зарубежный автор Ширин Хантер, отмечая, что армянские погромы в Сумгаите «стали поворотным пунктом в развитии карабахского конфликта», в свою очередь, продолжила мифотворчество: «Антиармянские выступления в Баку в начале 1990 года подтолкнули в значительной мере наплыв азербайджанских беженцев». Получается так, что трагические события в Баку в 1990 году спровоцировали изгнание азербайджанцев из Армении, произошедшее, как известно, осенью 1988 года. Комментарии, как говорится, излишни.

Разумеется, Сумгаит усугубил конфликт, обострил межнациональное противостояние, втягивая в свою орбиту все большее число людей с обеих сторон. Появились первые армянские беженцы теперь уже из Азербайджана, из Сумгаита, а у инициаторов и организаторов «карабахского» движения — новые доводы для антиазербайджанской пропаганды с использованием образа азербайджанских погромщиков как средства устрашения армян с применением ключевого кода «геноцид».

По мере развертывания конфликтных действий все более явно обнаруживался важнейший практический элемент стратегии ирредентизма: придать конфликту необратимый, непримиримый характер. И уже 2 марта была зафиксирована новая волна азербайджанских беженцев из Армении: в Зангеланском и соседних с ним районах Азербайджана появилось много азербайджанских семей, изгнанных из сельских районов Армении.

Сумгаит отчетливо проявил важную особенность вновь возникшей региональной этнополитической ситуации: Азербайджан и Армения в результате раскрученного конфликта превратились в два сообщающихся сосуда. Стабилизировать обстановку в одной республике практически было нельзя, если не контролировать ситуацию в другой. Реальность была такова, что из создавшегося положения, чреватого огромными внутривнутриполитическими потрясениями, азербайджанская и армянская стороны могли выйти только совместно, тесно взаимодействуя, координируя усилия по предотвращению провокаций, нейтрализации острых ситуаций, возвращению беженцев в места постоянного проживания и т.д.

Однако, несмотря на отдельные попытки, стороны оказались не готовы к подлинному сотрудничеству во имя интересов собственных народов. Хотя партийные и государственные органы двух республик предпринимали организационные и политические меры, чтобы наладить такое взаимодействие, силы конфликта, одержимые идеей «присоединения» НКАО, в конечном счете одолели здравый смысл. Глашатаи права на национальное самоопределение отдельно взятой территории не поскупились, щедро расплачиваясь судьбами и жизнями азербайджанцев и армян, в одночасье превратившихся в лишенных крова беженцев...

Еще раз напомним: в специально принятом постановлении ЦК Компартии Азербайджана, других документах руководящих органов республики содержался критический анализ деятельности сумгаитских городских властей, обстоятельств, приведших к неконтролируемой ситуации в городе, были безоговорочно осуждены бандитские действия хулиганствующей толпы, заявлено о неприемлемости насилия в какой бы то ни было форме, наказаны руководители партийных, советских, правоохранительных органов города. Что же касается правовой оценки, она была дана судебными органами страны.

Возникает вопрос, каких оценок и разоблачений добивались ревнители «геноцида»? Ответ на этот вопрос, к сожалению, достаточно прост: максимально использовать произошедшую беду, чтобы опорочить народ Азербайджана, представить руководство республики главными организаторами и зачинщиками погромов и бесчинств в Сумгаите, и, таким образом, добиться в стране и мире моральной и общественной поддержки сепаратистских требований и территориальных притязаний, получить политический перевес в борьбе за Карабах.

И надо признать, что в достижении этих целей стратеги территориальных притязаний вполне преуспели, вызвав в то время антиазербайджанские настроения. Однако и тогда, и сегодня остается очевидным: в Азербайджане никто не инициировал карабахский конфликт, не помышлял об изгнании армян, не вел многолетнюю подготовку к информационной и политической войне, к вооруженным действиям. В свете сказанного, процитированное утверждение Бакатина о том, что «кто начал — трудно сказать» — явное лукавство.

Более того, оценивая ситуацию с прагматической точки зрения, можно утверждать, что погромы и эксцессы именно в ситуации межнационального конфликта шли вразрез с общественными политическими интересами Азер-

байджанской Республики, ее многонационального населения, противоречили персональным интересам ее руководителей.

Кстати, сразу после произошедшей в Сумгаите трагедии первый секретарь ЦК Компартии Азербайджана К.М. Багиров направил в Политбюро ЦК КПСС заявление о своей отставке. Решение вопроса было отложено, видимо, искали замену. Ни у кого — ни в окружении Багирова, ни в вышестоящих инстанциях и кремлевских кругах — порядочность и политическая лояльность первого секретаря ЦК Компартии Азербайджана не вызывала сомнений. Он лишь, как мог, отстаивал в тех условиях законные интересы своей республики.

Другое дело, государственные и правоохранительные органы, общественность республики оказались совершенно не готовы к стихийному бедствию, каким явились события в Армении и НКАО, спровоцировавшие, в свою очередь, массовые выступления в Азербайджане, создавшие условия для неконтролируемого поведения толпы.

Не справившись с этой ситуацией, К. Багиров сам ушел в отставку.

При этом до сих пор российскими и зарубежными авторами практически остались «незамеченными» происходившие в это же время массовые избиения азербайджанского населения в Армении, их насильственное изгнание, гибель детей, женщин, стариков. В одном из изданий, посвященном армяно-азербайджанскому конфликту, говорится: «...на митингах в поддержку Карабаха (в Ереване. — *А.Д.*) собирались ежедневно уже до миллиона человек... Однако все происходившее тогда в Армении поражало наблюдателей высокой степенью организованности и выдержки — в Ереване, в частности, не было никаких эксцессов»⁷.

Вот именно, высокая степень организованности свидетельствовала как раз о большой подготовительной работе, предшествовавшей публичным территориальным требованиям в Ереване. Кроме того, к этому времени в столице Армении азербайджанцев почти не оставалось. В сельских районах и провинциальных городах под шум ереванских митингов шла массовая работа: запугивание, нападения на азербайджанское население, их все более энергичное выдавливание из республики.

3. В поисках выхода из конфликтной ситуации

Оказавшись перед лицом острого политического кризиса армяно-азербайджанских отношений, союзные власти лихорадочно искали выход из создавшегося положения. Впервые кремлевское руководство столкнулось с открытым конфликтом между двумя союзными республиками, с тем, что перестроечная фразеология о демократии, гласности, свободе самоопределения обернулась против самой же власти и ее политики перестройки.

В этой обстановке 9 марта 1988 г. в ЦК КПСС состоялось совещание, на котором было решено разработать программу социально-экономического развития автономной области в составе Азербайджана. И уже 24 марта было

⁷ *Бабанов И., Воеводский К.* Карабахский кризис. СПб., 1992.

принято постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «О мерах по ускорению социально-экономического развития Нагорно-Карабахской автономной области Азербайджанской ССР в 1988–1995 годах». На реализацию постановления выделялась огромная по тем временам сумма — 500 млн. рублей. Этим решением предусматривалось всестороннее социально-экономическое развитие области, обеспечение занятости трудоспособного населения, увеличение объемов жилищного строительства, радикальное улучшение ситуации в социально-культурной сфере с учетом пожеланий и этнокультурных запросов армянского населения. Предусматривалось расширение экономических и культурных связей НКАО с Арменией.

В течение марта–апреля правительством Азербайджана совместно с союзными министерствами и ведомствами были решены основные вопросы практической реализации этого крупного решения.

Однако развертывание в автономной области соответствующих работ с самого начала натолкнулось на сопротивление областных органов власти, к руководству которыми на смену прежним, с благословения Москвы, пришли новые люди, тесно связанные с сепаратистским движением. И в Армении, и в НКАО постановление ЦК и Совмина было принято в штыки: «Мы требуем политического решения, а не экономических поправок!» — говорилось на митингах в Ереване, а вслед за ними — и в Степанакерте. В Ереване и НКАО продолжало расти сопротивление любым попыткам урегулировать конфликт путем решения тех реальных вопросов повседневной жизни, которые, действительно, отражали насущные заботы населения региона.

Не может не обращать на себя внимание удивительная гибкость, которая проявлялась лидерами и идеологами карабахского движения в соответствии с менявшейся ситуацией вокруг армяно-азербайджанского конфликта. Как по команде, акцент в пропагандистской риторике сепаратистов сместился с социально-экономических вопросов в сферу политическую: зазвучали мотивы бесправия армянского населения, несправедливостей, чинимых руководителями Азербайджана на всех этапах советской истории. В соответствии с этим усиливались требования «политического решения карабахской проблемы».

Теперь облсовет автономии уже не ходатайствует о переходе в состав Армении, а принимает неправомочное решение о выходе из состава Азербайджана, а в Армении спешат на уровне Верховного Совета удовлетворить это неконституционное решение. Некоторое время спустя, становится ясно, что ни в СССР, ни за рубежом включение Нагорного Карабаха в состав Армении не находит официальной поддержки — слишком очевидным был аннексионистский характер ее территориальных притязаний.

И вновь меняется тактика — теперь выдвигается требование о переподчинении НКАО союзному центру либо о переходе в состав РСФСР. Еще через некоторое время тактика «обновляется» — и еще через пару лет, вслед за развалом СССР, Нагорный Карабах объявляется «самостоятельным» политическим образованием, находясь при этом под фактическим контролем и в составе Республики Армения.

Смысл подобных тактических уловок и «новаций» состоял в том, чтобы демонстрировать готовность армянской стороны к компромиссам, поискам

«консенсуса». На этом фоне азербайджанская сторона, исходившая из безусловности конституционного принципа территориальной целостности республики, представляла бескомпромиссной, жестокой и консервативной. Лишь позже, столкнувшись с внутренними вызовами сепаратистского характера, политическая элита России стала осознавать всю разрушительную угрозу национальной безопасности и целостности государства со стороны произвольно трактуемого права на самоопределение.

Между тем в течение марта–апреля напряженность в Нагорном Карабахе продолжала нарастать. Новые люди, пришедшие к власти в НКАО, вели дело к демонстративному свертыванию хозяйственных, производственных связей с Баку, другими городами и районами Азербайджана, отказывались сотрудничать с вышестоящими инстанциями республики. Одновременно по нарастающей происходило выдавливание азербайджанцев из мест их проживания в НКАО. Производились массовые увольнения азербайджанцев, работавших в учреждениях и на предприятиях в Степанакерте, изгонялись студенты-азербайджанцы из учебных заведений со смешанным составом учащихся, выселялись из своих квартир и домов жители-азербайджанцы областного центра.

Так, борьба за свободное самоопределение автономной области неизбежно обернулась дискриминацией азербайджанского населения, этнической чисткой НКАО. Именно в этот период существовавшие в Нагорном Карабахе общественные организации, первичные организации партии, комсомольские, профсоюзные организации, творческие союзы и т.д. и т.п., стали делиться по национальному принципу. Происходил массовый разрыв армяно-азербайджанских межнациональных связей и отношений, складывавшихся и развивавшихся десятилетиями. И это уже не могло не вызвать цепной реакции межнационального размежевания общественных, политических организаций, трудовых и учебных коллективов. По существу, это было прологом развала СССР!

Весь этот период массовые митинги и забастовки не прекращались и в Армении. Нарастала первая крупная волна протестного движения в Азербайджане. Начались массовые демонстрации и митинги на центральной столичной площади в Баку, носившей имя В.И. Ленина, а затем переименованной в площадь Свободы. Пройдет немного времени, и эта площадь станет подлинным центром политической жизни республики. Жители столицы и других регионов Азербайджана приходили и приезжали сюда, чтобы разобраться в происходящем, послушать молодых, энергичных, смелых ораторов, чтобы получить информацию, которой доверяли больше, чем тому, что сообщалось газетами и телевидением. Здесь начиналось небывалое: открыто критиковались власти — и не только местные, но и центральные, впервые публично звучали слова — «суверенитет», «независимость», «свобода», «национальная солидарность».

Чем больше автономная область дистанцировалась от республики, тем меньшим авторитетом среди населения пользовались руководители Азербайджана. Обстановка в республике накалялась, вновь возобновились массовые митинги в столице. Ситуация вынуждала центральную власть как-то реагировать на происходящее в Армении и Азербайджане.

В обстановке массовых митингов, проходивших уже под антиправительственными лозунгами, в мае состоялся Пленум ЦК Компартии Азербайджана, на котором был избран новый первый секретарь А.Х. Везиров, находившийся в то время на дипломатической работе. От имени ЦК КПСС его представлял Е.К. Лигачев, член Политбюро, секретарь ЦК КПСС. Аналогичная «смена караула» состоялась в Ереване. В ней принял участие член Политбюро и секретарь ЦК КПСС А.Н. Яковлев. Это были ближайшие сподвижники Горбачева, члены единого руководства партией и государством. Однако каждый из них, выступая на пленумах в Баку и Ереване, сделал взаимоисключающие заявления. Лигачев осудил перекройку границ между республиками, призывал крепить единство многонационального советского государства, держаться за интернационализм и дружбу народов. Яковлев, по существу, поддержал претензии на реализацию права на самоопределение, что означало, согласно сказанному, «всего лишь» право на отсоединение НКАО от Азербайджана.

Разумеется, это был не случайный эпизод. Тайное становилось явным: в высшем руководстве страны обнаружилось политическое и идеологическое расхождение по карабахскому вопросу, отражавшее глубокий раскол по принципиальным вопросам политического развития СССР. Этот момент в дальнейшем превратится в одну из главных интриг карабахского конфликта. Этнополитический кризис в Закавказье постепенно становится полем политических игр сторонников и противников перестройки в верхних эшелонах советской власти, отражаясь одновременно и в работе СМИ.

В результате союзный центр все больше терял положение объективного арбитра, втягиваясь в карабахский конфликт в качестве его третьей стороны.

Вопреки ожиданиям Кремля, смена руководителей конфликтующих республик не произвела ожидаемого эффекта, не остановила стремительное развитие политического кризиса. Новый первый секретарь ЦК Компартии Армении С. Арутюнян, занимавший перед этим ответственную должность в ЦК КПСС, политической ситуацией в республике овладеть уже не мог. Карабахское движение в Армении приобрело такие масштабы, что местные, да и союзные власти не в состоянии были его обуздать. Продолжались массовые митинги, шла непрерывная всеобщая забастовка, сидячие демонстрации и голодовки, запугивание и моральный террор в отношении азербайджанского населения Армении. Сформировался Комитет «Карабах», во главе которого стал будущий президент Армении Л. Тер-Петросян. Созданное им Армянское освободительное движение, немногим более двух лет спустя, придет в Армении к власти еще при «жизни» СССР.

Азербайджанское население Армении между тем в растущих масштабах подвергалось силовому давлению и массовому насилию.

Вот несколько сохранившихся в моем архиве свидетельств самих пострадавших:

«...В первых числах мая 1988 года в селе Ширазлы Араратского района Армянской ССР было разрушено армянами 16 домов, сожжены два дома и одна автомашина. 210 семей (880 человек) из этого села в течение 4 месяцев жили под открытым небом на берегу реки Аракс в приграничной зоне.

Насильственно изгнанные из своих родных мест граждане Масисского района, оставили под охранную расписку во дворе РОВД двадцать две автомашины «Жигули» и одну «Волгу». Все эти машины раскулачены и разобраны армянской милицией.

Начальник РОВД, председатель РИК, заместитель председателя КГБ Спитакского района Армении, прибыв в село Сарал того же района, собрали жителей-азербайджанцев и объявили им, что в течение двух часов они должны покинуть село. Такое же предложение было сделано и жителям села Гурсалы. Однако жители этих сел отказались выполнять требования. Через два часа оба села были оцеплены 500 грузовиками и легковыми автомашинами. После нескольких выстрелов в воздух начался обстрел села. Подоспевшими из Кировакана частям погранвойск СССР кое-как удалось разогнать нападавших...»

По инициативе ЦК КП Армении с «19 по 25 июня 1988 г. в Армении находилась группа ответственных партийных и советских работников из Азербайджана под руководством члена бюро ЦК КП Азербайджана, первого заместителя Председателя Совета министров Азербайджанской ССР М.С. Мамедова».

Из справки, подготовленной по итогам поездки и направленной для сведения в ЦК КПСС:

«Демонстрируя свое неудовлетворение отрицательным решением сессии Верховного Совета Азербайджанской ССР от 17 июня с.г. по вопросу передачи НКАО из состава Азербайджанской ССР в Армянскую ССР, группы хулиганствующих элементов армянской национальности предприняли ряд противоправных действий против азербайджанской части населения Армении. Так, 17 июня с.г. ими учинены погром и массовое избиение жителей поселков Масис, Саят-Нова, Даштаван, Зангиляр, Сарванляр и др. Разгромлены 18 квартир, сожжены 7 частных домов азербайджанцев, 11 человек тяжело ранены, лица многих из них изуродованы. В десятках домов и квартир разбиты стекла, двери, поломаны заборы, гаражи, автомобили, разрушены надворные постройки. Более 8 тыс. жителей побросали свои дома, укрылись под защитой пограничной заставы. Совместно с армянскими товарищами была проведена необходимая работа, около 7 тыс. из них в конце июня возвратились в свои дома. Особой жестокостью отличались действия «молодчиков», прибывших на автобусах в сопровождении грузовых машин и самосвалов, груженых арматурой, камнями, палками и другими орудиями избиения. Происшедшему во многом способствовали публикации в местной печати, передачи республиканского телевидения и радио, многочисленные подстрекательские речи на митингах и сборищах в г. Ереване и других населенных пунктах Армянской ССР. Вызывает недоумение трансляция республиканским телевидением бесед с так называемыми «очевидцами» нападения азербайджанцев на армян, которые якобы были в городе Шуше. Обращает на себя внимание безнаказанность хулиганских проявлений, бездействие местных советских и правоохранительных органов, которыми не предупреждается совершение фактов насилия. Аналогичный погром имел место также 11 мая с.г. в селе Ширазлы Араратского района, где повсеместно проживают армяне и азербайджанцы. Тогда было разгромлено 57 домов азербайджанцев, в том числе один дом полностью и два дома частично были сожжены. Жители азербайджанской национальности села Ширазлы и других разгромленных сел нашли защиту у пограничников.

Более 45 дней существует лагерь этих беженцев, живущих практически под открытым небом. Здесь немало и детей. Со стороны местных властей не проявляется элементарного внимания, не оказывается медицинская помощь, не завозятся продукты, вода и прочие предметы первой необходимости, возникает реальная угроза эпидемических заболеваний. В результате проведенной работы женщин и детей из этого лагеря удалось перевести в близлежащий населенный пункт. Положение усугубляется тем, что многих азербайджанцев увольняют с работы, снимают с постоянного паспортного учета, систематически шантажируют угрозой физической расправы. Все это усиливает тревогу, нагнетает страх, сказывается на моральном состоянии людей...

Подобные факты наблюдаются и во многих других районах, особенно Амасисском, Варданисском, Ехенадзорском, Азизбековском. Все это привело к тому, что многие азербайджанские семьи покинули Армению, находятся в настоящее время в Азербайджанской ССР и других регионах страны.

С иной ситуацией в Азербайджане встретился его новый руководитель Абдурахман Везиров. Разумеется, события в Армении и Нагорном Карабахе не могли не вызывать ответной реакции, поскольку не без оснований были восприняты как вызов Азербайджану. Вместе с тем, несмотря на постоянную угрозу провокаций в местах смешанного проживания населения, в целом политическая обстановка в республике еще контролировалась властями. Немаловажное значение имело то, что Везиров воспринимался как назначенец М. Горбачева, и люди наивно ожидали, что, пользуясь поддержкой руководства СССР, уж он-то решит карабахский вопрос как положено.

Это был тот переходный, неустойчивый, предкризисный момент, когда требовался национальный лидер, «национальный герой», способный сплотить вокруг себя всех азербайджанцев, возглавить всенародную борьбу против опаснейшей внешней угрозы. Население ожидало, что место руководителя займет более энергичный, смелый политик, готовый биться за интересы нации, говорящий с народом на доступном ему политическом языке, адекватно выражающий его мысли и переживания. По привычке массы ожидали героя сверху. Но народу явился руководитель, заговоривший казенным языком партийной политики и пропаганды, сдержанный во всем, что касалось выражения национальных чувств. В обществе жаждали призывов к национальной солидарности, а услышали дежурные призывы к интернационализму и дружбе народов. Чем громче звучали идеологемы классовой солидарности, преданности коммунистической партии и государству, тем больше проявлялось разочарование низов. И тогда массы стали инстинктивно искать лидеров в своей среде...

Беда в том, что в республиканских «верхах» в то время мало кто признавал масштабы и последствия навязанного конфликта, не понимал особенности переживаемого народом состояния. В представлениях массового сознания азербайджанцев вызов Армении состоял не просто в территориальных притязаниях на Карабах. Это был вызов территориальной идентичности азербайджанцев, воспринимавшийся всеми слоями населения республики как угроза национальной идентичности всего азербайджанского народа. Особенность

морально-психологического состояния людей гораздо быстрее почувствовали, угадали молодые, активные, рвущиеся в бой представители вузовской, академической интеллигенции. Эти настроения разделялись студенчеством, молодыми рабочими. Пройдет еще немного времени и на политической арене появится немало радикальных «оракулов» и «пророков», которые были «своими» уже потому, что являлись выходцами преимущественно из люмпенизированной среды.

Первое же программное выступление А. Везирова на созванном им многолюдном городском митинге на главной площади Баку обнаружило всю противоречивость, неустойчивость сложившейся ситуации. Вот некоторые выдержки из его выступления, говорящие сами за себя.

Из выступления первого секретаря ЦК КП Азербайджана А.Х. Везирова на митинге трудящихся в Баку 13 июня 1988 г.:

«Надо сказать, что антиперестроечные силы пытаются скомпрометировать политику демократизации и гласности, еще более обострить межнациональные отношения. Нам известно, что определенные лица пошли даже на то, что подбивали провокаторов, цель которых была — повторить трагические события в Сумгаите и Аскеране. При этом они не гнушались и тем, что подпавляли, раздавали наркотики незрелым людям, тунеядцам, выдвигали откровенно националистические лозунги. И со всей определенностью хочу заявить: мы полны решимости не допускать безобразий, и у нас есть все необходимое для поддержания общеизвестного порядка. Мы уверены, что рабочий класс, все трудящиеся Баку будут давать должный отпор любым провокаторам, сделают практические выводы из уроков четырех месяцев.

Вместе с тем мы должны откровенно сказать, что не случилось бы того, что произошло в НКАО и вокруг нее, если своевременно, гуманно, по-интернационалистски решались назревшие вопросы. Все это, прежде всего, — результат серьезных ошибок прежнего руководства республики и области...

... Проблем у нас с вами, товарищи, — непочатый край. Посмотрите, сколько острых проблем за долгие годы накопилось в Баку. Недовольство людей понятно. Например, экологическая обстановка достигла критической черты. Гибнет уникальная природа Апшерона. Бакинская бухта, которую многие из нас помнят голубой, замучена. Не хватает жилья, питьевой воды... Сейчас в Баку не имеют нормальных жилищных условий 68 тыс. семей. Около 200 тыс. человек проживают в самостройках. А строится в городе лишь 10,5 тыс. квартир...

Другая огромная социальная задача — охрана здоровья людей. Это, товарищи, очень большая проблема. У нас не хватает более 22 тыс. больничных коек, только пятая часть сельских районов имеет родильные дома, в каждом третьем районе нет детских больниц...

Третьим приоритетным направлением в деятельности республиканской парторганизации является продовольственный вопрос, особенно подъем животноводчества. Эта программа также будет опубликована для всенародного обсуждения.

Люди поднимают также немало справедливых вопросов развития нашей культуры, языка, обычаев и традиций. И мы будем серьезно заниматься ими...

Силы надо направить на то, чтобы покончить с коррупцией, взяточничеством и спекуляцией, разного рода поборами. Нельзя впредь допускать необоснованных волевых решений, продиктованных амбициями, карьеристскими устремлениями. Следует повысить правовую защищенность людей, возродить уверенность в справедливости»⁸.

На свою беду и на беду республики новый руководитель оказался неадекватен сложнейшей ситуации, складывавшейся в регионе. Не хватило тактической гибкости, мудрости. Проблемы и трудности социально-экономической жизни населения, нарушения норм социальной справедливости, коррупция и др., затронутые в речи, приоритеты в их решении, предложенные оратором, были достаточно актуальны и остры, и могли бы быть оценены иначе в другой ситуации и в другое время. Но политический фон, созданный карабахским конфликтом, не позволял воспринимать поднимавшиеся вопросы как первоочередные. Все попытки оратора переключить внимание общества с межнационального конфликта на социальные, кадровые проблемы и т.п. политического эффекта не имели.

Я не сторонник критики «задним числом». Судить о том, как «следовало бы говорить и поступать» с позиций уже прошедшего времени, занятие неблагодарное и неблагородное. Но, как мне кажется, в мае—июне политическое развитие в республике могло пойти в ином направлении, если бы «верхи» добились политической консолидации азербайджанского общества на почве национальной солидарности республиканской власти и общества, на базе политической мобилизации и сплочения нации. Но для этого ничего не было сделано. Более того, неосторожная критика в адрес прежнего руководства республики, попытка проведения кадровых чисток, направленных против выдвиженцев Г.А. Алиева, руководившего республикой 14 лет, неизбежно вели к внутривнутриполитическому конфликту с весьма влиятельной частью партийно-хозяйственной номенклатуры и теми слоями общества, которые были тесно с нею связаны. Между тем обстановка для этого была мало подходящей и общество ожидало от нового руководства иной стратегии. К тому же сумгаитские события преподали и такой урок: конфронтационные процессы, возникающие в условиях межнациональных конфликтов, вполне могут проецироваться оппозиционными силами и на внутривнутриполитическую плоскость. Последующие события не раз убеждали в этом.

Собственно говоря, сама политика борьбы с так называемыми коррумпированными антиперестроечными силами лишь подталкивала оппозиционно настроенные группы в обществе к тому, чтобы использовать карабахский фактор во внутривнутриполитической борьбе. К тому же коррумпированные силы были по обе стороны назревавшего внутривнутриполитического противостояния. Более того, именно коррумпированным разного рода клановым силам как раз перестройка-то и была более всего выгодна, что и обнаружилось вместе с развалом советских, социалистических декораций.

Москва повторила алма-атинскую ошибку 1987 года: нельзя было пренебрегать интересами и амбициями политического слоя титульной нации, не

⁸ Вышка». 1988. 14 июня.

собиравшейся без боя потерять однажды уже приобретенные позиции. Если Колбину в Казахстане хватило осторожности не сводить счеты с кадрами, выдвинутыми прежним кунаевским руководством, то в случае с Везириным политический инстинкт отказал, не сработал. Вместо того чтобы искать способ консолидации политического слоя нации, он «ввязался» в борьбу, печальный исход которой предугадать было нетрудно.

Глухое брожение, происходившее в обществе, побуждало молодую интеллигенцию искать формы и способы выражения своих политических взглядов и активности. «Летом 1988 года представителями азербайджанской интеллигенции, объединившимися в “Клуб ученых города Баку”, была организована Инициативная группа для создания НФА по типу прибалтийских народных фронтов, выдвинувшая лозунг о достижении суверенитета республики в рамках СССР. Одна из неформальных групп — комитет “Варлыг” — вместе с Инициативной группой стала базой для создания Народного Фронта Азербайджана с целью “обеспечения широкого участия народных масс в решении общественно-политических, социально-экономических и культурных проблем республики”»⁹.

На начальном этапе оппозиционных национальных движений и в Азербайджане, и в Армении их лидеры, скорее, подстраивались под перестроечную риторику, чем ставили в качестве цели демократические задачи. Оценка некоторыми авторами армянского сепаратистского движения как некой «коалиции политического обновления», которая возникла среди армян, живущих в Нагорном Карабахе и проявивших политическую активность в стиле гласности¹⁰, представлялась явно преувеличенной. Требования и азербайджанцев, и армян вращались в то время исключительно вокруг карабахского вопроса. Именно тупиковость этнополитической ситуации, неспособность Кремля найти выход из нее толкали народные движения в обеих республиках на путь политической оппозиции к власти.

Упорное противодействие сепаратистских сил НКАО усилиям союзного центра и республиканских властей, направленным на нормализацию обстановки в регионе, восстановление трудовой жизни, законности и правопорядка, в течение всего лета 1988-го сопровождалось непрекращающейся демонстрацией неповиновения законам и конфронтации с республиканской властью. Провокационную роль играла позиция областного совета народных депутатов, продолжавшего принимать обращения с требованиями о переподчинении НКАО Армении. К середине лета межнациональная ситуация вновь стала обостряться: облсовет объявил о своем решении, невзирая ни на что, выйти из состава Азербайджанской ССР и перейти в состав Армянской ССР. В связи с этим Верховный Совет Армении принял беспрецедентное, антиконституционное, по сути, провокационное решение о включении НКАО в состав Армянской ССР.

⁹ Балаев А. Народный Фронт Азербайджана. Историческая хроника: 1988–1992. Свобода. Приложение №1.

¹⁰ Сароян М. Карабахский синдром и азербайджанская политика//Problems of Communism. 1990. Sept.-Oct.

Президиум Верховного Совета Азербайджанской ССР незамедлительно принял постановление об отмене решения сессии Совета народных депутатов Нагорно-Карабахской автономной области от 12 июля 1988 г.:

«Президиум Верховного Совета Азербайджанской ССР отмечает, что, несмотря на принятые Верховным Советом Азербайджанской ССР и его Президиумом на основании статей 78 Конституции СССР и 70 Конституции Азербайджанской ССР в отношении неприемлемости и невозможности передачи НКАО из состава Азербайджанской ССР, областной Совет народных депутатов вопреки тому, что данный вопрос не входит в компетенцию автономной области, а является прерогативой союзной республики в лице ее высших органов государственной власти, 12 июля на своей сессии при отсутствии значительного числа депутатов неправомерно поставил вопрос о выходе из состава Азербайджанской ССР..»

Президиум Верховного Совета Азербайджанской ССР постановляет:

Признать незаконным решение сессии Совета народных депутатов Нагорно-Карабахской автономной области от 12 июля 1988 года об одностороннем выходе НКАО из состава Азербайджанской ССР и отменить его на основании статьи 87 Конституции СССР, статьи 114 Конституции Азербайджанской ССР и статьи 42 «Закона Азербайджанской ССР о Нагорно-Карабахской автономной области».

Председатель Президиума Верховного Совета Азербайджанской ССР С. Татлиев, Секретарь Президиума Верховного Совета Азербайджанской ССР Р. Казиева. г. Баку, 12 июля 1988 года»¹¹.

В результате этих событий карабахский кризис вошел в новую фазу — от митингов, забастовок, столкновений и погромов к конфликту официальных органов, политических институтов двух союзных республик, в данном случае их высших органов государственной власти — Верховных Советов. Возникла новая политическая ситуация, которую Верховный Совет СССР был обязан не только оценить, проанализировав действия конфликтующих сторон, субъектов Союза ССР, апеллирующих к центру в поисках справедливости и защиты своих законных (или незаконных) интересов, но и предложить действительно справедливое и строго правовое разрешение конфликта.

(Окончание следует)

¹¹ Бакинский рабочий. 1988. 14 июля.

ПРОЩАНИЕ С СОЦИАЛИЗМОМ*

Аппарат выбирает антикоммунизм

До сих пор помню растерянные, удивленные лица западных корреспондентов, пришедших тогда, в начале февраля 1989 года, посмотреть на автора статей, которые, как им казалось, «потрясли» идеологические устои СССР.

Как мне признался потом Бернар Гетта, корреспондент «Монд», они, западные корреспонденты и дипломаты, ожидали увидеть на моем месте совсем другого человека, что-то вроде типичного книжника в очках, с бородой. Человек, громогласно со страниц трех миллионов книжек «Науки и жизни» заявивший, что нет сталинизма и его преступлений, а есть только заблуждения марксизма, ложь марксистского учения о классах и классовой борьбе, как рассказывал Бернар, хоть чем-то должен был отличаться от работника ЦК КПСС. А тут типичный, везде округлый номенклатурщик, как и все они, самоуверенный человек без тени страха и сомнений, привыкший поучать других.

И Гетта был прав. Это я понял сам, постепенно привыкая к своей роли главного виновника событий. Больше всего удивляло присутствующим мое спокойствие, мое стремление всем своим видом преуспевающего консультанта ЦК КПСС убедить их в естественности и обыденности всего произошедшего.

Ничего не поделаешь. На то и перестройка, гласность, чтобы консультант КПСС засомневался в истинности марксизма, в истинности коммунистической идеологии. Я инстинктивно чувствовал, что именно такой стиль поведения будет оптимальным. Но надо отдать должное настойчивости моих невольных оппонентов. Зал не хотел соглашаться с тем, что нет никакой сенсации, что я не сказал ничего нового, что речь идет только о развитии идей перестройки. Наиболее активные корреспонденты, как всегда американских газет, нашли вопросы, вырвавшие у меня почву под ногами.

Если марксизм изначально ошибочен, то почему вы не покидаете КПСС, почему продолжаете работать в аппарате ЦК КПСС? Не боитесь ли вы расправы, исключения из КПСС? Почему Горбачев, клянувшийся в верности социалистическому выбору, держит вас в ЦК? Не означает ли это, что вы написали свои статьи по личному поручению Горбачева и Яковлева? Когда они вам дали это задание? Как прореагировали ваши коллеги на ваши статьи? И так без перерыва почти три часа подряд. Я, как всегда в подобных ситуациях, покраснел, но не сдавался. Всем своим видом подчеркивал, что речь идет об обычной, как у нас было принято в то время говорить, поисковой статье. Этот тон мне давался легко, ибо точно так я вел себя в ЦК, когда все «голоса» как по заказу начали комментировать мои статьи, передавать из них отрывки. Учтите, это продолжалось без перерыва четыре месяца.

* *Окончание.* Начало см. «Вестник аналитики» №4(18) за 2004 год, №1(19) и №2(20) за 2005 год.

Согласитесь, ситуация совсем необычная. Вечером работник аппарата ЦК КПСС, развалившись на диване, слушает «Свободу», она ему рассказывает о том, что статьи Ципко — это вызов официальной идеологии, «бомба», подложенная под устои коммунистического общества. На следующий день этот «аппаратчик» приходит в столовую и видит этого же Ципко, разоблачителя системы и большевизма, который, как ни в чем не бывало, обедает со своими коллегами, консультантами, улыбается, бегаёт за соком. Конечно, вся эта моя игра в спокойствие была экспериментом.

По сути, своими статьями я проводил эксперимент над всем ЦК, выявляя его реакцию на возможный отход от коммунизма. Но тогда, особенно в декабре 1988 года, когда только вышла ноябрьская книжка журнала, я не отдавал себе отчета в сути происходящего, что я начал, как оказалось, последнюю проверку на идеологическую прочность этой организации. В сущности, этот эксперимент начался раньше, когда Медведев под давлением Шахназарова и с явного одобрения Горбачева взял меня, «антисоветчика», в аппарат ЦК КПСС. Теперь же произошло только то, что должно было произойти. Но если я не отдавал себе отчета в своей собственной игре, то тем более во всем, что происходило, было трудно разобраться простому, далекому от всякой политики работнику аппарата ЦК КПСС. Если бы автор этих статей был бы просто работником Академии наук, то он бы, наверное, на всякий случай пробурчал в присутствии своих коллег. Но это так, сам я был его коллегой, работником аппарата ЦК КПСС и, самое главное, так как начальство меня не трогало, то он, простой инструктор ЦК КПСС, просто не знал, как себя вести. Рожа на вид своя, все время улыбается. Значит, так и надо.

Дело дошло до того, что в идеологическом отделе ЦК, где собирается едино весь радиоперехват «враждебных голосов», мой знакомый, заведующий сектором телевидения Толя Тупикин завел для меня отдельную папку. По дороге к себе в отдел утром я заходил к Тупикину в десятый подъезд ЦК КПСС и узнавал все, что говорит и пишет обо мне западная пресса. По существу, в соответствии с действовавшей в 1988 году Конституцией меня надо было сажать в тюрьму. Содержание моих статей, особенно последних двух, вполне подпадало под известную статью 71 уголовного кодекса о подрыве конституционного строя. Более дерзкой антисоветчины не придумаешь. Своими статьями я подрывал все идеологические основы нашего общества.

Я писал, что вера в коммунизм — это не столько слабость, романтическое увлечение, «сколько великий грех перед человеком, перед своим народом». Я писал, что анализ советской истории не должен ограничиться осуждением репрессий и преступлений Сталина, что красный террор Ленина и Троцкого тоже является преступлением против народа и России и не может быть оправдан¹.

¹ «Террор сталинщины нельзя обосновать, — писал я, — так же как нельзя обосновать предшествовавший ему террор времен гражданской войны». «Красный террор, учиненный Сталиным и Зиновьевым в Петрограде в 1919 году, состоял в расстреле заложников, во введении принципа коллективной ответственности класса, сословия, в элементарной классовой резне лиц непростарского сословия. Убивали офицеров царской армии только за то, что они были офицерами, священников за то, что они были священниками. Террор — всегда безумие, срыв плотины, сдерживающей зверя в человеке». — Наука и жизнь. 1988. №12. С. 44.

И самое главное — я утверждал, что весь наш социализм, весь наш общественный строй с самого начала основан на ложных, противоестественных основаниях, что марксизм ни к чему, кроме как к ленинско-сталинскому террору, не вел, что и корни коллективизации, и корни учиненного большевиками самогеноцида российского народа надо искать в марксизме.

Плотина страха, конечно же, прежде всего, сорвалась внутри меня. И я впервые, правда, не везде, не во всем тексте, заговорил как свободный человек, сказал все, что я думаю и о великом теоретике Карле Марксе, и о его верных учениках-марксистах, и об их «великой» октябрьской революции. «Когда жизнь, — писал я, — превращается в ожидание грядущего конца, в служение вынесенной вперед, за рамки настоящего, «великой цели», то избежать практически аморализма невозможно. Великая цель настолько велика, что она в состоянии оправдать все, что служит ей. Ее тяжесть ломает хрупкое, с таким трудом возведенное строение нравственного чувства. Ее яркий свет ослепляет мысль, вводит ум в гипнотический сон. Чем выше мы ставили себе историческую цель, чем выше планировался скачок в будущее, чем больше проявляли нетерпение попасть в общество бесконечного счастья и бесконечного прогресса, тем ниже опускалась законность, тем меньше оставалось прав и жизненных благ у тех, кто тянул на себе баржу социалистического прогресса. Все попытки противопоставить будущее настоящему, коммунистическую мораль общечеловеческой, интересы мирового революционного процесса интересам ныне живущих трудящихся ни к чему, кроме как к сталинщине, не вели. Было бы простиительно, если бы мы действительно рассуждали по принципу: “Нет преступления, а есть только голодные”. В этой логике, — писал я, — которую Ф. Достоевский назвал бесовской, грехопадением, есть хоть какой-то смысл. Голодные — это реальность, осязаемое. Голодные дети плачут, пухнут. Когда люди рядомдохнут с голоду, совестливому человеку спокойно жить невозможно. Во имя спасения голодных на что хочешь пойдешь.

Но ведь мы часто переступали через нормы человеческой морали, совершали преступления во имя химеры, интеллигентской фантазии. Мы говорили: “Не надо бояться голода, не надо бояться преступлений, если они продвигают нас вперед, к бесклассовому обществу”. Благосостояние, а иногда и жизни многих, многих людей приносились в жертву мистической страсти к единообразию, к похожести»².

И так из номера в номер, на протяжении четырех месяцев, с таким же криком души и разоблачительным пафосом. В результате мои коллеги в ЦК привыкли и к моим статьям, и ко мне, уже как «популярной личности», и воспринимали все происходящее как само собой разумеющееся. Уже стало привычным, что враждебные «Свобода», «Немецкая волна» и другие «голоса» пропагандируют статьи ответственного работника ЦК КПСС. Этот политический абсурд стал привычным. Коллектив ЦК КПСС с победой выходил из эксперимента, который я, сам того не желая, организовал. Конечно, еще сработал инстинкт стаи. Все эти месяцы я оставался в ЦК КПСС, вел себя как самый обычный работник ЦК, безропотно, как и все, выполнял задания, жил,

² Наука и жизнь. 1989. №1. С. 54.

как все, нигде не выделяясь, ни в чем не подчеркивая своей непохожести. Впервые появился на экране телевизоров. И это на пользу: «Наш, наравне с «демократами», не хуже их говорит».

Сложилась ситуация, как две капли воды похожая на ту, которая произошла со мной в ЦК ВЛКСМ ровно двадцать лет назад. Тогда, пользуясь тем, что меня никто не контролировал (я был «философский бог» отдела пропаганды), я решил провести свою пражскую весну. Пригласил в ЦК ВЛКСМ всех, уже тогда в начале 1968 года, опальных этиков — Банзеладзе, Егидеса, Штейна, Самсонову, Бакштановского, гонимого Сухомлинского. Провел с ними двухдневный «круглый стол» и на этой основе подготовил и издал методическое пособие по морали.

Так себе неприметная брошюрка, какие сотнями тогда выходили в «Молодой гвардии». Но была брошюрка с двойным дном. В ней на первое место были поставлены общечеловеческие ценности, начиналось это пособие с анализа проблем добра и зла. Преступление по тем временам неслыханное — «отказ от классового принципа в морали». И тут к моему и нашему общему несчастью — август 1968 года, ввод советских войск в Чехословакию.

Спыхватился вездесущий Отдел науки ЦК КПСС очень поздно. Уже в сентябре 130 тысяч экземпляров брошюры разошлись по стране, по хуторам и весям. Акт идеологического осуждения был произведен еще позже. Только в июне 1969 года Григорию Квасову, главному «жандарму» философских наук, удалось в Академии общественных наук при ЦК КПСС провести обсуждение этой брошюры, где все верные марксизму-ленинизму этики расправлялись со мной. Я был, правда, сразу в двух лицах. И как официальное лицо, представитель ЦК ВЛКСМ, принимающий участие в мероприятии ЦК КПСС, и как автор брошюры «Беседы о нравственности», которого на этом мероприятии должны осуждать. И, конечно, опять получился цирк. Как обвиняемый я должен был сидеть в зале и выслушивать прокурорские речи. Но как единственный официальный представитель ЦК ВЛКСМ должен был сидеть в президиуме рядом с главным «жандармом» философии, с представителем ЦК КПСС.

Взял верх обычай. Я выслушивал обвинения в свой адрес, обвинения в «стыдливом ревизионизме», «налете экзистенциализма», в «забвении классового подхода», «неуважении к ветеранам», сидя в почетном президиуме. При этом, конечно, как всегда дружелюбно улыбался, как будто в зале речь шла не обо мне, а о каком-то другом человеке. Я даже не счел необходимым в конце ответить на замечания. О покаянии не могло быть и речи. Мне было 27 лет, я жил счастливым ощущением молодости, здоровья. Мне было наплевать и на Квасова, и на его судилище. На Казанском вокзале в это время сидел Игорь Клямкин с шестью бутылками «Плиски» и ждал, когда мы выедем в «Коломенское» на встречу с моим курсом. Во время перерыва я даже успел смотаться на вокзал и предупредить, что я задержусь.

Короче. Обозленный всем моим поведением Квасов потребовал от руководства ЦК ВЛКСМ на основании результатов совещания в Академии общественных наук при ЦК КПСС освободить меня от занимаемой должности и исключить из КПСС. Евгений Михайлович Тяжельников, который к тому

времени уже сменил на посту первого секретаря ЦК ВЛКСМ Сергея Павловича Павлова, серьезно сдрейфил. Он меня не любил и готов был сдать со всеми потрохами. Но воспротивился отдел, вернее, партбюро. Мне, конечно, как всегда бывает в таких случаях, на заседании партбюро сказали все, что накопилось, о всех моих недостатках и, прежде всего, о моем самомнении. Но об отстранении от работы и исключении из КПСС ни слова. Мудрый Володя Луцкий, он годился мне в отцы, был фронтовик, решил вопрос очень просто. Раз ЦК КПСС требует наказания, будет наказание. Будет тебе выговор, но не строгий. И не за идеологические ошибки, а за «небрежность», допущенную при редактировании программы «Беседы о нравственности». Мудрый Саша Камшалов, который был в то время секретарем ЦК ВЛКСМ по идеологии, с которым Луцкий пошел советоваться, сказал, что это идеальное решение, и попросил передать мне, чтобы я не беспокоился, выговор снимут через пару месяцев. После этого пошли всем партбюро во главе с папашей Луцким за угол в шашлычную пить за виновника событий.

Не знаю. Может быть, я сужу со своей колокольни, но лучше друзей, чем аппаратчики бывшего павловского ЦК ВЛКСМ, трудно придумать. Они плыли по течению жизни, на многое не претендовали. В мою, как они считали, смертельную игру с официальной идеологией они никогда не играли. Хотя многие из них были солидарны со мной и в оценке того, что произошло в стране в октябре 1917 года, и в оценке большевистской партии, в аппарате которой потом многие провели почти всю жизнь.

Когда после опубликования своих «Истоков сталинизма» я оказался в центре внимания нашей и западной прессы, я испытывал серьезные затруднения, отвечая на вопрос о сроках и месте разрыва с марксизмом. В ЦК КПСС в Международном отделе меня окружали те же научные работники, те же выпускники МГИМО. Для них было ясно, что прогноз Маркса не оправдался и что весь этот социалистический эксперимент — пустая затея. Только несчастный покойный Ян Шмераль, связанный своим коммунистическим первородством — его отец был деятелем 3-го ленинского Интернационала, основателем коммунистической партии Чехословакии — никак не мог расстаться с марксизмом, искал в коммунизме изначальные непреходящие истины.

Все остальные, кто меня окружал в ЦК КПСС, в принципе были меньше всего обеспокоены судьбой учения Карла Маркса. Они только боялись того, что, кстати, произошло, они боялись, чтобы перестройка не привела к обвалному распаду, к хаосу со всеми непредсказуемыми последствиями. Об этом, как о возможном исходе перестройки, мои коллеги-консультанты начали говорить уже с начала 1987 года.

Конечно, коллектив ЦК КПСС имел мало общего с бывшим коллективом ЦК ВЛКСМ. Если бы сверху была спущена команда меня осудить, то, по крайней мере, меня никто не стал бы защищать и брать на поруки. Коллектива ЦК КПСС как единого коллектива никогда не было и быть не могло. Каждый отдел был царством самим в себе.

Но тем не менее я чувствовал, что и в других отделах, которые по традиции противостояли нашему международному, нет желающих расправляться

со мной. Как-то судьба марксизма и его научный авторитет мало волновали этих людей. Но в то же время после опубликования моих статей они начали проявлять ко мне интерес. Я стал популярным и в ЦК КПСС. По вечерам читал лекции сотрудникам общего, как считалось, самого консервативного отдела, нового отдела по национальным вопросам. Я начал ощущать, что и в ЦК КПСС, как и двадцать лет назад в ЦК ВЛКСМ, никто ни в коей мере не видит во мне врага, отступленца, дьявола.

Все это, конечно, было выше понимания западных журналистов, которые до сих пор не отдают себе отчета о процессах, происходящих в нашей, теперь уже бывшей, стране.

Бывает же так, когда все работает на тебя, когда тебе со всех сторон везет. Со мной это произошло всего один раз в жизни, и этот мой счастливый выигрыш, «безумную пруху» я связываю именно со своими статьями в «Науке и жизни». Прежде всего, нашла настойчивая женщина Татьяна Анатольевна Кравченко, которая чувствовала, что я смогу написать что-то серьезное, и уже с мая 1988 года начала провоцировать мое самолюбие.

К моему счастью, и Игорь Клямкин, и Отто Лацис к этому времени опубликовали свои статьи, которые «зацепили» меня, вызвали протест, желание вывести на «чистую воду» их, как я был убежден, новую ложь. Причем ложь пострашнее, чем старая, официальная.

Я уже не говорю, что мне повезло еще и в том, что я почувствовал свой шанс, свой момент, и именно к этому времени «созрел» к тому, чтобы вызвать из своей души, из своего сознания этот текст. Но, как это ни покажется парадоксальным, больше всего мне повезло в том, что именно в этот момент я работал в ЦК КПСС. Сколько бы мне и сейчас, и позже не пришлось платить за свою «причастность» к аппарату, я никогда не буду каяться. Не будь я в аппарате ЦК КПСС — и именно в должности консультанта Вадима Медведева — мне никогда не пришлось бы пережить авторское счастье, связанное с этими статьями. Могу вполне определенно сказать: не будь я работником ЦК КПСС, процесс легализации антикоммунизма и антисоветизма в нашей стране, который советологи обычно связывают со статьей «Истоки сталинизма», мог задержаться.

Все дело в том, что Рада Никитична, дочь Никиты Сергеевича Хрущева, которая как заместитель главного редактора взяла на себя, в конце концов, ответственность за мои статьи, не сразу решилась, не сразу пошла ва-банк. Она, как мне потом рассказывали знакомые, выяснила, насколько прочные у меня позиции, как ко мне относится Медведев, какова моя политическая репутация в самом аппарате. Бьюсь об заклад, что если бы я в это время работал не у Медведева, а у Яковлева, то исход всей этой инициативы мог быть совсем другим. Как рассказывала мне потом Рада Никитична, консервативное руководство цензуры успокоила, прежде всего, моя близость к Медведеву, который не слыл ни демократом, ни либералом.

Таким образом, совершенно случайно произошло сцепление многих благоприятных для меня факторов. Благодаря тому что я был консультантом ЦК КПСС, удалось в подцензурной печати громадным, трехмиллионным тиражом опубликовать откровенную антикоммунистическую статью. Но именно

потому, что я легализовал, сделал открытым, гласным свой спор с коммунизмом и марксизмом, начал свою борьбу с советским строем по советским правилам игры, в подцензурной печати, меня никто не трогал в ЦК. Вести со мной какую-либо открытую полемику было трудно, ибо я лучше, чем мои потенциальные критики, знал марксизм, в любом споре и в любой аудитории мог доказать марксистское первородство сталинизма.

Но именно потому, что я, несмотря на бурю и ажиотаж, поднятые статьями в стране, и на Западе, оставался в ЦК, появился прецедент дозволенности антикоммунизма. В силу целого ряда причин (и не в последнюю очередь из-за моих статей) антикоммунизм и как мировоззрение, и как система аргументов именно в это время, в конце 1988 — начале 1989 года, начал постепенно выходить из подполья, приобретать права легального мировоззрения, существующего наряду с другими и, прежде всего, наряду с официальной идеологией КПСС.

Но именно в силу того, что общество начало постепенно привыкать к легальному антикоммунизму, привыкать к «белогвардейщине», менялось в аппарате и отношение ко мне. Испуг, растерянность исчезли и, вопреки всякой логике, уже в феврале 1989 года даже «красные» ортодоксы из организационного и общего отделов начали сочувствовать моим статьям. Поэтому когда в феврале 1989 года я предстал в пресс-центре МИДа перед всей журналистской ратью, я мог с чистой совестью говорить, что в аппарате у меня нет никаких проблем, что, напротив, сейчас, в начале 1989 года, и в моем международном отделе ЦК КПСС, и в идеологическом отделе ко мне относятся лучше, чем полгода назад, когда меня мало кто знал.

Именно в это время я близко сошелся с Андреем Грачевым и Николаем Португаловым, которые слыли в отделе как «светлые головы». Всегда склонный к шутке, ироничный Коля Португалов, с которым мы обычно в четыре часа встречались в буфете, приветственно поднимал руку, а потом, придвинувшись ко мне близко, говорил: «Саша, ты гений. Тебе понадобилось четыре статьи, чтобы сказать то, что можно сказать одной фразой: “Марксизм — это гамно. А большевики во главе с Лениным — это шайка преступников”». Но при этом он улыбаясь добавлял: «Но ты, Саша, все равно гений. Надо же, при всем честном народе: марксизм — это гамно».

Такие вот разговоры мы вели в аппарате ЦК КПСС еще осенью 1988 года. Коля Португалов, как известно, был самым близким к Фалину человеком, его однокурсником по МГИМО.

Конечно, как я помню, все, что я говорил на пресс-конференции об аппарате и об отношении ко мне, было словами в пустоту. По лицам видел — они мне не верят. Им вообще казалось, что я пришел их разыгрывать, что все это — сплошной спектакль, подстроенный Горбачевым и Яковлевым для того, чтобы убедить их и Запад в прочности курса на перестройку.

Мне не верили. Но я действительно за два дня до встречи с журналистами, аккредитованными в Москве, читал перед пропагандистами аппарата ЦК КПСС часовую лекцию об основных ошибках Карла Маркса, пытался им объяснить, почему марксизм никогда не смог оправдаться на практике. Совсем смешная история произошла на этой встрече с пропагандистами аппара-

та в большом зале парткома. Лекцию об ошибках марксизма открыл заместитель секретаря парткома Владимир Вишневский, который еще пять лет назад, будучи консультантом идеологического отдела, запретил к изданию мою брошюру о понятии «образ жизни». Я был подвергнут тогда остракизму за банальную самоочевидную истину. Изучение образа жизни общества, писал я, надо начинать с изучения образа жизни его членов, с того, как они живут, работают, что имеют за душой, к чему стремятся в жизни.

А тут, в святая святых, в центре консерватизма, в парткоме аппарата ЦК КПСС, тот же Вишневский спокойно выслушивал всю мою страшную правду об учении, защите которого он посвятил всю свою жизнь. Я рассказывал, что везде, во всех странах, применение марксизма на практике вело к снижению уровня жизни населения, к разрушению национальной культуры и традиционных национальных видов производства, что нигде и никогда не подтверждалось учение о преимуществах коллективного производства над частнособственническим. Я призывал не связывать больше судьбы страны с судьбами марксизма, скорее заняться спасением государства. Я рассказывал, что марксизм оставляет после себя пустыню, что мы, русские, за семьдесят лет потеряли все — крестьянина, интеллигента, купца, свою национальную культуру. И весь этот битый час меня никто не перебивал, не призывал к порядку. Правда, и вопросов ко мне не поступило ни одного.

Лекция окончилась, а в зале тишина — если бы появилась муха, то ее полет все бы услышали. Но когда было объявлено об окончании встречи, многие сотрудники аппарата и, прежде всего, из нового идеологического отдела жали мне руку, говорили, что я делаю важное дело, что все эти интеллигентские мифы о ленинской гвардии, о «чистом марксизме» надо разоблачать.

В принципе нечему удивляться. Запад и сейчас, когда уже всем все стало ясно и все стало на свои места, не может понять самого главного. С самого начала перестройки, практически с 1988 года, аппарат ЦК КПСС был более антикоммунистическим, чем противостоящая ему интеллигентская оппозиция, во главе которой стояли шестидесятники. Аппарат был антикоммунистическим, белым, по крайней мере, потенциально. Если бы этого не было, мы бы не стали свидетелями того мгновенного, быстрого перехода «партийных аппаратчиков» во всех республиках с красных позиций на белые, перехода от марксизма-ленинизма на национал-антикоммунизм. Кравчук ни в коем случае не является исключением. Разве команда Ельцина не проделала этот же путь от аппаратного коммунизма к аппаратному антикоммунизму?

Парадокс состоял и до сих пор состоит в том, что в отличие от красных партийных аппаратчиков, подавляющее большинство демократов первой волны, объединенных под крышей «Московской трибуны», не могло и не может перейти на белые позиции. Впрочем, и Андрей Сахаров, как точно подметил Солженицын, был, прежде всего, социалистом. Как правило, все демократы первой волны боролись не с коммунизмом, не с марксизмом-ленинизмом, а со «сталинско-брежневским» режимом, с государственным российским извращением «идеалов социализма», идеалов Октября. Эти демократы, как правило, мечтали не о возрождении страны, которую разрушила

ленинская гвардия, а о возрождении того большевистского счастья, которое разрушил Сталин.

Партаппаратчики оказались более податливыми к антикоммунизму, к белой идеологии по той простой причине, что они считали себя патриотами, находили оправдание своей аппаратной жизни в службе государству. Поэтому им было абсолютно безразлично, какому государству служить, — красному или белому, им было абсолютно безразлично, под каким знаменем служить государству, — под красным или белым. Тут принцип был прост: «лишь бы была держава родная». Совсем не случайно подавляющая часть аппаратчиков ЦК КПСС была почвенниками, ревностными поклонниками таких легальных антикоммунистов, как Распутин, Белов, Солоухин, Астафьев, Залыгин.

Державничество играло и защитную функцию. Было способом оправдания перед собой и сотрудничество с КПСС, и привилегии, которыми одаривал аппарат.

Для значительной части аппарата ЦК КПСС идеология, коммунизм были еще до перестройки только бутафорией. Эти люди стояли не столько на страже коммунизма, сколько на страже спускаемых сверху правил игры. Если верх спускал жесткие правила, тогда инициативу брали на себя такие «озверелые догматики», как Олег Рахманин, Ричард Косолапов, Григорий Квасов. Если на верхних этажах власти произошла перемена ветра, тогда верх брало прагматическое большинство, защищавшее более либеральные правила игры, тогда на поверхность выходили Медведев, Яковлев, Шахназаров, Бикенин.

О подлинных настроениях в партийном аппарате я уже знал давно, уже со второй половины 60-х в бытность своей работы в «Комсомольской правде», а затем в отделе пропаганды ЦК ВЛКСМ. Уже тогда, не забывайте, речь идет о 1967 — 1968 годах, среди работников аппарата ЦК ВЛКСМ было куда больше людей, готовых перейти с красных на белые позиции, готовых стать под знамена Деникина и Врангеля, чем среди шестидесятников «Комсомольской правды», борющихся за чистого, демократического Ленина. Среди активистов идеологического отдела ЦК ВЛКСМ был монархист Сережа Симонов, не боявшийся уже тогда поносить на чем свет стоит и Ленина, и большевиков.

Уже тогда я много раз успел убедиться, что в своем кругу, особенно по пьянке, все эти аппаратчики частенько кляли всю эту ленинскую гвардию за то, что она погубила «великую Россию», «великую державу». Так что я, пришедший в аппарат ЦК ВЛКСМ летом 1967 года, как раз в период своего увлечения русским идеализмом, веховцами, оказался очень кстати.

Помню, в конце сентября 1967 года, сразу же после отплытия из Соловков, в кают-компания капитан давал ужин для почетных гостей, руководителей семинара комсомольских пропагандистов. В те еще полухрущевские, полубрежневские времена ЦК ВЛКСМ организовывал свои семинары в местах «экзотических» — то в Магадане, то на Соловецких островах. Так мы сводили счеты со сталинизмом, смывали «позорное пятно» сталинского, тюремного прошлого.

Гости для меня, учитывая, что мне было всего лишь 26 лет и пребывал я в должности инструктора отдела пропаганды и агитации ЦК ВЛКСМ, действительно были высокие: инструктор отдела пропаганды ЦК КПСС Бак-

ланова, секретарь Архангельского обкома КПСС, ныне покойный Виноградов и, конечно же, мой начальник Валера Ганичев. У всех душа была переполнена эмоциями и гордостью за русских монахов, которые создали это поистине восьмое чудо света. И ужасом, который пережил каждый из нас, узнав от нашего экскурсовода, дочери бывшего тюремного врача, о так называемых расстрелах по «белому списку». Расстреливали, как она рассказывала, целыми бараками по ночам, чтобы к утру, к приходу новой партии заключенных, освободить места.

И тут после четвертой рюмки коньяка я не выдержал и произнес тост за величие русской культуры, погребенной под обломками, как я сказал, левацких экспериментов. Сегодня, говорил я, мы открыли для себя чудо Соловков, свидетельство гения русского народа, но завтра, продолжал я, мы откроем для себя чудо подлинной русской философии, чудо русского идеализма Соловьева, Бердяева, Франка. Я заканчивал свой тост здравницей в честь забытой и поруганной России, надеждой, что это произойдет совсем скоро. И, как вы понимаете, никто меня не одернул, не пожурил за апологию старой России, за пожелание, чтобы она скорее восстала из пепла, чтобы мы учили философию по Бердяеву, а не по Ленину. И видит бог, я был прав, моим надеждам было суждено сбыться. Наверное, верил в это и «молодогвардеец» Валера Ганичев, который помог мне стать на ноги, обрести уверенность в том, что я умею писать. Тогда на Соловках, слушая мои ностальгические речи о загубленной России, он шутил: «Ты у нас, Саша, в ЦК ВЛКСМ проходишь за белого специалиста. Если Ленин привлекал на работу “белых специалистов”, то тем более это должно быть позволено нам. Почему бы нам не иметь для развода одного веховца?».

И мне помогали. И в тех непростых условиях, с конца 60-х до начала 80-х я издал четыре книги, где, конечно, по крохам изложено все, что потом оказалось в статье «Истоки сталинизма». Когда я на протяжении зимы и весны 1989 года убеждал в этом наседавших на меня журналистов, мне опять никто не верил. К сожалению, уже тогда, в самом начале перестройки, в 1987–1988 годах, даже читающая и думающая интеллигенция забыла о том, что было раньше. А раньше, до 1985 года, было издательство «Молодая гвардия», в книжках которого мне удавалось сказать почти все, что я хотел сказать. Уже в 1976 году в своей книге «Идея социализма» я доказал, и это поняли все, кто хотел понять, что нет никаких различий между качеством мышления утопистов (Сен-Симона, Фурье, Оуэна) и качеством мышления Карла Маркса, что автору «Капитала» так до конца жизни и не удалось найти научные аргументы, подтверждающие его идею самоисчерпания капитализма³.

В 1980 году, опять благодаря руководству издательства «Молодая гвардия», мне в своей новой книжке удалось протащить через цензуру и критику гражданской войны, и критику большевистских репрессий.

Приведу только один отрывок из книги 1980 года, чтобы читатель имел представление о том, когда и где начиналось опрокидывание коммунизма в СССР в подцензурной печати. «Как показал опыт, — писал я, — наибольшую

³ См.: Ципко А. Идея социализма. М., 1976.

опасность для общества как социального организма представляют длительные гражданские войны. И дело здесь не только в том, что эти войны подтачивают биологические и экономические корни. Дело еще в том, что насилие, жестокость, даже во имя туманных идеалов, всегда несут в себе нечто разрушающее духовные устои человека. Как показал опыт всех революций, нет ничего страшнее, чем привычка, инерция убийств. Сначала убивают настоящих врагов, потом мнимых, а потом самых близких, самых преданных делу революции друзей. Поэтому, наверное, к любой братоубийственной гражданской войне надо относиться как к исторической трагедии, а к насилию, даже во имя блага прогресса, как к кратковременной, вынужденной мере. Классовый подход помогает понять исторические, социальные истоки этой трагедии, но он не может превратить в нравственное добро жестокость, насилие само по себе»⁴.

И здесь же я забил до конца гвоздь в крышку гроба учения о классовой борьбе и классовой борьбе, сказав, что вырастающие на ее основе режимы ничем не отличаются от фашистских⁵. Конечно, за эти разоблачения гражданской войны я жестоко поплатился. Докторский диплом, который должен был получить весной 1981 года, я получил спустя шесть лет, весной 1987 года, будучи уже консультантом ЦК КПСС, да и то благодаря дополнительному нажиму Шахназарова, Славы Шестаковского. Правда, ни в ЦК ВЛКСМ, ни в «Молодой гвардии» никто не пострадал за мои белогвардейские взгляды. Напротив, тогдашний секретарь ЦК ВЛКСМ по идеологии, молодой член-корреспондент АН СССР Деревянко, ходил героем, раздавал своим коллегам-историкам мою книгу.

Так что, в 1988 году, спустя без малого десять лет, когда уже все начало рушиться, я уже без всякого страха и сомнений мог снова выступить против безумия гражданской войны. Оставалось только прямо сказать, что раньше понимали все. Речь идет о гражданской войне, развязанной большевиками. Не было повода бояться партийного аппарата.

⁴ Ципко А. Социализм: жизнь общества и человека. М., 1980. С. 275.

⁵ «Социальная жизнь, — писал я, — нормально развивается только до тех пор, пока силы созидания, развития одерживают верх над своей действительной крайностью, то есть над всеми теми явлениями социальной и политической жизни, которые им объективно противостоят, которые разрушающе действуют на общество, человеческую жизнь, культуру. Стоит хоть на некоторое время отступить перед этими силами, и общество начинает быстро терять свой человеческий облик. Разрушению подвергаются, прежде всего нравственные, духовные устои, зато человеконенавистнические инстинкты получают возможность проявления в самых широких масштабах. Жестокость, насилие, социальный садизм, всеобщая подозрительность и недоверие, ненависть ко всему, что несет на себе печать духовности и самобытности, становятся нормой жизни. Обычно этот период в истории цивилизованных обществ определяют как возвращение назад, к варварству, к мракобесию средневековья. Однако, на наш взгляд, это противоречит исторической правде. В средневековом городе должность палача действительно была почетна, но охотников на эту должность было мало... В нашем же просвещенном веке, когда у власти оказывались фашистские или им подобные режимы, недостатка в палачах не было. Находились сразу же сотни, тысячи нравственных уродов, которые с радостью и рвением пытались, казнили своих соотечественников и даже своих близких, друзей, соратников». — Указ. соч. С. 285—286.

Исповедь одессита-антисоветчика. Моя дорога к российскому почвенничеству

В 1988 году ученый, вставший на защиту российской почвы, заявивший, что хватит ломать, крушить Россию, сжигать человеческие жизни во имя оправдания марксистской утопии, абсолютно ничем не рисковал. Благодаря разоблачению репрессий Сталина невольно обнаружилась и бесчеловечность ленинского режима.

Если бы я написал такую статью, какую Александр Яковлев написал в 1974 году, если бы я начал выводить на «чистую воду» почвенников, то тогда аппарат, особенно организационный отдел, нашел бы повод, чтобы от меня избавиться. Но критика марксизма и ленинского эксперимента в 1988 году мне ничем не угрожала.

Что меня мучило и что угнетало, так это разрыв со своими коллегами, с шестидесятниками, с Отто Лацисом, Геннадием Лисичкиным, с которыми я сблизился в последнее десятилетие. Всех нас, гонимых, пригрел в своем институте Олег Богомолов.

Последствия открытого столкновения в своей статье с Игорем Клямкиным меня не особенно волновали. Он сам начал идейную борьбу со мной. Его статья «Какая дорога ведет к Храму?», ставшая одним из главных событий 1987 года, всем своим фаталистическим острием была направлена против моей книги «Социализм: жизнь общества и человека». Игорь не хотел согласиться с моим тезисом, что победа большевиков в Октябре была во многом случайной, что, не будь маниакальной воли Ленина, был возможен и другой исход событий. Игорь потому и написал статью, чтобы доказать, что русские всей своей историей были приговорены и к сталинской мясорубке, и к сталинской коллективизации, что всему виной российское, крестьянское «мы»⁶.

Тут просто расходились когда-то близкие друг другу люди. Я выбрал веру в Россию, в ее возможность стать или, по крайней мере, быть нормальным государством. Игорь выбрал веру в революции и в революционеров, в бесконечный процесс модернизации социального бытия. Произошло то, что должно было произойти. Мы по-разному зацеплены за эту российскую почву, по-разному ее чувствуем. Никто из нас в этом не виновен. Мне трудно согласиться с тем, что происходит только то, что должно произойти, что я и мои предки не были достойны лучшей судьбы. Последующие события и, особенно, активное участие Игоря в пропаганде идей российского суверенитета, российского президентства, убедили меня в том, что я был прав. Идейно мы разошлись. Наверное, давно и навсегда.

⁶ Причины того, что произошло в России в октябре 1917 года и позже, полагает И. Клямкин, надо искать в том, что «крестьянство, составляющее подавляющее большинство населения, оставалось в массе своей добуржуазным (патриархальным и мелкотоварным) с уровнем потребностей и хозяйственной энергии, недостаточными для товарно-рыночной экономики. Все это не могло не сказаться на облике общества, сложившегося в стране после революции». (Клямкин И. Улица ведет к храму?//Новый мир. 1987. №11. С. 151.)

Но разрыв с Отто Лацисом и Геной Лисичкиным был неприятен. И именно потому, что это было всего лишь знакомство коллег, институтское сотоварищество. При таком характере отношений трудно сказать все начистоту.

Но, с другой стороны, я был искренне убежден, что именно Отто Лацис со своей талантливой, проникновенной апологетикой ленинской гвардии, ее вождей, сеет «смуту» в сознании, не дает возможности увидеть правду о большевистской революции такую, какая она есть, мешает нам освободиться от советского прошлого. Во всей этой апологетике ленинской гвардии, ее вождей тоже была беззащитная ложь, старание любой ценой оправдать дело отцов и их соратников.

Поэтому я и рискнул сказать, что наша перестроечная публицистика, разблачивающая Сталина, по сути, по исходным ценностям, является все той же партийной марксистско-ленинской публицистикой, что это движение не столько вперед, сколько к большевистским мифам двадцатых, началу социалистического строительства.

В этом мировоззренческом отношении не было никакой разницы между идеями Нины Андреевой и идеями новых перестроечных демократов⁷. Все эти люди звали, зовут нас полюбить социализм, жить в социалистическом обществе.

Парадокс всей ситуации состоял в том, что эта перестроечная апологетика и «чистого» марксизма, и «чистого» социализма, и «чистых» ленинцев меньше всего нравилась моим коллегам-аппаратчикам. Будучи, как всегда и везде, агитатором, я пригласил Отто Лациса после опубликования его статьи «Перелом» выступить у нас в отделе ЦК. Было это в начале октября 1988 года. Отто, как всегда четко и аргументировано, доказал, что Сталин действовал вопреки решениям XV съезда РКП (б), отошел от разумной стратегии социалистического строительства. Никого это не трогало. Никто уже не симпатизировал ни Бухарину, ни Рыкову. Традиционная для шестидесятников ностальгия по жертвам Сталина, по истинным ленинцам даже в нашем либеральном отделе никого уже не понимала.

Судьба марксизма их, аппаратчиков, как и меня, волновала меньше всего. В стране уже начинался новый спор о том, кто и что придет на смену марксизму и коммунизму. Ответ на этот вопрос во многом зависел от того, как решится спор о природе и истоках сталинизма, который я попытался обнажить в своих статьях.

Если правы те, кто связывает сталинизм с русской почвой, с традициями русского крестьянства, со сталинской «изменой» марксизму, то, надо социалистический эксперимент продолжать и до конца, до основания разрушать «русскую почву». Но если прав я, выводящий сталинизм, прежде всего, из доктринерства Карла Маркса, из его программы разрушения традиций, то, на-

⁷ «Если, к примеру, О. Лацис из своего убеждения в абсолютной политической устойчивости и экономическом реализме промышленного класса черпает все свои политические обвинения в адрес выходцев из деревни, то почему Нина Андреева из этого же мировоззренческого источника не может черпать свою неприязнь к интеллигенции». — Ципко А. Наука и жизнь. 1988. №11. С. 54.

против, надо спасать остатки «русской почвы», возрождать национальную культуру, российское крестьянство и т.д.

В сущности, спор о том, что будет после крушения существующего режима, куда пойдет дальше страна, начался уже тогда в 1988 году. Я просто один из первых увидел, что спор идет не о сталинизме, не о его корнях, а о будущем страны, о том, куда возвращаться, где искать разорванную нить времен, кто придет к власти.

Интеллигенция, выводящая сталинизм из русской почвы, была категорическим противником реставрации дореволюционной России. Эта атеистическая интеллигенция была и категорическим противником реставрации российского православия. Ее сознание никак не грела возможность реставрировать знаки и символы России. Те, кто связывал сталинизм целиком с «русской почвой», хотели вернуться в досталинскую эпоху, в большевистскую Россию двадцатых. Хотели, руководствуясь «чистым» марксизмом, «чистым» ленинизмом, продолжать модернизацию, выкорчевывание патриархальщины. По сути, все эти мысли были продолжением идеологии «шестидесятников», их убеждения, что Сталин изменил делу Ленина, что Сталин, по сути, реставрировал старую, самодержавную, патриархальную Россию. Только незначительная часть аппарата, связанная своим прошлым с московскими интеллигентскими кругами, с журналистским миром, была заинтересована в реванше шестидесятников, в продолжении строительства социализма в СССР на этот раз на обновленной социал-демократической основе.

Я думаю, шестидесятники допустили громадную ошибку, связав сталинизм, все ужасы и преступления этой эпохи с русской почвой, с врожденными пороками российского, патриархального сознания. Сведение счетов с русской почвой — не самый лучший способ решения русских проблем. Поэтому мои статьи, при всем их антикоммунизме, плохо скрытой белогвардейской подоплеке, были ближе аппарату, чем статьи и взгляды моих оппонентов. Защищая российское крестьянство от обвинения в левацком экстремизме, я тем самым косвенно и защищал их собственное достоинство⁸. Моими коллегами в ЦК, как я понял, с пониманием был воспринят мой контраргумент, который я сформулировал в споре с разоблачителями патриархальной России. Допустим, говорил я, вы правы, допустим Россия была дикая, невежественная, отсталая, склонная к разбою и расправе. Но тогда еще больше вина ленинской гвардии, левой российской интеллигенции. Только циник, морально падший человек, преступник в состоянии эксплуатировать болезненные страсти народа для достижения своих политических целей.

⁸ «Конечно, — писал я, — царистские настроения, патриархальщина, бескультурие и безграмотность бородатого мужика — все это способствовало в конечном счете утверждению диктатуры Сталина. Но это, скорее, почва, семя было выращено на другой, на левой ниве. Сам крестьянин никак не смог прийти в тридцатые. Патриархальные настроения, патриархальное невежество сами по себе ни к каким революциям не ведут. Они могли вести к бунту, к разбою или в других случаях служить питательной почвой для укрепления веры в царя, в бога, в частную собственность». — Наука и жизнь. 1989. №2. С. 53–54.

Конечно, аппарат, подавляющая часть ЦК была больше всего заинтересована в сохранении статус-кво. Старая жизнь, старая работа давали гарантии среднего по советским стандартам благополучия, возможность пристроить детей. Но когда возник выбор: или социал-демократизация, или «патриотизация» страны, то, конечно, все симпатии были на стороне национального развития страны. Идея РКП получила потом поддержку в аппарате не в силу своей подлинной коммунистичности, «красности», а в силу своей приверженности национальной идее. Сложилась судьба Ельцина по-другому, не будь истории с октябрьским Пленумом 1987 года, и он, скорее всего, стал бы оппонентом Горбачева по национальной линии, стал бы лидером национал-патриотического коммунизма.

Аппарат прекрасно понимал, что шестидесятники, возглавившие борьбу со сталинизмом, поднявшиеся на поверхность политической жизни благодаря этой борьбе, благодаря созданию «Мемориала», прежде всего, хотят власти, хотят реванша. Но аппарат эту власть никак не хотел уступать. По этой причине я, как оппонент неомарксистов, необольшевиков, опять оказывался своим. По крайней мере, косвенно. Я на власть не претендовал. Аппаратчики воспринимали меня как приبلудившегося ученого.

В это же время, начиная с конца 1988 года, после опубликования первых двух статей, у меня образовались контакты с преподавателями Политической академии имени В.И. Ленина. Они звонили мне, поздравляли с выходом статей, приходили ко мне в ЦК. Все они, майоры и полковники, к тому времени уже давно перешли с коммунистических на национал-патриотические позиции. По духу они были белыми офицерами в советской форме. Подобные же процессы, как мне рассказывали, в это же время начали происходить и в КГБ. Требование быстрой деидеологизации и армии, и КГБ начало выдвигаться уже в 1989 году. И многие аппаратчики, и многие полковники и майоры были готовы, если бы их кто-то позвал, вернуться к Деникину и к Колчаку. Но они ни за что, ни при каких условиях не согласились бы вернуться к чистому большевизму — к Троцкому, Бухарину, Каменеву и Зиновьеву.⁹

Необольшевики типа Отто Лациса или Роя Медведева, пытавшиеся еще в 1989 году доказывать, что ленинский красный террор по сравнению со сталинским был благодеянием, даже у самых закоренелых догматиков ЦК вызвали недобрые чувства.

Факт остается фактом. И с ним необходимо считаться тем, кто хочет понять историю и истоки трагедии горбачевской перестройки. Партийный и государственный аппарат, который обвиняли в консервативных настроениях и догматизме, был больше готов к переходу от марксизма-ленинизма к государственному, конструктивному антикоммунизму, чем шестидесятники, называвшие себя левой, демократической интеллигенцией. Именно по этой при-

⁹ Кстати, надо отдать должное Юрию Афанасьеву, который вышел на поверхность политической жизни благодаря своему призыву реабилитировать ленинскую гвардию. Он уже в середине 1989 года почувствовал, что на реабилитации Троцкого и Бухарина никуда не уедешь и довольно плавно перешел с социал-демократических на антикоммунистические позиции.

чине мои статьи, призывавшие не связывать больше судьбы страны, России, т.е. нынешнего СССР, с судьбами марксизма, получили отпор не со стороны государственного аппарата, а со стороны перестроечной интеллигенции.

Тогда в 1988 году в аппарате ЦК КПСС еще были сильны позиции консерваторов. Но никто всерьез не пытался сводить со мной счеты, не звал к расправе. Да, Лигачев на одном из заседаний Политбюро в январе 1989 года попытался привлечь внимание к моим статьям¹⁰, но без присущей ему коммунистической принципиальности. Достаточно было Горбачеву схитрить и сказать, что обсуждать вопрос рано, так как публикация статей продолжается, и Лигачев отступился. Медведев, главный идеолог, промолчал, ушел в кусты. Он и Капто в это время вели со мной переговоры о переходе к ним в идеологический отдел. А Яковлев пообещал меня так загрузить работой, чтобы у меня не оставалось времени для литераторства. Так, полушутя, полусерьезно Политбюро ЦК КПСС, по существу, одобрило мои старания по разоблачению марксизма и большевистской революции.

И опять по иронии судьбы только тогда, когда после XXVIII съезда КПСС в ЦК КПСС пришли шестидесятники, против меня началась настоящая идеологическая кампания.

Новый главный редактор «Правды», демократ и реформатор, Иван Фролов весь 1990 год не упускал возможности, чтобы не разоблачить меня. Именно благодаря его стараниям я с 1990 года, особенно после опубликования моей статьи в «Новом мире» «Хороши ли наши принципы?» (1990. №4), уже как антикоммунист стал вровень с самим Солженицыным. А диссидент и демократ, вождь первого этапа перестройки Рой Медведев, став летом 1990 года на XXVIII съезде КПСС членом ЦК, в первом же своем публичном выступлении на очередном Пленуме ЦК посчитал своим долгом осудить меня как разоблачителя марксизма и ленинизма¹¹.

¹⁰ Сопредседатель «Московской трибуны» профессор Бергер в своем специальном выступлении обвинил меня в дефиците критического отношения к российской почве, к российской традиции как к основному тормозу перестройки. Михаил Баткин буквально атаковал меня в конце октября 1989 года в Бергамо (Италия) за мои попытки приобщить Карла Маркса и его учение к большевистской революции. С его, баткинской точки зрения, марксизм никакого отношения ни к Октябрю, ни к его вождям не имел и не имеет.

И, наконец, последовательный в своей большевистской вере Отто Лацис, посвятив разоблачению моих статей обширный материал, доказывал, что Ленин и Троцкий имели право убивать, а вот Сталин такого права не имел. С его точки зрения, нельзя обвинять в насилии людей, которые сами претерпели на себе бесконечное насилие старой власти. (См.: *Лацис О.* Термидор считать брюмером...//Знамя. 1989. № 5. С. 193). Григорий Водолазов на страницах демократического «Октября» обвинял меня, правда, не называя фамилии, в недооценке научной ценности марксизма, который, с его точки зрения, «развиваемый применительно к сегодняшним условиям, является главным и наиболее совершенным инструментом борьбы против всех форм и разновидностей сталинизма». (См.: *Водолазов Г.* Ленин и Сталин//Октябрь. 1989. №6. С. 29).

¹¹ «Вот появился у нас неглупый, но и не скажу, что особенно знающий и глубокий идеолог А. Ципко. Претензии у него глобальные — разоблачить марксизм и ленинизм. Я приведу только несколько цитат из статьи А. Ципко в “Новом мире” — а это журнал почти с трехмиллионным тиражом. Ципко пишет с крайней развязностью о Марксе.

Конечно, в своих статьях я восстал против ностальгии шестидесятников о вождях ленинской гвардии не во имя того, чтобы понравиться аппарату, чтобы и героем быть, и «номенклатурой» остаться. Еще меньше я руководствовался какими-либо политическими соображениями, когда встал на защиту русской почвы.

Когда я начал писать эти статьи, я вообще не думал о последствиях, о том, как они будут восприняты в стране, а тем более в аппарате, в ЦК. Убей меня бог! Я вообще не думал, что эти статьи вызовут такой повышенный интерес и особенно так много шума. Ведь в них действительно не было ничего такого, о чем бы я не писал раньше.

Мне было, прежде всего, важно разоблачить этот новый необольшевистский обман, это откровенное необольшевистское человекобожество. Я никак не мог и до сих пор не могу понять: почему разоблачать российское население, российское крестьянство можно, а разоблачать утопизм и бесчеловечность научного коммунизма Маркса нельзя? В конце концов, я прежде всего защищал и свое достоинство, и достоинство своих детей. Более того, я защищал духовное здоровье своих сыновей и их сверстников. Возможно, это и был главный стимул, заставивший меня восстать против необольшевистской трактовки сталинизма, попытки сделать ответственным за все преступления сталинизма патриархального российского крестьянина.

Нельзя забывать, что тогда, в конце 1987— начале 1988 года, студенческая молодежь, в том числе и мой старший сын Владислав, студент МГУ, поверили автору статьи «Какая дорога ведет к храму?», поверили, что русские — это обреченный народ, что они не в состоянии сами, своими силами подняться до высот цивилизации.

В Венгрии, Чехословакии, Румынии не было ни русской почвы, ни традиции российской общины. Но везде были марксистские коммунистические партии 3-го Интернационала, везде была национализация средств производства, везде в конечном счете устанавливался тоталитарный строй. Репрессии Ракоши, когда в крошечной Венгрии судами было возбуждено полтора миллиона дел по политическим мотивам, по масштабам не уступают сталинским. Поэтому я посчитал своим долгом восстать против откровенных уловок наших большевиков, против их попыток снять вопрос об исходных, структурных ошибках учения Карла Маркса, о природе левого российского интеллигентского экстремизма, против их попыток подменить вопрос об исходной несостоятельности марксистского учения о соци-

Я не хочу сказать, что Маркс все говорил правильно, что у Маркса не было ошибок. Можно критиковать и Маркса, доктринальная критика нам сейчас необходима, мы живем в конце XX века, а не в середине XIX века. Но вот что пишет Ципко: «Ничто так не развивает мысль и сердце, как поиски Бога», «насилие никогда не может быть рычагом истории», «наша дорога была дорогой в никуда», «мы дали себя обмануть, до основания разрушили свое государство, культуру», «корень всех ужасных преступлений не в Сталине, а в исходной идее коллективизации общественной жизни», «капитализм не готовит социализм», «учение Маркса и Энгельса о коммунизме нельзя даже назвать вполне научной гипотезой, ибо... все построено на вере»». — Правда. 1990. Октябрь. №7.

ализме проблемой изначальной несостоятельности русской, «догоняющей» истории.

Я не мог не видеть, что даже диссидент Рой Медведев боролся со Сталиным во имя Ленина и Троцкого, боролся не с социализмом, не с марксизмом, а с теми, кто находился у власти. Они, небольшие, дети тех, кто пришел к власти благодаря большевистской революции и кто был репрессирован Сталиным, просто защищали дело своих отцов, они жили их верой и даже их грехами. Они сохранили и их атеизм, и враждебное отношение к российскому православию. Кстати, поэтому Роя Медведева больше всего и возмутила моя мысль о том, что величайшее откровение человеческого духа связано с поисками бога. Они боялись признания того очевидного факта, что ленинская гвардия — вся без остатка и исключения — возглавила дело разрушения России, российской культуры. Старая Россия была им враждебна всем своим существом. Поэтому неомарксистам с самого начала перестройки была чужда идея реставрации и реабилитации добольшевистской России.

Российское самодержавие и российская империя были для них, как и для их отцов, главным врагом. Поэтому для них, как и для большевиков, оставались врагами и герои белого движения, сотни тысяч офицеров и солдат, которые пытались спасти свою страну от большевистского безумия. По этой же причине Рой Медведев и Отто Лацис восприняли в штыки и мое осуждение развязанной большевиками гражданской братоубийственной войны. Для них, наших разоблачителей сталинизма той поры, офицеры белой гвардии никогда не могли быть братьями.

Я начал писать эти статьи, ибо инстинктивно почувствовал, что только я смогу спасти ситуацию, вывести на «чистую воду» главных виновников октябрьской трагедии. Хотите — верьте, хотите — нет. Когда летом 1988 года в страшную жару, да еще в Крыму, я писал эти статьи, я не мог думать, от жары, усталости и напряжения у меня плыли круги перед глазами. Текст сам вырывался, буквально лился из моего возбужденного сознания. Это был тот редкий случай, когда писалось удивительно легко, слова находились сами по себе.

Только когда вопрос перешел в практическую плоскость, когда цензура попросила посчитаться с правилами игры, сконцентрировать внимание на критике отдельных «устаревших» положений, а не всего марксизма, я впервые понял, о чем идет речь в статье и какие обязательства я на себя беру. Раз истоки сталинизма, истоки величайших преступлений — марксизм, то бога нет, то все наше государство, вся наша идеология построены на песке. Так сформулировал смысл всего, что я написал, один из первых моих читателей, мой первый шеф в ЦК КПСС, умный и добрый Марат Васильевич Антясов. И только тогда, когда смысл написанного был произнесен вслух и слова были сказаны, я впервые отчетливо понял, что я наделал и как будет воспринято все, что я сотворил.

Правда, как мне показалось, сама цензура не трактовала так жестко и однозначно смысл написанного. По крайней мере, в коротенькой вводной было сказано, что авторский разговор о Сталине как революционере ставит своей целью возбудить активное отношение к «азбучным истинам» марксизма, отделить его устойчивое ядро (методологию, иерархию ценностей) от тех от-

дельных представлений о будущем, которые устарели, не подтвердились на практике¹². Конечно, написанное было полуправдой, полуложью. Ибо в самой методологии Маркса, наряду с разумным, с принципом историзма, была и гегелевская мистика, априоризм гегелевского дуализма.

Но я пошел на уступки. Удовлетворил еще и второе, и последнее требование цензуры. Убрал критические замечания в адрес Юрия Бондарева. Он у меня фигурировал в статье рядом с Александром Прохановым как идеолог славянофильской утопии об особом пути развития России. Но его, как члена ЦК КПСС, как оказалось, нельзя было критиковать. Согласился я и с предложением моего шефа, заведующего международным отделом ЦК Валентина Фалина, подчеркнуть в моих статьях свою лояльность Горбачеву и перестройке¹³. Я с чистой совестью вписал в текст слова о том, что «эпоха перестройки поставила во главу угла интересы и заботы реального, сегодня живущего человека», что «в этих условиях уже не должно быть почвы для левого доктринерства, для очередного замаха на здравый смысл, для проповеди различного рода социальной мистики». Писал с чистой совестью, ибо Горбачев в своем политическом докладе на XXVII съезде КПСС призвал нас к урокам правды.

Я без Фалина уже давно понимал, что главным критерием лояльности в нашем обществе является положительное отношение к здравствующему лидеру партии и к проводимому им курсу. Тебе все могут в конечном счете простить — и покушение на святых мертвых коров Маркса и Ленина, и покушение на Октябрь. Но тебе никогда ни при каких условиях не простят критику живого бога¹⁴.

У меня, как автора подцензурной печати, который пытался сделать свои идеи и эмоции достоянием легальной прессы, уже на подсознании работали все необходимые тормоза. Я уже давно, с середины 70-х, овладел этим нехит-

¹² См.: Наука и жизнь. 1988. № 11. С. 45.

¹³ Было это уже в самом конце декабря 1988 года. Я в это время жил и работал на семнадцатой даче в Серебряном Бору, по просьбе Капто вместе с его командой писал предвыборное обращение ЦК КПСС к избирателям. Конечно, в это время я жил своими статьями и неожиданным счастьем всеобщего интереса и всеобщего признания. Но тут настроение было испорчено. Позвонил мне мой новый шеф, руководитель группы консультантов Николай Коликов, и сказал, что вечером меня ждет у себя Фалин. «Что-то, связанное с твоими статьями», — при этом добавил он.

Фалин действительно меня ждал, и речь шла действительно о статьях. Но, к моему удивлению, разговор был мирным и вполне дружелюбным. Как мне рассказывал уже в апреле 1992 года Горбачев, Фалин беседовал со мной по его просьбе. Правда, я не знаю, с какого момента, с какой статьи цензура начала присылать верстки моих статей «наверх» Медведеву и Горбачеву. Но тогда о закулисной стороне дела я не знал, и все сказанное воспринимал как собственные откровения Фалина. Начал он с дежурной фразы о том, что все мы, консультанты международного отдела — ученые, и, конечно, должны принимать активное участие в научных дискуссиях, включая и дискуссии о судьбах страны. Но дальше сразу к делу. «Мне рассказывали Ваши коллеги, что сейчас готовится к печати последняя, четвертая из ваших статей в “Науке и жизни”». Я думаю, было бы уместно в ней подчеркнуть, что вы выступаете как сторонник перестройки, связываете с ней свои политические надежды». И все.

¹⁴ По сути КГБ уже со сталинских времен защищал не революцию, не государство, а священную корову, здравствующего генерального. По этой причине, кстати, уже в эпоху Брежнева государство выродилось.

рым приемом. Стоит вставить в самый страшный текст, когда даже идиоту понятно, что ты разоблачаешь советскую систему, сноску на генерального, и дело спасено. Книга выходит в свет. Конечно, выходит в свет полуправда, вернее, недоправда. Но кто мне докажет, что у нас, в 60-е, 70-е, а тем более в первую половину 80-х, была другая возможность противостоять догматизму как худшему злу, разоблачать самую страшную, самую опасную ложь, разоблачать веру в коммунизм.

Но с начала перестройки у меня уже вообще не было никаких проблем. Я искренне связывал свои надежды на начавшуюся революцию сверху с Горбачевым. Поэтому, как и просил Фалин, закончил свои статьи апологией перестройки, правда, своей перестройки, как я понимал ее цели и назначение. Звучало это так: «Если вообще позволено говорить об уроке сталинизма, то он, наверное, состоит в том, чтобы перестать обманывать себя. Перестройка возвращает нам утраченное чувство реальности, веру в собственные силы. У нас есть все необходимое, чтобы жить достойно. Начав свою новую историю с “реабилитации” правды, мы должны пройти этот путь до конца. Нельзя больше лукавить, заниматься мифотворчеством. Различие интересов, конечно, невозможно отменить. Но высветленные правдой, они легче поддаются единению. Надо довериться ей. Правда нужна обо всем: о человеке, о его душе, о нашей истории, верованиях, о наших возможностях и, самое главное, о том, к чему мы все на самом деле стремимся. Только она является гарантом от реставрации сталинизма, только она в состоянии защитить нас. Может быть, все наши беды, включая ужасы сталинизма, как раз и произошли от того, что мы долго лукавили, что так и не научились почитать истину, правду своей истории, ее уроки»¹⁵. Но все это было потом. Даже критика Маркса, как мне казалось, была лишь следствием, побочным продуктом.

Когда я писал, вернее, когда я освобождался от стеснявшего мою душу негодования, мной двигало, прежде всего, желание спасти веру в российскую почву, в российский народ. Тогда я, как и все мы, не отделял русских от украинцев и белорусов. Для меня русские тогда были еще шире, я к ним относил и мордву, и чувашей, и татар, и башкир. Эта вера, прежде всего, была необходима мне. Допустим, коммунизм умрет завтра. А что дальше? Мне хотелось верить, что стоит освободить страну от коммунизма, от всех его запретов, сдерживающих все человеческое и живое, и люди, страна придут в себя.

Честно говоря, тогда летом 1988 года я и мысли не мог допустить, что через три года страна развалится, причем таким страшным, нелепым образом. Мне просто хотелось ускорить освобождение страны от коммунизма, ускорить возвращение в нормальную Россию. Поэтому я считал своим долгом разоблачить тех, кто считал, что старая Россия была изначально мертва, что не может быть и речи о воскрешении России из пепла, что спасение только в продолжении того, что продолжается уже семьдесят лет, в выправливании из нас последних остатков крестьянского «мы», как настаивал мой старый друг, а теперь главный оппонент Игорь Клямкин.

¹⁵ Наука и жизнь». 1989. №2. С. 61.

Я защищал самого себя. Мне казалось, что я был, жил в старой России, что она является частью моей души, я знаю ее правду.

Так уж получилось, что мои бабушки и дедушки, жившие до старости только мыслями о том, что было до революции, передали мне свой мир, свое ощущение их старой России. Долгими бесконечными вечерами в детстве, в отрочестве я, пребывающий много времени в компании стариков, шестидесятилетних, а потом семидесятилетних, слушал их воспоминания об ушедшей, умершей России.

Среди них не было бывших, не было белых офицеров. Оба мои деда были повязаны красным грехом. Один, дед Ципко, как представитель эксплуатируемого класса, участвовал в экспроприации имения на Французском бульваре, где он с 1903 года исправно служил садовником. На территории одного из этих конфискованных имений он и построил в 1925 году дом, где дали мне жизнь. Другой дед, Дзегузе, по-латышски и по-литовски — «кукушка», был в еще большем грехе. Еще до революции участвовал в революционном движении. Мстил своему деду и высшим классам за отлучение своей матери и от дворянства и от семьи. Коммунист-анархист прослужил в транспортном ЧК до 1933 года. Но все они: и бабушки, ненавидевшие новые большевистские порядки, и дедушки, их устанавливавшие, до конца жизни были влюблены в старую Россию. Для этих людей все кончилось в 1917 году. Сначала, как говорила моя бабушка, мать отца, была молодость, жизнь, потом после революции — годы голодного кошмара, а потом — советские мучения.

Эти люди, мои бабушки и дедушки и их друзья, приходившие к нам в дом на Пролетарский (теперь он стал снова Французским), не использовали нынешних модных слов «Родина», «патриотизм», «почва». Никогда я не слышал из их уст слова «империя» применительно к России, к своей родине. Но они не мыслили себя, своего существования без этой России, без этой страны, где они родились, выросли. Они никогда не злословили по отношению к своей стране, родине, а тем более по отношению к какому-либо классу или нации. Они были счастливы, что доживают свой век дома, в Одессе, а не во Франции, Болгарии, как многие их сверстники, друзья детства.

Все произошедшее и все, что потом пережили после революции, они воспринимали как драму, как напасть, как землетрясение, как чуму. Не будучи даже чисто русскими — дед Ципко был хохол, почти западенец, с Проскурова, дед Дзегузе — полурусский, полулатыш, мать отца — полурусская, полуукраинка — они чувствовали себя русскими, говорили дома только на русском языке, были всей своей жизнью и всеми своими трагедиями связаны с Россией, с этим государством, которое их мучило. Помню, о чем говорили старики, домашние, где-то с девяти—десяти лет, когда я окончательно политизировался.

Все старики, друзья деда Ципко, — и полковник царской армии, герой Порт-Артура Голембиовский, который был самым старшим в этой компании, и чудом уцелевший статский советник Кашин (он так и остался жить в доме Пекарской, где жил до революции), и два мои раскаявшиеся в красном грехе деда — в один голос обсуждали только один вопрос: когда околеет Сталин. Эти русские люди никогда не могли додуматься до нынешнего «патриотического» безумия, до утверждения, что «Сталин был настоящим русским патри-

отом». Они все его ненавидели и клялись дожить до того дня, когда эту собаку похоронят. Дожил до этого дня только самый старый из них — полковник Голембиовский. Он еще в начале 60-х, скрюченный, сторбленный ходил по Пролетарскому, одинокий, без семьи, друзей, как напоминание об уже вымершей и старой России и старой Одессе.

Эти люди очень много говорили о России, но никогда не говорили о русской нации как об этносе, как принято сейчас в наши демократические времена.

Моя мать, которая одна меня воспитала, по женской линии была полькой. Как говорил мне в детстве дед Ципко, вспоминая о своей первой, умершей еще в 1918 году от тифа жене, «такой же веснушчатой, как твоя бабушка-полячка». Но ни дед, ни мама, ни отец, с которым у меня появилась возможность общаться только в юности, никогда не обсуждали вопрос о своей национальной принадлежности. Я впервые осознал смысл этой проблемы только, когда получил паспорт, в шестнадцать лет. Именно потому, что я был на фамилии матери, я стал украинцем. Но тогда никто этому не придавал значения.

Тогда, в первое десятилетие после войны, все люди, которые меня окружали, еще жили старым, дореволюционным, российским пониманием национальности. Русскими для них были все православные славяне, абсолютно все, кто родился и жил в этой стране. Интересно, что в быту тогда еще не укоренилось понятие СССР. Когда говорили о дооктябрьском периоде, использовали понятие Россия, а применительно к сегодняшнему дню использовалось только слово «страна». Старики, которые умерли в начале 50-х, вместо СССР говорили еще «большевистская Россия». Моя бабушка, мать отца (девичья фамилия Шаповалова), до конца дней своих, до 1971 года, использовала слово «совдепия».

Они, эти люди, которые родились в старой России еще в 80-е — в начале 90-х прошлого века, как раз и передали мне ощущение органической причастности к этой стране, к этому государству. Они не смотрели на него, как нынешняя просвещенная демократическая публика, как на последнюю империю, как на анахронизм европейской истории, как на то, что обязательно должно распасться.

Россия была, прежде всего, их страной. Они, эти старики, не мечтали о многом, мечтали о том, чтобы большевистская власть умерла, о том, чтобы восстановились дореволюционные порядки. Им, как я теперь понимаю, было присуще эмигрантское восприятие «совдепии» как наказание за грехи тяжкие, как тяжкое испытание. Они думали, что белые проиграли Россию раз и навсегда.

Но они, не будучи ни либералами, ни демократами, очень надеялись, что после смерти Сталина будет больше свободы, что будущие правители, как Ленин, образумятся и восстановят НЭП, частную собственность. Для любого одессита, независимо от национальности, всегда было очевидно, что без частной собственности жизнь чахнет.

Этим ожиданием послаблений, нового НЭПа значительную часть своей жизни прожил и я. У меня всегда, с детства, с тех пор, как я связал в сознании свою собственную жизнь с жизнью страны, была не только ностальгия по той

России, по той Одессе, которая умерла во время большевистской революции и память о которой сидит у меня в генах, но и физиологическое ощущение противоестественности этой советской жизни.

И это — не мистика. Это такой же достоверный факт сознания, самоощущения человека, как и все другие объективные, материальные вещи: камни, стулья, поезда. Я думаю, старики, которые все время держали меня около себя, кроме интереса — я все время бегал за папиросами — еще сознательно вливали в мое сознание память о своей молодости, об их России. Кашин дергал меня, пацана в футбольных трусах, за мои большие уши и приговаривал, обращаясь к деду Ципко: «Он у тебя умный, он умеет слушать».

Разделение истории моей страны на естественную — царскую и на противоестественную — советскую было исходной структурой моего сознания. И офицеры КГБ, которые занимались мной, установили точный диагноз моего сознания: я органический антисоветчик. Я радовался и радуюсь отреставрированной церкви, но не испытываю никаких чувств по поводу открытия нового сельского клуба, хотя понимаю, что это плохо. Я с детства любил смотреть только те фильмы, где показывалась старая Россия или в крайнем случае нэпмановская Россия, где ощущался запах старой, умершей жизни. Я никогда не смотрю фильмы два раза, но несколько раз смотрел телесериал «Адъютант его превосходительства». Не из-за Соломина, большевистского агента, а для того чтобы еще раз увидеть умного и трагичного Деникина.

И поэтому, когда я с 1988 года начал требовать развода России с марксизмом, отделения судеб страны от судеб марксистско-ленинской идеологии, я шел от самого себя, от исходных, глубинных структур своего сознания, своей души. Во мне белое восприятие большевизма, как чумы, как наваждения, появилось задолго до того, как я прочитал Шульгина, Деникина, Короленко. И я читаю «Окаянные дни» Бунина первый раз только сейчас, в Саппоро, когда пишу эту книгу. Но его восприятие, его понимание большевизма всегда сидело во мне, я уже давно жил ощущением, что революция была убийством чего-то живого, очень близкого мне. Впрочем, красному Катаеву в его воспоминаниях, посвященных дореволюционной Одессе, опубликованных в «Новом мире» в 70-х, удалось даже более достоверно, чем Бунину, рассказать о той органической, естественной одесской жизни, которая была принесена в жертву большевистскому эксперименту. Характерно, что Катаев, родившийся на пятьдесят лет раньше меня в другой Одессе, ощущал ее мир, улицы, запахи, сирень в Обсерваторном переулке точно как я. Как будто мы учились в одном и том же классе одного и того же реального училища.

Надо сказать, что в самой Одессе, где я сформировался как человек, как мыслящее существо, не было страшного разлома между прошлым и настоящим, какой был характерен для городов России, особенно для маленьких, провинциальных. В Одессе, и в этом была ее прелесть, старая жизнь влилась в новую, советскую, нравы Дерибасовской и Пушкинской остались те же, что и до революции. Привоз остался Привозом. Ланжерон остался Ланжероном. Вернее, надо сказать, что Одесса, в отличие от других городов старой России, дольше держалась за прошлое. До середины 50-х одесситы называли улицы старыми названиями, они говорили Ришельевская, но не Ленина, Екатери-

нинская, но не Карла Маркса. Но в России, где-нибудь в Орехове-Зуеве или Звенигороде, было видно эту черту, отделяющую старую, живую Россию от пришедшей ей на смену советской. Особенно зримо этот разрыв времен виден в Орехове-Зуеве. Все мощное, прочное и, самое главное, красивое — от старой России. И городская больница, и заросший городской парк над рекой у полуразрушенной водокачки, и библиотека, и здание городского совета, бывшей управы, и все торговые здания — все от старой России. Все новое — тускло, бледно, полубарачного типа.

Нигде в стране я не видел такого яркого, зримого подтверждения своего исходного восприятия истории своей страны. Была нормальная, мощная жизнь, нормальная русская цивилизация. И вдруг неожиданно в одну минуту все взрывается, а потом семьдесят лет не люди, а тени прошлого бродят на обломках, останках погибшей цивилизации. И эти люди, жители Орехова-Зуева, выходящие вечером из своих старых дореволюционных, покосившихся кирпичных домов за водой, бредущие по деревянному настилу к старой дореволюционной колонке, действительно воспринимались как тени прошлого.

Именно по этой причине, в силу строения своей души, я восстал против своих друзей, знакомых, которые начали доказывать вещи, противные моему существу, начали доказывать, что старая российская цивилизация, ощущаемая мной как настоящая жизнь, на самом деле была мертвечиной, царством патриархальщины, а новая, большевистская, напротив, открывала тернистый путь к прогрессу и модернизации.

Как человек, мыслящий предметно, образами, я не мог согласиться с той правдой, которую мне внушали борцы с «крестьянским мы», с патриархальщиной. Почему Россия, состоящая на восемьдесят пять процентов из крестьян, могла построить в том же Орехове-Зуеве добротную больницу, библиотеку, гимназию, а Россия, ставшая на путь большевистской модернизации, нигде, ни в одном старом русском городе так и не построила ничего красивого за семьдесят лет.

Я не мог и до сих пор не могу понять людей, считающих себя интеллигентными, для которых революция, то есть взрыв русской патриархальной жизни в том же Орехове-Зуеве или в Муроме, Звенигороде, взрыв устроенного быта с прочными каменными домами, является праздником истории, которым совсем не больно, не жаль гибели этой старой, но живой России. Я не могу понять тех умных, образованных людей, которые до сих пор больше ценят Маркса, теоретика разрушений, классовой борьбы, чем ту живую культуру, живую жизнь, которая погибла здесь, в России, во время большевистской революции.

Человекобожие всегда уродливо, даже когда оно оправдывается верой в науку, стремлением найти духовные опоры своего собственного существования в жизни, в науке.

Почему всего этого не жалко? Даже если по независящим от тебя причинам ты не можешь связать себя ни с этим российским родом, ни с этим российским православием, то все равно ты связан с этим языком, культурой, здесь на этой земле родились твои предки, родился ты сам. Как можно желать быстрой смерти всему, чем ты живешь сам, без чего не сможешь сам потом нормально жить? Не будем обманывать. Все те русские и нерусские, бо-

ровшиеся с Союзом как с «российском империей», жаждали не столько свободы, демократии, сколько смерти этого государства. Ими двигало не желание демократии, свободы, а желание смерти собственного государства как своего главного врага. Вот этого я никогда не понимал. Чем человек может дорожить? Семей, детьми, своей работой. А дальше? У всех нормальных людей дальше — народ, нация и, конечно же, государство. Это неправда, что подлинный интеллект, достигший высот цивилизации, не воспринимает государство как ценность. Люди не выбирают между свободой и государством. Люди всегда выбирают различные государства.

Убей меня бог, я не могу принять и пустить в свою душу патриотизм Александра Проханова, его мистическую убежденность, что российское государство только для того и существует, чтобы мучить своих подданных и требовать от них бесконечных жертв. Я при всем уважении к чувствам Михаила Антонова не могу принять его столь же мистическую веру в богоизбранность России, в особую соборность русских, в особую судьбу русской общины. Не могу согласиться со всей этой мистикой ни умом, ни сердцем. Более того, все это мне представляется опасным заблуждением, мешающим русским жить более достойно.

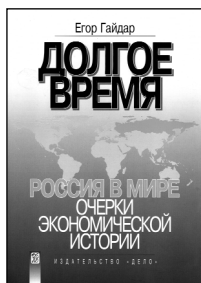
Но я не мог и до сих пор не могу согласиться с теми, кто российское крестьянское сознание превращает в исчадие ада, обвиняет мужика в тех грехах, к которым он не имел и не имеет никакого отношения. Я не мог и не могу согласиться с теми, кто зовет к окончательной расправе с русской почвой, кто лишает ее тех шансов, которыми обладают все другие национальные почвы — германская, китайская, японская. Поэтому я и восстал против этой откровенной крестьянофобии, которая дышала старой, дореволюционной ненавистью города к деревне, которая подменила серьезный анализ причин грехопадения страны, нации, повторением на все лады старой марксовой присказки об идиотизме деревенской жизни. И я искренне верил, что подавляющее большинство здравых, нормально мыслящих людей меня поймут, поймут и поддержат все те, кому, как и мне, некуда деваться, кто обречен своей душой защищать эту российскую почву, какой бы несовершенной она ни была.

Я почувствовал, что настал момент призвать всех к здравому смыслу, сказать вслух, что главный источник наших бед не в России, не в нашей почве, а в той вере, которой мы продолжаем служить.

Мне сейчас трудно вспомнить, что было пределом моих мечтаний, когда я сел писать статью, но я уже тогда, летом 1988 года, ощущал, верил, что настало время, что общество готово расстаться с марксистской идеологией, с ложью, которой мы жили семьдесят лет, что можно всем плавно, без потрясений стать на позиции спасения отечества. Я надеялся, что можно без труда связать перестройку с идеологией реставрации России, спасением тысячелетнего государства, оказавшегося в критической ситуации. Более того, теперь я могу сказать о том, что я не мог все эти годы сказать ни западным, ни советским журналистам. Я имел все основания верить, надеяться, что вскоре Горбачев перестанет повторять свою молитву «больше социализма, больше демократии» и вслед за страной сделает еще один важный, не последний, но все же важный шаг в сторону от марксизма.

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ КНИГИ

«Летающего над землей не интересуют
подробности на земле...»

Егор Гайдар. Долгое время. Россия в мире. Очерки экономической истории. М., 2005.

О новой книге автора беседуют журналист *Ю. Поройков* и кандидат экономических наук *Е. Устюжанина*.

Юрий Поройков. Об одном крупном писателе однажды было сказано: «Чтобы его знать, вовсе не обязательно его читать, достаточно после него жить». Такие люди настолько преображают жизнь, что мы знакомимся с ними, наблюдая эти изменения. Думается, что мы с вами находимся примерно в такой же ситуации – сквозь реальности сегодняшней жизни проглядывает лик ее главного преобразователя. Более того, с большой и толстой книгой в руках. Или я взял сразу слишком высокую ноту?

Елена Устюжанина. Нет, все верно – и реалии, и лик, и книга. И мы, действительно, уже многие годы наблюдаем изменения, знакомясь при этом с Егором Тимуровичем Гайдаром – ученым, политиком, реформатором, публицистом ... Яркая и очень цельная личность. И это, безусловно, находит отражение в книге «Долгое время» со столь обещающим подзаголовком «Россия в мире. Очерки экономической истории». Очень по-гайдаровски названо – масштабно и многозначительно. Говорю без иронии, просто констатирую факт.

Ю. П. Факт – с плюсом или минусом?

Е. У. Как реальность. Но вот что я хотела бы сказать в качестве пояснения. Есть люди, которые уверены в своей миссии на земле. Они, действительно, искренне думают, что видят дальше, глубже. Видят то, что не видят другие. Насколько далеко и глубоко они видят, сейчас не важно. Так вот, Гайдар как был Гайдаром начала 90-х, таким и предстает в этой книге. Как он тогда был уверен, что «есть такая партия» – Егор Тимурович Гайдар, которая может спасти Россию, так и сейчас он хочет всем объяснить, что такое Россия, что такое экономика, что такое общество. Он считает, что он это знает. И в этом смысле – перед нами едва ли не учебник жизни.

Ю. П. Не вижу в том крамолы. Собственно, автор и ставил перед собой такую задачу – попытаться понять (обратите внимание на это слово «попытаться»!), в чем состоят уроки, которые можно извлечь из опыта мирового развития, представить, с какими проблемами может столкнуться наша страна в том мире, в котором она стремится занять свое место.

Е. У. Думаю, все-таки он чуть-чуть лукавит, говоря так – пытался понять. Есть некий способ видения мира: я вижу то, что я хочу видеть. И пытаюсь объяснить мир с помощью той картины, которая у меня уже есть. Гайдар убежден, что ему досталась высокая миссия сделать то, что он сделал, и что люди, которые сейчас находятся у власти, понимают меньше, чем он. И это, наверное, так. Хотя в том, может быть, их спасение. Потому что, когда вы не уверены, что все понимаете, вы можете быть осторожным. Гайдар не может быть осторожным по определению. Он понимает все. Вот это – самое главное в нем, в его реформаторстве в 90-х годах и в этой книге.

Ю. П. Он не побоялся рискнуть своей репутацией, и люди, которых он позвал в свою команду, не побоялись. Хотя были и те, которые вовремя спрыгнули, и теперь – все в белом и пушистые...

Е. У. При этом и с ним, и со многими его помощниками-единомышленниками произошла очень интересная метаморфоза. Начну с нее, потому что она о многом говорит. Мне, видимо, придется здесь произнести небольшой монолог. Не возражаете?

В начале 90-х годов Гайдар был апологетом современного экономического мейнстрима – ультралиберальной модели мировоззрения. Вслед за своими учителями, он считал, что с помощью поддержания некоторых макроэкономических пропорций и уменьшения участия государства в экономике можно осчастливить человечество. А в этой книге он вдруг вспомнил об институтах. Стал объяснять, что у нас до сих пор не построены базовые институты капитализма (что, безусловно, верно). Но происходит совершенно фантастическая вещь. Либеральные утописты, которые пытались реформировать нашу экономику, подгоняя ее под собственные идеалы, вдруг в начале этого тысячелетия стали завзятыми институционалистами. Правда, довольно своеобразными.

Гайдар все время говорит о необходимости имитации, заимствования западных институтов. И он не одинок. В этом году в Высшей школе экономики, научным руководителем которой является Е. Ясин, проходила конференция, носившая длинное название, но в том числе в нем было словосочетание «выращивание институтов». На мой взгляд, это тот самый случай, когда люди говорят о явлении, не до конца понимая его смысл. Институты нельзя имитировать, заимствовать или выращивать.

Я глубоко убеждена, что не может существовать экономика без института собственности. И если у нас сложился некий институт собственности, и мы понимаем, что он неэффективен, то, прежде всего, нужно понять, что это за институт. Как этот сложившийся институт работает. Что нужно сделать, чтобы уменьшить его негативное влияние на экономику. Но сначала надо понять, что мы имеем. А есть другая постановка задачи: давайте «внедрим» в нашу экономику «правильный» институт, давайте возьмем и заимствуем чужие законы, чужие правила игры. Но подража-

ние, копирование не имеет ничего общего с институциональным строительством. Законы и институты – это не одно и то же.

Один из философов как-то заметил: Рим погубили не варвары, а стремление все регламентировать. То есть то самое классическое римское право, отточенное в Римской империи почти до совершенства. Именно необыкновенное развитие формальных правил погубило цивилизацию. Потому что подводная часть айсберга под названием общество – это обычаи, традиции, ценности. И если мы хотим что-то изменить, то должны понимать, как именно конкретная норма права будет сопрягаться с теми институтами, которые у нас уже сложились, как она соотносится с той системой ожиданий и отношений, которые уже существуют.

Вот мы, как прилежные троечники, списали у других закон об акционерных обществах. Но у нас он стал работать на то, чтобы лишить акционерные общества и основную массу акционеров их имущества. Мы приняли закон о банкротстве, и этот закон работал не на то, чтобы стимулировать освобождение экономики от неэффективных предприятий, а на передел имущества, на развитие корпоративных войн.

Можно взять почти любой закон и написать, если не книгу, то брошюру о том, какие жуткие последствия этот закон имел, хотя ни одна его норма сама по себе такие последствия не предусматривала. Просто при наложении на определенную институциональную реальность эти законы действовали так, как они действовали, а не так, как хотелось их авторам.

Ю. Л. Кстати, Гайдар говорит о недооценке традиции в роли создания рынка.

Е. У. Это он как бы оправдывается в связи с прошлыми заблуждениями, потому что наиболее последовательными критиками его реформ были институционалисты – и не только российские, но и американские. В общем, это достаточно старая мысль: еще Адам Смит считал, что его главная книга – труд не о богатстве народа, а об этике. Ведь этика создает некое силовое поле, в котором действуют писанные и неписанные законы. Помните, мысль Вебера о влиянии протестантской этики на развитие капитализма?

Давно известно, что одни и те же законы, одни и те же правила приводят к различным результатам в Испании, Мексике, Египте, России или Америке. Это даже неловко повторять. Так вот Гайдар вдруг начал об этом говорить. Но у меня такое ощущение, что он больше отдает дань моде, потому что его постоянный рефрен об имитации институтов – это оговорка по Фрейду.

То, как Гайдар и его единомышленники собирались выращивать институты, было продемонстрировано нам в начале 90-х годов. Теперь они, может быть, осознали, что именно институциональные барьеры помешали им провести вполне пристойные по целям, но не по средствам, реформы. Но и сейчас то, что они говорят об институтах, свидетельствует о том, что они как были экономическими большевиками, так ими и остались. При этом, называя их большевиками, я им лгу. Вспомним, например, 1921 год, когда Ленин убеждается, что продразверстка убивает страну, когда понимает, что единственное спасение в том, чтобы перейти к восстановительному этапу. Ведь мощности в стране есть, но они не

могут быть задействованы, потому что в этом никто не заинтересован. И новая экономическая политика стала и смелым решением, и институциональным. А приведите мне хоть один пример такого решения у наших реформаторов, начиная с 1986 года?

Ю. П. Кооперативы...

Е. У. Это было одно из решений, которое развалило экономику. Если вы мне приведете примеры действительных кооперативов, я очень удивлюсь. Они, конечно, были, но – единицы процентов. Более 90% – либо отмывание теневиками старых накопленных денег, либо использование наемного труда под маской коллективной собственности, либо просто структуры для откачивания денег из государственных предприятий.

Ю. П. Вы говорите о решениях, такое решение и было принято. Для того времени – почти революционное.

Е. У. Я с вами согласна: одним из первых законов, который начал расшатывать социалистическую систему хозяйства, был закон о кооперативах. Но в примере с новой экономической политикой речь шла о решении, опирающемся на понимание сложившейся ситуации. А пример с кооперативами, на мой взгляд, прямо противоположный. Наверно, люди, которые готовили Закон «О кооперации», исходили из того, что плановое хозяйство не может эффективно удовлетворять платежеспособный спрос, и если разрешить частнопредпринимательскую инициативу, она начнет заполнять пустующие ниши. Но получилось иначе ...

Ю. П. И все-таки, мне кажется, что если не тогда, то сейчас, Гайдар достаточно уважительно относится к понятию «институциональный анализ». В обсуждаемой нами книге этому посвящено довольно много страниц.

Е. У. Теоретически – да. А практически?

Когда Гайдар описывает, какая ситуация сложилась перед приходом к власти его команды, он вообще игнорирует такое понятие как «институты». Он долго рассуждает о том, что советская власть держалась на двух вещах: на терроре и на монополии внешней торговли. Пишет, что сначала власть высасывала кровь из деревни, использовала рабский труд крестьян. С этим трудно не согласиться. Прав Гайдар и когда говорит о том, что после смерти Сталина стала использоваться государственная монополия на распоряжение общественными ресурсами. Разумная мысль: можно управлять людьми, если есть возможность время от времени им что-то подбрасывать. Затем опять абсолютно верный диагноз: при резком падении цен на энергоносители государство оказалось в катастрофической ситуации – его распределительные возможности резко сузились.

Все правильно, кроме одного: нигде он не упоминает о том, что государство с середины 80-х годов само стало трансформировать экономические институты и терять даже те мало-мальские эффективные рычаги, которые у него были. Ведь это государство разрушило барьер между личным и безличным денежным оборотом, в результате чего деньги резко обесценились, наступил глобальный товарный дефицит. Государство ликвидировало монополию оптовой и внешней торговли и открыло доступ к присвоению перераспределительной ренты всевозможным посредникам. Это оно разрешило на законных основаниях выводить иму-

щество из государственных предприятий в частные структуры. Оно хотело задействовать предпринимательскую инициативу, а на самом деле запустило инициативу всеохватывающего отсоса.

Ю. П. Увы, так было и так, к сожалению, есть и будет – без мажордеров не обошлась ни одна революция, ни одна война. «Не дай вам бог жить в эпоху перемен» – с этого известного заклинания начинается книга Гайдара.

Е. У. Он, как любой человек, свято верящий в собственное мессианство, говорит правду, потому что не может позволить себе врать. Но либо сознательно, либо бессознательно о том, что не укладывается в рамки его правды, он просто не упоминает. И в этой его книге есть вопросы, на которые нет ответов, и есть просто огромные пропуски. Давайте посмотрим по годам. С 1932 по 1970 год описание того, что собой представляла экономика России, отсутствует. Довольно подробный рассказ о военном коммунизме, более-менее разумная характеристика НЭПа, дальше идет коллективизация, а после этого – провал до 70-х годов. Почему? Такое впечатление, что человек либо не думал об этом, либо не знает, либо в рамки его концепции этот период не укладывается. И поэтому он просто предпочитает о нем не говорить. Это лагуна первая.

Далее: 1985–1992 годы представляются так, как будто не было законов о государственном предприятии, о кооперации, положения об акционерных обществах, закона об аренде. Все это просто пропущено. Начинается все с 1992 года, когда Гайдар пришел во власть и когда на магазинных полках ничего не было. А то, что на полках ничего не было, в частности, в результате предшествующих реформ, ни слова. И это человек, который все время говорит об институтах. Десятилетия пропущены! Во втором случае – семь лет, но это те годы, которые разрушили институциональную систему социалистического строя.

Со многим, что говорит Гайдар, трудно не согласиться. Например, с утверждением, что в России основное внимание всегда уделялось заимствованию технологий, а не институтов. Что наши реформаторы всеми силами старались внедрить в стране прогрессивные технологии, не думая о том, что эти технологии создаются с помощью определенных институтов. У него немало очень интересных мыслей. Но, посмотрите, как он, говоря об институтах, ловко обходит возникающие при этом важные и острые вопросы.

Для того чтобы управлять, должны быть ресурсы и институты. Гайдар же, как истинный макроэкономист, почти всегда говорит о ресурсах. Описывая годы индустриализации, он отмечает, что она проводилась за счет выкачивания средств из сельского хозяйства – имеется в виду знаменитый налог с оборота, когда закупочные цены чуть ли не в два раза отличались от цен продажных. За счет чего государство могло держать такой налог с оборота? За счет открытого террора и принуждения, за счет закрепощения крестьян. Об этом он тоже говорит, но как о характеристике советской власти вообще. Однако террор, закрепощение крестьян, рабский труд ГУЛАГа как способ решения хозяйственных проблем характерны не для всего периода советской истории. Характеризуя эпоху после смерти Сталина и отвечая на вопрос, откуда брались ресурсы, он называет нефть, газ и т.д. А какие были институты, которые позволяли

государству с помощью этих ресурсов оказывать влияние на экономику, не обсуждает.

Гайдар не обращает внимания на такую черту советской экономики, как инерционность, более известную под названием «брежневский застой», или «брежневская стагнация». Ведь на самом деле имело место некое равновесное состояние, которое не позволяло нам развиваться, но поддерживало определенный баланс интересов. Равновесие во многих случаях и обеспечивается отсутствием развития. И институты, поддерживавшие это равновесие, существовали. Да, были мелкие и крупные жулики, была организованная преступность и разлагающаяся номенклатура, но была и та институциональная инфраструктура, тот, по выражению Г. Клейнера, «рельеф местности», который обеспечивал движение ресурсов и властных полномочий, согласование интересов участников взаимодействия, процессы простого и расширенного воспроизводства. Реформаторы, пришедшие к власти, не заинтересовались таким простым вопросом: «А что произойдет, если будет разрушен существующий баланс интересов?» Разрушение плохого, само по себе, еще не равносильно созданию хорошего.

Ю. П. Автор предупреждает, что безбрежность проблематики заставляет его максимально ограничивать круг обсуждаемых вопросов.

Е. У. Юрий Дмитриевич, по определению столь любимого Егором Тимуровичем Я. Корнаи, научная парадигма – это не одинаковые ответы, а одинаковые вопросы. Книга Гайдара – не для людей, которые разбираются в экономике.

Ю. П. А почему?

Е. У. А потому, что у людей, которые разбираются, будет возникать множество вопросов, часть из которых озвучила я.

Ю. П. Но Гайдар и говорит о том, что речь здесь идет не о «коротком взгляде», а о «долгом». То есть макроэкономика – это как бы взгляд с высоты птичьего полета, он охватывает всю мировую экономику и пытается найти место России в ней. Автор считает важнейшим результатом своей работы то, что Россия, наконец, вернулась в современный мир. Вот главное, чего он добился. Некоторые утверждали, что происходившие в последние годы положительные сдвиги есть следствие нового курса Путина, а Гайдар убежден, что это результат тех реформаторских новаций, которые закладывались им и его командой.

Е. У. Высота птичьего полета позволяет вам не только очень много вещей не замечать, но и игнорировать причинно-следственные связи. Если бы жизнь общества объяснялась так просто, как это пытается сделать Гайдар, то, наверняка, он не довел бы страну чуть ли не до голода.

Ю. П. Думаю, это слишком сильно сказано, хотя наш уважаемый автор, должно быть, уже привык к упрекам и обвинениям и прямо говорит в своей книге, что не собирается ни в чем оправдываться и ничего объяснять.

Е. У. Но, замечу, объяснять он все-таки пытается, только по-своему...

В чем повезло Гайдару? Ему фантастически повезло с Ельциным, абсолютно не чувствующим ни экономики, ни страны. Наверное, именно

этим можно объяснить тот факт, что он доверил реформировать страну людям, знающим, как должно быть, и не интересующимся тем, как есть. Действительно, с точки зрения полета над гнездом кукушки, это не важно. Летящего над землей не интересуют подробности на земле ...

Ю. П. Мне ваша позиция понятна, но может ли микроэкономист понимать макроэкономиста и наоборот? Ведь всегда можно сказать: «Микроэкономистам нечего здесь делать, у них не те мозги, взгляд слишком “короткий”, слишком узкий, они завязли в своих мелких проблемах и не могут стратегически мыслить».

Е. У. На самом деле, если брать систему ценностей Гайдара и систему ценностей Устюжаниной, здесь больших различий, уверяю вас, нет. Я считаю, что если в России не будет развит полноценный институт частной собственности, то Россия обречена. И то, что происходит сейчас, когда группа чиновников определяет, кому что можно, а кому – нельзя, очень дурной знак.

Я согласна и с гайдаровской критикой социалистической системы, и с его критикой сегодняшних реалий. Мои расхождения с Гайдаром не в том, как он видит прошлое или чего он хочет для России в будущем, а в тех подробностях, которые говорят, как от этого плохого прошлого идти к замечательному будущему. И я пытаюсь сказать, что не шел Гайдар к тому будущему, которое сам себе нарисовал. И если он приписывает себе нынешнюю относительную стабилизацию, то я приписываю ему все те гримасы экономики сегодняшнего дня, которые он критикует.

Именно благодаря реформам 90-х годов у нас нет общественно признанной частной собственности на средства производства. Нет человека, причастного к бизнесу, которого нельзя было бы обвинить в «налоговой оптимизации». Нет экономической свободы. Но есть коррупция. Сервильные суды. И фантастическая дифференциация общества. Мы потеряли худой мир. И нам еще очень далеко даже до доброй ссоры. И это все оттуда. Именно гайдаровские реформы зародили возможность пресловутой управляемой демократии.

Ю. П. Он может ответить вам: «А мне не дали завершить начатое, я не виноват в том, что случилось потом». Он всего лишь восемь месяцев был у руля реформ. Кстати, он не раз говорил, что нельзя ждать и требовать немедленных результатов даже от самых блистательных нововведений.

Е. У. Возразить он, конечно, может. Но тогда он как ученый должен проанализировать, что сделал ошибочно сам и какие ошибки совершили те люди, которые пришли после него. Меня не интересуют оценки «хороший Гайдар», «плохой Чубайс», «замечательный Кудрин», «отвратительный Греф». В данной ситуации эмоциональные оценки мало что стоят. Но он должен ставить разумный диагноз на каждом этапе – что было, должен проводить анализ того, что сделано и к чему это привело. Нет более конструктивного способа познания мира, чем анализ собственных ошибок. Но как раз такого анализа в книге и нет. Уже сколько реформ мы пытались провести с того времени! И все они освещены высокими целями. Вспомните реформу государственных предприятий, приватизацию. Сейчас у нас на подходе реформы образования, науки, культуры, здравоохранения, ЖКХ. Всем здравомыслящим людям очевидно, к каким ка-

тастрофическим последствиям они могут привести в случае неудач. Но ведь, и спотыкаясь, продолжают! Видимо, до тех пор, пока не разобьют все свои носы.

Ю. П. Скорее, все наши ...

Е. У. Да, Гайдар вошел в историю как реформатор, но книга, которую мы с вами обсуждаем, все-таки свидетельство того, что автор не всегда адекватно оценивает историю и себя, даже не свою роль в истории, а просто себя. Вот лично вам, не экономисту, эта книга показалась убедительной?

Ю. П. Как профессиональный книголюб, я не раз спотыкался о книги, которые оказывались мне не по зубам, а значит, требовали серьезной работы. Я бы не отнес книгу Гайдара к их числу, но признаю, что это – совсем не абсолютный критерий ее значимости. Все-таки он стремился, как пишет в предисловии, «сделать ее доступной для любого заинтересованного и образованного читателя». И потом – готовится еще второй том...

Е. У. «Капитал» Маркса, «Закат Европы» Шпенглера, «Долгое время» Гайдара... Действительно, такое удачное, емкое название. И – хорошая публицистика. Есть просто замечательные фразы: «они не хотели строить мосты и дороги, они хотели идти в народ». И яркая мысль в самом конце книги о том, что терроризм – исходит не из бедных стран, а из тех, которые только-только вырвались из бедности. Бедные страны не стабильны не потому, что они бедны, а потому, что стремятся стать богатыми.

Ю. П. Добавлю к сказанному вами еще одну мысль – о М. Горбачеве, который, как замечает Гайдар, «со своими гласностью и перестройкой лишь поднес спичку к готовому вспыхнуть сеновалу». Лучше, пожалуй, и не скажешь. ... Однажды кем-то было замечено: если вы обнаружите в книге хотя бы две яркие, запоминающиеся фразы, эту книгу стоит читать. Мы с вами, не сговариваясь, нашли целых три. Все-таки он действительно пытается понять Россию.

Е. У. Безусловно. Но его всеядность граничит с верхоглядством. Надо же суметь написать книгу такого объема и оставить у читателя ощущение недоговоренности. В общем, что не скажу о книге, все – плохо? Вам не кажется?

Ю. П. Это не плохо, это критично. Будем считать, что таков выбранный нами жанр – свободные размышления вслух. Хаотичность вызванных чтением книги мыслей прямо пропорциональна строгости ее изложения автором.

Е. У. Устойчивое впечатление, что эта книга обо всем на свете... Но торопливо, но легкими мазками. Свысока ...

Ю. П. Думаю, это не так уж и плохо, когда именно что-то, тебя лично интересующее, вызывает или раздражение, или несогласие, или просто желание подумать о том, о чем автор не подумал. Значит, зацепил... Книгу заметили, и это само по себе примечательно.

Е. У. Максим Соколов в журнале «Эксперт» говорит о полемической и публицистической красоте книги. Он считает, что результат соответству-

ет замаху. На мой взгляд, это не совсем так. Я думаю, книга интересна, прежде всего, большим количеством хорошо систематизированного фактического материала, цитат, сносок. Я узнала для себя какие-то новые вещи, новую информацию. Что же касается идей... Я ожидала большего.

Ю. П. И все-таки она побудила нас говорить о себе...

Е. У. Для этого есть, по крайней мере, четыре причины. Во-первых, эта книга претендует дать ответы на вопросы, которые сегодня волнуют многих. И написал ее человек, который сам хорошо образован, плюс на него работает большое число образованных людей, обладающих обширной информацией.

Во-вторых, свой взгляд на эти проблемы высказывает автор наиболее значимых реформ начала 90-х, идеолог либерального направления реформ настоящего времени. Он никогда не скрывал, что либеральное крыло в правительстве и сегодня пользуется его личными идеями и работками его института.

В-третьих, всегда интересно, когда какие-то исторические события комментирует человек, принимавший в них непосредственное, живое участие и во многом влиявший на эти события. В этом смысле роль Гайдара, без проставления знаков «положительно» или «отрицательно», безусловно, чрезвычайно велика.

И в-четвертых. Все перечисленные достоинства, безусловно, являлись стимулами к тому, чтобы мы начали эту книгу читать, но еще не гарантировали того, что мы продолжим это занятие. А поскольку Гайдар еще и прекрасный публицист, то от чтения его труда временами испытываешь чисто эстетическое удовольствие. Это, безусловно, немалое достоинство книги.

Ю. П. Значит, читать все-таки стоит.

Е. У. Я знаю многих оппонентов Гайдара, которые не возьмут эту книгу в руки по принципиальным соображениям. Для них он – злодей, и этим все сказано. По моему мнению, книгу стоит если не читать, то внимательно просмотреть. Любая книга, написанная ученым, ценна не столько теми известными или менее известными истинами, которые он излагает, сколько теми вопросами, которые он ставит.

Правда, к сожалению, публицист и политик довольно часто перевешивает в Гайдаре ученого. Хотя я сознаю, что это, наверное, узкий взгляд на книгу, потому что она предназначена не для ученых, не для его коллег. Он хочет объяснить людям мир, а ученым объяснять мир почти бесполезно.

Наука – это высечение из информации искры открытия, нового видения, а Гайдар, по его мнению, уже все видит. И, лишенный возможности непосредственного действия, реализует себя в качестве проповедника.

Это первый недостаток книги – подмена осмысления объяснением. А второй, не менее существенный, – игнорирование подробностей. При этом он все время мыслит категориями «что было» и «что должно стать». Все-таки гораздо важнее и интереснее ответы на вопросы «что есть?» и «что из этого может получиться?».

Ю. П. Цель книги – на основе опыта мирового развития выявить качественные проблемы. Как вы думаете, удалось автору это сделать?

Е. У. Полагаю, он считает, что удалось. Безусловно, он не стал бы писать книгу, если бы не считал, что нашел ответы на поставленные вопросы. Но меня, как человека, немножко знающего экономику, смущает то, что эти ответы взяты из старых хрестоматий. Претендуя на длинные мысли, Егор Тимурович в то же время продолжает повторять какие-то истины, которые история уже поставила под сомнение.

Ю. П. Он говорит о заблуждениях, в том числе и основоположников марксизма.

Е. У. Мне не хотелось бы обсуждать его критику марксизма, прежде всего, потому что она не его, и он сам это подчеркивает. Кажется, Уленшпигель говорил о том, что карлик, стоящий на плечах гиганта, видит дальше гиганта, но не бьется в его груди гигантское сердце. Мне представляется, что марксизм намного глубже и интереснее того, как он предстает в этой книге.

Ю. П. Как бы вы оценили суждение автора: «время, необходимое для возврата на новый этап траектории, должно быть соизмеримо с продолжительностью аномалии»? Автор явно претендует на открытие нового закона...

Е. У. Я не могу это оценить, поскольку не понимаю, почему так, а не иначе. Даже статистические закономерности – вещь достаточно сложная. Ведь статистика только показывает, что связь существует, но не объясняет почему. Однако для того чтобы говорить о статистических закономерностях, нужны статистически значимые выборки. Здесь же – просто голое утверждение. Игра в числа, которая объявляется законом ... На мой взгляд, восстановление может продолжаться и много быстрее, и много дольше. Тем более, не думаю, что у нас сейчас этап восстановления.

Ю. П. Мне эта мысль показалась интересной, но поразмышлять над ней помешала вдруг вынырнувшая из памяти фраза Бжезинского: «Сколько лет находишься в коммунизме, столько лет из него и выходишь». Неужто знаменитый американец уже прочитал книгу Гайдара?

Е. У. Ответу цитатой из любимого анекдота: «И вы хотите променять такой вопрос на какой-то ответ?»

Editor's Page

Vagif Guseynov

1. A proceeding war in Iraq, change of power structures in Iran, events in Lebanon, the ex-Dutch answer to the uniform Europe, the accruing shaft of the acts of terrorism which have come already up to capital of the Great Britain, became Powerful occasions for years meditations over the future.

2. The Europe as never requires new vision of the European Union. New generations of Europeans consider become outdated many dogmas and concepts on which the union was created and grew.

3. New generations of Europeans consider become outdated many dogmas and concepts on which it was created and the union grew.

4. The history of the Europe is rich with mistakes and even accidents as which reasons absence of political insight of national political elites quite often served. No, and there is a doubt: instead of whether they once again exaggerate the opportunities?

5. The disturbing note concerning the future of the Europe, and all Eurasian continent, is brought with the next severe acts of terrorism this time accomplished in London in July.

6. Today, later almost four years after the beginning of antiterrorist operation, again there is a question: whether the world community is capable to resist to those forces which are guilty of fulfillment of acts of terrorism with the hardest consequences in Moscow and other cities of Russia, in New York and Washington, Madrid and London, in Turkey, India, Iraq and other countries.

7. Iraq, as well as it was predicted by many analysts even prior to the beginning of war, within several years remains center of terrorist displays which intensity unfortunately does not fall down.

8. The world, undoubtedly, became more vulnerable. More and more obvious becomes, that, even possessing huge military potential, neither the USA, nor any other country not in a condition in new circumstances to cope with terrorist threat alone.

Politics

Nikolay Molchanov. YOUTH GRAPES OF WRATH?

1. Subjected to analysis are the specifics of political socialization of higher education students in the country, aged from 18 to 25, representing various cultural and ethnic regions of the Russian Federation – Buryatiya, the Tver Oblast and Moscow.

2. The younger generation, who failed to absorb the purposes and values of the times gone, came to face the vacuum of a kind: the state institutions that were to form certain political values had disappeared. In fact, there is no such phenomenon as purposeful political socialization in the country.

3. The attitude toward authorities is the core of political consciousness. The negative attitude toward institutions of power is a threatening warning, a symptom of a kind.

4. As the analysis revealed, this or that type of attitude to political power was not caused by the ethnic or regional factors only, but also called for socio-psychological, in particular, value orientations.

7. Today the younger people make up that kind of social stratum, inside which the most consistent and deep protest against the policy of self-servicing, of social transmitting one's own positions-in-power is being matured.

[View To Comment](#)

Pavel Gurevich. POLITIZATION OR DEPOLITIZATION?

1. The above analysis revealed imperfections in the youth's political culture, but it also proved, that the most probable grapes of wrath are being matured inside the younger generation.

2. The younger people's social development rather quickly get features of an autonomy, independence and internal dynamics, that leads to some sort of 'rejuvenation' of the culture, i.e. its getting some features peculiar, in main, to the youth — rigidity and pragmatism in deciding social problems, maximalism and haste in decision-making, a certain decrease in the general spiritual and moral standing. Hence, there is quite a civilized recommendation to immediately be involved in the world of politics, to seize the practice and skills of political culture. The more so, when we are speaking of the youth that are going, willy-nilly, to take the responsibility for destiny of the country. Still, is politization the only way out of the present situation, really?

3. There prevails the image of paternalistic authority in the public consciousness of today. The radical devastation of authoritative power during the *perestroika* had given birth to various illusions. Many a politician instantly took the advantages of that and proclaimed himself to be a staunch «statehood-keeper».

4. The youth have a great potential. It is unfair to consider them inert. According to sociologists, 87 percent of rural youth do wish to actively participate in youth public and political organizations, but the latter just have no reach to them, covering no more than 10 percent of population. In fact, the authorities in power want no real political activity of the youth, but their 'virtual' activity. This is the way for bureaucratic committees to form *Going Together* or *Ours*-type organizations, which allow the grandiose show of youth politization to go on.

5. So, 'politization' or 'depolitization'? To successfully develop the country both trends might prove each other's importance in a specific political situation.

Oleg Rozhnov. THE YOUTH POLICY AND YOUTH MOVEMENT IN RUSSIA: 15 YEARS OF CHANGES

1. For the past 15 years, the system of youth upbringing existed in the country has been destroyed virtually in full. The active, rather comprehensive youth policy was replaced with a reactive one, i.e. a certain complex of technologies and means the society and state react with upon the processes in the youth sphere.

2. Obviously, the deep transformations of all spheres of the society's life in the past 15 years did affected youth social movement, that underwent some serious changes in the period of 1991–2005.

3. In early 1990s, the main features of evolution of youth social movement were its decentralization, search and experimenting. Since mid-1990s, the authorities in power started to show some interest in the youth either on the eve or during elections, or in case of any challenges on their part: whenever drug addiction broke out, it would be reacted with the promises of rehabilitation, wherever in the near abroad 'orange moods' were found, they would be met with home-made-in-order guys dressed in T-shirts of different color.

4. The state ceased to be interested in systematic day to day youth upbringing. The youth's own independent public associations had been replaced with technologies of managing the youth electorate, these being more in demand today.

Viewpoint

Igor Illynsky. THE YOUTH AS RUSSIA'S FUTURE IN TERMS OF WAR

1. What does it mean to look at the youth from this point of view? Foremost, it is not a traditional way to viewpoint the youth sociologically, but rather the way to see them through global politics, or, if wish be, in the geopolitical perspective. To do this it is needed to form the youth policy as the prime objective of the nation's development and, hence, as the key problem of the national security.

2. At present, the attitude toward the youth policy in the best way possible meets the goals of the external forces that proclaimed establishing 'the new world order' to be the global and determinative process of world development.

3. The present state of affairs in the world is also specified with the fact that, due to the the-

ory of the open society and artificially accelerated globalization, the actual world repartition occurs, as a rule, bloodlessly, in front of our own eyes, i.e. in process of war, not after it.

4. Combination of home social hardships and outside manipulation of the youth's public consciousness provides enough possibilities to provoke a 'color revolution' with a most active youth participation at any time and in any place — and, primarily, in the capital.

5. The society and ruling power need to comprehend the fact the war of a new type is being waged against Russia, the country is at war: in this war the prime objective and prime aim is the country's population as a whole, but primarily — the children and youth.

6. The nation's spirit needs to be improved. It is needed to raise the belief and hope in the best future for Russia amid the youth. It is necessary to help the youth to realize their historical responsibility for the rescue and future of the country. The youth ought to actively enter into politics, reach for the power. And the elder generations are to actively assist the worthy youth representatives joining spiritual, political and business elites.

Valery Sidorov. THE PHANTOM OF THE 'RUSSIAN IDEA'

1. Abolition of the Communist ideology domination, deep disappointment in reforms and in new promises of bright destiny, the lack of real progress in constructing the civil society made the majority of the population, especially the youth, suffer a deep moral and psychological breakdown, mistrust to the institutions of power.

2. Concern for the future is felt in all strata of the society. To add, there is the notorious hopes for a 'good Tsar' coming, for a heavens-given (instead of earned) better life that are endemic to the Russians patrimonial belief in miracle-working. Yet, to the authorities in power the Russian idea is some sort of changing slogans «For God, Tsar and Fatherland» or «For Homeland, for Stalin» with the like of «For President and Russia». To what degree this is real?

3. Apologists of the 'Russian idea' have the God-chosenness of the Russian people, its special predestination in the mankind's history as a starting point in their pursuit. To them, the key to the national question is preserving the status of supreme sovereign power by the Russian people. The economic basis to protect the supreme power people was chosen to be the sovereignty of Russia, the ideological basis — the Orthodoxy.

4. An enhanced cultivating the idea of particularity of the Russian people has been Achilles' heel of all the Russian history and state ideology.

5. It is not the West only uses double standards in regards to Russia. Inside Russia itself there deeply rooted 'the double standard' in assessing its history. You cannot bring up a civil person, free and self-respecting, a patriot, but not a chauvinist, unless you have the fair, no-politicized, cleared of myths history of your Fatherland.

6. To implement the 'sanitary' program there is no need to connect it in any way either with 'Ouvarov's idea' or with any other formula of the 'Russian idea'. Just because of a simple fact that Russia is not the country of the Russians only, the more so — not of Orthodox believers only. The solution has to be looked for in another dimension. An inspiring example might and ought to be found in the Schreder-Blair Manifest on the perspectives of the Social Democracy. Having published the famous Manifest on 'the third alternative way for Germany and England' ('we are building the market economy, rather than a market society', meaning — rather than a market ideology, too), the two leaders of the prospering countries provided an inspiring concept of development.

National Security

Draghan Dramich (Serbia). THE AL-QUAEDA'S BALKAN NETWORK

1. Since mid-August 2003, radical Islamic leaders enhanced the role of terrorist structures in the Balkans as the key tool in escalating terrorist attacks, planned by them, in the heart of Europe, Israel, and the USA. The purpose of this terrorist campaign is to picture the Baghdad occupation as a breaking point in the epoch-making *jihad* for the future of Islam.

2. It is in Bosnia where the coordination, secrecy and high orderliness of the international Islamic terrorist movement have been revealed in full. Osama ben Laden with the organization of

his represented just one of the several Islamic movements striving for the best strategic position in Bosnia and Herzegovina, that would allow them to penetrate into this part of Europe. The other two strong movements were represented by Iran and Turkey.

3. The numerous so-called humanitarian organizations from the Islamic countries that, while performing usual work to render the humanitarian help, simultaneously served as covers for illegal, criminal and terrorist activities. The Islamic extremists went into hiding and secretly operated under the banners and titles of these organizations in Bosnia and Kosovo. The most of all funding to purchase the weaponry came from Saudi Arabia, then Malaysia, Sudan, Pakistan, Brunei and Turkey.

4. Russia's Minister for Foreign Affairs, Igor Ivanov, confirmed the existence of terrorist communication line along Afghanistan – the Chechen Republic – the Balkans: Russia, he said, is «the object of direct aggression of the international terrorism», and in this aggression «alliance of the Chechen terrorists with their kinds in the Balkans and Afghanistan is obvious».

Lev Nickiforov. Concluding Remarks Upon Translation

Early last May, the international conference on *The Balkans: A Weak Point In Fighting Terrorism* was held in Belgrade by combined efforts of the Institute of Political Studies (Belgrade) and the Rockford Institute (USA). The conference discussed both global problems of terrorism control, and the activities of the terrorist groups in the Balkans, their connections with the organized crime.

Some participants to the conference made a special point on the need of real cooperation between the states in organizing the rebuff to terrorists' schemes. In part, it was emphasized that the Balkans and, especially, commonwealth of Serbia and Montenegro can be of special use to the European Union thanks to their experience in fighting terrorism. It was said also, that for too long time the USA and the European states kept their eyes closed on the problem of terrorism, which by now has become far too big to hide.

Late last June, according to the Serbian and Bosnian media, the CIA Director P. Gos visited Albania, Bosnia and Herzegovina where he discussed, among others, problems of security in the Balkans.

Foreign Affairs

Alexander Rahr (Germany). THE EUROPEAN UNION AND THE EASTERN NEIGHBOURHOOD

1. The European Union has successfully completed its enlargement to Central Eastern Europe. By 2007, almost all former Warsaw Pact "allies" of the ex-Soviet Union will be fully integrated in the EU. The enforced EU is now determined to define and structure its common foreign and defence policy.

2. The territory of the broken up Soviet Union has become, together with the North African states and the Eastern Mediterranean region, the EU's new direct strategic neighbourhood. Particularly the Black Sea and Caspian regions have risen in the strategic significance of the EU. If the EU wants to gain any influence in its strategic eastern neighbourhood it must act without delay with its newly established European Neighbourhood Policy (ENP).

3. The EU's stronger developed strategic approach provoked fears of new geopolitical rivalries in what Russia regarded as its traditional hemisphere – the "near abroad". Russians started to perceive the 2004 EU-expansion as a "threat" to their national strategic interests.

4. The EU's eastern neighbourhood territory has, for the first time since 1991, split into two completely different political entities: Russia, Belarus, Kazakhstan and Armenia with post-communist autocratic regimes on the one side and West-oriented Ukraine, Georgia, Moldova, Azerbaijan on the other side.

5. The U.S., Poland, Romania and the Baltic States have endorsed their support for the political strengthening of the GUAM organisation, which plans to set up a non-Russian energy alliance in the south-east of Europe. This policy may jeopardise the current planning of the classical Russian–EU energy alliance, which is so heavily pushed by a country like Germany.

Svetlana Agaronova (The Republic of Belarus). EUROPEAN UNION'S NEW DEFENSIVE INITIATIVES. REGIONAL ASPECT

1. Building-up the military mechanisms planned to support the EU's diplomatic means, is a consequence of the necessity for a greater responsibility to maintain the EU's own defense.

2. It is regional problems rather than global ones that are the priorities in the European military planning. At that, it is clear, that sooner or later the Unified Europe has to become a global entity not in economical sphere only, but in security sphere as well.

3. The role of newly accepted EU members in development of the military dimension of the European Union is still a problematic issue. It is clear, that the East-European countries would give the priority in their foreign policy to the task not to allow to be brought down to a peripheral role. To do so the East-Europeans have to be in greatest possible way involved in all the EU dimensions.

5. Europe's striving for consolidation would inevitably lead to strengthening and expanding the sphere of Europe's responsibility. The 'new EU' is to play more significant and active role in forming the structural landscape of the European security, having in stock not only military potential, but also a wide range of economic, financial and political levers of governance.

Eberhard Schneider (Germany). UKRAINE'S FOREIGN POLICY UNDER VICTOR YUSCHENKO

1. As President Yushenko stated, the country's foreign policy planning would be exclusive prerogative of the Ministry for Foreign Affairs, rather than the President's Secretariat or the National Security and Defense Council. To the experts, there is insufficient coordination between the state bodies engaged in foreign policy.

2. The basic trends in Ukraine's foreign policy are dictated by its geographical position: the country borders on Russia in the east, and on the European Union in the west.

3. To join the EU and NATO is the chief foreign policy goal for Ukraine. It is easier to gain NATO membership, but it is not as welcomed by the populace, as possible membership in the EU. In Kiev, the euphoria in regards to Europe during first weeks of the Yushenko presidency gave way to a certain sobering up. It became obvious, that admission to the EU would likely be a long process that require to carry out the whole range of radical, and hence unpopular, reforms.

4. A most complicated challenge to the Ukrainian foreign policy is to choose policy line in relations with Russia. Generally speaking, it is more difficult for a Russian to rationally think and talk of Ukraine, than for a Ukrainian – of Russia. Ukraine gets two thirds of its energy resources from Russia. At that, Russia is also dependable upon Ukraine, for some major pipelines for transportation of gas to the Western Europe go through the Ukrainian territory.

5. Supported by the USA, which operates from behind the scene, Kiev tries to activate GUUAM, that is doing things counter to the Russian conceptions and aspirations, and thus to gain leading positions in this organization. President Yushenko is going to make GUUAM organization a competitor to the CIS, at leadership of Ukraine.

7. Upon the change of the regime in Kiev, Ukraine would play the key role in the decision-making on the Transdniester conflict. That would allow Ukraine to control the access to this region from the outside.

Alexey Denisov. ON SOME ASPECTS OF MODERN DEVELOPMENT OF CHINA

1. At present, China has all the well-founded reasons to aspire to the status of the 'locomotive' of the Asian economy and to that of 'the active factor for growth' of the world economy as a whole. At that, in the nearest years to come, China would not make a leap to seriously come closer to the economic and technological level of development already reached by the USA, Japan, or Europe. Technological breaks-through are probable, but the general level of the Chinese economy would remain in the low.

2. Almost two decades of reforming led both to qualitative shifts in the Chinese society and economy, and to unprecedented problems which the leadership of the Peoples Republic of China

had never faced before. Soft spots of the PRC are relative lack of resources and a position of non-member in any influential regional integration grouping. Hence, it is likely to expect China's long-term hyperactivity to either solve or minimize these problems.

3. Today's China plays an important role in the world economy and takes active part in the process of globalization. Nevertheless, its part is still insufficient for the possible (in the coming decade) crisis in China to produce qualitative impact on the world economy as a whole.

4. China's growing economic power and presence in the world market would lead to change in the Chinese foreign policy. In fact, the Chinese policy has already experienced the major overturn to the multilateral approach with the pronounced economic component.

5. Relations with Russia occupy an important place in China's foreign policy. At present, the area of the Russia – China conterminous interests and inter-augmentability in the global economy is wider than the area of their actually or potentially conflicting interests. This gives the solid basis to escalate and diversify both volumes and forms of bilateral cooperation, to inter-act in the course of integration processes in the Eastern and Central Asia.

Economics

Alexander Neckiplov. ROAD TO THE FUTURE

1. Politically, this is a very favorable moment to assess the long-term line of the country's development – the President has entered the second term and just obliged to work 'for the History'. What is needed, in effect, is to choose one among the infinity of roads to the future in accordance with public preferences and available resources.

2. To reveal the public preferences in economic sphere is the function of the market and political system. The market, according to the algorithm of its own, «averages» that portion of individual needs that are due to satisfy our own, so to say, egoistical aspirations. The political system has its task – to take into account, one way or another, that each of us, though in a varied degree, is also interested in the state of the society we are members of.

3. The impression is, the stake is being totally made to perfect market institutions and efficacy of the market mechanism. The most troublesome is the contradiction between the declared strategic tasks and the economic policy that had been carried out to the latest.

4. The country needs non-ideological, pragmatic formulas to pursue its own long-term interests and development the type of economic policy that meets these interests. Meanwhile, we are still in position, when the authorities in power have to correct either the ends, or means to meet them.

Viewpoint

Konstantin Frumkin. STAGNATION BORN BY THE FEAR. ON THE FINANCIAL AND POLITICAL SITUATION IN 2005

1. The Russian Government, as well as all those who took part in making up the federal budget for the year of 2006, came to face a strange paradox: in Russia, there is too little and too much money at the same time. Thus, while having the surplus oil super-incomes, the Government cannot spend money on neither structural development, nor on social reforms, nor on investments.

2. The governmental finances had been jammed into the «scissors» of the parallel effect of the two factors. On the one hand, despite the available incomes, it was impossible to expand a total sum of the State expenditure, for the economy would face an uncontrollable inflation. On the other hand, the Government had undertaken to raise military and social spending. All these obligations were taken by no means by chance, they became the result of quite a certain political situation developed.

3. In the past two years, the country's political leadership experienced strained enough if not how-d'ye-do position caused by sharp deterioration of relations both with the liberal camp inside the country, and the public and political circles abroad.

4. Both 'claws' of inflation and the increased social obligations had their political whys. They are rooted in that overturn that the Kremlin made in the sphere of public policy, in about the past two years.

Commonwealth of the independent states

Sergey Demidenko. THE CENTRAL ASIA: ARE NEW 'COLOR' COUPS TO COME?

1. Upon the collapse of the Soviet Union, the USA began actively pursue the foreign policy line aimed to promote the interests of the American transnational corporations. At that, the strategy named the «Great Middle East» was worked out in Washington, that seek to establish loyal central governments in those Asian and African states which either had no stability or were out of the US control. The USA paid special interest to the energy rich areas – the Middle East (in traditional sense of the term) and the Central Asia.

2. The Central Asia is seen by the United States as a strategic bridgehead, as well as a «reserve» oil and gas field in case the Mid-Eastern deposits run out.

3. For a time-being, the USA examine closely the political situation in the region and try to analyze it. Events in Kirghizia are a fine example to study the negative tendencies in Central-Asian societies, and the way these tendencies might complicate process of 'modernization' of the local political regimes. At that, the possibility of Islamization of the Central-Asian states is seen as especially dangerous occurrence vis-a-vis the weakness of secular opposition, on which the USA put its stake in these states.

4. It is most likely, the Americans will start their 'democratization' activities in the period of power changing in the countries of the region, when old leaders, due to health deterioration, will have to leave the political arena, and when the struggle between their successors will reach its utmost.

5. The US more active behavior in the Central Asia will lead to new challenges to Russia's security (increased flow of illegal immigrants, strengthening the positions of drug mafia, and growth of influence of radical Islam). So, Moscow ought to be ready to ward off any threats to its southern borders that might arise in parallel to the US promoting its influence in the Central Asia.

Publications

Unlearned lessons

Afrand Dashdamirov. THE KARABAKH CONFLICT IN THE CONTEXT OF *PERESTROIKA*

1. The twentieth anniversary of the *perestroika* (reconstruction), closely tied to the name of M.S. Gorbachov, who came to head the CPSU in March 1985, once again returns us to pointless discussions and contradictory assessments on the *perestroika*'s historical role and its outcomes.

The *perestroika* has liberated the multinational society, but at the price – it ruined the single political space. It was the national problem upon which it stumbled, the history of the Karabakh conflict being convincing testimony of how the conflict has buried the plucked national policy of *perestroika*, having discredited its pseudo-democratic character.

2. Some vague unrest brooding among the Armenian population of the Nagorny Karabakh Autonomous Oblast (NKAO) reached a critical point and, as if on command, splashed out in the streets of Stepanakert. Since that moment, meetings, demonstrations, strikes under the categorical slogans of separation from Azerbaijan, with some brief breaks, took place for the whole of 1988, gradually drawing all the adult Armenian and Azerbaijan population of the Oblast into interethnic confrontation.

3. Events in the town of Sumgait in the winter of 1988 made crystal clear a major feature of the regional ethno-political situation – the rampant conflict turned Azerbaijan and Armenia into a pair of communicating vessels. However, despite of single attempts, the sides proved not to be ready to really co-operate for the sake of their own peoples. The Kremlin had no possibility or wish to help.

4. It was the first time when the Kremlin leadership came to face an open conflict between two Union Republics, and the *perestroika* lofty phrases on democracy, *glasnost* (freedom of speech), freedom of self-determination fed back against the very ruling power and its policy of reconstruction.

Alexander Tsipko. FAREWELL TO SOCIALISM

«Even now, when everything has become clear to everybody and every thing has taken the place of its own, the West is still unable to realize the most important thing. Since the very beginning of the *perestroika*, indeed since 1988, the Communist Party of the Soviet Union Central Committee Apparatus (Stuff) were more anti-Communist, than the opposing them intelligentsia, among whom the 60snics ('people of the 1960s') were in the lead. The Party staffers were anti-Communists, the Whites, at least, in potential. If it were not so, we would have not witnessed that instant, quick changing sides – from one of the Reds to another of the Whites – by the 'Party apparatchiks' in all the Republics, that transition from the Marxism-Leninism to the National anti-Communism. Kravchuk is by no mean an exception. The present Yeltsin's team did went the same way from Stuff-bound Communism to Stuff-bound anti-Communism, did they not?

«I could not and still cannot comprehend the people, claim themselves intelligent, who see the revolution, that is the explosion of the Russian patriarchal life in some Orekhovo-Zuyevo or in Murom, or in Zvenigorod, the big bang that ruined the orderly way of life with its sturdy stone houses, as the Feast in History, who feel no pain whatsoever, who have no pity to the destruction of that old, but live Russia. I cannot comprehend those clever, educated people who are still more favorable to Marx, the theorist of destructions and the class struggle, than to that live culture, to that live life that perished here, in Russia, during the Bolshevik revolution».

«Even then, in the summer of 1988, I felt, believed the time had come, the society had become ready to give up the Marxist ideology, to give up the lie that we lived with for the seventy years; it had become possible, I believed, for everyone to smoothly, without upheavals stand for salvation of the Fatherland. I had a hope, that it would make no trouble to stitch *perestroika* with the ideology of restoration of Russia, of solvating the 1000-year-old state which had come to a critical point. Nowadays, I am free to tell what I could not tell all these years both to the Western and Soviet journalists. I had all the reasons to believe, to hope, that Gorbachev would soon cease to recite his praying for 'more Socialism, more Democracy' and, following the country, would make another important, not the last but still important, step aside from the Marxism».

Notes on a Book's Margins

Yegor Gaydar. *The Long Time. Russia in the World. Essays on Economic History.*

«He who flies above the earth has no interest in particulars on the earth ...»

The new book by Yegor Gaydar is discussed by writer *Yury Poroikov*, Ph.D., and *Yelena Ustyuzhanina*, candidate degree in economics holder.

Yu.P.: The author of book warns, that the subject boundlessness has made him to per maximum limit the range of issues to be discussed.

Ye.U.: You see, according to the definition by Yanush Kornai, who is so close to Egor Timurovich's heart, it is identical questions that makes up a scientific paradigm, not identical answers. Gaydar's book is not a reading to those who come to know the particulars of the economics.

Yu.P.: Why so?

Ye.U.: Because the people who know the particulars would ask questions, some of which I've already asked.

Yu.P.: But, as Gaydar himself claimed, the book's subject based not upon 'a close look', but upon a 'long' one. That is, the macroeconomics is some sort of a look from the height of a bird's flight – he grapes the whole of world economy and tries to find out the place for Russia in it. The

author sees the most important result of his work in the fact, that Russia had returned to the contemporary world, at last. That is the chief achievement he has succeeded in. Some people claim, that the positive shifts of the latest years are the results of a new policy pursued by Putin, though Gaydar believe those have to be the outcome of the reformatory innovations laid down by him and his team.

Ye.U.: Bird flight height let you not only overlook a lot of things, but also to ignore cause-and-effect relations. If one could explain the life of the society as easy as Gaydar tried to, then, for certain, he would have not brought the country almost on the brink of famine.

Ju.P.: To me, it is too strongly put, though the esteemed author must be got used to reproaches and charges already. He is quite open in his book in saying he is not going to justified anything, nor to explain anything.

Ye.U.: Well, I just want to point at his trying to explain something – but in his own way..

What Gaydar was lucky in? He was fantastically lucky in having Yeltsin, who command absolutely no feeling either of the economy, or of the country. This might be the very reason to explain the fact he entrusted to reform the country to the people who knew how the things should be and paid no heed to how they were in real. Indeed, from the point of view of flying over a cuckoo's nest, that was of no importance. He who flies above the earth has no interest in particulars on the earth...

ОБ АВТОРАХ

Агаронова Светлана Ивановна (*Республика Беларусь*), специалист Аналитического центра «Стратегия».

Гуревич Павел Семенович, доктор философских наук, доктор филологических наук, профессор, заведующий сектором Института философии РАН, заведующий кафедрой психологии Московского государственного университета технологий и управления, заведующий Клиникой глубинной психологии.

Президент Московской межрегиональной психоаналитической ассоциации, один из учредителей и член бюро Российской психоаналитической ассоциации, вице-президент Академии гуманитарных исследований, действительный член Нью-йоркской академии наук.

Специалист по философской антропологии, глубинной психологии, философии культуры и современной западной философии. Постоянно печатается в центральных газетах и журналах, автор ряда школьных и вузовских учебников, многочисленных монографий, в том числе: «Философская антропология» (2001), «Основы философии» (2002), «Культурология» (2003), «Психология» (2004).

Гусейнов Вагиф Алиовсатович, директор Института стратегических оценок и анализа, главный редактор журнала «Вестник аналитики».

Дашдамиров Афранд Фирудинович, доктор философских наук, профессор кафедры национальных и федеративных отношений Российской академии государственной службы при Президенте РФ, академик Национальной академии наук Азербайджанской Республики, академик Международной общественной академии педагогических и социальных наук. Автор 15 книг и монографий, около 200 публикаций. В последние годы вышли: «Национальная идея и этничность: азербайджанская идея в этнокультурном интерьере» (М., 1996; Баку, 2001), «Идеологические проблемы межнациональных отношений» (Баку, 2001).

В сферу научных интересов входят социально-философские, политологические, этнопсихологические проблемы национального развития и межнационального, межэтнического взаимодействия.

В 1970–1981 годах — заведующий кафедрой философии Бакинской высшей партийной школы, заведующий отделом теоретических проблем национальных отношений Института философии и права АН АЗССР. В 1981–1991 годах — заведующий отделом ЦК, секретарь ЦК Компартии Азербайджана.

Демиденко Сергей Владимирович, кандидат исторических наук, сотрудник Института стратегических оценок и анализа, специалист по сепаратистским и экстремистским движениям на Ближнем Востоке и в Центральной Азии.

Денисов Алексей Петрович, заместитель директора Института стратегических оценок и анализа.

Драич Драган (*Сербия*), публицист, занимающийся исследованием проблем борьбы с терроризмом.

Ильинский Игорь Михайлович, ректор Московского гуманитарного университета, президент Национального союза негосударственных вузов, президент Союза негосударственных вузов Москвы и Московской области. Доктор философских наук, профессор, академик Российской академии гуманитарных наук, Российской академии естественных наук, Военной академии и ряда других. Член Совета по делам молодежи при Президенте РФ (1995–1999), член коллегии Государственного комитета РФ по делам молодежи (1995–1999), член Коллегии по аттестации и аккредитации высших и средних профессиональных заведений Министерства образования РФ, член Совета Всемирного русского народного собора.

Области научных исследований: философия и социология образования, глобалистика и глобализация, теоретические аспекты социологии молодежи и молодежного движения. В России и за рубежом опубликовано более 450 работ общим объемом свыше 500 печатных листов, в том числе 18 книг и 12 брошюр. Основные научные труды последних трех лет: «Молодежь и молодежная политика» (М., 2001), «Образовательная революция» (М., 2002), «Негосударственные вузы России: опыт самоидентификации» (М., 2004), «Путь к успеху» (М., 2004). Награжден орденом Дружбы (1996), орденом Почета (2001), многими медалями СССР, России и зарубежных стран, знаками Министерства образования РФ: К.Д. Ушинского «За заслуги в области педагогической науки» (1996), «Почетный работник высшего профессионального образования», «Почетный работник сферы молодежной политики», лауреат премии Ленинского комсомола в области науки.

Молчанов Николай Викторович, кандидат психологических наук, политолог. Учился на кафедре социальной психологии психологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, работает в отделе корпоративных исследований Фонда аналитических программ «Экспертиза».

Некипелов Александр Дмитриевич, профессор, академик, Вице-президент Российской академии наук, директор Московской школы экономики МГУ имени М.В. Ломоносова.

Никифоров Лев Александрович, чрезвычайный и полномочный посланник. Работал в Министерстве внешней торговли СССР, в аппарате ЦК КПСС и в Министерстве иностранных дел СССР. Многие годы занимается изучением югославской проблематики, участвовал в развитии отношений нашей страны с Югославией. Автор ряда статей и брошюр.

Поройков Юрий Дмитриевич, кандидат философских наук, первый заместитель главного редактора «Вестника аналитики». Работал в комсомольских и партийных органах, главным редактором журнала ЦК ВЛКСМ «Молодой коммунист», первым заместителем главного редактора «Литературной газеты», первым заместителем генерального директора ИТАР-ТАСС. Член Союза писателей, автор ряда прозаических, поэтических и публицистических книг. Лауреат премии Ленинского комсомола в области журналистики. Заслуженный работник культуры Башкортостана и Российской Федерации.

Рар Александр (Германия), живет в Берлине, является директором программ по странам Восточной Европы и возглавляет в Фонде Корбера подразделение по исследованиям России и СНГ при Германском обществе внешней политики (ГОВП).

Получил образование историка и политолога в Мюнхенском государственном университете. Начал карьеру как соавтор проекта «Советская элита» в Федеральном институте стран Восточной Европы и международных исследований в Кёльне (1977–1982). С 1982 по 1994 год работал аналитиком в Научно-исследовательском институте при Радио «Свобода/Свободная Европа» в Мюнхене. В эти же годы был политическим консультантом корпорации «Рэнд» и Совета Европы. В 1990–1991 годах работал консультантом в Верховном Совете СССР и в Институте исследований вопросов безопасности Востока и Запада в Нью-Йорке. С 1994 по 1995 год возглавлял проект «Развитие российско-украинских отношений» при ГОВП. Работал комментатором на немецком телевидении и радиостанциях.

Автор ряда монографий и статей, посвященных взаимоотношениям с Советским Союзом, Россией и бывшими республиками СССР. Автор книг о В. Путине (2000, русское издание – 2001) и М. Горбачеве (1986).

Рожнов Олег Александрович, в 1991 году окончил исторический факультет Ярославского государственного педагогического института. Работал преподавателем кафедры политической истории. В 1993 году был принят на работу в отдел безопасности и борьбы с коррупцией Федеральной службы налоговой полиции. В 1998 году с отличием окончил Дипломатическую академию МИД России.

С октября 1997 года начал работать на общественных началах в Общероссийской общественной организации Российский союз молодежи (РСМ). В июле 1998 года утвержден руководителем экономических программ ЦК РСМ, в сентябре 1998 года избран Секретарем ЦК РСМ, курировал социально-экономические программы, экономическую и финансово-хозяйственную деятельность.

С февраля 2002 года — Первый секретарь ЦК РСМ, с июня 2003 — Председатель Российского союза молодежи.

Сидоров Валерий Анатольевич, советник Российского союза промышленников и предпринимателей. Окончил Ленинградский военно-механический институт, аспирантуру Ленинградского государственного университета имени Жданова, кандидат экономических наук. Работал в ЦК КПСС, Верховном Совете СССР, Аппарате Президента СССР. С 1991 по 1994 год — директор Российского союза промышленников и предпринимателей, затем — вице-президент АФК «Система». Имеет более 100 публикаций по экономике труда, политологии и социологии.

Устюжанина Елена Владимировна, кандидат экономических наук, председатель Совета директоров консультационной компании «АСК-Центр», ведущий научный сотрудник Центрального экономико-математического института РАН, доцент кафедры институциональной экономики Государственного университета управления. Автор двух монографий и более 50 научных и публицистических статей. Ведет курс «Корпоративные финансы и корпоративное управление» программы MBA ГУУ.

Фрумкин Константин Григорьевич, закончил Финансовую академию при Правительстве РФ, работает в экономической журналистике, в настоящее время — обозреватель отдела экономической политики газеты «Известия». Занимается также философией и культурологией, автор двух книг и нескольких десятков социально-философских и культурологических статей, опубликованных в журналах «Знамя», «Дружба народов», «Свободная мысль», «Философские науки» и др. Кандидат культурологии.

Шнайдер Эберхард (Германия), доктор, профессор Немецкого института международной политики и безопасности Фонда науки и политики в Берлине, а также профессор политологии в Университете Зиген. Аккредитован при Министерстве иностранных дел РФ в качестве корреспондента. С 1966 года и до его роспуска в 1970 году — сотрудник Института по изучению СССР в Мюнхене от Комитета «Радио Свобода». С 1976 года до его роспуска в конце 2000 года — сотрудник Федерального института международных исследований науки о Востоке в Кёльне. В 1971—1976 годах — референт по Восточной Европе в Международном институте политики и экономики в Гамбурге. Автор ряда публикаций, в том числе монографии «Российская политическая система», изданной на немецком и русском языках.

Ципко Александр Сергеевич, главный научный сотрудник Института международных экономических и политических исследований (ИМЭПИ) РАН, политический обозреватель «Литературной газеты», доктор философских наук. Окончил философский факультет (1968) и аспирантуру МГУ имени М.В. Ломоносова (1972). Работал в газете «Комсомольская правда», в отделе пропаганды ЦК ВЛКСМ, в журнале «Молодой коммунист». С 1972 года — старший научный сотрудник, руководитель группы, заместитель директора Института экономики мировой социалистической системы АН СССР (впоследствии — ИМЭПИ РАН). В 1978—1980 годах — доцент Института философии и социологии Польской академии наук, 1986—1990 — консультант отдела ЦК КПСС, 1992—1993 — профессор Университета г. Хоккайдо (Япония), 1993—1995 — директор научных программ Горбачев-фонда, 1995—1996 — профессор Вудро Вильсон-центра (США). Редактор приложения к «Независимой газете» «НГ-сценарии» (1996—1998), директор центра стратегических исследований Московского фонда президентских программ (1998—1999). Автор ряда монографий и более 100 научных статей.

Svetlana I. AGARONOVA (*The Republic of Belarus*), the Analytical Centre “Strategy”.

Afrand F. DASHDAMIROV, Dr. Sc. (Philosophy), the professor at the National and Federal Relations Chair, the RF President’s Russian Academy of State Service; Academician, the Azerbaijan Republic National Academy of Sciences; Academician, the International Public Academy of Pedagogical and Social Sciences. Authored 15 books and monographs, and 200 scientific works. Recent publications include *the National Idea and Ethnhood: the Azerbaijan Idea in an Ethno-Cultural Interior* (M., 1996; Baku, 2001), the *Ideological Problems of the Interethnic Relations* (Baku, 2001).

Sphere of scientific researches includes social and philosophical, politological, ethno-psychological problems of national development and interaction between nations and ethnic groups.

In 1970–1981, headed the Philosophy Chair of the Baku Higher Party School, the Department of Theoretical Problems of National Relations at the Azerbaijan SSR Academy of Sciences Institute of Philosophy and Law. In 1981–1991, was the Department Head, Secretary of the Communist Party of Azerbaijan Central Committee.

Sergey V. DEMIDENKO, Cand. Sc. (History), researcher at the Institute of Strategic Studies and Analysis. Expert on separatist and extremist movements in the Middle East and the Central Asia.

Alexei P. DENISOV, Deputy General Director of the Institute of Strategic Studies and Analysis.

Draghan DRAMICH (*Serbia*) is a publicist analyzing problems of terrorism control.

Konstantin G. FRUMKIN, M.A. (Culturology), graduated from the RF Government’s Financial Academy, active in economical journalism; at present, columnist at the *Izvestiya* newspaper’s economical policy section. Engaged in philosophical and culturological studies, authored two books and tens of social-philosophical and culturological essays in publications such as the *Znamyia*, *Druzhba Narodov*, *Svobodnaya Mysl*, *Filosofskiy Nauki* etc.

Pavel S. GUREVICH, D. Sc. (Philosophy), D. Sc. (Philology), professor, Sector Head at the RAS Institute of Philosophy, Head of the Psychology Chair at the Moscow State Institute of Technologies and Management, Chief of the Deep Psychology Clinic.

Is President of the Moscow Inter-Regional Psychoanalytical Association, one of the founders and Bureau member of the Russian Psychoanalytical Association, Vice-President of the Academy of Humanitarian Studies, Full Member of the New York Academy of Sciences, of the International Informatization Academy, Academician of the Russian Academy of Natural Sciences.

Fields of research include philosophical anthropology, deep psychology, philosophy of culture and modern Western philosophy. Is permanently present in the academic publications and national media, authored some high school and university textbooks, numerous monographs, including *The Philosophical Anthropology* (2001), *The Foundation of Philosophy* (2002), *The Culturology* (2003), *The Psychology* (2004).

Vagif A. GUSEYNOV, director of the Institute of Strategic Studies and Analysis and editor-in-chief of the periodical *Analytical Messenger*.

Igor M. ILLYNSKY, D.Sc. (Philosophy), Rector, the Moscow Humanitarian University, President, the National Union of Non-Government Institutions of Higher Education of Moscow and the Moscow Oblast. Full-fledge member of the Russian Academy of Liberal Arts, the Russian Academy of Natural Sciences, Military Academy and some others.

Held membership in the President of the Russian Federation Council on youth matters, in the Board of the Russian Federation State Committee of youth matters (1995–1999). Holds membership in the Board on Certifying and Accrediting the Institutions of Higher and High Vocational Education at the Russian Federation Ministry of Education, and the Board of the World Russian

National Synod. Does scientific researches in philosophy and sociology of education, global studies and globalization, theoretical aspects of sociology of youth and youth movement. In Russia also it is abroad published. Authored over 450 works, including 18 books and 12 booklets, published in Russia and abroad. The principal publications in the past three years are as following – The Youth and Youth Policy (M., 2001), The Educational Revolution (M., 2002), The Non-Government Institutions of Higher Education in Russia: The Experience of Self-Identification (M., 2004), The Way to Success (M., 2004). Awards: the Order of Friendship (1996), the Order of Honor (2001), numerous medals of the USSR, Russia and foreign states; decorations of the Russian Federation Ministry of Education – the K.D. Ushinsky medal For Merits in the Pedagogical Science (1996), the titles of the Honored Worker of the Higher Vocational Training, and the Honored Worker in Youth Policy; the Winner of the Lenin Komsomol Prize (in sciences).

Nikolay V. MOLCHANOV, Cand.Sc. (Psychology), politologist. Completed postgraduate courses at the Social Psychology Chair, the Moscow State University Psychological Department; employee at the department of corporate researches, the Expertiza analytical programs Foundation.

Alexander D. NECKIPELOV, Professor, Academician, Vice-President, the Russian Academy of Sciences; Director, Moscow School of Economics at the M.V. Lomonosov Moscow State University.

Lev A. NICKIFOROV, the Envoy Extraordinary and Plenipotentiary. Was employed by the USSR Ministries for Foreign Trade and for Foreign Affairs, work in the stuff of the Communist Party of the Soviet Union Central Committee. For many years has been studying the Yugoslavian problems; took part in developing the relations between this country and Yugoslavia. Authored a number of articles and booklets.

Yury D. POROIKOV, Ph.D., the First Deputy Editor-in-Chief, *Vestnik Analitiki* bulletin. Made a career in the Young Communist League and Communist Party stuffs, held the post of the chief editor of the YCL Central Committee *Molodoy Kommunist* magazine, the first deputy chief editor of the *Literaturnaya Gazeta* newspaper, the First Deputy General Director of the ITAR-TASS news agency. Member, the Union of Writers, authored some books of prose, poetry and publicism. The Lenin Komsomol Award in Journalism holder. The Honored Worker in Culture of Bashkortostan and the Russian Federation.

Alexander RAHR (*Germany*) is living in Berlin, holds position of Program Director on the East European countries and heads Russia and the CIS Studies in the Corber Fund at the German Society for Foreign Policy (GSFP).

Graduated from the Munich State University as a historian and politologist. Undertook career-launching project as co-author of the *Soviet Elite* research in the Federal Institute of the East European Countries and International Studies in Cologne (1977–82). In 1982–1994 was employed as an analyst in the Radio Freedom/Free Europe Scientific Research Institute in Munich. In the same years did political consultancy jobs for the RAND corporation and the Council of Europe. In 1990–1991, was a consultant to the USSR Supreme Soviet and the Institute of East-West Security Studies in New York. In 1994–95 headed the *Developing Russian-Ukrainian Relations* project at the GSFP. Was an anchor-man on German TV and radio stations.

Authored some monographs and articles on relations with Soviet Union, Russia and the former USSR republics. Published books on V. Putin (2000, the Russian edition – 2001) and M. Gorbachev (1986).

Oleg A. ROZHNOV was graduated from the Yaroslavl State Pedagogical Institute (Department of History), in 1991. Upon graduation, was a lecturer at the Political History Chair. In 1993, was employed by the Security and Corruption Control Department of the Federal Tax Police Service. In 1998, completed studies with distinction at the RF Ministry for Foreign Affairs Diplomatic Academy.

In October 1997, took public position in the *Russian Youth League* all-Russia public organization (RYL). In July 1998, was appointed the head of economic programs of the RYL Central Committee. In September 1998, was elected the Secretary of the RYL Central Committee. In September 1998 – February 2002, supervised socio-economic programs, economic and financial and economical activities in the RYL Central Committee.

In February 2002, was elected the First Secretary, the RYL Central Committee; in June 2003, became the Chairman, the Russian Youth League.

Dr. Eberhard SCHNEIDER (*Germany*), the professor at the Science and Policy Fund German Institute of International Policy and Security in Berlin, as well as the professor in political science at the Zigen University. Accredited at the RF Ministry for Foreign Affairs as a correspondent. Employee at the *Radio Freedom* Committee Institute of the USSR Studies, since 1966 till the Institute's dissolution in 1970. Employee at the Federal Institute of International Studies on East in Cologne, since 1976 till the Institute's dissolution late in 2000. In 1971–76 held position of a reviewer on the East Europe at the International Institute of Politics and Economics in Hamburg. Authored some publications, including monograph on *The Russian Political System*, published both in German and in Russian.

Valery A. SIDOROV, Cand. Sc. (Economics), the adviser to the Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs. Graduated from the Leningrad Military Mechanical Institute, completed postgraduate course at the A.A. Zhdanov Leningrad State University. Was staff-employee at the CPSU Central Committee, the USSR Supreme Soviet, the USSR President's Staff. In 1991–94 – Director of Russian Union of Industrialists and Entrepreneurs, then – Vice-President of the Systema JS Financial Corporation. Authored over a hundred publications on economics of labor, and various problems of political science and sociology.

Alexander S. TSIPKO, principal research fellow in the Institute of International Economic and Political Studies (IMEPI) of the Russian Academy of sciences, political observer in the "Literaturnaya gazeta", doctor of philosophical sciences. Graduated from the philosophical faculty and the post graduate course of the Moscow University. He worked in the newspaper «Komsomolskaya pravda», the propaganda department of the Central Committee of the Youth Organisation of the USSR (Komsomol), the journal «Molodoy kommunist». Since 1972 he was a senior research fellow, head of a subdivision, deputy director of the Institute of Economy of the World Socialist System of the Academy of sciences of the USSR (later IMEPI). In 1978–1980 worked as a senior lecturer of the Institute of Philosophy and Sociology of the Polish Academy of sciences, in 1986–1990 adviser of a department in the Central Committee of the CPSU. In 1992–1993 he was professor in the University of Hokkaido (Japan), in 1993–1995 director of the scientific programs in the Gorbachev-fund, in 1995–1996 professor in the Woodrow Wilson Center (USA). Editor of the supplement to the «Nezavisimaya Gazeta» newspaper «NG-scenarios» in 1996–1998, director of the Center of strategic studies in the Moscow Fund of Presidential Programs in 1998–1999. Author of a number of books and more than 100 scientific articles.

Yelena V. USTYUZHANINA, Cand. Sc (Economics), Chairperson, Board of Directors of the ASK-Center consulting company, the chief researcher at the Russian Academy of Sciences Central Economics&Maths Institute, the associated professor at the Institutional Economics Chair of the State University of Management (SUM). Authored two monographs and over 50 scientific and popular works. Lecturing the course in the Corporate Finance and Corporate Management for the SUM MBA programs.

Верстка
Татьяна АСТАХОВА

Проверка и корректура
Инна ЛЬВОВА

Перевод с английского
Владимир МИСЮЧЕНКО

Издание зарегистрировано в Министерстве РФ
по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
Свидетельство о регистрации ПИ № 77-5981 от 22 декабря 2000 года

Адрес редакции:
109004, г. Москва, ул. Б. Коммунистическая, д. 40/14, стр. 1
Телефоны: (095) 911-97-78, (095) 912-39-88
Факс: (095) 911-92-77
www.isoa.ru
E-mail: issa@uail.ru
info@isoa.ru

Тираж 1500 экз.
Цена свободная

Подписано в печать 17.08.05. Формат 60х90¹/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Newton».
Печ.л. 16,5. Заказ №
Отпечатано в филиале «Типография им. Скворцова-Степанова»
ФГУП Изд-во «Известия» УД П РФ
127994, ГСП-4, г. Москва, К-6, Пушкинская пл., д.5

**Подписаться и приобрести
отдельные номера журнала
«ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ»
можно в редакции
Тел.: 912-39-88, 911-97-78
электронная почта: issa@umail.ru**

**Подписные индексы издания
в Объединенном каталоге
«Пресса России» – 44351, 44339.
Электронный адрес подписки в Интернете:
www.presscafe.ru**

*** * ***

ПОДПИСКА НА «ВЕСТНИК АНАЛИТИКИ» ЗА РУБЕЖОМ:

через ЗАО «МК-Периодика» или фирмы-партнеры:
тел.: +7 095 681-91-37, 681-97-63;
факс: +7 095 681-37-98.
E-mail: info@periodicals.ru
<http://www.periodicals.ru>

SUBSCRIPTION TO *VESTNIK ANALITIKI* ABROAD

Via MK-Periodika or its partners:
Tel.: +7 095 681-91-37, 681-97-63;
fax: +7 095 681-37-98
E-mail: info@periodicals.ru
<http://www.periodicals.ru>